



ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
26	6 сверху	низкие	низшие
36	14 »	14 тыс.	4 тыс.
58	6 »	χιῆ	χιῆ
138	14 »	Хрисофир	Хрисохир
194	8 »	1937	1897
200	16 снизу	Кулеова	Кулеона
223	примеч.	Τὰ σωζόμενα	Τὰ σωζόμενα

М. В. Левченко «История Византии». Заказ № 103.

9/М/03  
138

М. В. ЛЕВЧЕНКО

# ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

краткий очерк

Российский Инн культурного  
и народного наследия  
Библиотека

~~СЕРВИС~~

ОГИЗ  
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО  
Москва \* 1940 \* Ленинград

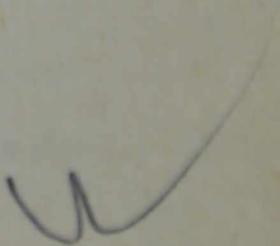
~~1231~~

З

БИБЛИОТЕКА  
79

«История Византии» М. В. Левченко является попыткой дать систематический марксистский очерк внутренней истории этого государства, начиная с последних дней Римской империи и кончая гибелью Византии в 1453 г. В работе М. В. Левченко также освещается проблема русско-византийских отношений и в частности вопрос о влиянии Византии на формирование древнейшей культуры многих народов СССР.

«История Византии» представляет собой пособие для студентов и преподавателей вузов, а также и для самообразования.





## ВВЕДЕНИЕ

История Византии не изучалась русскими историками-марксистами. Причины этого понятны. Известно, какое значение эта отрасль истории имела при царизме, особенно в последние годы его существования. Византиноведческими проблемами занимались четыре духовных академии, был организован археологический институт в Константинополе, издавалось два исторических журнала специально по истории Византии, начали учреждаться отдельные кафедры по этой отрасли при университетах. Царизм, как известно, никогда не отличался любовью к свободному научному исследованию. Наоборот, он его всегда давил и душил, а если он и способствовал до известной степени изучению истории Византии, то отнюдь не в интересах свободного научного исследования. Русское византиноведение, особенно благодаря деятельности таких крупнейших ученых, как академики Васильевский и Успенский, дало ряд ценных для науки результатов, но в общем оно велось в определенном направлении и было нужно царизму как необходимая составная часть в раскрытии и пропаганде его официальной программы, выражавшейся в знаменитой формуле: «самодержавие, православие, народность»; эта работа была также нужна русскому самодержавию, претендовавшему на роль наследника византийских императоров, для идеологической подготовки захвата Константинополя и проливов.

Нужно отметить, что русские византилисты по мере сил способствовали осуществлению поставленных перед ними задач. Лучшим доказательством этого является то, что огромное большинство этих византилистов не приняло Великой Октябрьской социалистической революции и предпочло в качестве белоэмигрантов (Вернадский, Кондаков, Острогорский и ряд других) способствовать созданию реакционно-буржуазной истории Византии, издавая специальные журналы по византиноведению за границей.

Великая Октябрьская революция решительно порвала с империалистической политикой царизма. Она также решительно расправилась с пережитками византинизма в политическом строе и культуре нашей страны. Естественно, сделалась ненужной и навсегда отпала и значительная часть той тематики, которой занималось русское дореволюционное византиноведение, обслуживая задания царизма.

Но это отнюдь не значит, что трудящиеся массы нашей страны не заинтересованы в научном, марксистском изучении истории византийского общества и государства. Тов. Димитров указывал на VII конгрессе Коминтерна, что в борьбе с буржуазной идеологической заразой всякий важный вопрос не только настоящего и будущего, но и прошлого всего человечества и отдельных стран представляет интерес для пролетариата.

К этой борьбе тов. Димитров призывал историков-марксистов. А изучение истории Византии, несомненно, является важным историческим вопросом. Никто не станет отрицать, что в период раннего средневековья Византийское государство играло крупнейшую роль в истории западной и восточной Европы, а также передней Азии. Нельзя забывать, что было время, когда некоторые части территории нашего Союза, как, например, Крым, Армения, Грузия, в той или другой своей части, непосредственно входили в состав Византийского государства, что те же Грузия и Армения, а также Киевская и Московская Русь подвергались длительному и мощному воздействию византийской культуры. Как известно, христианство было принято Русью от Византии. «Вместе с христианством славяне получили письменность и некоторые элементы более высокой византийской культуры».<sup>1</sup> Ясно, что трудящиеся массы нашей страны вправе заинтересоваться историей Византийской империи, а советский историк должен удовлетворить этот интерес и дать научную историю Византии, построенную на основе марксистско-ленинской методологии.

«Византийский вопрос» в буржуазной историографии разбирается уже давно и переживает любопытную эволюцию. Буржуазная историческая наука на западе, напуганная пролетарской революцией, склонна все выше расценивать роль средневековой Византии как оплота культуры, порядка, законности.

В этом отношении любопытно сравнить характеристику Византии в буржуазной историографии XVIII—XIX вв. с ее характеристикой буржуазными историками эпохи всеобщего кризиса капитализма. Идеологи буржуазии XVIII века Монтескье и Вольтер с величайшим презрением характеризуют византийскую историю, как самый затхлый, ужасный участок эпохи средневекового варварства, как «позор для человеческого ума». С особенной яркостью и убедительностью изобразил историю Византии как безнадежное разложение и неуклонное умирание знаменитый английский историк конца XVIII века Гиббон.

Для Гиббона «подданные Восточной империи, усвоившие и бесчестившие название греков и римлян, представляют безжизненное однообразие гнусных пороков, в которых не видно даже той энергии, которая воодушевляет выдающихся преступников».<sup>2</sup>

Безжизненной, однообразной, лишенной интереса представляет-

<sup>1</sup> Из постановления правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР.

<sup>2</sup> Gibbon, *The History of the decline and fall of the Roman Empire*, v. V, 1908, стр. 170.

ся история Византии и большинству буржуазных историков XIX века. Так, например, Грегоровиус в своей «Истории города Афин в средние века» пишет: «Византийские историографы изобразили историю империи от Зосимы до Франдзи в длинном ряде творений, обнимающих целое тысячелетие, и ни один из культурных народов не может похвалиться подобной полнотой исторической литературы. Но в общем все эти летописцы рисуют утомительную в своем однообразии картину: горделивый, но вместе с тем бедственный императорский двор в столице, дворцовые революции, пошлейшие церковные дразги и, наконец, однообразную борьбу с славянами и турками, превратившуюся в хронический недуг». <sup>1</sup>

Эта характеристика в эпоху пролетарских революций сменяется диаметрально противоположной. Англичанин Рамзей, давший ряд ценных исследований по эпиграфике и исторической географии Малой Азии, ставя вопрос, каково было в этой части Византийской империи положение средних классов, прежде чем начались арабские набеги, смело отвечает: «Мне кажется, что массы жили хорошо, страна была хорошо обработана и процветала, что здесь было мало гнета, судопроизводство функционировало хорошо» и, во всяком случае, «население Восточно-римской империи было лучше управляемо и пользовалось большим довольством, чем население всякого другого современного ему государства». <sup>2</sup>

К этому же выводу приходят на основании анализа папирологического материала византийского Египта Гарди и Шнебель. <sup>3</sup>

Они находят, что византийские крупные землевладельцы в Египте V—VII вв. управляли своими имениями с большой мудростью и гуманностью, тратили большую часть своих доходов на мелиоративные работы, делали крупные скидки с ренты своим держателям во время неурожая, сами не получая никаких скидок от государства. К выводам Шнебеля и Гарди частично присоединяется Руйяр, по мнению которого «нельзя отрицать известного благосостояния в долине Нила в момент арабского завоевания». <sup>4</sup>

К сожалению, ни один из этих новейших панегиристов Византии не может дать вразумительного ответа на вопрос, почему же эта счастливая и процветающая империя в VII веке претерпела жестокий военный разгром от арабов, лишилась большей части своей территории, а население Египта, Сирии, Месопотамии несколько не сожалело об утрате византийского суверенитета. Белоэмигрант Острогорский называет Византийскую империю единственным государством европейского средневековья, если термин государство употреблять в современном смысле слова. По его мнению, «она выделялась среди раздробленного феодального мира своим строгим

<sup>1</sup> Грегоровиус, История города Афин в средние века, стр. 137.

<sup>2</sup> Ramsay, Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire, стр. 293.

<sup>3</sup> A. Hardy, The large estates of Byzantine Egypte, стр. 148; Schnebel, Agricultural ledger in Pap. Bad. N 95, «The journal of Egyptian Archaeology», v. XXV, 1928, стр. 45.

<sup>4</sup> G. Rouillard, L'administration civile de l'Egypte byzantine, 1928, стр. 198.

централизмом. Она имела в своем распоряжении высокоразвитый, зависимый от центра государственный аппарат, она вела мировую торговлю. Ее экономика строилась на денежном хозяйстве и регулярных доходах. Тщательно сбалансированный бюджет достигал в лучшие времена 100 миллионов золотых марок, при тогдашней более высокой покупательной силе денег». <sup>1</sup>

По мнению Байе, «Византия в истории культуры средних веков до XII века играла такую же роль, как Афины и Рим в античном мире и Париж в новое время». Один из крупнейших буржуазных византинистов Диль подчеркивает «великое и благодетельное» культурное влияние Византии на славян и восток. Для славян и востока, по его мнению, «Византия была тем же, чем Рим для западного и германского мира, т. е. великим воспитателем, великим инициатором, носителем религии и цивилизации». Он утверждает, что Византия «принесла сербам, болгарам, русским историческую жизнь и цивилизацию, дав им алфавит, литературный язык, принципы гражданского управления, законы литературы и искусства».

Диль и другие буржуазные византинисты безмерно идеализируют историческую роль Византии. Нельзя, конечно, отрицать, что в период раннего средневековья Византия по отношению к Востоку и Западу Европы была носителем более высокой культуры, что принесенное из Византии христианство было шагом вперед по сравнению с язычеством для славян и, в частности, для русских, поскольку вместе с христианством среди славян распространялась греческая культура и образованность. Идеализация Византии буржуазными историками заключается в том, что они умалчивают об оборотной стороне медали — о Византии как оплоте деспотизма, церковности, усовершенствованного механизма эксплуатации трудящихся масс.

На эту сторону дела неоднократно обращал внимание Маркс. И она по понятным причинам ускользает от взоров буржуазных ученых.

Основоположники марксизма не занимались специально вопросами византийской истории, но в немногих гениальных высказываниях они ярко и метко определяли историческую роль Византии. Маркс не отрицал крупной роли, какую играла Византия и византийская культура в период раннего средневековья, факта подчинения громадных территорий восточной Европы и передней Азии влиянию византийской религии и цивилизации, но он подчеркивал реакционность этого государства, когда указывал на ужасные и насильственные формы губительного могущества Византии. <sup>2</sup>

«Константинополь, — писал Маркс, — это — вечный город, это — Рим Востока. Западная цивилизация и восточное варварство при греческих императорах, восточное варварство и западная цивилизация».

<sup>1</sup> Ostrogorsky, Vierteljahrschrift für Social und Wirtschaftsgeschichte, 1929, v. 22, h. 2, стр. 129.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX, стр. 441.

лизация при господстве турок так тесно переплелись между собою, что этот центр теократической империи стал настоящей преградой для распространения европейского прогресса». <sup>1</sup> Основатели марксизма, раньше чем кто-либо из буржуазных историков, правильно указали одну из важнейших причин «живучести» Восточно-римской империи, причину, почему грандиозная катастрофа, которая включает историю античной Римской империи, сказалась в меньшей степени на Востоке, чем на Западе. Энгельс отмечает «уцелевшие остатки» торговли, как отличие Восточной империи от Западной. <sup>2</sup>

Маркс указывает, что Константинополь в дальнейшем, «До открытия прямого пути в Индию... был огромным торговым рынком, ...» <sup>3</sup> Характеризуя вытекающее отсюда богатство средневековой Византии, Маркс называет Константинополь «золотым мостом между Востоком и Западом». <sup>4</sup>

Гениальный анализ аграрных отношений поздней Римской империи, данный Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», помогает нам определить и общественную систему Восточной Римской империи по ее отделению от Западной, поскольку в Восточной империи колонат в V—VI веках получил такое же распространение, как на Западе. Колонаты поздней Римской империи Энгельс рассматривает, как предшественников средневековых крепостных. Развитие римского сельского хозяйства в эпоху императоров вело, с одной стороны, к расширению пастбищного хозяйства на огромные пространства и к обезлюдению страны, с другой стороны — к раздроблению имений на мелкие арендные участки, заселенные колонами. В результате этого развития получило преобладание карликовое хозяйство зависимых крестьян, предшественников более поздних крепостных, получил преобладание таким образом способ производства, в котором уже в зародыше содержался способ производства, ставший господствующим в средние века. Поскольку в восточной половине империи происходили аналогичные процессы, мы можем рассматривать общественную систему Восточно-римской империи по ее отделению от Западной, как общественную систему, где уже получили преобладание предпосылки и элементы новой общественной формации.

Значительная часть буржуазных историков во главе с Зееком, автором многотомной «Истории падения античного мира», характеризует население поздней Римской империи, как покорную массу, безропотно переносящую все проявления правительственного деспотизма.

Разумеется, подобные утверждения являются фальсификацией исторической действительности. Гениальные высказывания И. В. Сталина на съезде колхозников-ударников, ярко и четко выявив

<sup>1</sup> Там же, стр. 440.

<sup>2</sup> Там же, т. XVI, ч. I, стр. 125.

<sup>3</sup> Там же, т. IX, стр. 382.

<sup>4</sup> К. Маркс, Традиционная политика России, Сочинения, т. IX, стр. 441.

действительные причины грандиозного краха Западной Римской империи. помогают нам уяснить и ход исторического процесса в Восточно-римской империи. Хотя революционное движение в V веке в Восточной империи не протекало так обостренно, как на Западе, тем не менее и Восточно-римская империя с самого начала своего отдельного существования являлась ареной ожесточенной классовой борьбы. Формы этой борьбы были чрезвычайно разнообразны, но на всех этапах истории Византии ход классовой борьбы определял исторические судьбы империи.

В аспекте классовой борьбы мы и должны рассмотреть отчаянную борьбу правящего класса Восточной империи за сохранение и укрепление своего классового господства.





## Глава I

### НАЧАЛО ВИЗАНТИИ

В начале IV века высокий подъем революционного движения рабов и колонов, боровшихся против империи вместе с наступавшими извне варварами, и глубокий экономический кризис Италии имели одним из своих следствий то, что старая столица империи — Рим — утрачивает свое значение политического центра государства. Новая столица, основанная на берегах Босфора в 330 г., получила название Нового Рима, или — по имени своего основателя, императора Константина I — Константинополя. Так как новая столица была основана на месте древней мегарской колонии Византии, превратившейся потом в центр средневековой империи, то отсюда происходит и общепринятое название «Византийская империя».

При основании Константинополя в нем по образцу Рима был построен ряд дворцов, форум, гипнодром. Город был украшен памятниками античного искусства, вывезенными из Рима, Афин и других городов империи. Константинополь и его окрестности были выделены из провинциального управления и получили, по аналогии с Римом, ряд льгот и привилегий. На Константинополь была распространена одна из важнейших привилегий Рима — получение дарового хлеба из Египта. Путем поощрений и насильственных мер правительство добилось быстрого роста города. Уже в V веке греческий историк Евнапий сокрушался, что все груженные хлебом корабли из Египта, Малой Азии и Сирии едва были в состоянии прокормить население новой столицы.

Основание Константином новой столицы не было императорским капризом. Оно имело под собой серьезные экономические и политические основания. Тяга на восток римской правящей верхушки предшествовала развалу Западной Римской империи. Уже со времен Юлия Цезаря у ряда римских императоров возникала мысль о переносе столицы из Рима на восток. Ее осуществил предшественник Константина Диоклетиан. Эта тяга на восток легко объяснима. Богатство Рима покоилось на грабеже завоеванных провинций. Когда восточные провинции вошли в состав империи и завоевательные войны прекратились, экономический центр тяжести, естественно, перешел к восточным провинциям. Эконо-

мическое преобладание востока и было закреплено перенесением туда столицы.

Независимо от того, что восточные провинции отличались сравнительно бóльшим экономическим благосостоянием и меньше, чем западные, пострадали от развития латифундиального рабовладельческого хозяйства, перемещение столицы на восток представляло ряд других экономических и стратегических преимуществ. В областях Балканского полуострова комплектовались лучшие военные силы Римской империи III—IV вв., набиравшиеся, главным образом, во Фракии и Иллирии. Стратегические преимущества Константинополя были очевидны. С трех сторон окруженный морем, он был с моря недоступен для варваров, с суши его охраняли мощные стены.

В экономическом отношении Константинополь держал в своих руках всю торговлю Черного моря с Архипелагом и Средиземным морем и своим удачным расположением на стыке между Европой и Азией был как бы предназначен сделаться торговым посредником между ними.

Предприятие Константина оказалось жизненным. Новый Рим быстро рос и занял неоспоримо первое место среди городских центров империи.

Империя в IV веке неоднократно делилась на две половины — восточную и западную, — из которых каждая имела своего императора, затем снова воссоединялась под единой властью. Так шло до 395 г., до момента окончательного отделения Восточно-римской империи от Западной со смертью императора Феодосия I, оставившего западную половину своему сыну Гонорию, а восточную Аркадию.

Этот момент и следует считать началом самостоятельного существования Восточно-римской, или Византийской империи.

Западная империя после этого разделения просуществовала очень недолго. Высоко поднявшееся революционное движение рабов и колонов, боровшихся против империи изнутри, и мощный натиск варваров извне нанесли ей смертельный удар уже к середине V в., а в 476 г. она прекратила и номинальное существование. Восточно-римская империя проявила несравненно бóльшую живучесть.

Чтобы понять причины этого явления и смысл политической истории Византии в V веке, мы должны уяснить себе внутреннее состояние Восточной империи к началу V века и рассмотреть, каково было различие в экономике и социальном строе Западной и Восточной империй.

После разделения Римской империи, из 14 диоцезов, входивших (по делению Диоклетиана) в ее состав, под непосредственной властью Восточной империи оставалось 7 диоцезов: Египет, Восток, Азия, Понт, Фракия, Македония, Дакия. Характеризуя отчаянное положение Римской империи накануне германского завоевания, Ф. Энгельс писал: «Всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков

был результат римского мирового господства». <sup>1</sup> Несомненно, аналогичные процессы происходили и в восточной половине, но здесь этот упадок чувствовался в меньшей степени, чем в западной. Старые торговые связи, старое ремесло, меньшее развитие рабства на востоке — ослабили здесь остроту кризиса, переживавшегося Римской империей.

Поэтому Восточно-римской империи удалось подавить революционное движение рабов и колонов и отразить нападение варваров, натиск которых на Востоке был не менее силен, чем на Западе.

На востоке еще сохранились хозяйственные, политические и культурные традиции эллинистических монархий, которые в свою очередь были наследниками великих монархий древнего востока. Этим традициям Римская империя за время своего господства на востоке не только не уничтожила, но и сама им частично подчинилась. К сожалению, эллинистические корни византийской хозяйственной системы пока очень мало изучены. Однако не подлежит сомнению, что в Восточно-римских провинциях бóльшее место, чем рабовладельческие латифундии, занимали хозяйства мелких земледельцев, сохранивших остатки общинного строя, в которых можно видеть потомков «царских земледельцев» эллинистической эпохи, а в промышленности — не рабы, а организованные в корпорации ремесленники, потомки податных рабочих «царских монополий» той же эпохи.

О том, что кризис рабовладельческого хозяйства, нанесший такой сильный удар Западу, на Востоке сказался гораздо меньше, свидетельствует уже то обстоятельство, что здесь не наблюдалось того падения городской жизни и возвращения к натуральному хозяйству, какое имело место на Западе.

Константинополь, Александрия, Антиохия, насчитывавшие сотни тысяч жителей, являлись крупнейшими центрами торговли и промышленности. В то время как западные города разрушались, некоторые города на востоке империи обнаруживали даже дальнейший рост.

Константинополь, например, в V веке был вынужден возводить новые стены, чтобы вместить все растущее население.

Престарелый ритор Фемистий с восторгом говорит о росте Константинополя, о том, как громоздятся один на другой 7-этажные и 9-этажные дома, как столица становится «огромной мастерской великолепия», в которой быстро умножаются архитекторы, декораторы и всякого рода рабочие». <sup>2</sup>

Если сама Греция была безнадежно поражена кризисом рабовладельческого хозяйства, а остальные области Балканского полуострова сильно страдали от варварских набегов, то в Малой Азии, Сирии, Египте сохранилось развитое ремесленное производство высококачественных шерстяных, льняных, шелковых тканей, металлических и ювелирных изделий, посуды и стекла. Горное дело

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 125.

<sup>2</sup> Themist., Or. XIII, ed. Dindorff, стр. 222.

и металлургическое производство было развито в Азии, Понте, Македонии. Александрия славилась своим полотном, стеклянными изделиями, изготовлением папируса, но лучшие ткани — шелковые и льняные — давали Сирия и Финикия. На востоке также сохранялись остатки старых торговых связей. Византийцы были хозяевами тех местностей, к которым примыкали старые торговые пути. Они владели Египтом, куда через Красное море привозились товары из Аравии и Цейлона. Сирия и Месопотамия продолжали вести торговлю с Центральной Азией. Наконец, и на Черном море у Восточной империи были пункты, имевшие значение для восточной торговли. Через все эти пути Византия продолжала получать из восточных стран шелк, пряности, золото, жемчуг и другие предметы роскоши.

Восточные провинции не ограничивались посреднической торговлей. Вывоз собственных продуктов также имел место. Так, Египет ежегодно поставлял в Константинополь 8 миллионов артаб<sup>1</sup> зерна и в то же время имел возможность отправлять в Аравию крупные партии хлеба.

Продукты сирийской промышленности: стеклянные, эмалированные изделия, тонкие ткани, вышивки, драгоценные вещи — все это широко расходилось, достигая даже Китая.

Торговля на Средиземном море — поскольку она еще имела место — оставалась неоспоримой монополией подданных Восточной империи, главным образом сирийцев, евреев, греков. Торговцев из Египта, Сирии, Армении в V—VI вв. можно было встретить в Африке, Сицилии, Равенне, Испании, Марселе, Орлеане, Париже. В некоторых городах Запада, куда эти торговцы ввозили ткани, выделанные кожи, сирийские вина, египетский папирус, они образовывали довольно значительные колонии.

Все более крупным рынком становился Константинополь, куда в VI в. «собирались корабли всего мира».<sup>2</sup>

Уцелевшая на Востоке промышленность, торговля, а также виртуозно разработанный фискальный аппарат позволяли правительству Восточно-римской империи распоряжаться очень крупными по тому времени денежными средствами. О размерах их дает некоторое представление свидетельство византийского историка Прокопия, что казначейство Восточно-римской империи к концу правления императора Анастасия (491—518) обладало денежной наличностью в 320 тыс. фунтов золота, т. е. около 130—140 миллионов руб. золотом.<sup>3</sup>

Эти крупные средства давали возможность центральной власти подавлять центробежные стремления, бороться с наступающими варварами или от них откупаться, подавлять восстания угнетенных народных низов. Последняя задача была особенно актуальной, поскольку Восточная империя, также как и Западная, «...пре-

<sup>1</sup> Артаба — три модия (модий — 8,754 литра).

<sup>2</sup> Pauli Silentarii Descriptio S. Sophiae, ed. Bonn., стр. 239.

<sup>3</sup> Procop. Historia arcana, стр. 113.

вратилась в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»<sup>1</sup> и вместе с тем являлась искусственным конгломератом различных племен и народностей: греков, различных мало-азиатских племен, армян, сирийцев, евреев, коптов, латинизированных фракийцев и иллирийцев.

Все общество Восточно-римской империи было разделено на сословия с строго определенными правами и обязанностями, причем правительство стремилось установить настоящий режим каст, прикрепляя каждого к определенному званию и профессии и запрещая переход от одного занятия к другому.

Сословное неравенство вело также к неравенству перед судом. Все население в этом отношении делилось на высшее сословие (*honestiores*) и низшее (*humiliores*). К этим последним закон относился гораздо строже. За одно и то же преступление первые наказывались ссылкой, а вторые — смертной казнью. Огромное большинство населения принадлежало к бесправной массе, подвергавшейся жестокой эксплуатации.

На низшей ступени общественной лестницы стояли рабы. Торговля рабами попрежнему шла на рынках Малой Азии, Египта, Причерноморья, Константинополя. Рабский труд применялся в домашнем хозяйстве и в государственных предприятиях наряду с трудом свободных ремесленников. В дворцах византийской знати рабы насчитывались тысячами.

В ограниченных размерах продолжал применяться рабский труд и в сельском хозяйстве. Прекращение завоевательных войн, относительное вздорожание рабов, вспышки рабских восстаний способствовали некоторому смягчению участи рабов. Раб теперь уже не рассматривается как «вещь»; эксплуатация рабов подвергается в законодательстве ряду ограничений; убийство раба приравнивается к убийству свободного, упрощаются формальности освобождения рабов.

Низшее свободное сословие (*ordo plebeius*) состояло из 1) мелких земельных собственников, личным трудом обрабатывавших землю, 2) крупных и мелких торговцев, 3) ремесленников всякого рода, 4) наконец, из земледельцев, составлявших класс колонов.

Рассматривая каждого человека, как определенный объект налогового обложения, который должен сверх того отбывать определенные общественные повинности, правительство в IV веке окончательно закрепощает коллегии ремесленников, торговцев, судовладельцев. Коллегии становятся правительственными организациями, с назначенными правительством старшинами и с солидарной ответственностью за выполнение натуральных поставок и повинностей.

Прикрепление к ним делается наследственным, так как дети должны заниматься той же профессией, что и отцы. Ремесленник не может покинуть своей коллегии — за это клеймят железом. Большое количество предприятий в виде ремесленных мастерских (*эргастерий*) были императорскими монополиями и обслуживали

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 125.

нужды двора и правительства. Здесь отчасти работали рабы, особенно в текстильном производстве (*gynaecia, linyfia*), но большею частью пользовались трудом наследственно прикрепленных к данному производству ремесленников, работавших или в общих эргастериях, или индивидуально — в зависимости от характера производства. Но и в том и в другом случае они образовывали корпорации (*συστήματα*), обязанные за круговой порукой платить подать (канон) и нести службы (литургии) государству.

Некоторые из этих предприятий сдавались на откуп богатым предпринимателям.

Государство накладывало свою руку и на торговлю не только в том смысле, что получало торговые пошлины, но и в том, что присвоило себе ряд торговых монополий.

Эти монополии осуществлялись соответствующими корпорациями, организованными по типу ремесленных.

Таковы *navicularii* — поставщики хлеба, *bastagarii* — поставщики скота, *suarii* — поставщики свиней и др.<sup>1</sup>

Но, как уже выше указывалось, была широко развита и частная торговля, отчасти посредническая, но главным образом местными товарами.

Богатые купцы и ростовщики официально принадлежали к низшему плебейскому сословию, но они имели возможность за деньги приобретать почетные титулы и звания и вообще играли на Востоке в общественной жизни довольно значительную роль.

Купеческо-ростовщический капитал Византии был заинтересован в сильной императорской власти, которая была ему необходима для охраны торговых путей и для завоевания новых рынков. Для ростовщиков, которые образовывали в Константинополе влиятельную корпорацию, дополнительным побуждением к этому служило то, что они ссужали большие суммы императорской казне. Наконец, в том же направлении действовала получившая большое применение система сдачи налогов на откуп. Откупщики давали государству крупные ссуды, за что получали право взимания налогов, служившее для них источником огромных прибылей.

Положение остального плебса было очень тяжелым, но неодинаковым в различных частях империи. Так, в Константинополе, где плебс благодаря своей многочисленности представлял известную силу, с которой должно было считаться правительство, неимущих плебеев кормило и увеселяло государство, для чего ежегодно доставлялось громадное количество египетского хлеба. В провинциях им представлялось самим заботиться о себе. Но на Востоке не замечалось такого катастрофического роста люмпен-пролетариата, как на Западе.

Содержание громоздкой бюрократической византийской государственной машины с особой тяжестью ложилось на непосредственных производителей в деревне.

<sup>1</sup> Cod. Just., XI, 8, 4,8; XI, 16, 2.

Крестьянство Восточно-римской империи распадалось на 1) самостоятельных, имеющих собственность мелких хозяев, 2) колонов «свободных» и 3) так называемых «приписных» колонов (*coloni adscriptitii* — ἐναπογραφοί), причем «приписные» колоны составляли очень многочисленную группу сельскохозяйственного населения. В течение IV и V вв. правительство издает ряд эдиктов, которыми все более и более стесняется свобода колонов в их переходе с места на место, в результате чего фактическое закрепощение колонов получает юридическую санкцию.

«Приписные» колоны были прикреплены к земле крупного землевладельца, не имели права свободного передвижения и распоряжения своим имуществом. Бежавших колонов возвращали силой, заковывали в оковы.

Немногим лучше было положение «свободных» колонов, получавших от земельного собственника участки земли на условиях уплаты оброка, а также свободных крестьянских общин. И здесь крестьяне и колоны были прикреплены к земле, а крестьянские общины связаны круговой ответственностью при выполнении тяжелых налогов и повинностей. Колонат и на Востоке можно рассматривать как переходную форму от рабства к крепостничеству, форму, в которой содержался зародыш феодальной эксплуатации.

Тяжесть налогов, нашествия варваров, вымогательства чиновников — все это приводило к обезлюдению восточно-римской деревни в IV—V вв. Чем больше уменьшалась обрабатываемая площадь, тем труднее становилось налоговое бремя. По словам Аммиана Марцеллина, египетский земледелец уплачивал налог, только будучи предварительно нещадно высеченным.<sup>1</sup>

Крестьяне убегали в города, монастыри и пустыни, становились разбойниками. Взыскание налогов проводилось с беспощадной строгостью. Тяжесть налогового бремени, усугубляемая коррупцией и вымогательствами чиновников, способствовала усиленному развитию в Восточной империи IV—V вв. патронатных отношений.

Мелкие земледельцы передавали себя и свою землю под покровительство сильных людей — магистрам армии, комитам, проконсулам, префектам, викариям, сенаторам, трибунам<sup>2</sup> — заключали с ними, с соблюдением всех формальностей, юридическую сделку, в силу которой их земля становилась полной собственностью магната. По существу эта сделка была фиктивной (если это был, например, акт продажи, то патрон, конечно, денег не платил), но результаты ее были вполне реальны. Земля переходила в собственность патрона. При этом патрон обычно отдавал землю прежнему собственнику в пользование в качестве прекария, т. е. без юридического обеспечения, с правом в любое время взять ее назад, и получал с клиента за пользование часть продуктов. Богатство, влиятельное положение, общественная роль магнатов ставили

<sup>1</sup> Ammiani Marcellini Res gestae, XXII, 23.

<sup>2</sup> Cod. Theod., XI, 24, 4.

земли и держателей этих земель в привилегированное положение. Неудивительно, что в патронат отходили целые селения.

Теряя свою собственность, а затем и свободу, колонны освобождались, по крайней мере, от притеснений агентов фиска. Магнаты захватывали земли и увеличивали количество зависимых от них людей. Государство, теряя налогоплательщиков в лице мелких собственников, справедливо рассматривало патронат, как попытку ускользнуть от несения налогов, и пыталось вести с ним борьбу. В эдикте 368 г. клиентов предписывалось подвергать телесному наказанию и возвращать в прежнее положение. Патроны за каждое хозяйство должны были платить высокий штраф — 25 ф. золота.<sup>1</sup> В дальнейшем эти кары были усилены, фиктивные юридические сделки, оформлявшие патронат, объявлялись недействительными, и составлявшие их нотариусы — подлежащими суровому наказанию.

Насколько быстро развивались патронатные отношения в восточных провинциях, свидетельствует то, что из восьми императорских законов, посвященных борьбе с патронатом за время 366—534 гг., шесть, обращенных к префекту претория Востока, имеют в виду восточные провинции империи и прежде всего Египет.<sup>2</sup>

Но усилия правительства были мало действительны. Самое повторение одних и тех же запрещений свидетельствует, что они постоянно нарушались.

Немногим лучше было положение второго сословия — живших в городах землевладельцев средней руки (*possesores*, *κτήτορες*), из которых составлялись городские курии (сенаты), откуда их название — куриалы, декурионы. По отношению к ним применялась в полной мере система прикрепления к государственному тяглу. Декурионы насильственно принуждались собирать налоги в городских округах, отвечать своею личностью и имуществом за их исправное поступление, отбывать ряд других тяжелых государственных повинностей. В то же время правительство заботливо закрывало для декурионов всякую возможность выхода из этого сословия, перемены своей участи. Положение их было таково, что они «...бросали свои дома, покидали свои земли, даже продавали себя в рабство, только бы избавиться от собственности, которая стала лишь официальным предлогом для беспощадного и безжалостного вымогательства».<sup>3</sup>

Над всей бесправной и эксплуатируемой массой населения Восточно-римской империи возвышалось единственно привилегированное сенаторское сословие (*ordo senatorius*).

Основным его признаком было членство в сенате, но уже в IV веке принадлежность к сенаторскому сословию не была ограничена этим условием, и его члены были рассеяны в значительном числе по всей территории империи.

<sup>1</sup> Cod. Theod., XI, 24, 1, 2.

<sup>2</sup> Zulueta, De patrociniis vicorum, «Oxford Studies in Social and legal History», v. I, стр. 3.

<sup>3</sup> К. Маркс, Письмо к Вере Засулич, Сочинения, т. XXVII, стр. 685.



*Вилла IV века.*

Обычно это были крупнейшие и богатейшие собственники империи. Это сословие непрерывно пополнялось государственными сановниками, достигавшими высоких ступеней государственной или придворной службы.

Состав сенаторского сословия к началу V в. был довольно пестрым. Здесь была представлена и старая римская знать, переселившаяся вместе с Константином в новую столицу, и богатейшие земельные собственники Малой Азии, Сирии, Египта, и верхушка правительственного аппарата, и многочисленные варвары, достигшие высоких чинов на римской службе.

Члены сенаторского сословия были освобождены от всех муниципальных повинностей, хотя бы их земельное имущество лежало в пределах городских общин. В сфере судебных отношений они пользовались особыми привилегиями и подлежали суду не провинциальных властей, а суду префекта столицы.

Из среды этого сословия в V и последующих веках по большей части комплектовались и кадры высшего христианского духовенства, приобретающего все большую силу и значение после окончательной победы христианства в IV веке.

Представители высшего класса, высшие сановники и духовенство пользовались многочисленными привилегиями и льготами при взимании налогов; рядом императорских постановлений они были официально освобождены от так называемых «грязных» повинностей (*munera sordida*) — молотбы, хлебопечения, подводной повинности, поставки строительных материалов, дорожной повин-

ности, ложившихся тем более тяжелым бременем на низшие классы общества.

Хотя на Востоке, как и на Западе, процесс развития общественных отношений неизбежно приводил к известной децентрализации, росту самостоятельности отдельных земельных магнатов, пытавшихся присвоить себе в своих владениях политические права, создавая тем угрозу единству государства, однако в Восточной империи оказались налицо факторы, затормозившие этот процесс. Крупное землевладение здесь все же не вполне сходно с западным. Крупное имение здесь не превращается в самодовлеющий хозяйственный организм, не связанный ни с городом, ни с каким-нибудь более широким рынком. Оно оставалось втянутым в торговый оборот, так как крупные города с десятками и сотнями тысяч населения нуждались в значительных массах сельскохозяйственных продуктов.

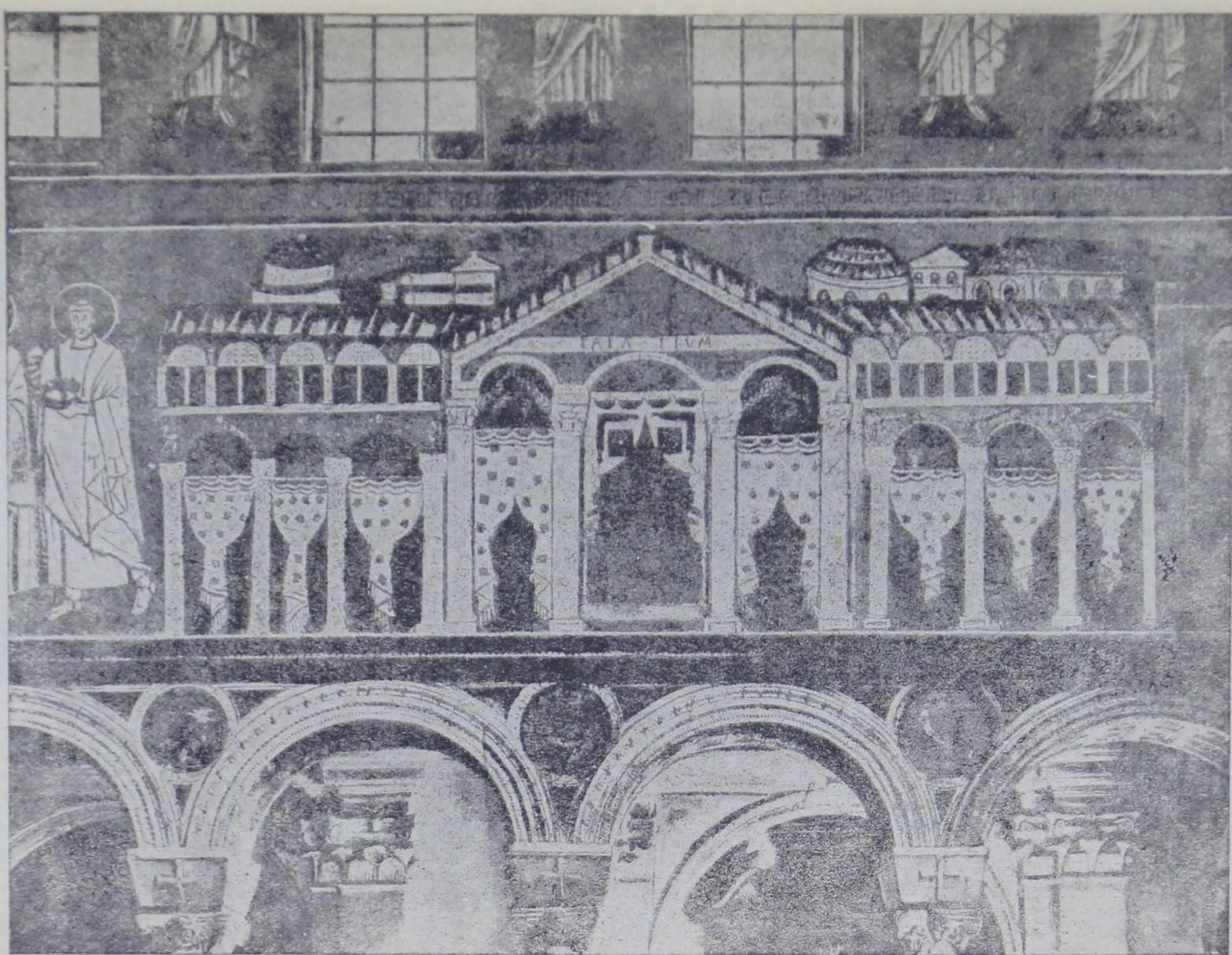
Но крупное землевладение было заинтересовано в укреплении государства не только потому, что оно нуждалось в охране своих торговых интересов. Напуганное революционным движением рабов и колонов, которое, хотя наружно подавленное, всегда готово было вспыхнуть вновь, еще больше напуганное событиями на Западе, крупное землевладение в целом, в основной своей массе на Востоке признавало необходимость сплочения вокруг императорской власти и сохранения централизованного государства.<sup>1</sup>

Разноплеменное население империи объединял и эксплуатировал государственный аппарат в том виде, в каком он был сформирован еще Диоклетианом и Константином. Во главе его стоял император, считавшийся неограниченным повелителем. Фактически империей управляла многочисленная бюрократия, которая пополнялась в значительной степени из «разночинцев» и даже варваров, продвигавшихся на высшие посты обычно через армию, но которая по источнику своего происхождения, по назначению и характеру своей деятельности выражала интересы крупных землевладельцев. Этот аппарат продолжал считать себя римским. Хотя для огромного большинства населения общим языком являлся греческий, бывший одновременно языком науки и литературы, — языком двора, всей правительственной администрации, суда, армии продолжал до конца VI в. оставаться латинский язык. На латинском языке продолжали издаваться законы, латинскими оставались названия учреждений, должностей чиновников военных и гражданских. Сохранялось старое разделение властей гражданских и военных, проведенное еще Диоклетианом.

Центром управления являлся роскошный, занимавший целый квартал в Константинополе, императорский дворец, в котором сосредоточивались все нити управления.

Ближайшими помощниками императора являлись префект претория Востока, префект столицы, квестор, магистр оффиций, два коми́та финансов; все эти лица носили титул «преславных». Наиболее важным из этих сановников был префект претория Востока, в упра-

<sup>1</sup> Косминский, Лекции по истории Средних веков, стр. 83.



*Равеннский дворец.*  
Мозаика церкви Аполлинария Нового.

влении которого находилась большая половина империи, объединявший в своих руках все, что относилось к законодательству, общественному управлению и суду своей префектуры. Далее шел городской префект, управлявший столицей. «Начальник служб» (*magister officiorum*) являлся начальником дворца и личной охраны императора (*схол*), начальником тайной охраны, ведал государственной почтой, международными отношениями и приемом иностранных посольств, а также 4 придворными канцеляриями, рассылавшими на места распоряжения императора и отвечавшими на запросы чиновников.

Квестор «священных палат» — обычно заслуженный юрист — ведал юстицией и текущим законодательством. Комит «священных щедрот» управлял государственным казначейством; комит «частных имуществ» заведывал личным имением императора, дворцами, дворцовыми имениями, конскими заводами и т. д. К этим высшим гражданским чинам, имевшим в своем распоряжении многочисленные штаты служащих, присоединялись два военных сановника — магистры армии (*magistri militum*), так называемые презенталы, которые командовали войсками, составлявшими гарнизон Константинополя, и одновременно являлись высшими начальниками армии.

Деятельность всех этих высших сановников объединял совет императора, называемый со времени Диоклетиана консисторием. Наряду с консисторием сохранялся сенат, или синклит. Функции его трудно точно определить, но во всяком случае он играл крупную роль как политический фактор в вопросе избрания императора, при решении важнейших дел международной политики, а также особо важных судебных дел. Его значение заключалось в том, что он объединял всех настоящих и бывших носителей ответственных должностей в государстве и выражал интересы богатейших и влиятельнейших элементов населения.

Сенаторское землевладение, естественно, стремилось использовать императорскую власть как свое послушное орудие, но само сенаторское сословие, как мы видели, не представляло монолитного класса. В нем образовывались различные группировки, ведущие ожесточенную борьбу за власть и влияние. Возглавляя одну группу, императорская власть, естественно, вынуждалась вести борьбу с другими, откуда у буржуазных историков (*Bury, Runciman*) создается иллюзия о непрерывности борьбы между императорской властью и сенаторской знатью до IX века.

В отношении гражданского управления и суда Восточная империя делилась на 2 префектуры: Восток и Иллирик. Ближайшими к префектам сановниками были викарии, стоявшие во главе диоцезов, которых в префектуре Востока насчитывалось пять (Египет, Восток, Понт, Азия, Фракия), в префектуре Иллирика — два: Дакия и Македония. Диоцезы подразделялись на провинции, которых в Восточной империи насчитывалось 60. Во главе гражданского управления отдельных провинций стояли президы, главной обязанностью которых была раскладка и взимание налогов, поддержание общественного порядка и судебные функции.

Управление было в высшей степени централизовано. Целая армия чиновников, назначаемых непосредственно из Константинополя, занимала все сколько-нибудь значительные посты в провинции и опекала провинциальное население; местное самоуправление постепенно утрачивает всякое значение.

Гражданское население рассматривалось служилой кастой как бесправная масса, существующая только для исправной уплаты налогов. Государственные должности покупались за деньги, и покупатели, естественно, стремились возможно скорее выколотить затраченные суммы из податного населения.

Но если правительственная власть Восточно-римской империи была деспотична и бюрократична и стремилась отстранить народные массы от всякого участия в управлении государством, все же в V—VI вв. она не могла этого добиться полностью.

Пережитком старой демократии и крупным политическим фактором в истории Византии V—VI вв. выступают так называемые димы, цирковые партии зеленых и голубых.

Классовая сущность димов и их политическая роль еще недостаточно изучены, хотя здесь должен содержаться ключ к пониманию социальной структуры и социальных противоречий раннего византийского периода.

В источниках димы выступают в двойном виде: то как спортивные цирковые партии, то как политические организации византийских городов. Исследования Манойловича показали, что эта двойственность димов соответствует исторической действительности.<sup>1</sup> Византийские димы, также как димы эллинистического и римского времени, были организациями того или иного городского квартала и района. Они выполняли определенные хозяйственные и полицейские функции, следили за порядком и благоустройством своего квартала, объединялись обычно одной и той же профессией, так как люди одной профессии обычно и селились в одном квартале.

В своей совокупности они претендовали на роль городского народного собрания. Местом их сбора и выявления их желаний обычно являлся городской цирк, или гипподром, который, также как в древнем Риме, являлся любимым местом увеселений для народных масс в Константинополе и других крупных городах империи. Расходы на цирковые зрелища несли в провинции курии, в Константинополе — консулы, преторы, представители знати и сам император. Но устроители зрелищ не могли каждый раз заново обзаводиться необходимым для игр сложным оборудованием. Для этого, также как и в Риме, существовали специальные организации, бравшие подряды на устройство игр: каждая из них имела свои кассы, зверинцы, свои постоянные штаты возниц, актеров. Эти организации также назывались димами и различались по условным цветам — цветам одежды цирковых возниц, как венеты (голубые), прасины (зеленые), левки (белые) и русии (красные).

<sup>1</sup> Manojlovic, *Le peuple de Constantinople*, Βοζαγτιου, 1936, т. XI, 1—2.

Каждая из них старалась превзойти соперников постановками и одержать победу в конских ристаниях. Они-то и составляли организационную ячейку, вокруг которой сообразно своим симпатиям группировалось городское население, и в таком расширенном виде превратились в более обширные самоуправляющиеся организации — гражданские и военные, своеобразные политические партии. Классовая природа этих партий еще недостаточно выявлена. Согласно выводам Манойловича, голубые заселяли лучшие аристократические кварталы Константинополя — Месу, Ниттакий, где были расположены дворцы и особняки сенаторов и других знатных и состоятельных лиц. Таким образом, голубые представляли преимущественно городскую аристократию, наиболее знатные и состоятельные элементы городского населения.

Они опирались на своих многочисленных клиентов, вольноотпущенников и зависимых колонов подгородных имений.

Зеленые являлись представителями более демократических слоев населения: торговцев, ремесленников, моряков. Они заселяли промышленные и торговые кварталы Константинополя, расположенные в западной и северной частях столицы, где было много эргастериев, торговых складов и где были расположены морские пристани.

Вопрос о византийских димах нуждается в дальнейшем тщательном исследовании, но во всяком случае несомненно, что димы V—VI вв. не были только цирковыми партиями. Они превратились в более обширные самоуправляющиеся организации гражданские и военные. Они составляли часть столичного гарнизона, и в критические минуты, неоднократно переживавшиеся государством в эти века, само правительство должно было призывать димы к обороне столицы против угрожавших варваров. Константинопольские димы иногда были способны выступать совместно и согласованно с димами Александрии, Антиохии и других крупных городов. Количество их членов было невелико (в Константинополе начала VII века в военной организации зеленых — кого можно было послать охранять стены — насчитывалось 1½ тысячи, голубых — 900 человек), но они умели вести за собой массы столичного плебса. Гипподром представлял единственное место для громкого выражения общественного мнения, с которым иногда должно было считаться правительство. Используя существующую между димами вражду, оно обычно опиралось на одну партию, чтобы держать в покорности другую. Но такая политика не всегда удавалась. Иногда раздражение против правительства достигало такой степени, что восставали одновременно и зеленые и голубые, как это, например, имело место в грандиозном восстании Ника в 532 г., которое удалось подавить только после страшной резни, стоившей жизни более чем 30 тысячам константинопольского плебса.

Идеологической опорой правительства являлась христианская церковь, с которой правительство Римской империи уже в IV веке заключает тесный союз. Христианство, бывшее вначале движением угнетенных, возникшее как религия рабов и вольноотпущенников,

теперь выступает как мощная опора эксплуататорского класса. «Социальные принципы христианства проповедают необходимость существования классов — господствующего и поработаемого, — и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, чтобы первый ему благодетельствовал. . . Социальные принципы христианства провозглашают все гнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей премудрости ниспосылает искупленным им людям. Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, подчинение, смирение. . .»<sup>1</sup>. Христианская церковь становится могучим общеимперским учреждением, имеющим налаженные порядки и свою иерархию, такую же сложную и громоздкую, как и правительственная административная машина. Высшее духовенство добивается полной независимости от массы верующих и высоко поднимается над этой массой. Церковь издавна приспособила государственное административное деление для своей организации. Города сделались местопребыванием епископов. Главные города провинции, где собирались съезды епископов, сделались резиденциями митрополитов, в подчинении которым находились епископы данной провинции. Наконец, крупнейшие города империи — Рим, Антиохия, Александрия — сделались местопребыванием патриархов, которым в свою очередь подчинялись митрополиты. Быстрый рост столицы обусловил появление нового патриарха — константинопольского, который на церковном соборе 381 г. был объявлен непосредственно следующим по старшинству за епископом римским. Восточная церковь быстро становится чрезвычайно богатой, в этом отношении V—VI века являлись для нее золотым веком. В награду за свои услуги церковь получала от правительства крупные земельные владения, многочисленные права и привилегии. Императорская власть поручает церковникам заведывание целым рядом государственных и муниципальных дел, выполнение которых было не под силу правительственным чиновникам, предоставляя для этого соответствующие средства. Примеру императоров следовал и народ. Церковь отовсюду получала крупные и мелкие дарения, так как среди всех слоев населения было распространено убеждение, что дарения в пользу церкви необходимы для отпущения грехов.

Церковь целиком берет в свои руки все дело благотворительности. Но по мере увеличения своих богатств, после того как духовенство добилось полной независимости от мирян, оно пользовалось церковными богатствами главным образом для себя, а не в интересах бедноты, именем которой прикрывалось.

Мощным орудием в руках высшего духовенства являлось монашество — особый вид духовенства, в принципе, но далеко не на практике, налагавшего на себя специальные аскетические ограничения, в частности — безбрачие. Как более или менее заметное

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, т. V, стр. 173—174.

явление монашество выступает впервые на рубеже III—IV веков, времени установления союза христианской церкви с императорской властью. Уже в своей древнейшей форме отшельничества монашество является видным союзником высшей церковной иерархии. Поощрение со стороны церкви и государства вызывает дальнейший рост монашества; появляются целые монашеские общины, монастыри, отшельнические и общежительные, мужские и женские, иногда совместные, что способствовало подчас процветанию самого безудержного разврата, почему совместные монастыри были в дальнейшем запрещены. Монастыри быстро богатеют, обзаводятся землями, рабами, колонами. Монастыри дают в руки главарей церкви вымуштрованный аппарат, организованную силу. Как быстро на территории империи шло развитие этого учреждения, показывал тот факт, что в 536 г. в Константинополе насчитывалось не менее 67 мужских монастырей и немало женских. Вне Константинополя монастыри строились повсеместно, но в особенно большом количестве они встречались в Палестине, Сирии, Месопотамии, Исаврии, Армении. Некоторые большие восточные города, как, например, Амида, Эдесса, Иерусалим, были окружены как бы кольцом из монастырей. Александрия и Египетская пустыня были переполнены ими.

Деятельность монахов в конце IV и начале V века выражалась также в том, что они с яростью крушили и уничтожали языческие храмы, статуи, библиотеки, произведения культуры и искусства предшествующих поколений, одновременно жестоко расправляясь со всеми, кто осмеливался не подчиняться ортодоксальному церковному учению.

Под влиянием духовенства и монашества правительство уже в конце IV века стало на путь религиозной нетерпимости, подвергая преследованиям язычников, евреев и так называемых еретиков, т. е. уклонявшихся от общепринятого церковного учения. Но преследования и гонения не могли уничтожить еретиков. Гнет существующих порядков вызывал появление все новых «ересей», обычно выражавших под религиозной оболочкой протест против эксплуататорского строя и проводивших борьбу против официального православия как опоры и санкции этого строя.

Установлению церковного единства препятствовала также ожесточенная борьба самих правящих церковных клик между собой, особенно ярко и рельефно проявлявшаяся в борьбе и соперничестве в течение первой половины V века между патриархами константинопольским и александрийским, причем в этой борьбе они взаимно обвиняли друг друга в ереси и извращении церковных учений. Эта борьба ускорила оформление в V веке ереси монофизитов, на сторону которой стали восточные провинции империи: Египет, Месопотамия, Сирия. Попытки правительства устранить церковный раскол своим вмешательством оказались безуспешными. Монофизитство стало знаменем сепаратизма восточных провинций, а церковное их обособление в дальнейшем подготовило и политическое.

Но было бы, конечно, ошибочно и неисторично объяснять появление монофизитства и других восточных ересей спорами церков-

ников между собой. Причины ожесточенных церковных споров на Востоке в IV—VI веках лежат гораздо глубже.

Если византийский Восток в эти века являлся постоянным источником ересей, то это объясняется, главным образом, этническими и классовыми противоречиями, раздиравшими империю.

Победа христианства была победой Востока над эллинизмом. Но правящая верхушка греко-римского общества сумела в III—IV веках переработать христианство применительно к своим нуждам в греческую религиозно-философскую систему на основе идеалистической философии Платона, введя в него учение в логосе, как одном из лиц божественной «троицы», учение о Христе, как богочеловеке, соединяющем в своем лице две природы — божескую и человеческую. Эта переработанная религия, «примирившая» земное и небесное, божественное и человеческое, оправдывавшая все сложившиеся в греко-римском обществе порядки, тягчайшую систему эксплуатации народных низов, должна была дать оправдание всему «человеческому» в старой греко-римской культуре, оправдание привычной морали господствующего класса.

Это новое христианство должно было неизбежно натолкнуться на враждебное отношение восточных народностей, и прежде всего сирийцев и коптов, которым оно было чуждо и непонятно.

С победой христианства на Востоке возрождается веками придавленная сирийская и коптская народная стихия: развивается народная сирийская и коптская литература, прежде всего религиозная; делаются попытки выработки самостоятельной восточной концепции христианства. И вот эти-то попытки клеймятся официальным православием как «ереси» и служат предметом религиозных споров.

Характер этих «ересей» предопределяется тем обстоятельством, что в восточных провинциях издавна преобладали различные учения и культы в ярко выраженном дуалистическом духе с неприемлемо-пессимистическим отношением к жизни, с суровой аскетической моралью, каким, например, являлось широко распространенное с III века в Месопотамии манихейство. Этот дуализм прекрасно отражал мировоззрение угнетенных сирийцев и коптов, в течение веков придавленных пятой завоевателей — персов, македонян, греков, римлян, в течение веков страдавших от двойного гнета своих и пришлых эксплуататоров.

Если идеологическая опора правительства — православная церковь — стояла очень дорого, причиняла государству массу трудностей своей политикой фанатизма и нетерпимости и, несмотря на все старания, не могла обеспечить политического и морального единства эксплуатируемых с эксплуататорами, то еще хуже обстояло дело с материальной опорой — военными силами, которые уже в период Римской империи гораздо более походили на армию ландскнехтов, чем на старо-римское крестьянское войско. К концу IV века армия еще более изменилась к худшему. Со времен Галлиена в нее был закрыт доступ сенаторам как потенциальным претендентам на императорский престол, а также курiales

и их детям, которые все свое время должны были отдавать курии — собирать налоги и выполнять разные другие повинности. Также и по тем же основаниям в армию не допускались ремесленники и торговцы. Само собой разумеется, в армию не допускались рабы.

Таким образом только самые низкие элементы городского населения, не обязанные государству какими-либо повинностями, могли вступать в армию. Но трудности, долгий срок службы, скудное вознаграждение отталкивали от военной службы и люмпен-пролетариат. Оставалась конскрипция — повинность, лежавшая на крупных и средних собственниках. По требованию правительства крупный земельный собственник должен был выставлять одного или нескольких рекрутов из людей, живущих на территории его имения. Само собой разумеется, землевладельцы старались сбыть рекрутским агентам, каковыми являлись те же декурионы, самых негодных и малоценных своих людей. Правительство предпочитало нанимать варваров, взыскивая с земельных собственников от 25 до 36 солидов<sup>1</sup> за голову рекрута.

Зачисленных рекрутов клеймили, заставляли приносить присягу и обязывали нести военную службу до истощения сил (20—25 лет). Военнослужащим разрешалось вступать в брак, но дети их подлежали обязательному зачислению в армию.

Военная годность подобным образом комплектуемой армии все более уменьшалась. Империи приходилось все больше опираться на наемные варварские силы. Уже в IV веке римская армия считалась тем более боеспособной, чем больше в ней было варваров и чем меньше в ней было туземных, «римских» элементов.

Решительный сдвиг к варваризации армии произошел в 80-х годах, после разгрома готами и восставшими рабами восточно-римской армии в 378 г. в битве под Адрианополем, где погибли две трети армии во главе с самим императором Валентом.

Визиготы, ударившие в первую очередь по Восточно-римской империи, встретили полную поддержку со стороны римских рабов и колонов, которые сбегались к ним массами. Горнорабочие — рабы фракийских рудников — встречали их как своих избавителей, служили им проводниками, показывали скрытые запасы продовольствия, приводили их в поместья богачей. Таким образом создан союз германских племен, восставших против римского государства, с революцией рабов и колонов.

Новый восточный император, «друг гот», Феодосий I должен был прибегнуть к дипломатии, привлекая на свою сторону отдельные отряды готов, чтобы при их помощи водворить относительный «порядок» на Балканском полуострове.

Готам была предоставлена земля во Фракийской провинции; вожди их и дружины были зачислены в римскую армию на положении федератов. Спустя 10 лет после битвы под Адрианополем Феодосий уже имел сорок тысяч готов на своей службе. Они обра-

<sup>1</sup> Солид — около 5 зол. руб.

зовывали лучшую и наиболее боеспособную часть его армии и получали лучшее содержание, чем туземные «римские» войска. Непосредственный военный результат политики Феодосия как будто бы оправдал себя. Готские вспомогательные войска помогли ему одержать две крупные победы над легионами Запада, когда в 388 г. Феодосий ликвидировал узурпатора Магна Максима, а в 394 — Евгения, и в последний раз объединил обе половины империи под своей властью.

Но с политической точки зрения эксперимент Феодосия навлек на Восточную империю, которая после его смерти начала самостоятельное существование, очень серьезную опасность. Хотя варварские вспомогательные войска вербовались в римскую армию и раньше, но они обычно ставились под начальство римских командиров и перемешивались с туземными частями. Теперь они оставались под начальством собственных вождей, занимая притом привилегированное положение по сравнению с туземными частями. Феодосий сверх того доверил ряд высших военных постов германцам.

Естественно, у варваров, державших в руках вооруженную силу империи, должно было являться сильное искушение ограбить территорию Восточной империи, порученную их защите, и сделать попытку водвориться на этой территории в качестве хозяев.

Подводя итоги внутреннему состоянию восточной половины империи, мы видим, что, сохраняя бóльшую экономическую крепость, чем западная, она с самого начала своего самостоятельного существования являлась организмом, страдавшим серьезными болезнями: закрепощением и угнетением большинства населения, коррупцией бюрократического аппарата, слабостью военного аппарата, захваченного в значительной степени варварами и угрожавшего совершенно выскользнуть из рук правящего класса.

Сохранение сильных пережитков рабства при развитии крепостнических форм эксплуатации являлось специфической особенностью Византии. Новый способ производства здесь развивался при сохранении внешней формы старого государства: императорской власти, военно-бюрократического аппарата, и потому развитие его происходило медленно и мучительно для непосредственного производителя. Но при всем сходстве основных процессов развития Восточной и Западной империй нельзя забывать о существенных отличиях в экономике и социальной структуре Восточной империи по сравнению с Западной. Эти-то отличия и дали ей возможность надолго пережить последнюю.





## Глава II

### ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНО-РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В V ВЕКЕ

В 395 г. умер Феодосий. Перед смертью он разделил империю между двумя сыновьями: Запад отдал одиннадцатилетнему Гонорию, Восток — восемнадцатилетнему Аркадию. 395-й год считается годом окончательного разделения империи на две половины, хотя официально сохранялась фикция единой империи, и императорские указы публиковались от имени обоих императоров. Опекуну малолетнего Гонория на Западе Феодосий оставил вандала Стилихона. На Востоке префектом претория и опекуном Аркадия был оставлен западный римлянин Руфин. Но хотя фикция единой империи и сохранялась, отношение между правительствами обеих империй сразу приняли враждебный характер. Современный историк Евнапий делает такое общее замечание об этих временах: «Императорами правили люди, опекавшие их власть, а сами опекуны все время вели между собой войну не открытой силой и с поднятым оружием в руках, но тайно, не оставляя неиспользованным никакого обмана и коварства». <sup>1</sup> Стилихон стремился присоединить к Западной империи всю префектуру Иллирика, не довольствуясь Далмацией и Паннонией. Опекуны Аркадия вели против западного правительства интриги в Африке. Дело дошло до того, что между Востоком и Западом были прерваны всякие торговые сношения, и свободный торговый обмен между обеими империями был восстановлен только в 408 году. Эта вражда затрудняла задачу отражения нападений варваров извне и подавления революционного движения рабов и колонов изнутри.

Правда, революционные движения рабов и колонов конца IV века были как будто подавлены Феодосием, но они постоянно могли вспыхнуть вновь, о чем свидетельствовал бурный рост всевозможных «еретических» учений.

Не менее грозной была варварская опасность, усугубляемая тем, что Феодосий распределил много военных постов между готами и тем позволил им занять преобладающее положение в государственном аппарате.

<sup>1</sup> Eunap. fragm. 62, 63.

Опекун Аркадия Руфин, прежде чем истек год его правления, был убит по приказанию гота Гайны—магистра армии Востока, действовавшего в данном случае по наущению Стилихона.

Император Аркадий, являвшийся безвольной куклой в руках окружающих, должен был передать бразды гражданского правления евноху Евтропию, «препозиту священной опочивальни». Военные силы находились в руках Гайны. Гайна и Стилихон ограничивались пока занятием командных высот в государственном аппарате, но другие вожди варварских дружин считали, что пришло время для более решительных мероприятий.

Один из визиготских вождей, Аларих, вернувшийся из Италии, куда он ходил вместе с Феодосием, после смерти последнего поднял мятеж под предлогом, что советники Аркадия отказали федератам в очередных платежах. Визиготские поселенцы в Мезии и Фракии массами присоединялись к нему. Восточные войска еще не вернулись из Италии. Аларих без помехи грабил Балканский полуостров от Дуная до ворот Константинополя и от Константинополя до глубины Греции. Явившийся из Италии Стилихон два раза имел возможность уничтожить дружины Алариха в Греции. Вместо этого он позволил ему спокойно удалиться на север в Эпир с награбленной добычей. Источники, близкие по времени к этим событиям, сохранили толкование поступков Стилихона в том смысле, что он желал при помощи Алариха присоединить к Западной империи префектуру Иллирика. Аларих за свои грабежи получил от Восточно-римского правительства титул магистра армии и щедрое правительственное содержание. Визиготы были поселены в качестве федератов в Иллирике — одной из плодородных провинций империи. В их руки попали большие запасы хлеба, магазины, арсеналы.

Евтропий, вооружая и размещая готов вблизи Италии, сознательно наталкивал их на вторжение в пределы Западной империи.

Однако такая политика, допуская безнаказанные варварские грабежи на Балканах, повидимому вызвала сильные протесты и негодование в Константинополе. До нас дошла записка, поданная Аркадию или лично прочитанная ему штолемаидским епископом Синесием в 397—398 году.

В своей речи к Аркадию Синесий говорит: «Война для защиты государства не может с успехом вестись иноплеменными войсками. Берите защитников отечества с собственных полей и из подвластных городов. В них вы найдете настоящую охрану того государственного порядка и тех законов, в которых родились и воспитались воины. Разве вы не видите крайней опасности в том, что те чуждые нам военные люди, которым вы вверили защиту нашей страны, могут захотеть господствовать над безоружным населением? Постарайтесь же умножить собственные полки. Вместе с этим поднимется и народный дух, который с успехом выдержит борьбу с вражеским вторжением».<sup>1</sup> Синесию легче, однако, было давать свои советы,

<sup>1</sup> Synesius, *Περὶ βασιλείας*, *Patrolog. graec.*, т. LXVI, стр. 1090, 1091.

чем Аркадию, окруженному готскими военачальниками и готской гвардией, их выполнять, но создавшееся положение было ненормальным и не могло долго продолжаться. Заносчивость и грабежи готов усиливались. А параллельно с этим росло озлобление против них и не только среди восточно-римской знати, но и среди константинопольского населения, ненавидевшего готов как еретиков-ариан и грабителей. В 399 г. соплеменник Гайны Трибигильд, вождь готов, поселенных в Малой Азии (во Фригии) поднял восстание и, под предлогом смотра подчиненных ему сил, подверг жестокому ограблению население Фригии. Движение Трибигильда было поддержано рабами так же, как рабы поддерживали восстание визиготов в 378 г. на Балканском полуострове. Притом во Фригии оказалось много рабов из племени готов. Из Фригии Трибигильд проник в Писидию, Ликаонию, Памфилию. В последней крупные землевладельцы успели организовать свои силы и нанести готам чувствительное поражение. Восстание было бы быстро подавлено, если бы Трибигильд не нашел поддержки со стороны высшего начальника войск империи — Гайны. Одновременно Гайна потребовал устранения и казни правителя государства евнуха Евтропия, а когда это требование было выполнено — выдачи ему вождей враждебной готам группировки во главе с префектом претория Аврелианом, угрожая в противном случае взять Константинополь силой. Аркадий был вынужден согласиться и на эти требования; виднейшие противники готского засиления были отправлены в изгнание. Гайна с своими готами вступил в Константинополь.

Казалось, Восточная империя еще раньше Западной должна была сделаться добычей варваров. Но здесь положение было спасено Константинопольскими димами.

Еще до Адрианопольской катастрофы 378 года население столицы, видя недостаточную защиту стен, потребовало оружие, чтобы отразить готскую опасность. Теперь сама императорская власть должна была прибегнуть к его содействию. 12 июля 400 г., когда Гайна и часть его ополчения находились вне города, в столице началась борьба между населением и остававшимися в городе готами. Население напало на них с импровизированным оружием. Ворота города были закрыты; Гайна и его войско не могли проникнуть обратно в город. Изолированные отряды готов, в количестве семи тысяч, были перебиты в разных частях столицы.

Гайна теперь объявил открытую войну империи, но часть готов удалось сохранить на императорской службе. Гайна потерпел поражение и был убит. Бурные события 400 года вызвали новое восстание рабов и колонов во Фракии. Для его подавления была снаряжена крупная воинская экспедиция во главе с победителем Гайны Фравиттой, которому удалось успешно справиться и с этой задачей.

Таким образом в самом начале V века восточно-римскому правительству удалось успешно осуществить обе задачи: на время отразить нападение варваров извне и подавить революционное движение рабов и колонов внутри империи.

Правительство вынуждено было учесть урок и в дальнейшем избегать повторения эксперимента Феодосия, хотя создать боеспособную туземную армию и освободиться от необходимости пополнения армии варварами-федератами ему еще долго не удавалось.

Активная роль населения столицы во время событий 400 года должна была, вероятно, именно в это время заставить правительство признать за городскими димами право иметь свои военные организации.

Улучшению внешнего положения Восточной империи способствовало также и то обстоятельство, что Аларих с своими визиготами с весны 401 г. направил все свое внимание на запад, а в 409 г. окончательно покинул Балканский полуостров, двинувшись в Италию.

Аркадий получил возможность провести оставшиеся семь лет своей жизни в относительном спокойствии. Спокойствие империи было, однако, только относительным. В 403 г. вспыхнуло восстание исавров, воинственного племени, мало поддававшегося воздействию греческой культуры, жившего на южном побережье Малой Азии между Памфилией на западе и Киликией на востоке. Отряды исавров проникали на юге в Сирию, на западе в Каппадокию, доходя до самого Черного моря. Это восстание императорские военные силы не могли подавить в течение долгого времени.

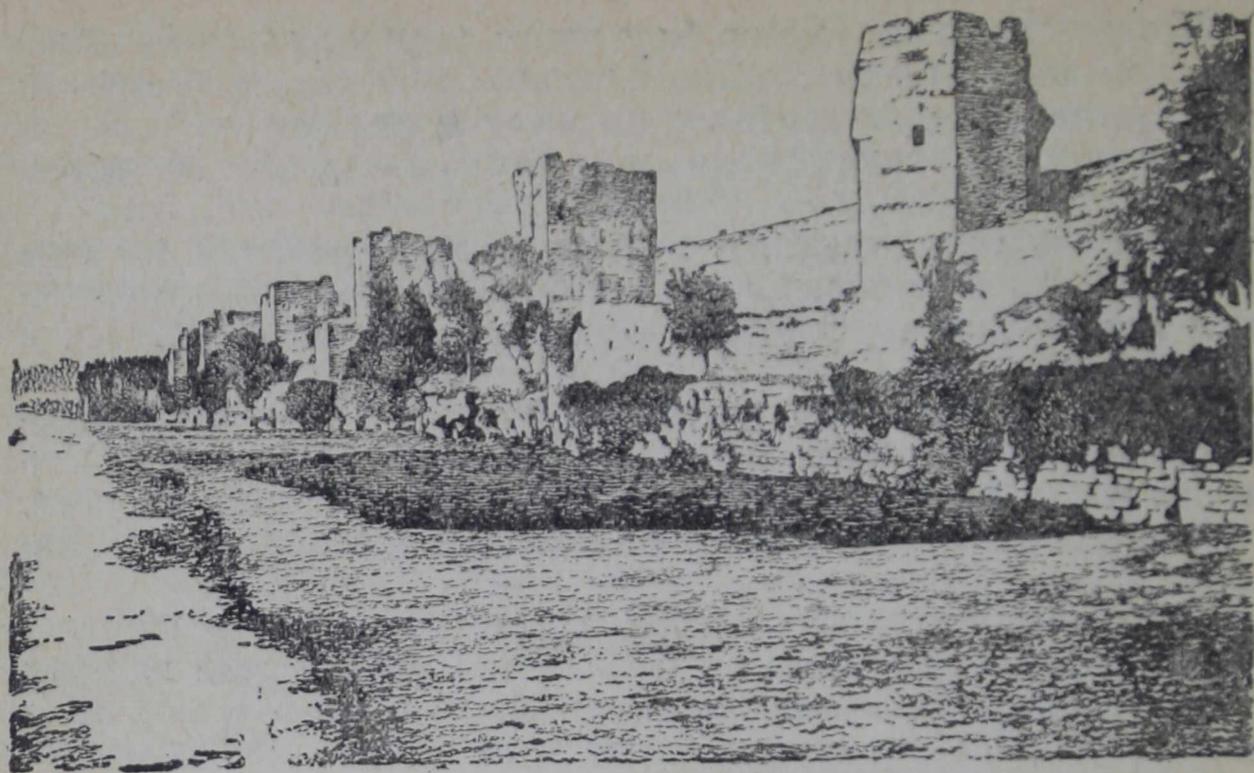
В самой столице в 403—404 г. произошло неожиданное и шумное столкновение между императорской властью и константинопольским епископом Иоанном Златоустом, блестящим оратором и аскетом, предпринявшим запоздалую и бесполезную попытку борьбы с развращенностью духовенства. Естественно, такой епископ не мог прийти ко двору в столице Восточной империи.

Наскоро собранный церковный собор осудил и низложил Иоанна, отправленного затем в изгнание.

Попытка «очищения» церкви потерпела таким образом решительную неудачу. Равным образом первое столкновение светской и церковной власти в Константинополе закончилось решительной победой первой.

Слабый и инертный Аркадий умер в 408 г. в возрасте 31 года, его жена умерла еще раньше. Императорский трон наследовал семилетний Феодосий II. В истории Рима, кажется, не было случая, чтобы малолетний наследник мог спокойно наследовать трон отца. Однако Феодосий в течение 42 лет занимал императорский престол, хотя он и по достижении совершеннолетия не обнаружил никаких качеств правителя, больше всего интересуясь искусством красивой переписки рукописей, за что получил от своих подданных прозвище «Каллиграфа».

Напуганная событиями конца IV века, а еще больше событиями на Западе высшая служилая знать, сознававшая необходимость сплочения, прочно держала в своих руках государственную власть и при Аркадии и в малолетство его сына, когда во главе правления стоял префект претория Востока Анфимий.



*Стены Константинополя.*

В это время был заключен сравнительно выгодный договор с Персией, построена флотилия на Дунае, где римские войска не появлялись после смерти Валента уже сорок лет, и положена преграда гуннским набегам на эту линию.

Было обеспечено бесперебойное снабжение Константинополя египетским хлебом.

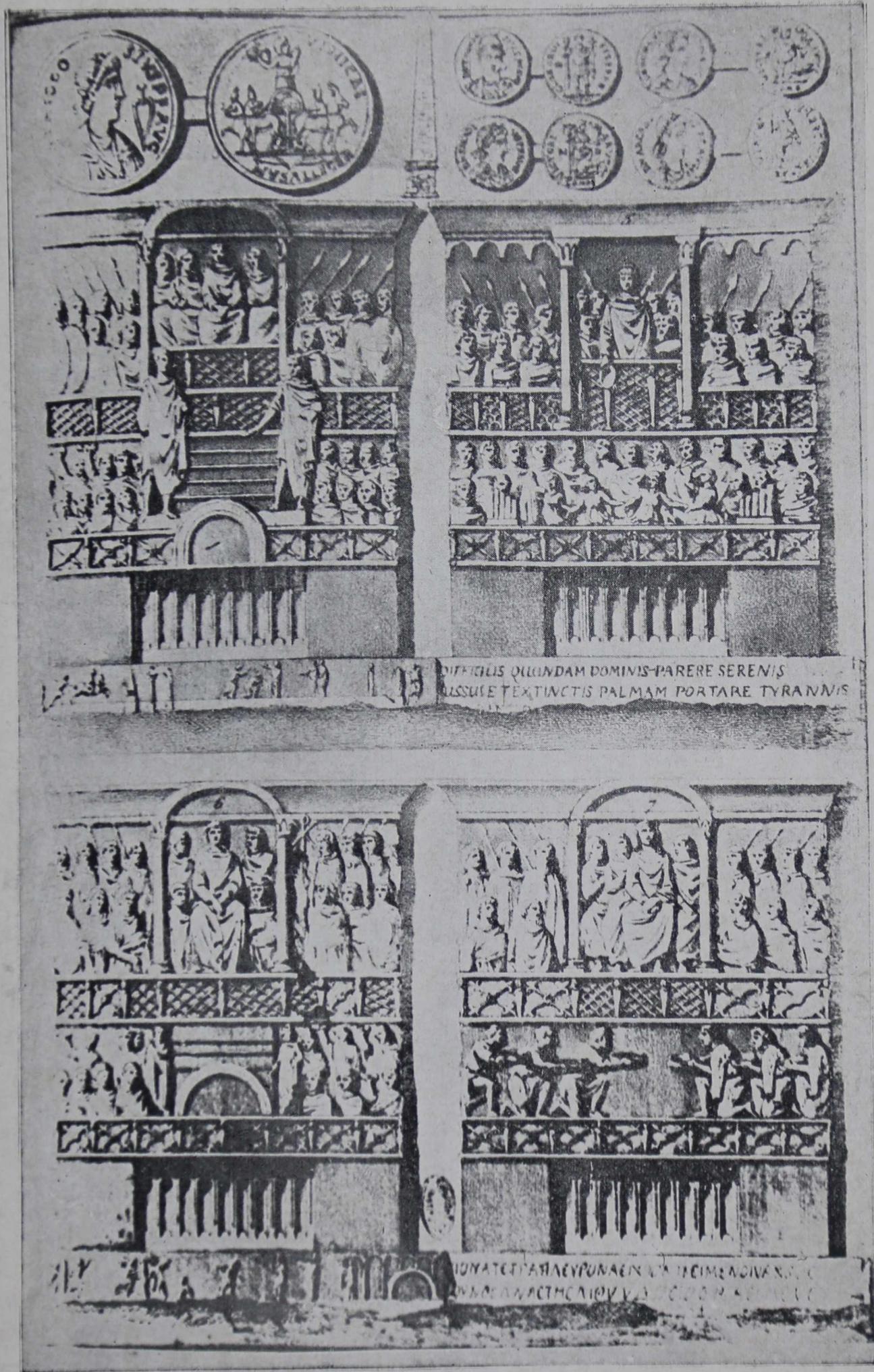
Была приведена в относительный порядок опустошенная северо-западная часть Балканского полуострова, оставленная готами. Там были приняты экстренные меры для постройки стен городов и возведения укреплений. И Константинополь в 413 г. был укреплен со стороны суши новыми стенами.

В 415 г. правительство было вынуждено издать указ о сложении всех накопившихся за 40 лет недоимок с населения провинций префектуры Востока.

Но одновременно, в том же 415 г. правительство узаконило патронатные отношения, сложившиеся до 397 года, признав подчинение клиентов и власть над ними патронов и возложив на последних ответственность за исправное поступление налогов с их колоннов.<sup>1</sup> Тем самым правительство усиливало зависимость колоннов от крупного землевладельца, увеличивало силу и мощь последнего.

В 414 г. во главе империи становится старшая сестра Феодосия Пульхерия, а Анфимий уступает свой пост Аврелиану, бывшему его предшественником до 405 г. Деятельность правительства теперь приобретает особенно строгое церковное направление.

<sup>1</sup> Cod. Theod., XI, 24, 6.



Барельефы колонны Феодосия в Константинополе.  
 (Beylie. L'habitation byzantine, II, 28.)



Барельефы колонны Феодосия в Константинополе.  
(Beylie. L'habitation byzantine, II, 28.)

Под влиянием Пульхерии императорский дворец стал походить на монастырь. День начинался с пения псалмов и чтения евангелия, неукоснительно совершались все положенные по уставу церковные служения. В соответствии с такой церковной направленностью дворца, деятельность правительства характеризовалась усилением религиозной нетерпимости и преследований за веру. В 416 г. язычники были лишены права вступать на государственную службу; в частности запрещено было назначать их правителями провинций.

В 418 г. закрыта была государственная служба для очень многочисленных на востоке евреев, а уже состоявшие к этому времени на военной и гражданской службе должны были быть удалены. Им разрешалось только крайне тяжелое, обременительное пребывание в городских куриях, если они по происхождению принадлежали к декурионату. Одновременно усилены были гонения против монтанистов, ведших аскетический образ жизни и борющихся с господствующей церковью.

Еще дальше правительства в изуверстве и фанатизме шли представители духовенства.

Особенным фанатизмом в этом отношении отличались египетские церковники, причинившие крупный ущерб мировой культуре беспощадным уничтожением сокровищ античной литературы и искусства. Уже в 391 г. был сожжен по наущению епископа Феофила знаменитый Серапеум со всеми его обширными книжными сокровищами. Особенным изуверством в этом отношении отличался избранный в 412 г. александрийским патриархом племянник Феофила Кирилл, причисленный православной церковью за свои «подвиги» к лику святых. Кирилл прежде всего обрушился на еретиков-новациан, самовластно закрыл их молитвенные дома и конфисковал их имущество. Вслед за тем он организовал страшный погром евреев, которые со времен Птолемея составляли значительную часть населения Александрии и имели свое самоуправление. Кирилл сам повел народ на синагоги, разрушил их до основания, изгнал из города всех евреев и отдал их имущество на разграбление.<sup>1</sup> Напрасно префект Египта Орест жаловался в Константинополь на самоуправство Кирилла и на экономический ущерб, причиненный этими действиями городу и государственному казначейству. «Деяния» Кирилла остались безнаказанными. Фанатические монахи и церковники могли продолжать свои бесчинства.

В Александрии жила в то время известная на всем востоке своей ученостью и красотой Ипатия, унаследовавшая от своего отца — известного математика — преподавательскую профессию и обучавшая молодежь математике и философии. Среди ее учеников были и христиане, в том числе Синесий, сделавшийся потом епископом Киренским. Но так как она оставалась верной эллинизму, как тогда называлось язычество, то от фанатизма монахов ее не

<sup>1</sup> Socrates, Historia ecclesiastica, Patr. graec., v. 67, 7, 13.

спасла ни ученость, ни всеобщее уважение, ни даже покровительство префекта Египта. В марте 415 г. толпа монахов напала на нее на улице, затащила в главную церковь — Кесарион, зверски умертвила, стащила труп на лобное место и там сожгла.

Если церковные историки прославляют сестру и опекуницу Феодосия II как святую, то языческий историк Евнапий оставил весьма суровый отзыв о продажности чиновников и вопиющей несправедливости в судах во время правления Пульхерии.<sup>1</sup> Практиковалась беззастенчивая продажа государственных должностей. Должности правителей провинций приобретались по установленной таксе в зависимости от доходности этих провинций. Получал назначение тот, кто давал больше, чем другие соискатели, в надежде возместить свои расходы за счет отданной ему в управление провинции. Для провинциалов было слабым утешением, что правительство время от времени организовывало судебные процессы о вымогательствах против таких правителей, отбирая у них не только награбленное, но и их собственное имущество.

Не решаясь, несмотря на свой религиозный фанатизм, закрыть знаменитую Афинскую высшую школу, являвшуюся последним оплотом язычества, правительство в противовес языческой школе создает в Константинополе в 425 г. новую высшую школу уже под христианским руководством, в которой была организована 31 кафедра, а именно 10 грамматиков, обучавших латинскому языку, 10 греческому, 3 латинских ритора и 5 греческих.

Позже к ним было прибавлено 2 законоведа и 1 философ. Назначение преподавательского персонала было предоставлено сенату, а школа находилась в ведении префекта города.

Для упрочения позиций императорской власти и укрепления, путем систематизации действующего права, власти крупных землевладельцев, в 438 г. был издан «кодекс Феодосия», сборник указов христианских императоров, начиная с Константина I до времен Феодосия. Он был введен в Восточной и Западной империях, но оказал большое влияние и на законодательство варварских королевств.

Правительство Феодосия II не могло, разумеется, остаться безучастным к происходившему в то время развалу Западной империи, с которой Восточная империя формально не переставала составлять одно целое. Враждебные отношения между Востоком и Западом имели место только при Стилихоне. Его казнь и победа римской партии на Западе имели своим действием коренное улучшение отношений между обеими империями. Восточное правительство неоднократно пыталось даже оказать помощь «законному» правительству Запада, но все эти попытки не имели сколько-нибудь значительных последствий.

Когда в 409 г. Аларих с своими визиготами овладел большей частью Италии, а в Риме был провозглашен императором его креатура Аттал, «законный» император Гонорий был спасен от гибели

<sup>1</sup> Eunap. fragm. 87.

посылкой в Равенну восточно-римского флота с сухопутными войсками для пополнения равеннского гарнизона. В 425 г. после смерти Гонория восточно-римское правительство поддержало опять-таки «законного» наследника западного престола — Валентиниана, сына сестры Гонория Плацидии. Захвативший императорскую власть на Западе потарий Иоанн был разбит войсками Восточной империи, направленными в Равенну сушей и морем под начальством магистра армии Ардабурия и его сына Аспара, и казнен.

Когда в 431 г. вандалы захватили житницу Италии Африку, Феодосий по просьбе западного правительства отправил в Африку войско под начальством того же Аспара, но на этот раз войско восточных и западных римлян потерпело жестокое поражение. В 439 г. вождь вандалов Гензерих овладел столицей Африки Карфагеном, подвергнув город страшному разорению. Новая волна беглецов африканской знати и духовенства хлынула на восток, умоляя о помощи. Правительство Восточной империи сделало более серьезную попытку помочь погибавшей Западной империи. Был снаряжен огромный флот, в Сицилию посланы крупные военные силы; однако это предприятие кончилось безрезультатно: как раз в это время вождь гуннов Аттила вторгся в придунайские области Восточной империи, и Феодосий должен был поспешно отозвать войска для защиты собственных владений, заключив с Гензерихом мир (442 г.). Таким образом Африка осталась в руках вандалов.

Большим счастьем для Восточной империи было то, что она имела обеспеченный тыл, так как мир с иранской державой Сасанидов, ослабленной внутренними противоречиями, не нарушался в течение почти всего V века, за исключением коротких и малозначительных пограничных столкновений в 420—422 гг.

Неудача попыток помочь Западной империи показала, что правительство Феодосия II не располагало достаточно боеспособным войском. Об этом же говорит и плачевный для Восточной империи исход борьбы с знаменитым гуннским вождем Атилой.

В начале правления Феодосия византийским военным силам удавалось сдерживать напор гуннов. Так в 412 г. Анфимий счастливо отразил нападение гуннов и принудил их довольствоваться умеренными субсидиями. Положение изменилось, когда вождем гуннов стал грозный Аттила, возглавивший огромный союз племен, куда, кроме гуннов, входили гепиды, жившие в гористых районах южной Дакии; остроготы, ругии, расположенные по близости Тиссы, скиры, турцилинги, свевы, аланы под управлением своего вождя Кондака. Среди зависимых от Атилы племен насчитывалось также, вероятно, немало и славян, так как к началу VI века славяне уже прочно осели на левом берегу реки Дуная, а появление их здесь должно быть отнесено к еще более раннему периоду. В течение первых лет своего правления Аттила был занят главным образом военными делами в Причерноморье, в частности подчинением акациров в Прикавказских степях. С 441 г. Аттила, искусно воспользовавшись отвлечением военных сил империи против вандалов, обрушивается на Восточно-римскую империю.

Гунны быстро овладели важными пограничными крепостями — Виминацием и Сингидуном (Белград). Марг пал вследствие предательства епископа, выдавшего гуннам город. Появившись под стенами Наисса (Ниша) и разрушив его стены стенобитными орудиями, гунны разгромили и этот важный в стратегическом отношении город. Атила не решился атаковать Константинополь, но он взял штурмом Аркадиополь и Филиппополь. Только крепость Асема прославилась храбрым и упорным сопротивлением. Феодосий II вынужден был спешно отозвать войска из Сицилии и заключить с Гензерихом мир (442), по которому Африка осталась в руках вандалов. Но спешно переброшенная на Балканы восточно-римская армия потерпела поражение от гуннов в Фракийском Херсонесе. Правительство Феодосия II было вынуждено купить мир на очень тяжелых условиях: уплатить единовременно 14 тыс. фунтов золота, выдать всех перебежчиков, обязаться уплачивать тяжелую дань в 2100 фунтов золотом ежегодно. Но решающее значение имело то обстоятельство, что вследствие нападения Атилы Восточная империя была лишена возможности оказать помощь Западной в критические для последней дни. Западная же империя была слишком ослаблена, чтобы без помощи Восточной справиться с Гензерихом. Северная Африка, богатая житница Рима, была окончательно потеряна, и море оказалось во власти вандалов. Вследствие нашествия гуннов была predetermined судьба Западной Римской империи. «...Неримляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим».<sup>1</sup> По отношению к Восточной империи ближайшие цели Атилы сводились к тому, чтобы постоянными вымогательствами и опустошениями держать ее в состоянии постоянной слабости, а обязательством не принимать перебежчиков Атила лишал Восточную империю главного источника пополнения ее наемной армии. Но Иллирику и Фракии удалось получить передышку только на три года. В 447 г. гунны снова вторглись в пределы Восточной империи. Теперь гуннами были опустошены провинции Нижняя Мезия и Скифия, мало пострадавшие в предшествующее нашествие. Современники сообщают, что от гуннского нашествия пострадало около 100 городов. Восточно-римский полководец Арнегискл был разбит в битве на берегах реки Вид. В 448 г. был заключен новый мирный договор, по которому, в добавление к прежним обязательствам, восточное правительство принуждалось пограничную территорию между Сингидуном и Новами, шириной в 5 дней пути, оставить незаселенной. Разоренный Ниш должен был оставаться пограничным пунктом. Это условие, очевидно, должно было удовлетворить потребность гуннов-кочевников в больших необитаемых пространствах. Но требования и вымогательства Атилы росли вместе с победами. Прибывший в Константинополь посол Атилы Эдекон, наряду с другими домогательствами, требовал окончательной уступки гуннам территории между Сингидуном и Новами. Чтобы избавиться от растущих требований и вымогательств Атилы,

<sup>1</sup> И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 432.

восточно-римское правительство предложило Эдекону за щедрое вознаграждение организовать убийство Аттилы. Для содействия заговору к Аттиле было отправлено посольство во главе с сенатором Максимином. Из задуманного предприятия ничего, однако, не вышло. Аттила раскрыл замыслы константинопольского правительства, и это повлекло для императора ряд новых унижений и жертв. Секретарь Максимиана Приск оставил потомству подробное описание своего путешествия к Аттиле в 448 г., сохраненное в сборнике Константина Порфирородного и являющееся основным источником для изучения европейских гуннов V века.

Одновременно с набегами Аттилы правительство и население Восточной империи было обеспокоено церковными делами.

Уже было указано, что переработанное в III—IV вв. с помощью философии Платона христианство было чуждо и непонятно сирийцам и коптам и притом не только всей массе, но и наиболее передовым и прошедшим эллинистическую выучку элементам. Даже среди этих эллинизированных элементов философия Платона никогда не была популярна. Здесь предпочиталась философия Аристотеля, с точки зрения которой нельзя было понять ни «троицы», ни «богочеловечества».

Поэтому в Сирии в 30—40 годах образовалось направление, на основе философии Аристотеля борющееся против официального православия, имея своим центром богословскую школу в Антиохии, а затем Эдессе. Восточные «еретики», вождем которых явился константинопольский патриарх Несторий, отстаивали самостоятельность человеческой природы Христа и называли деву Марию не «богородицей», а «христородицей». Это рационалистическое, родственное арианству направление получило значительное распространение не только среди эллинизированных восточных церковников, но и среди сирийского купечества.

В 431 г. на церковном соборе в Эфесе уже известный нам александрийский патриарх Кирилл добился низложения и отлучения от церкви патриарха Нестория. Император и двор склонны были вначале поддержать Нестория, но «святой» Кирилл проявил себя ловким и беззастенчивым интриганом. Он поднял против Нестория многочисленное монашество, выступившее с шумной демонстрацией перед императорским дворцом. Владея огромными богатствами александрийской церкви, Кирилл не постеснился подкупить влиятельных придворных евнухов. Несторий был осужден, низложен и отправлен в ссылку в Египет. Его последователи, остававшиеся в Сирии, были подвергнуты гонению. Но если господствующей церкви удалось сравнительно легко справиться с несторианством, опиравшимся только на немногочисленные круги сирийских церковников и торговцев, то гораздо более опасной для него являлась вторая восточная ересь — монофизитство.

Монофизиты проповедовали, что Христос не человек, а бог, что в нем только одна природа, а не две, как учила господствующая церковь. Центром монофизитской проповеди явились египетские и сирийские монастыри. Монофизитство с гораздо большей нетерпи-

мостью, чем несторианство, относилось ко всему эллинистическому, ко всему греко-римскому, клеймило его, как язычество. Выступая под знаменем исключительного господства религии в жизни, под знаменем суровой аскетической морали, оно повело жестокую борьбу против господства в жизни мирских интересов, против роскоши, образованности, официальной церкви.

Борьба против двух природ, — говорит профессор Дьяконов, — была для них символом борьбы против царства дьявола, к которому они относили все мирское, все, чем жила богатая греко-римская эксплуататорская верхушка и эллинизированные туземные эксплуататоры.<sup>1</sup>

Обширная монашеская сирийско-коптская литература ярко отражает монофизитскую проповедь. Она находила широкий отзвук в угнетенных народных массах восточных провинций империи, несравненно более мощный, чем арианство. Она находила сочувственный отзвук и среди населения западных провинций и даже в самой столице, где все более усиливалось влияние восточных элементов. В Египте же, Сирии, Месопотамии и Армении монофизитство постоянно и безостановочно вытесняло господствующую церковь.

Руководителями монофизитов были александрийский патриарх Диоскор и константинопольский архимандрит Евтихий. Константинопольский епископ Флавиан, собрав местный собор, осудил Евтихия как еретика. Это вызвало вмешательство Диоскора и созыв в 449 г. Эфесского «вселенского» собора церковников, получившего в истории прозвание «разбойничьего». Партия монофизитов с Диоскором во главе путем применения насильственных мер заставила признать Евтихия и монофизитов правоверными и осудила их противников. Осужденный и отправленный в ссылку Флавиан умер на пути от нанесенных ему на соборе побоев. Решения «разбойничьего» собора были утверждены Феодосием. Благодаря своим эфесским победам александрийский патриарх стоял на пути к тому, чтобы превратить восточный Рим в свою церковную область и стать первой силой в государстве. По крайней мере в Египте Диоскор чувствовал себя полным хозяином. Он изгонял, конфисковывал имущество, убивал, имел своих охранников. Не только провинциальная администрация была перед ним беспомощна, но он игнорировал самого императора. Ему приписывают изречение: «Страна больше принадлежит мне, чем императору».<sup>2</sup>

Однако после смерти Феодосия в 450 г., константинопольское правительство резко изменило свою церковную политику. Сестра Феодосия Пульхерия, которой император оставил власть, вступила в брак со старым сенатором Маркианом и сделала его таким образом своим соправителем (450—457). Диоскор, повидимому, скомпрометировал себя как противник нового императора. Во всяком случае новое правительство первой своей задачей поставило свержение египетского иерарха, заручившись для этого ценным союзником в лице римского папы. На созванном в 451 г. IV вселенском

<sup>1</sup> Дьяконов, Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды.

<sup>2</sup> Maspero, Histoire de patriarches, стр. 61.

соборе в Халкидоне императорские чиновники, действовавшие в союзе с папскими послами, добились осуждения монофизитства и александрийского патриарха: Диоскор был низложен и отправлен в ссылку. Одновременно были реабилитированы приверженцы Нестория Феодорит Кирский и Ива Эдесский. Собор предписывал признавать две природы Христа «в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого». Вслед за собором последовал ряд строгих законов против еретиков и, главным образом, монофизитов, которых стали наказывать ссылкой и заключением.

Монофизиты в свою очередь повели агитацию против Халкидонского собора, обвиняя его в измене вере и принятии несторианства. Эта агитация нашла благоприятную почву в восточных провинциях империи — Египте, Месопотамии. Среди коптов и сирийцев давно уже зрело недовольство империей. Монофизитство явилось знаменем, вокруг которого они начали объединяться для борьбы против угнетающего их правительства, объявленного монофизитами нечестивым и еретическим.

В Палестине немедленно по окончании собора началось мятежное движение. Иерусалимский патриарх Ювеналий бежал в Константинополь. Его место занял монофизитский монах Феодосий, низлагавший епископов, сторонников Халкидонского собора, и посвящавший новых. Движение охватило всю страну, сопровождаясь поджогами церквей и правительственных зданий и убийствами духовных лиц, остававшихся верными официальной церкви.

Движение пришлось подавлять военной силой. Близ города Неаполя войска рассеяли восставших, среди которых главную роль играли монахи. Еще тревожнее было положение в Египте. Появление назначенного на место Диоскора нового патриарха Протерия вызвало крупные беспорядки, в которые было вовлечено все население города. В наказание правительство лишило население раздачи хлеба, прекратило игры на гипподроме и закрыло общественные бани. Но волнения продолжались. Небольшой гарнизон Александрии был истреблен восставшими. Пришлось посылать более крупные силы и отменить наложенное на город наказание. Однако и после этого большинство населения упорно не признавало Протерия.

Таким образом результатом Халкидонского собора явился церковный раскол в империи и начавшееся обособление восточных провинций.

Резко изменил Маркиан правительственную политику и по отношению к димам. Если правительство Феодосия покровительствовало зеленым, то Маркиан опирался на голубых. Он опубликовал указ, по которому все, принадлежащие к диму зеленых, теряли на три года право занимать какие-либо должности — как военные, так и гражданские. Источники, к сожалению, не сообщают, какие действия дима зеленых вызвали эти репрессии со стороны правительства.

Маркиан принадлежал к той же сенаторской партии, представителем которой в начале правления Феодосия являлся Анфимий. Классовая окраска мероприятий Маркиана ярко проявилась

в его налоговой политике и его заботах о нуждах правящего класса. Вместо облегчения налогов, тяготевших над народными низами, император освободил сенаторское сословие от тяжелой, по его мнению, подати, налагаемой на сенаторов (*follis*). В интересах этого же сословия он облегчил для сенаторов бремя претуры, старой республиканской должности, потерявшей всякое действительное значение, но связанной с обременительными денежными повинностями. Если для сенаторов проводились совершенно конкретные мероприятия, то для других подданных в новеллах Маркиана мы находим лишь общие места и пожелание, чтобы правители провинций «могуществу сильных людей противопоставляли благодетельную силу закона и дух неподкупности».

По отношению к гуннам Маркиан решился на смелый шаг. Он отменил платеж дани гуннам. Это мероприятие могло бы стоить империи дорого, если бы Атила не был отвлечен своими обширными завоевательными планами на западе. Его неудача на Каталаунских полях (451) и затем последовавшая через два года смерть вызвали распад гуннского племенного союза и неожиданное избавление Восточного Рима от грозного соседа.

Со смертью Маркиана прекратилась династия Феодосия. Выбор нового императора был предоставлен армии. Воздем же армии в описываемое время являлся первый член сената и магистр войск Аспар, алан по происхождению, опиравшийся на свою сильную личную дружину и на готских федератов. Род Аспара в течение трех поколений занимал высшие военные и гражданские должности в империи. Однако он и его три сына, будучи арианами, не могли претендовать на императорский престол. Поэтому Аспар добился избрания императором одного из своих людей, бывшего трибуна старой войсковой части Маттиариев—Льва (457—474), рассчитывая в Восточной империи распорядиться государственными делами так, как ими на Западе в то время распорядился магистр армии Рицимер, по своему усмотрению назначавший и низлагавший западных императоров.

Проводя на императорский престол свою креатуру — Льва, Аспар заручился от него обещанием сделать своим преемником одного из его сыновей. Могущество Аспара ясно говорит о том, что старая система комплектования армии или целыми варварскими племенами или отдельными вождями с их дружинами сохранялась и теперь. Могущество Аспара свидетельствовало о преобладающем значении варварского элемента в восточно-римской армии. А действия варварских вождей, захвативших власть в Западной империи, подстрекали к подобным же действиям в Восточной. Правящая же прослойка Восточной империи, естественно, не испытывала никакого желания очутиться во власти Аспара и его готом. Чтобы избежать этой участи, нужно было во что бы то ни стало создать туземную армию, которая могла бы быть противовесом Аспару и его федератам. Решение этой задачи правительством Льва, который тоже стремился освободиться от опеки Аспара, было найдено в том, чтобы противопоставить готам исавров.

По своему культурному уровню исавры стояли немногим выше готов, но имели перед ними то преимущество, что были местным, туземным населением и считались подданными империи. Лев решил использовать военные качества исавров, создав из них несколько военных частей в армии Востока, сформировал из них военный отряд, носивший имя экскувитов, для своей личной охраны, породнился с одним из исаврских племенных вождей Тарасикодиссой, переименовав его в Зинона и удостоив консульского звания.

В 465 г. Восточная империя сделала еще одну попытку активно вмешаться в дела Запада. Когда римский сенат обратился к Льву с просьбой дать императора Западу, правительство Льва остановило свой выбор на богатейшем константинопольском сенаторе Анфимии. Огромные средства позволили Анфимию снарядить целое войско, с которым он и направился в Италию. Был выработан план совместной борьбы объединенными силами двух империй против королевства вандалов. Путем большого напряжения государственных средств удалось снарядить огромный флот, насчитывавший 1113 судов и снабженный всеми средствами тогдашней техники; собрана огромная сухопутная армия, которую византийские источники — несомненно преувеличенно — исчисляют в сто тысяч. Во главе основных военных сил был поставлен брат императора Василиск (468 г.).

Операции против вандалов начались успешно, но полная неспособность командующего или его измена явилась, по мнению византийских источников, причиной поражения. Вместо того чтобы немедленно идти на Карфаген, Василиск вступил в переговоры с вандальским королем Гензерихом. Последний, выбрав удобный момент, не дожидаясь срока окончания перемирия, внезапно напал на стоявший у мыса Меркурия императорский флот и уничтожил его. Узнав о поражении флота, сухопутная армия отступила. Так бесславно погибло предприятие, стоившее огромных сумм (около 30 миллионов рублей золотом). Казначейство империи долго не могло оправиться после этого краха. Более важным следствием этой катастрофы являлось давно подготавливавшееся крушение Западной империи. Ставленник восточного императора Анфимий в 472 г. был убит в Риме по приказанию Рицимера. Гибель огромного флота и крушение широких надежд, связанных с этой экспедицией, вызвали в Константинополе страшное негодование против Василиска, который по возвращении должен был искать убежище в церкви.

Страшную катастрофу приписывали интригам и противодействию Аспара. Его обвиняли в том, что, как варвар и арианин, он сочувствовал вандалам и обещал Василиску свое содействие в достижении трона, если он погубит дело, во главе которого был поставлен.

Но если африканское предприятие Византии против вандалов потерпело полное поражение, то в Константинополе соотношение сил складывалось все более неблагоприятно для Аспара. В 471 г. дело дошло до решительной развязки. Лев заманил Аспара с сыновьями во дворец, и там, по его приказанию, Аспар и его стар-

ший сын Ардабурий были убиты. Последовавшая ожесточенная схватка между исаврской и готской частью дворцовой охраны закончилась победой исавров.

Константинополь был освобожден от варварской угрозы. Труднее было разрешить эту задачу на территории Балканского полуострова, где мстителями за Аспара выступили вожди остроготов.

Остроготы, находившиеся в зависимости от гуннов во времена Атиллы и вместе с ним ходившие в Галлию, после распада гуннского союза племен приобрели полную независимость и с согласия восточного императора Маркиана заняли Паннонию на правах федератов. Однако часть племени, включив в свой состав обломки некоторых других племен, перешла Дунай и образовала самостоятельную группу федератов империи. Вождем их был Теодорих, сын Триария, связанный родственными узами с Аспаром.

Перед решительной борьбой с Аспаром, Лев сделал попытку расположить к себе паннонских готов, отпустив сына одного из их вождей (Теодемира) Теодориха, находившегося в Константинополе в качестве заложника. Но эта любезность не помогла делу.

В 470 г. паннонские готы овладели Сингидуном (Белград), затем, продвигаясь на юг, захватили и разграбили Наисс (Ниш). Льву, однако, удалось примирить с собой паннонских готов, предоставив им земли для поселения в Нижней Мезии.

Что касается Теодориха, сына Триария, то он в 473 г. потребовал передачи ему всего наследства Аспара и звания магистра армии.

Получив отказ, он начал грабить Фракию и взял приступом город Аркадиополь. Лев вынужден был предоставить ему высшее военное звание империи, уплатить крупную субсидию и отвести его племени места для поселения во Фракии.

Мы мало осведомлены о внутреннем состоянии империи в 60—70 годах V века. Можно, однако, с несомненностью установить, что время правления Льва характеризуется дальнейшим ростом крупного светского и церковного землевладения. Землевладельцы, создавая личные дружины, так называемых букеллариев, из исавров и вооруженных рабов, пользуются ими для захвата чужой собственности. Той же цели они достигали и мерами экономического принуждения. Свободные крестьяне и крестьянские общины продолжали переходить под патронат сильных людей, а правительственные запрещения обходились путем составления фиктивных документов (дарственной, запродажи, сдачи в аренду и т. д.). Этот процесс протекал настолько интенсивно, что правительство Льва оказалось вынужденным вступить с ним в борьбу, пытаясь сохранить мелкое крестьянское землевладение и помешать дальнейшим узурпациям прав государственной власти со стороны земельных магнатов. Так в 468 г. Лев и Анфимий издали новеллу о жителях митрокомии, запрещавшую владельцам, входящим в состав ее, продавать тем или другим способом свои участки кому-либо иному, кроме членов той же общины.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Cod. Just., XI, 56, (55).

Эта новелла интересна не только тем, что она говорит о попытках правительства поддержать еще уцелевшие свободные крестьянские хозяйства, но и тем, что она свидетельствует для V в. о наличии следов сельской общины в византийской деревне. До недавнего времени буржуазные ученые, признававшие существование общины в Византии, считали, что она принесена в VI—VII вв. славянами. Но нахождение нового эпиграфического и папирологического материала дало возможность установить следы и остатки общинной жизни в ряде провинций империи до вторжения славян. Так, египетские папирусы IV—VI вв. свидетельствуют о наличии значительных остатков общинной жизни в египетских деревнях: общем владении частью земли и пастбищами, которые община сдает в аренду, обычае крестьян образовывать *κοινόν* для совместной обработки, тесной солидарности односельчан, сохранении местного самоуправления, распределяющего и собирающего налоги, улаживающего споры, распределяющего воду, круговой поруке в уплате налогов за своих членов. В связи с этим община обязывается обрабатывать землю и платить налоги за участки, опустевшие или брошенные их владельцами. О живучести остатков общинной жизни свидетельствует и предоставленное односельчанам право устранять посторонних от покупки земли в общине (*προτίρησις*). Такие же следы и остатки общинной жизни можно обнаружить и в Сирии, и в Фракии, и в Малой Азии, и на Балканах.

Сохранению элементов сельской общины, несомненно, способствовало то обстоятельство, что на территории империи в конце V века возрастает число поселений варваров (готов, скиров и т. д.), приносивших с собой общинные порядки.

В том же 468 г. правительство запрещает всем жителям городов и деревень держать у себя наемных воинов и вооруженных рабов.<sup>1</sup> Было опубликовано новое постановление о патронате, карающее крупным штрафом как тех, которые принимали на себя патронат, так и тех, которые его искали.<sup>2</sup>

В своей церковной политике Лев продолжал дело, начатое Маркианом, отстаивая принципы, установленные Халкидонским собором. Тем самым он углублял уже начавшийся церковный раскол между восточными и западными провинциями. Особенно бурное сопротивление Халкидонскому собору попрежнему проявляла столица Египта — Александрия. Как только туда пришла весть о смерти императора Маркиана, враги Халкидонского собора, не признававшие своим патриархом Протерия, который был избран и поддерживался только лояльной по отношению к правительству аристократией города — «нобиями», овладели главной церковью города и поставили патриархом монофизитского монаха Тимофея Элуро (457). Источники нам сообщают, что в избрании участвовали все сословия, все местные димы. Особенно активное участие в этом деле принимала влиятельная в Александрии корпорация корабель-

<sup>1</sup> Cod. Just., IX, 12, 10.

<sup>2</sup> Ibid., XI, 54, 1.

щиков. Власти не могли оказать сопротивление перевороту, так как гарнизон города вместе с его начальником — дуксом Дионисием — находился в верхнем Египте. Только после возвращения дукса удалось схватить Тимофея, да и то лишь после большого кровопролития. Однако удержать пленника в своих руках властям не удалось. Народное движение приняло настолько грозные размеры, что Дионисий вынужден был отпустить пленника. Ставленник правительства Протерий был умерщвлен разъяренной толпой, его тело волочили по улицам и бросили в огонь. Только спустя долгое время правительство смогло снова схватить Тимофея и подавить ожесточенное сопротивление александрийцев. Местом изгнания Тимофея был назначен малоазиатский город Гангры. Путешествие в ссылку непокорного монофизита сопровождалось повсеместно, начиная от Бейрута до Гангр, сочувственными антиправительственными манифестациями, что вынудило правительство сослать его еще дальше — в Таврический Херсонес.

Вслед за Египтом монофизитство все более и более распространялось в Сирии и в ее столице Антиохии. Здесь во главе агитации против Халкидонского собора стояли местные монахи во главе с Петром «Сукновалом», получившим поддержку со стороны магистра армии Востока Зинона. В 468 г. местный патриарх Мартирий, сторонник Халкидонского собора, должен был бежать в столицу. И хотя правительство оказывало ему полную поддержку, вернувшийся в Антиохию Мартирий, опасаясь участи Протерия, добровольно оставил свою кафедру (471 г.). Ее при величайшем сочувствии антиохийцев занял Петр «Сукновал». Это правительство не могло допустить. Петр был удален из Антиохии, но монофизитское движение все более крепло на сирийском востоке.

После смерти Льва власть перешла в руки его зятя, уже упомянутого исаврского племенного вождя Тарасикодиссы — Зинона (474—491). Вместе с Зиноном в состав высшей знати проникает ряд других вождей исаврских кланов (Илл, Трокунд). Новый император продолжал политику своего предшественника по организации туземного войска. Он создал императорскую гвардию из своих одноплеменников, укомплектовал из них же ряд новых военных частей и начал усиленный набор в византийскую армию армян — подданных империи. Отныне варварские элементы византийской армии, теперь составленные из германцев и гуннов в равном количестве, уже уступали количественно туземным элементам.

Также как и его предшественники, Зинон стоял на страже интересов крупных собственников и жестко подавил крестьянское восстание самаритян в 484 г. От Зинона до нас дошла новелла, ограждавшая права господина по отношению к «приписному» колону в случае — в то время нередком — его избрания на церковные должности, разумеется низшие, или в случае его ухода в монастырь без согласия господина.<sup>1</sup> В том же духе, в целях сохранения сословного деления нетронутым, Зинон издает указ о куриалах, по кото-

<sup>1</sup> Cod. Just., I, 3, 36—37.

рому и служба в императорской администрации не освобождает их от обязательств по курии после прекращения службы.<sup>1</sup>

Подобно своим предшественникам, Зинон пытался также бороться с узурпацией прав государственной власти, запрещая крупным собственникам, достигшим «автопрагии», т. е. права самим взимать поземельный налог с своих латифундий, — иметь частные тюрьмы и заключать в них своих приписных колонов за недоимки,<sup>2</sup> каковые случаи, очевидно, были весьма частыми. Подобно своим предшественникам, он пытался сохранить и уцелевшие свободные крестьянские общины (митрокомии), запрещая подвергать деревенских жителей заключению за долги и недоимки их односельчан, что опять-таки неоднократно имело место ввиду связанности членов общины круговой порукой. Очень важен для понимания аграрных отношений конца V века дошедший до нас указ Зинона, изданный между 476—484 гг. «о праве эфитевзиса», который ставил целью определить юридическую природу этого договора и решить спор, является ли эфитевзис актом отчуждения или аренды. В описываемое время целый ряд обстоятельств: небезопасность провинций, варварские набеги, насилия магнатов, тяжесть налогов — все это вызывало уменьшение земледельческого населения, стремившегося в крупные города и монастыри; соответственно этому увеличивалось количество пустых, заброшенных земель, что самым осязательным образом отражалось на поступлениях государственного казначейства. Все земельное законодательство империи V века является бесконечной сетью мероприятий, ставивших своей целью во что бы то ни стало привязать колона к земле или его заместить, если ему все-таки удалось убежать. Опасности запустения подвергались и громадные императорские домены. Чтобы привлечь арендаторов на эти земли, были разработаны особые формы льготной, постоянной аренды. Лицо, взявшее в обработку пустующую землю, на первые два года освобождалось от всякой уплаты ренты, а в дальнейшем, уплачивая определенную ренту, оно сохраняло право эту землю завещать и даже отчуждать.

По мере роста пустующих земель, такая форма аренды стала применяться и на землях обрабатываемых, и притом не только императорских и церковных, но принадлежавших и частным землевладельцам. Во второй половине V века, когда эфитевзис получил самое широкое распространение, среди юристов возник спор, является ли эфитевзис передачей земли в собственность или в аренду. Зинон разъясняет, что эфитевзис не может рассматриваться ни как отчуждение, ни как аренда, а что это особый вид договора, и подчеркивает обязанность эфитевта безоговорочно уплачивать ренты и вообще выполнять все условия контракта, за исключением случаев особо тяжелых стихийных бедствий.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Cod. Just., X, 32, 64.

<sup>2</sup> Ibid., IX, 5, 1.

<sup>3</sup> Ibid., IV, 66.

Если в области законодательства правительство Зинона шло по стопам предшественников, то в церковном вопросе после ряда колебаний оно отошло от борьбы с монофизитами. Была поставлена задача восстановления мира и единства церкви. Эта политика нашла выражение в изданном в 482 г. так называемом Энотиконе, в котором подтверждаются церковные постановления первых трех вселенских соборов и учение Кирилла, подвергаются анафеме Несторий и Евтихий, а вопрос о Халкидонском соборе и его авторитете Энотикон оставляет открытым. Александрийские и сирийские монофизиты в своем большинстве готовы были принять Энотикон, истолковывая его, однако, как осуждение авторитета Халкидонского собора. С другой стороны, попытка примирения с монофизитами вызвала резкую оппозицию со стороны римского папы и разрыв с ним сношений.

Хотя внутренняя политика Зинона ни в чем не подрывала существующей общественной системы, однако та руководящая роль, которую племя исавров заняло в империи, вызвала резкое недовольство со стороны части знати и константинопольского плебса, видевших в господстве исавров — этого полуварварского народа, склонного к грабежам и буйству — насилие варваров над «римлянами». Несомненно, услуги исавров дорого обходились империи. Не говоря уже о крупных богатствах, которые сумели себе создать за счет государства вожди исаврских кланов, сама Исаврия в целом была поставлена в особое положение среди других провинций, получая ежегодно из византийского казначейства солидную субсидию в 1½ тысячи фунтов золота. Поэтому неудивительно, что время правления Зинона являлось бурным временем, изобиловавшим заговорами, восстаниями, вспышками гражданской войны.

Среди самих исаврских племенных вождей не было единства и сплоченности. Ближайший помощник Зинона исавриец Илл в 482 г. поднял восстание в восточных провинциях империи, заигрывая, с одной стороны, с еще уцелевшими язычниками (видную роль в восстании играет ученик Прокла Пампрений, грамматик, философ и поэт), а с другой — с сторонниками Халкидонского собора. Однако это восстание без больших затруднений было подавлено центральным правительством.

Кроме внутренних волнений, правительству Зинона много хлопот причиняли остроготские вожди Теодорих, сын Теодемира, и Теодорих, сын Триария, остававшиеся постоянной угрозой в течение почти всего времени его правления. Зинон пытался противопоставить одного другому, предлагая то одному, то другому звание магистра армии и крупные денежные суммы. Но дело кончилось тем, что после нескольких столкновений оба Теодориха объединили свои силы и в 478 г. совместно выступили против империи. Зинон объявил о своем решении расправиться раз навсегда с остроготами, обещая лично выступить в поход, но собранная им «римская» армия оказалась столь ненадежной, что Зинон должен был, как можно скорее, распустить ее, чтобы избежать восстания. Готские вожди могли продолжать свои набеги.



*Работы в виноградниках.*

(G. Schlumberger. L'Épopée Byzantine. Jean Tzimisès, стр. 473.)

Особенно опасным оказался сын Теодемира. Он ограбил область Родопы, взял в Дардании город Скупы, далее двинулся в Эпир, захватил Дураццо и, наконец, ограбил город Лариссу в Фессалии. Но остроготским вождям, несмотря на неоднократные попытки, не удалось взять Константинополь. Была отражена также попытка Теодориха, сына Триария, перебраться в Малую Азию.

После его смерти в 481 г. Зиноп вступил в соглашение с сыном Теодемира, восстановив его в звании магистра армии, и, назначив консулом в 484 г., предоставил ему для поселения часть Нижней Мезии и Побережной Дакии. В 487 г. Теодорих еще раз безрезультатно пытался овладеть Константинополем. Предоставленная ему область после ряда опустошений в течение двух столетий не представляла особо благоприятных условий для жизни. Поэтому правительству Зинона удалось побудить вождя готов двинуться походом на Италию. Там еще в 476 г., после свержения «последнего императора» Ромула-Августула, хозяином положения сделался предводитель варварских наемных дружин «патриций» Одоакр. Зиноп обещал предоставить Теодориху в Италии то положение, которое занимал Одоакр. Осенью 488 г. Теодорих двинулся в Италию, выступая в качестве не только германского конунга, но и магистра римской армии.

Уход Теодориха из пределов Восточной империи значительно облегчил положение Зинона, избавив его от постоянной готской угрозы на Балканском полуострове.

Преобладание исавров не было прочным. Они были выдвинуты и нужны правящей прослойке только как противовес готской опасности. После ухода Теодориха в Италию готская опасность исчезла, и тем самым роль исавров была кончена. После смерти Зинона сенаторская аристократия посадила на престол своего избранника — «прирожденного римлянина» Анастасия, уроженца города Диррахия, родословную которого услужливые льстецы вели от Помпея.

Анастасий пришел к власти под лозунгом освобождения римлян от варваров и чужеземцев.

Естественно, первым мероприятием нового правительства была ликвидация привилегий и изгнание всех без исключения исавров из Константинополя. Одновременно была прекращена выдача исаврийцам той крупной субсидии, которую они получали из казначейства. Ответом на это было грозное восстание всей Исаврии. Во главе восставших стал назначенный Зином правитель провинции Лингинин, бежавший из Константинополя магистр оффиций Лонгин, епископ Апамеи Конон и другие исаврские магнаты. Потребовалось шесть лет ожесточенной борьбы, чтобы подавить это восстание и умиротворить страну. Восстание было окончательно подавлено в 498 г., причем часть исавров была выселена во Фракию.

Анастасий проявил себя опытным администратором. Особенно заботился он об упорядочении государственных финансов, подорванных неудачной экспедицией в Африку при Льве, а затем хозяйничаньем исавров. По свидетельству Иоанна Лиды, Анастасий восстановил государственный бюджет, ввел строгую отчетность в денежных делах и стремился установить соответствие между расходами и доходами казны.

В системе взимания поземельной подати — главной доходной статьи правительства — Анастасий ввел крупное изменение, заменив натуральное обложение денежным по расчету на золотую валюту. Важную реформу провело правительство и в самой организации сбора этого налога с отдельных городских общин.

Мы знаем, что на декурионах лежало тяжелое бремя — круговая ответственность по сбору налогов, взыскиваемых с населения, и что правительство применяло всякие способы, чтобы прикрепить декурионов к государственному тяглу.

Анастасий изменил этот давний порядок вещей, изъяв из ведения декурионов взимание налогов с мелких землевладельцев — очевидно потому, что это ослабевшее сословие уже не в состоянии было удовлетворительно справляться с этими обязанностями — и предоставив эти функции так называемым виндикам — откупщикам.

Сомнительно, чтобы масса налогоплательщиков выиграла от этой реформы. По крайней мере Иоанн Лид говорит, что «с населением виндики обращались хуже, чем враги».<sup>1</sup> Но несомненно, что деятельность виндигов, перевод натуральных налогов в денежные, проведенная Анастасием монетная реформа, чистка администрации — все это способствовало значительному увеличению доходов государственного казначейства.

Об этом убедительно говорит результат 27-летнего правления Анастасия — оставленная им в казначействе крупная свободная наличность в размере 320 тысяч фунтов золота.

Упорядочение государственного казначейства дало возможность правительству в 498 г. отменить налог на промышленное население городов, так называемый хрисаргир, — налог необычайно тяже-

<sup>1</sup> Lydus, De magistratibus, 3, 49.



*Византийская ткань, изображающая наездника на гипподроме.*

лый, так как он взимался сразу за четыре года, крайне стеснял свободу промыслов и служил в руках правительства орудием прикрепления торговцев и ремесленников к их корпорациям.<sup>1</sup>

Сделана была также попытка устранить продажу административных должностей, особенно развившуюся при Зиноне, когда эти должности продавались тому, кто предлагал бóльшую сумму в на-

<sup>1</sup> Evagrius, *Historia ecclesiastica*, ed. Bidez and Parmantier, 3, 39; Procopius Gzaeus, *Panegyricus in imp. Anastasium*, ed. Bonn., с. 13.

дежде потом вернуть себе все расходы и еще нажиться за счет управляемых.

Но если принимались некоторые меры для оживления торговли и промышленности в городах, то от правительства крупных земельных собственников, естественно, нельзя было ожидать никаких мероприятий для улучшения положения колонов. Наоборот, при Анастасии завершается процесс закрепощения колонов. По закону этого императора колоны, сохранявшие свободу передвижения, если они в течение 30 лет являлись арендаторами какого-либо участка, теряли право его покинуть и навсегда прикреплялись к земле, хотя и оставались «свободными».<sup>1</sup>

В церковном вопросе Анастасий был сторонником «восточной» ориентации, учитывая силу монофизитов на востоке и то обстоятельство, что восточные провинции, наиболее богатые и промышленные, являлись экономическим центром империи.

Поэтому, официально стоя на позиции Энотикона, на практике Анастасий все более решительно поддерживал монофизитов. Это обстоятельство вооружило против него православное духовенство западных провинций и столицы. Монахи и церковники, враждебные «еретическому» правительству, нашли себе союзников в константинопольских димах и среди военно-варварской верхушки федератов Балканского полуострова. Этот блок сторонников Халкидонского вероисповедания доставил серьезные затруднения Анастасию. Систематическая оппозиция правительству со стороны константинопольских патриархов вынудила Анастасия низложить в 496 г. патриарха Евфимия, а затем и его преемника Македония, отказавшегося осудить Халкидонский собор.

В самом Константинополе церковные споры вызывали кровавые столкновения. В 493 г. во время цирковых представлений был брошен камень в ложу императора, а димоты подожгли гипсодром и таскали по улицам статуи императора и императрицы. После подавления этого мятежа префект города был смещен, и патрон зеленых занял его пост. В 512 г. приказ императора внести в один церковный гимн монофизитскую прибавку вызвал новую вспышку восстания. Толпы народа всю ночь ходили по городу с пением псалмов; статуи Анастасия опять были низвергнуты, разгромлены дома высших правительственных лиц. Анастасий без порфиры и диадемы должен был на гипсодроме обратиться к народу с речью, в которой он выражал готовность сложить с себя звание императора и убеждал народ не производить бессмысленных убийств.

Ему удалось добиться успокоения димов и плебса; вслед за тем над вожаками движения была учинена жестокая расправа.

Волнения в столице передавались и населению Фракии и Иллирика, имевших свои причины быть недовольными восточной ориентацией политики Анастасия. Несмотря на уход остроготов, население Балканских провинций попрежнему оказывалось необеспеченным от варварских набегов. С конца V века на территорию империи

<sup>1</sup> Cod. Just., XI, 48, 19.



*Встреча «мощей» в Константинополе.*

Византийская работа из слоновой кости V—VI вв. (Beylié. L'habitation byzantine, стр. 113.)

начинаются частые и успешные набеги болгар и славян, которые теперь впервые выступают на сцену. От этих набегов земледелие пало настолько, что местного хлеба нехватало для прокормления редкого населения Фракии и придунайских областей, среди которого имелось много гуннов, аланов, герулов и других варваров, расселенных в этих провинциях на правах федератов. Необеспеченность Балканского полуострова от варварских нашествий в правление Анастасия была так велика, что правительство, желая охранить от этих набегов хотя бы ближайшие окрестности столицы, предприняло постройку так называемых длинных стен, длиною в 50 километров от Мраморного до Черного моря.

Население этих провинций нетрудно было поднять против правительства. Непосредственным предлогом к восстанию явилось сокращение сумм, отпускаемых на содержание федератов, и недовольство начальником фракийского войска Ипатием. Быстро сформировалась в 513 г. повстанческая армия, включившая в свои ряды, кроме недовольных элементов местного населения, отряды федератов и двинувшаяся прямо на Константинополь. Во главе восставших стал комит (начальник) федератов Виталиан, тесно связанный с задунайскими гуннами и болгарами.

Вступив в союз с православным духовенством, озлобленным монофизитством Анастасия, используя в своих интересах крайне тяжелое положение фракийских кононов, толкавшее их в ряды любой враждебной правительству группировки и при поддержке оппозиционных элементов столичного населения Виталиан вначале мог добиться значительных успехов.

Осенью 513 г. высланное против Виталиана войско из восточных провинций потерпело сильнейший разгром. Восставшие захватили в плен и самого командующего, племянника Анастасия,

Ипатия. Анастасий вынужден был вступить в переговоры с Виталианом, уплатить ему пять тысяч фунтов золота, дать звание магистра армии, обещать изменить свою церковную политику и только этими жертвами добился его ухода из-под стен Константинополя. Но обе стороны и не думали соблюдать условия соглашения. Анастасий сместил в 515 г. Виталиана, который в том же году предпринял новый поход против Константинополя с суши и моря, стремясь завладеть столицей. Но на этот раз его вооруженные силы потерпели решительное поражение под стенами столицы; многие из вождей восстания были захвачены и казнены. Сам Виталиан скрылся в Добруджу и перестал быть опасным для правительства. Таким образом Анастасию как будто удалось одержать полную победу над своими врагами. Но сила оказанного ими сопротивления, упорный характер борьбы с Виталианом напугал сенаторскую аристократию и внес в ее ряды разброд. Большая часть правящего сословия и ближайших помощников Анастасия требовала соглашения с православием, результатом чего явилось резкое изменение государственного курса при его преемниках.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. К. Н. Успенский, Очерки по истории Византии, ч. I.
2. С. Шестаков, Лекции по истории Византии.
3. Д. Петрушевский, Очерки по истории средневекового общества и государства.
4. Фюстель де Куланж, Римский колонат.
5. Ernst Stein, Geschichte des Spätromischen Reiches.
6. Вигу, A History of the later Roman Empire, v. I.
7. В. Болотов, Лекции по истории древней церкви.
8. Zachariae v. Lingenthal, Geschichte d. griech.-röm. Rechts.
9. His, Die Domänen der röm. Kaiserzeit.
10. Ф. И. Успенский, История Византии, т. I.
11. Hartmann, Geschichte Italiens im Mittelalter.





### *Глава III*

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНО-РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В VI ВЕКЕ. ПЕРЕХОД В НАСТУПЛЕНИЕ И ПОПЫТКА «РЕСТАВРАЦИИ» НА ЗАПАДЕ**

### **1. Внутренняя политика Юстиниана**

Престарелый Анастасий умер, не назначив себе преемника, по-видимому, вследствие несочувствия его религиозной политике даже со стороны ближайших родственников.

Сенат, не имевший своего кандидата, должен был примириться с переходом императорской власти в руки избранника дворцового войска — неграмотного иллирийского крестьянина Юстина, дослужившегося на военной службе до видного поста комита экскувитов.

Но имя Юстина служило только вывеской, под которой объединились часть сенаторской аристократии, недовольная политикой Анастасия, военно-варварские группировки Иллирии и Фракии, боровшиеся под руководством Виталиана с оружием в руках против Анастасия, и все сторонники Халкидонского вероисповедания: православное духовенство, дим голубых и значительная часть населения Константинополя. Все эти элементы были недовольны монофизитской восточной политикой Анастасия, мирившегося с водворением германских варваров на Западе; они требовали исправления ошибки предшествующих императоров и восстановления Римской империи в старых границах.

Ф. Энгельс указывал, что в IX веке на Западе «бесполезные воспоминания и тщетная борьба» гибнущего римского мира уже умерли и были погребены». <sup>1</sup> Но для правящей верхушки Восточной империи начала VI века воспоминания о старой единой империи не казались бесполезными и борьба за восстановление старых порядков на Западе не представлялась тщетной.

Толпы беглецов из западных провинций наполняли восточные провинции и призывали правительство к вмешательству в западные дела. На это толкали правительство Восточной империи одинаково усердно и большая часть сенаторской аристократии, и фанатическое духовенство, проповедовавшее крестовый поход против еретиков-ариан. Их возмущал разрыв церковных связей с папой,

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 131.

поддержка которого была необходима для реставрации империи на западе.

Поэтому первым делом нового правительства было восстановление (519 г.) церковного единства с Римом. Осуществление этого единства могло быть куплено только решительным разрывом с монофизитами.

Новая правительственная программа выкристаллизовалась не сразу, и время правления Юстина (518—527) было только подготовкой к ее осуществлению. Уже в 518 г. было начато жестокое гонение на еретиков, не признававших Халкидонского собора, — манихеев и монтанистов; было сослано или бежало 54 монофизитских епископа; монофизитских монахов разгоняли силой, и запрещено было давать приют изгнанникам под угрозой конфискации имущества. Исключение было сделано только для житницы империи, наиболее доходной провинции — целиком монофизитского Египта.

Нечего и говорить, насколько эти гонения усиливали сепаратистские тенденции на востоке. Некоторые из членов еретических общин вынуждены были присоединяться к господствующей церкви, другие спасались бегством, а мистически настроенные монтанисты Фригии, выдвигавшие на первое место пророков или лиц, якобы непосредственно вдохновенных духом Божиим и не признававшие поэтому церковной иерархии, предпочитали в своем фанатизме собираться в церквях, подлежащих передаче православным, поджигать их и погибать в огне.<sup>1</sup>

Враг старого правительства Виталиан, скрывавшийся в Добрудже, был вызван из своего убежища, торжественно встречен в столице и получил высокий пост магистра армии и консульство на 520 год.

Пришедшая к власти группировка выставила на службу правящему классу ряд незаурядных личностей, по большей части незнатного происхождения, которые с огромным рвением приступили к осуществлению новой правительственной программы.

Из них следует прежде всего отметить императора Юстиниана (527—565), в течение 40 лет руководившего судьбами империи. Юстиниан был племянником Юстина, выходца из семьи иллирийских крестьян, живших около Ускюба на границах Македонии и Албании, в той части Иллирика, где еще говорили на латинском языке. Военная карьера Юстина, приведшая его на императорский престол, ввела Юстиниана в круг высшей восточно-римской знати, дала ему возможность получить прекрасное образование и усвоить традицию римского прошлого: идею всемирного государства, управляемого волей самодержавного государя и объединенного христианской верой «в поклонении единому истинному богу». Осуществлению этой идеи Юстиниан посвятил свою жизнь. Ночи напролет сидел он за государственными бумагами или разгуливал по залам своего дворца, обдумывая свои завоевательные планы. Его огромная трудоспособность так поражала

<sup>1</sup> Procop. *Historia arcana*, XI, 6.

современников, что самые странные легенды о нем сложились уже при его жизни. Его враги шептали, что это не человек, а злой дух, не нуждающийся ни в каком отдыхе. Простой и любезный в обращении, он в то же время являлся подозрительным деспотом, неблагодарным к лучшим друзьям, фанатиком в вопросах веры, неразборчивым в политических средствах, нимало не заботившимся о тех жертвах и крови, которых стоило выполнение его проектов. По объему завоеваний и великолепию своих сооружений он превзошел всех византийских императоров, но его лихорадочная деятельность в конечном счете принесла империи больше вреда, чем пользы.

Юстиниан оставил империю обширнее пространством, но гораздо беднее внутренними ресурсами, чем раньше. Незаурядной личностью являлась его жена Феодора, бывшая актриса константинопольской сцены, красоту которой, по выражению Прокопия, было бессильно описать человеческое слово. Проведя бурную молодость, служившую долго излюбленным предметом константинопольских сплетен, тщательно собранных и переданных нам Прокопием, она в течение 20 лет умела сохранять неограниченное влияние на Юстиниана, проявляла неоднократно в самые трудные минуты смелую энергию и твердость воли, назначала и смещала по своему усмотрению пап, патриархов, префектов и военачальников, вела самостоятельную церковную политику, стремясь к соглашению с монофизитами. Несомненно выдающимися личностями являлись также ближайшие помощники Юстиниана: крупный ученый юрист квестор Трибониан, превосходивший трудолюбием самого Юстиниана и умевший прекрасно осуществлять его планы и замыслы; префект претория Востока Иоанн Каппадокийский, жестокий, беззастенчивый, алчный, но в то же время искусный администратор, опытный государственный делец, умевший безотказно добывать деньги для осуществления планов Юстиниановской программы, которого даже его враг Прокопий вынужден был признавать «самым сильным по уму человеком своего времени».<sup>1</sup>

Наконец, армия — самое слабое место византийской государственной машины — получает в это время ряд способных командиров, умевших выжать из нее максимум возможного. Таков Велизарий, уроженец Фракии, вступивший в армию очень молодым и продвигавшийся очень быстро. Имея 23 года от роду, он был уже командиром важной пограничной крепости Дары, а в 25 лет занял высший военный пост империи — магистра армии. Он умел держать войско в руках и вести его за собой. Таковы евнух Нарзес, энергично и успешно руководивший войсками, племянник Юстиниана Герман, Мунд и другие.

Обстоятельства благоприятствовали смелым начинаниям нового правительства. Империя ко времени смерти Юстина, несмотря на ряд тяжелых внутренних болезней, была все же в лучшем состоянии, чем когда-либо после Адрианопольской катастрофы 378 года.

<sup>1</sup> Procop. Bell. Pers., ed. Bonn., 121.

После очищения остроготами территории Балканского полуострова в 488 г., была, казалось, устранена угроза опустошительных варварских нашествий. Правда, гóтов, в качестве врагов империи, сменяют славянские племена, которые неоднократно переходят Дунай и производят набеги на Балканский полуостров, но они в глазах византийского правительства еще не представляли серьезной угрозы. Притом европейские провинции, тяжело пострадавшие от опустошений Фритигерна, Атиллы и остроготов, теперь уже не являлись центром империи. Эта роль перешла к азиатским провинциям, ресурсы которых были нетронутыми. Они не видели иноземных нашествий в течение столетий, за исключением кратковременных набегов гуннов в 395 г. и нападений персов в пограничной полосе. Нетронутыми оставались и богатые ресурсы византийского Египта. Бережливое правление Анастасия оставило новому правительству крупные денежные суммы и приведенную в относительный порядок армию, в которой процент туземного населения был выше, чем когда-либо раньше после битвы под Адрианополем.

Политика религиозной нетерпимости правительства, проводимая под влиянием православного духовенства, завоевательные войны и вызванный ими непосильный гнет налогов, разорявших сельское хозяйство, промышленность и торговлю, уничтожили плоды бережливости Анастасия и привели империю в состояние полного истощения к концу долгого правления Юстиниана.

Продолжая политику, начатую Юстином, Юстиниан в 527 г., считая свою веру единственно истинной и для всех обязательной, объявил своим «первым долгом перед богом и людьми» принять меры к искоренению не только язычества и манихейства, но и всякой ереси вообще, включая сюда иудейство и учение самаритян. Всем еретикам был предоставлен трехмесячный срок на возвращение к православию; все храмы еретических общин подлежали передаче православным. Исключение было сделано временно только в пользу ариан, по требованию Теодориха Остроготского. Еретики были лишены права занимать какие бы то ни было должности на государственной службе, а все, уже состоявшие на службе, были немедленно уволены; только тяжелые обременительные повинности декурионата и служба когорталинов были оставлены за ними. Они были лишены права быть свидетелями на суде против православных, ограничены в праве наследования; за отсутствием православных наследников имущество еретика должно было переходить в казну.<sup>1</sup>

Для оправдания этих ограничений выставлялись два положения: «справедливо лишать земных благ того, кто неправильно поклоняется богу» и «для еретиков достаточно того, что они живут».<sup>2</sup>

Угроза искоренения, которую Юстиниан возвестил евреям, не могла быть приведена в исполнение ввиду их многочисленности,

<sup>1</sup> Cod. Just., I, 5.

<sup>2</sup> Novellae, ed. Schoell-Kroll, nov. 37, 5.

но она была почти полностью осуществлена по отношению к сравнительно немногочисленной и местной еврейской секте — самаритянам в Палестине.

Невыносимые преследования фанатического правительства, которым подвергались наряду с еретиками самаритяне, заставили многих членов секты, преимущественно среди городских жителей, наружно присоединяться к православию. Но сельскому населению, большинство которого состояло из колонов, уже нечего было терять, и в мае 529 г. вспыхнуло стихийное восстание доведенного до отчаяния населения. Центром восстания стал город Неаполь. Восставшие избивали православных попов, разрушали церкви, выбрасывали «мощи», захватили город Неаполь и провозгласили своего царя, по свидетельству византийских источников, бывшего «разбойника» Юлиана.

Движение охватило всю Палестину. Восставшие отправили в 530 г. к персидскому царю Каваду посольство, чтобы заручиться его помощью, соблазняя его сообщениями об огромных богатствах, накопленных в Иерусалиме. Для подавления восстания пришлось стянуть военные силы двух провинций и даже обратиться к помощи союзных арабских шейхов.

Самаритяне потерпели поражение в кровопролитном сражении. Их «царь» Юлиан погиб и его голова с диадемой была отослана в Константинополь. Двадцать тысяч самаритян было продано в рабство арабскими шейхами в Персии, не меньшее количество было убито.

Начальник провинции Феодор был смещен за то, что не сумел своевременно потушить восстание, а его преемник, пользуясь арабскими союзниками, преследовал уцелевших повстанцев в горах. Благосостояние провинции, с истреблением большей части ее производительного населения, после этой жестокой расправы было в корне подорвано.

Такая же политика проводилась и по отношению к язычникам, которых еще немало насчитывалось в деревнях. По крайней мере Иоанн Эфесский хвалился тем, что ему удалось окрестить около 60 тысяч язычников в Малой Азии. Борьба с язычеством послужила предлогом для расправы с некоторыми враждебными правящей клике представителями высшей служилой знати, как, например, с квестором Фокой, бывшим префектом Асклепидотом и др. Обвиненные в принадлежности к язычеству, они покончили самоубийством, а имущество их было конфисковано.<sup>1</sup> В развитие этой же политики в 529 г. была закрыта знаменитая философская школа в Афинах, последний оплот умиравшего язычества. Конфисковано было накопленное веками имущество этой школы, и последние представители античной науки в числе семи человек отправились в изгнание в Персию. Тем самым Афины окончательно утратили свое былое значение культурного центра и превратились в глухой провинциальный город.

<sup>1</sup> Theophanis Chronographia, стр. 180, 11—20.

Такая непримиримая и прямолинейная политика, озлоблявшая значительный слой населения, неизбежно должна была создать правительству серьезные затруднения. Наиболее опасным для самого существования правительства было грозное восстание константинопольского плебса в 532 г., известное в истории — по лозунгу восставших «Побеждай!» (по-гречески *νικά*) — под именем восстания Ника. Оно едва не стоило Юстиниану трона и жизни, и в нем ярко проявилось недовольство и ожесточение населения налоговой и церковной политикой правительства.

К началу VI века димы окончательно оформились как своеобразные политические партии, выразительницы того или иного политического, общественного и религиозного течения. Зеленые благоприятствовали монофизитам, голубые стояли за православие. Принимая во внимание, что голубые состояли преимущественно из аристократических и состоятельных элементов городского населения, становится понятным, что они должны были поддерживать официальное православие как свою идеологическую опору. Дим зеленых представлял более демократические торгово-промышленные элементы населения, среди которых была сильна и все более увеличивалась прослойка выходцев из восточных провинций. Поэтому монофизитство — восточная концепция христианства — встретило здесь сочувственный отклик.

Используя существовавшую между димами вражду, правительство обычно опиралось на одну партию, чтобы держать в покорности другую, но по мере роста оппозиционных настроений такая политика все меньше удавалась правительству. В восстании 532 года против правительства выступили одновременно и зеленые и голубые, точнее часть голубых, которых Прокопий называет «стасиотами из дима голубых».

Причины, вызвавшие восстание Ника, были довольно многообразны. Нетерпимая и агрессивная политика нового правительства проявлялась и в его отношении к димам. С приходом к власти Юстиниана правительственной партией стали голубые, на которых сыпались милости императора.

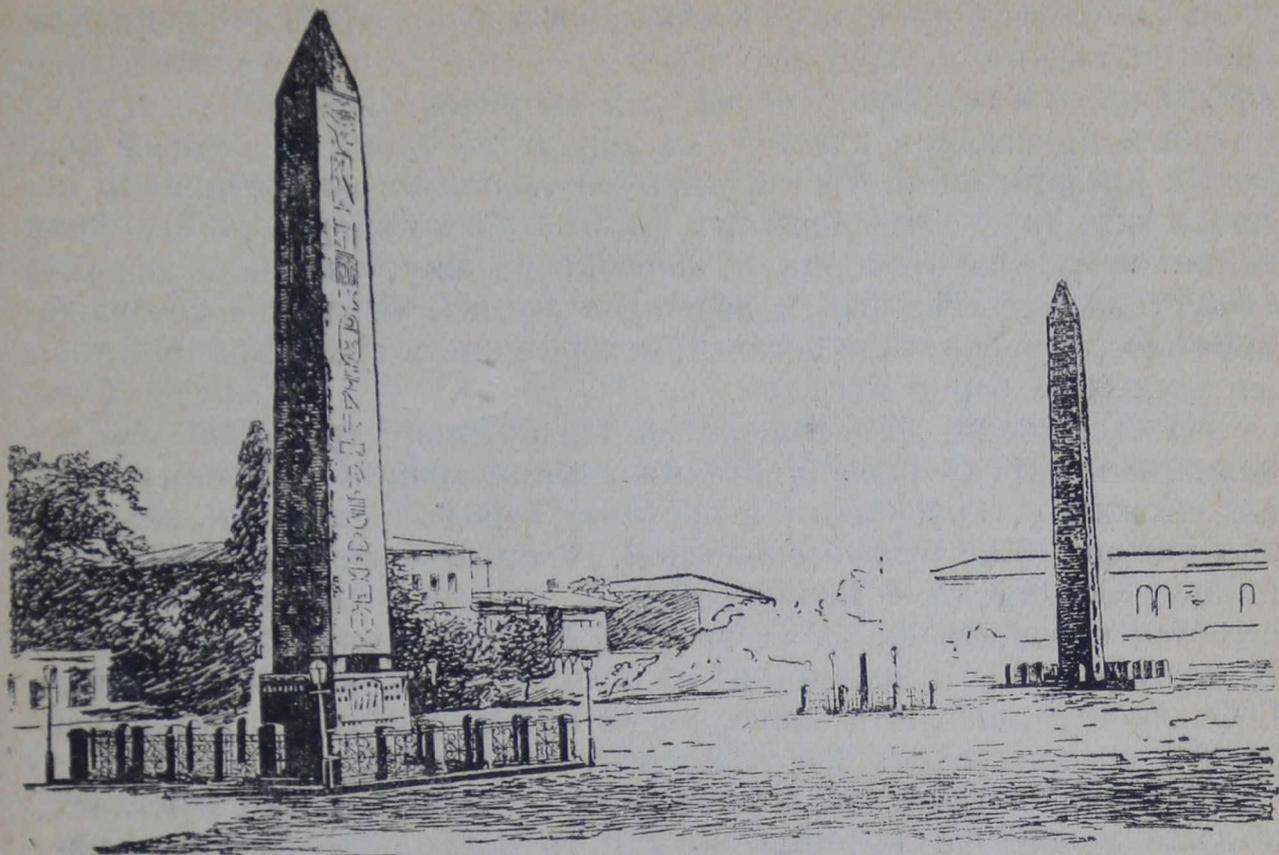
Уверенные в своей безнаказанности, голубые позволяли себе всякие насилия над зелеными, грабя, убивая и насилуя жен зеленых. Зеленые не могли добиться правды в судах, где правой стороной неизменно признавались голубые.<sup>1</sup>

Доведенные до отчаяния, зеленые стали отвечать своим противникам насилиями на насилия, и так как они еще были привязаны к фамилии их старого покровителя Анастасия, племянники которого Ипатий и Помпей жили в Константинополе, то их оппозиция правительству приобрела династический характер.

Напряженное настроение в столице усиливалось вследствие жестокостей и коррупции чиновников.

Во главе правительственной администрации стояли Трибониан, квестор дворца с 529 года, и Иоанн Каппадокийский, с 531 года

<sup>1</sup> Diehl, Justinien et la civilisation byzantine, pp. 455—457.



*Площадь Атмеидан в Константинополе.*

занимавший высокий пост префекта претория Востока. Первый, несмотря на свои выдающиеся достоинства ученого, был одержим страстью к наживе и для достижения этой цели торговал правосудием. Иоанн Каппадокийский, снискавший благоволение Юстиниана своим умением выжимать из подданных средства, необходимые для нужд двора и правительства, своей грубостью, жестокостью и вымогательствами быстро навлек на себя общую ненависть.

Правительственные чиновники всех рангов по мере сил старались подражать своим руководителям. Их вымогательства разоряли налогоплательщиков, а продажность судебных органов и их пристрастие к голубым создавали общее чувство неуверенности. Со всех концов государства неслись в столицу жалобы против бесчинств местных властей. В Константинополе из провинций скоплялись огромные массы обиженных, лишившихся имущества, ищущих защиты, и этот элемент усиливал уже существующее в столице озлобление и недовольство правительством.

11 января 532 г. во время конских бегов на гипсодроме зеленые вели себя буйно и вызывающе. Император через глашатая обратился к ним с запросом по поводу их поведения. Между представителями партии и глашатаем императора начался очень странный диалог, сохраненный византийским летописцем Феофаном.<sup>1</sup> Начав с возгласения долголетия Юстиниану, зеленые затем обрушились с упреками и жалобами на императорскую администрацию, кон-

<sup>1</sup> Bury, The Nika riot, Journ. of hellen. studies, 1899, II, стр. 39—48. Theophanis Chronographia, ed. De Boor, 181—184.

чили оскорблениями самого Юстиниана и демонстративно покинули свои скамьи на гипподроме. На следующий день к зеленым присоединились и голубые, с своей стороны недовольные злоупотреблениями и произволом властей. 13 января во время очередных цирковых представлений уже обе партии требовали от Юстиниана помилования двух осужденных, а после отказа императора огромная толпа окружила преторий и, перебив стражу, взломала тюрьму, выпустила заключенных и подожгла здание. Страшное возбуждение плебса перепугало богачей, которые стали спасаться бегством на азиатский берег Босфора.

На следующий день император дал отставку трем наиболее ненавистным народу представителям администрации — Иоанну Каппадокийскому, Трибониану и префекту города; однако эта запоздалая уступка уже была бесполезной. 15 января один из военачальников Юстиниана — Велизарий — с помощью готского отряда пытался оттеснить народ от дворца. Начались ожесточенные бои. В разгаре борьбы наемники Велизария затолкали священников Софийской церкви, вышедших с крестами и «мощами» с целью разделить сражавшихся. Тогда ярость овладела всеми.

Из окон, с крыш посыпался на готов град черепиц и камней, и даже женщины, которые пришли в наибольшее возбуждение, приняли участие в битве. Приведенные этим в замешательство солдаты отступили к дворцу, после чего восставшие подожгли прилегавшие к дворцу общественные здания. Сенат и подъезды к дворцу сделались добычей пламени, и в течение трех последующих дней огонь продолжал свою разрушительную работу.

Одновременно на улицах столицы шли ожесточенные бои. 17 января в Константинополь были стянуты войска из окрестностей. Но даже и они не были в силах справиться с разбушевавшейся народной стихией. Чувствуя себя слабее своих противников, правительственные войска подожгли портик Октагона: огонь охватил соседние церкви и богадельню Сампсона с больницей, которая сгорела вместе с большими. Все пространство от форума Константина до дворца и гипподрома обратилось в пылающие развалины. 18 января, когда весь город, за исключением дворца, был уже в руках восставших, Юстиниан сделал последнюю попытку воздействовать на своих подданных. Окруженный членами сената и военной охраной, он вошел в императорскую ложу гипподрома и, держа евангелие в руках, обещал полную амнистию, объявляя себя единственным виновником случившегося. Но немногочисленные приветствия были заглушены криками: «ты лжешь, осел, ты даешь ложную клятву». Юстиниану пришлось через крытый ход спастись бегством во дворец. Только на восьмой день определилась политическая направленность восстания. Восставший плебс провозгласил императором племянника Анастасия Ипатия. Димы собрались на гипподроме, приветствуя нового императора. Отряд зеленых в полном боевом вооружении готовился к штурму дворца.

Во дворце после неудачной попытки объяснения Юстиниана с народом царила растерянность. На дворцовые отряды схолариев

и экскувитов нельзя было положиться. Не примыкая официально к восставшим, они выжидали исхода событий. Единственно надежными оставались дружины варваров, находившиеся под командой Велизария и Мунда.

На созванном совете Иоанн Каппадокийский и другие сановники стремились убедить Юстиниана бежать морем, пока дворец еще не окружен мятежниками, в Гераклею и там собрать войска.

Но Феодора решительно отказалась покинуть дворец, так как для императора «его порфира есть лучший саван». Ее твердость придала бодрости и Юстиниану.

Придворному сановнику Нарзесу удалось через доверенных людей, путем щедрой раздачи денег голубым, в решительный момент оторвать их от союза с зелеными. Между димами началась схватка на гипподроме. Используя этот момент, Велизарий и Мунд со своими наемниками проникли на гипподром и учинили здесь кровавую расправу над скученной и почти лишенной возможности защиты толпой. В этой бойне погибло более 30 тысяч человек.

Ипатий был заключен в тюрьму и на другой день казнен. В восстании оказался замешанным ряд сенаторов: 18 представителей высшей служилой знати также были преданы казни, других отправили в ссылку. По всем городам были разосланы подробные описания бунта и его подавления.

Восстание Ника любопытно во многих отношениях: его длительность и упорство свидетельствуют о степени ожесточения народных низов против правительства. В течение ряда дней плохо вооруженное и необученное военному делу население успешно вело бои с войсками. Константинопольский плебс потерпел в конечном итоге поражение, несмотря на проявленное им неоспоримое мужество. Причины этого поражения ясны. У византийского плебса VI века, который в значительной части кормился попрежнему на государственный счет, не было ясно осознанной цели восстания. Выдвинутый 18 января план — провозгласить неудачливого Ипатия императором — не мог, разумеется, воспламенить массы. Между димами не было заключено прочного союза, и в решительный момент агентам правительства удалось путем подкупов внести дезорганизацию в их ряды. Примкнувшая к восстанию или, может быть, его подготовившая враждебная Юстиниану часть сенаторской аристократии проявила самую жалкую трусость и нерешительность; к тому же, руководители восстания, собрав, как бы нарочно, всю массу своих приверженцев на гипподроме 18 января, ускорили и облегчили их поражение.

Как бы то ни было, подавление восстания Ника означало разгром всех враждебных правительству группировок и дало возможность правящей верхушке закрепить свои позиции, усесться в седле прочнее, чем это удавалось какому-либо другому византийскому правительству.

Разгром димов, единственных сколько-нибудь демократических политических организаций, которыми располагало византийское общество VI века, позволил правительству Юстиниана еще менее

считаться с трудящимися массами, чем его предшественникам, еще решительнее строить государство, централизованное по эллинистическому образцу, управляемое чисто бюрократическими средствами, как оно заложено было реформами Диоклетиана и Константина.

Новое правительство не ограничивалось гонениями на еретиков и язычников, расправой с самаритянами и константинопольскими димами. Оно имело в своей внутренней политике и положительную программу. Стремясь обеспечить политическое и моральное единство империи, правительство Юстиниана объявило с самого начала своей деятельности о желании дать такие законы, которые обеспечат благосостояние подданных.

Историческая слава Юстиниана покоится главным образом на громадном оставленном им законодательном памятнике — своде гражданского римского права, лежащем и доныне в основе законодательства всех буржуазных европейских государств.

Этим громадным юридическим мероприятием правительство Юстиниана решало задачу переработать правовое наследие древнего Рима в духе самодержавия и тесно связанного с ним теперь христианства. Другим мотивом создания этого памятника являлась необходимость систематизировать юридические начала, которые должны были служить руководством к правильному функционированию административного аппарата империи.

Действовавшее в то время римское право представляло громадную и разнородную по своему составу массу памятников, знакомство с которыми во всем объеме, хотя и обязательное для администраторов и судей, было уже задачей непосильной. В это действующее право входили бесчисленные императорские указы, только частично собранные кодексом Феодосия, множество ученых сочинений римских юристов, получивших от императоров право давать ответы на обращаемые к ним частными лицами и правительственными учреждениями вопросы, многочисленные решения сената старого времени и т. д. Этот колоссальный материал ввиду своей необъятности уже не мог быть осилён византийскими юристами VI века. Многочисленные противоречия и несогласованности в римском законодательстве разных эпох и времен давали возможность византийским чиновникам ловить рыбу в мутной воде, затягивать судебные дела, давать неправильные решения, вымогать взятки и т. д.

Кодификацию действующего права Юстиниан предпринимает уже со времени вступления на престол, начав с новой редакции того материала, который уже раньше подвергался общим обработкам, т. е. императорских указов. В 528 г. была создана правительственная комиссия для редакции нового сборника, который должен был охватить материал, сведенный в Феодосиевом кодексе, устранить из него то, что не имело больше юридического значения, и включить узаконения, вышедшие после его издания. Эта работа была закончена очень быстро, в 529 г., и вышла в свет под названием *Кодекса Юстиниана*.

Затем на очередь была поставлена другая, более трудная задача: сведение в один систематический сборник всех сочинений юристов прошлого времени, имевших силу закона. Требовалось опускать и устранять то, что являлось повторением или создавало противоречия, и водворить повсюду строгое единство. Для составления такого сборника в 530 г. была создана комиссия из 16 юристов под председательством Трибониана, который обнаружил удивительную работоспособность. Эта трудная задача была выполнена в течение 3 лет, и в 533 г. вышли в свет в 50 книгах составляющие этот сборник *Дигесты*, или *Пандекты*, как они были названы по-гречески. В том же году было издано краткое руководство римского гражданского права в 4 книгах под названием *Институций*. Институции, Дигесты и Кодекс представляли систематизацию римского права.

Императорские указы, вышедшие после 534 г., составили новый сборник — *Новеллы*. В то время как Кодекс, Дигесты, Институции были написаны на латинском языке, громадное большинство новелл было уже издано на греческом языке, что являлось уступкой требованиям действительной жизни. Все четыре части этого огромного материала, составлявшие *Свод гражданского права* (*Corpus juris civilis*), это свое современное название получили с XII века, когда в Западной Европе возродилось изучение римского права.

Кодификация римского права Юстинианом имела значение, далеко выходящее за пределы античного и даже средневекового общества. Свод Юстиниана не имеет значения самостоятельного творческого предприятия юридической мысли византийцев, но он сохранил римское право, вписавшее существенные принципы того права, которым управляется современное капиталистическое общество. Когда в Западной Европе началось с XII в. изучение, или рецепция римского права, то во многих местах *Свод гражданского права* Юстиниана делается настоящим законом. Такое распространение римского права в Западной Европе с XII века по мере развития там товарно-денежных отношений не является неожиданным и случайным. Причины этого «распространения» прекрасно объясняют основоположники марксизма. То, что юристы падающей Римской империи привели в такую искусную систему, было, как говорит Энгельс, «... первое всемирное право общества, состоящего из товаропроизводителей, т. е. римское право, с его тончайшей разработкой всех существенных отношений простых товаровладельцев: купли и продажи, ссуды, долга, договора и прочих обязательств»,<sup>1</sup> «... наиболее совершенная, насколько мы знаем, форма права, покоящегося на частной собственности».<sup>2</sup>

Законодательная деятельность Юстиниана, особенно Кодекс и Новеллы, представляют прекрасный источник для ознакомления с внутренней политикой правительства, его социальной направлен-

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, Сочинения, т. XIV, стр. 672.

<sup>2</sup> Там же, Анти-Дюринг, т. XIV, стр. 104.

ностью, тем арсеналом средств, которыми бюрократическое правительство VI века надеялось усилить и укрепить империю, изжить ее недостатки и обеспечить ее единство.

Законодательство Юстиниана является прежде всего апофеозом, прославлением самодержавия. Юстиниан уверен во всемогуществе единоличной императорской власти. Он первый отчетливо противопоставляет народной воле «милость божию» — как источник верховной власти. По его мнению, «нет ничего выше и святее императорского величества». <sup>1</sup> «Он один способен проводить дни и ночи в труде и бодрствовании, чтобы думать думу о благе народа».

Именно со времени Юстиниана зарождается теория об императоре — «божьем помазаннике», получающем «благодать» прямо от бога. Юстиниан является как бы родоначальником длинной цепи этих «помазанников». Религия является мощным орудием порабощения масс правительственному деспотизму. Неудивительно, что первой задачей самодержца, по законодательству Юстиниана, является «утверждение веры, которая объединит все народы в поклонении единому истинному богу». Мы уже видели, какими методами деспотическое правительство утверждало веру. То внимание, какое в этом законодательстве уделяется церковному вопросу, показывает, что Восточно-римская империя быстро превращалась в теократическую монархию, в которой влияние и богатства духовенства и монашества непрерывно росли. В своих новеллах Юстиниан не устает прославлять монашескую жизнь, откровенно заявляя, что не только из набожности, но и для укрепления государства, т. е. правящей клики, союзником которой являлось православное монашество, он берет на себя поддержку «этих чистых рук и святых душ».

Наряду с заботой об укреплении «основ» самодержавия и православия правительство уже в начале правления Юстиниана не могло не сознавать насущной необходимости административных реформ. В многочисленных указах 535 и 536 гг. сам император говорит о весьма печальном состоянии провинциального управления. Правители провинций позволяли себе наглые и беззастенчивые злоупотребления и вымогательства при взимании налогов, а также под предлогом починки стен, дорог, водопроводов. Во многих провинциях Малой Азии: Ликаонии, Ликии, Фригии, Каппадокии крупные собственники применяли насилие в отношении мелких землевладельцев и округляли за их счет свои имения.

Императорское войско на местах своего расквартирования причиняло всякие обиды и притеснения местному населению и грабило его хуже разбойников. Следствием всех этих беззаконий было бегство пострадавших в столицу и наплыв жалоб в центральные правительственные органы. <sup>2</sup>

Одну из причин такого печального положения Юстиниан видел в старом пороке администрации — покушке должностей, так как

<sup>1</sup> Cod. Just., I, 14, 12.

<sup>2</sup> Nov., VIII, praef.

бесплатного назначения на должности давно уже не знала провинциальная администрация, и кандидату на ту или иную должность приходилось платить так называемый «обычай», являвшийся платой за диплом на должность, и «суффрагий» — подкуп лица, от которого зависело назначение. Законом 535 г. Юстиниан воспретил на будущее время суффрагий и установил точную таксу на то, что носило название «обычая».

В том же 535 г. Юстиниан издал два больших указа, устанавливавшие принципы общей административной реформы, которая должна была выразиться в создании нового чиновничества и уничтожении возможных злоупотреблений посредством указания новых задач и обязанностей управления.

Должностным лицам предписывалось «отечески» относиться к населению, охранять его от всяких несправедливостей, держать себя по отношению к населению, как доброжелательный отец в отношении детей, но в то же время главной их задачей выставлялось полное и своевременное взыскание казенных податей.

Чтобы отнять предлог для грабежа населения, оклады чиновников были повышены, и это была единственная практическая мера реформы, так как советы, увещания, проповеди и даже угрозы Юстиниана едва ли могли исправить и перевоспитать кого-либо из его чиновников.

Диоклетиано-Константиновская система была основана на крайнем дроблении провинций, усложнении чиновничьей иерархии и тщательно проведенном разделении гражданского и военного управления.

Правительство Юстиниана частично порывает с этими традициями, стремится упростить административную организацию, сократить число провинций, иметь меньше чиновников, но более властных и теснее связанных с центром. Поэтому в ряде областей проводится слияние провинций, объединение функций военной и гражданской власти в руках одного лица. Уничтожается должность бесполезных викариев, являвшихся промежуточными звеньями между правителями провинций и префектом претория. Но эти преобразования вводятся далеко не повсеместно, частично и нерешительно.

Не могло законодательство Юстиниана обойти и узурпацию крупными землевладельцами функций и прав центральной власти. Уже в конце IV века императорские конституции запрещают насильственные захваты земли, содержание частных дружин, постройку частных тюрем, патронат. Юстиниан повторяет эти запрещения еще настойчивее и энергичнее. Особое внимание законодательство Юстиниана в этом вопросе сосредоточивает на флагах и значках, которые ставились на земельных участках для обозначения того, что они в силу патроната перешли под власть кого-либо из магнатов. Путем наложения таких «титулов», очевидно, расширялось крупное сенаторское землевладение. В инструкции 535 г. областным начальникам Юстиниан особенно настойчиво указывает, как на одну из их функций, на беспощадное искоренение таких «титулов».

Одновременно правительство сурово расправлялось с враждебными ему группировками senatorской аристократии, особенно после подавления восстания Ника, путем конфискации ее земельных владений. Эти враждебные Юстиниану группировки в основе, несомненно, состояли из сторонников восточной монофизитской ориентации Анастасия. Повидимому, они были тесно связаны с купеческим и ростовщическим капиталом Востока и группировались вокруг ближайшего помощника Анастасия «Марина и его присных». Эта группировка, оттесненная на задний план после смерти Анастасия, ущемленная в своих экономических интересах, разгромленная после восстания Ника, проявляла бешеную, но бессильную ненависть к Юстиниану и его политике, что так ярко обнаруживается в «Тайной Истории» Прокопия, который сам был выходцем из восточных провинций и, повидимому, был связан с этой группировкой. Некоторые буржуазные историки, как например К. Успенский в своих «Очерках по истории Византии», не видя классовой борьбы народных низов против эксплуататорского класса, на первый план выдвигают предполагаемые противоречия внутри господствующего класса: борьбу Юстиниана против senatorской аристократии или борьбу между крупным светским и церковным землевладением, кончившуюся, по мнению Успенского, разгромом экономической мощи сенаторов и крупного светского землевладения и победой церковного землевладения.<sup>1</sup>

Нельзя отрицать, что Юстиниан круто расправился с той частью senatorской аристократии, которая выступила враждебно против него во время восстания Ника, но неправильно на этом основании говорить о разгроме им экономической мощи крупного землевладения, так как, во-первых, Юстиниан не ставил себе такой задачи, а, во-вторых, целый ряд источников, как, например, папирусы византийского Египта, документы византийской Италии, свидетельствует о том, что крупное светское землевладение сохранилось и даже усилилось после Юстиниана. Юстиниану приходилось напрягать все силы в борьбе с закрепощенными колоннами, восстаниями самаритян, восстаниями димов, частыми восстаниями в войске, с церковными ересями — особым видом классовой борьбы в религиозной оболочке, а не в борьбе с крупным землевладением, интересы которого он сам защищал и на востоке и на западе Европы. Сохранившиеся законодательные памятники свидетельствуют, что Юстиниан относился к сенату с почтением, увеличил количество его членов, а в 537 г. объединил его с консисторием для решения судебных дел, сделав таким образом сенат высшей апелляционной судебной палатой.

При его преемниках роль крупного землевладения еще более возросла: новелла Юстина II 569 г. официально передала провинциальное управление в руки крупных землевладельцев. Нельзя отрицать, что одновременно с светским в еще большей степени росло крупное церковное землевладение, но ни в одном источнике нельзя

<sup>1</sup> К. Успенский, Очерки по истории Византии, стр. 98.

найти указаний на борьбу между сенаторским сословием и церковью в VI веке. Обе прослойки эксплуататорского класса в своем большинстве одинаково дружно поддерживали завоевательные планы Юстиниана и подавляли движения эксплуатируемых народных масс.

Если по отношению к рабам, труд которых перестает играть прежнюю роль в сельскохозяйственном производстве, законодательство Юстиниана проявляет известный либерализм, облегчая и даже поощряя отпуск рабов на волю, то это же законодательство оставляет нерушимым прикрепление колонов к земле. В отношении колонов, составлявших большинство сельскохозяйственного населения, язык Юстиниановского законодательства суров до жестокости.

Колоны должны оставить всякие попытки изменить свое положение и безропотно выполнять свои обязанности. «Каждый должен подчиниться своей участи», — вот единственные слова, которые имеет законодатель по отношению к колонам.

Юстиниан стремился быть не только великим законодателем, но и великим строителем. Толчком к строительной деятельности явилась необходимость восстановления лучших кварталов столицы, сожженных во время восстания Ника. Эти кварталы были отстроены с неслыханным великолепием. Особенную заботу Юстиниан приложил к созданию на месте сгоревшей церкви нового храма «святой Софии». Сооружение этого памятника должно было, по мысли Юстиниана, иметь не только религиозное, но и политическое значение. Великолепие сооружения должно было соответствовать величию владыки христианского мира и роскоши столицы. Юстиниану удалось найти двух великих архитекторов, стоявших на высоте технического знания и умения тех времен, — Анфимия из Тралл и Исидора Милетского. Над сооружением этой громадной церкви, сохранившейся до настоящего времени, работали одновременно 10 тысяч рабочих. Сооружение стоило колоссальных сумм, зато Юстиниан мог гордиться созданием лучшей церкви в мире, церкви, своей красотой вызывавшей общее восхищение.

Сохранившиеся до настоящего времени великолепные подземные резервуары в Константинополе показывают заботу Юстиниана о снабжении населения столицы питьевой водой. От провинциальных губернаторов правительство требовало тщательного поддержания существующих дорог, мостов, городских стен, водопроводов; в то же время прокладывались новые дороги, устраивались водопроводы, сооружались мосты, плотины, бани. После разгрома персами в 540 г. была заново отстроена Антиохия с водопроводами, канализацией, банями; строились новые города. Скромная деревушка Таврезиум — родина Юстиниана — превратилась в крупный город, получивший название Первой Юстинианы. На границах воздвигалась непрерывная цепь укреплений. Количество их было умножено до такой степени, «что каждое поместье на Балканах оказалось либо превращенным в мощный замок, либо находилось вблизи укрепленного поста». Весь Балканский полуостров превратился

в огромный укрепленный лагерь. Позади первой линии старых, еще римских укреплений на Дунае Юстиниан создал вторую и третью линию укреплений в Дакии, Дардании, Мозии и на юге — в Эпире, Македонии, Фракии, которые должны были создать два новых барьера против варварских вторжений, прикрывать горные проходы и пункты стратегического значения, а также важнейшие пути, давать убежище населению.

Сотни подобных укреплений выросли при Юстиниане от Дуная до гор Армении и берегов Евфрата. Разумеется, такое громадное строительство требовало затраты огромных средств, которые выжимались из налогоплательщиков, а равно обременения населения подводными и другими натуральными повинностями.

Крупное внимание правительство Юстиниана уделяло экономическим вопросам, вопросам византийской торговли и промышленности. В этой области основной задачей для Юстиниана было освобождение византийской торговли от персидского посредничества. Сухопутные и морские пути, по которым товары дальнего востока: шелк, гвоздика, пряности, перец, мускус, ароматистые вещества и драгоценные камни доставлялись в Византию из Китая и острова Цейлона, находились под контролем персов, что создавало ряд неудобств и затруднений для византийской торговли и промышленности, особенно в период частых в VI веке войн между этими странами. Юстиниан стремился устранить персидское посредничество путем отыскания новых торговых путей на севере и юге, по которым восточные товары могли бы доставляться, минуя территорию Персии. Для этого византийскому правительству представлялись две возможности. На Черном море подданные Восточной империи поддерживали торговые отношения с областями северного Причерноморья посредством крымского порта Боспора, доставляя туземцам пряности, мануфактурные изделия, богатые ткани, вино, дорогие безделушки и получая в обмен пушный товар и меха, рабов, кожи с севера. Кроме того, Византия вела торговлю с Лазикой. Неудивительно поэтому, что Византия при Юстине проявляла значительные усилия для расширения своего влияния на северном побережье Черного моря. Еще при Юстиниане были восстановлены старые связи с Боспором (современная Керчь), представлявшим старый культурный центр с торговым населением, которое служило посредником в торговле между империей и восточными странами. Юстиниан завязал дружественные отношения с Гродом, ханом гуннской орды, кочевавшей на Таврическом полуострове, крестил его и, щедро одарив, отправил на родину, причем с ним в Боспор был послан отряд императорской армии под начальством трибуна Далмация.<sup>1</sup> Грод, правда, не сумел удержать власть в своей орде. Его неумеренная ревность к уничтожению языческих идолов вызвала восстание гуннов, которые убили Грода, а заодно перебили и византийский гарнизон в Боспоре. Юстиниану пришлось посылать в Боспор новые войска морем и сушей. Воен-

<sup>1</sup> Theophanis Chronographia, стр. 175.

ный отряд из Добруджи сухим путем счастливо добрался до Боспора, и власть Византии снова была здесь утверждена. Стены города были заново отстроены.

Не меньшую заботливость Юстиниан проявлял о Херсонесе, являвшемся складочным местом торговли с северными и восточными странами. Стены этого города были заново отстроены и его оборонительные средства усилены. Если степная часть Тавриды была занята гуннами, то горные местности южного побережья Крыма удерживались Византией. Юстиниан отстроил здесь два укрепления: Алуствий (нын. Алушта) и Гурзувиты (нын. Гурзуф) и посылал населению этих пунктов епископов. Византийское правительство пыталось установить новые торговые пути от Азовского моря и Колхиды до Каспийского моря, а от этого моря до оазисов Согдианы, не пересекая персидской территории.

Другая возможность представлялась путем установления прямых сношений с Индией через Красное море, где в северо-восточном углу Красного моря находились византийские порты Айла и Клисма. Отсюда индийские и китайские товары могли идти сухим путем через Палестину и Сирию к Средиземному морю. Отсюда сирийские и египетские торговцы посещали берега Красного моря и добирались до крупного абиссинского порта Адулис на западе, который вел торговые сношения с азиатским востоком, с Китаем, Индией и Цейлоном.

Но для правильной морской торговли у византийцев не было на Красном море достаточного количества кораблей. Поэтому Юстиниан вступил в сношения с абиссинцами (с Аксумским царством), убеждал их покупать в Китае шелк и потом перепродавать его Византии, стремясь заменить ими персов в качестве торговых посредников. Об этом в течение 530—531 гг. велись переговоры с царем Аксума, который охотно согласился на это, но попытка окончилась ничем, так как абиссинские торговцы не могли справиться с персидским влиянием на Востоке, и монополия на покупку шелка осталась в руках персов.

Поэтому константинопольским, тирским и бейрутским шелковым мастерским приходилось испытывать чувствительные перебои в снабжении сырьем, особенно в период войны с Персией с 540 г. Юстиниан еще ухудшил положение дела своею страстью все регулировать, установив максимальные цены на шелк-сырец и пытаясь заменить испытывающее кризис частное производство шелка государственной монополией. Сирийская промышленность была серьезно затронута этими правительственными мероприятиями. Однако к концу правления Юстиниана вопрос о сырье для шелковой промышленности был частично разрешен путем организации шелководства в самой империи.<sup>1</sup> Шелк-сырец стал получаться по более дешевой цене. Шелковое производство начало быстро восстанавливаться, хотя еще ряд лет Византия не могла окончательно освободиться от посредничества Персии.

<sup>1</sup> Theophanis Chronographia, стр. 484.

## 2. Внешняя политика Юстиниана

Проводя ряд мероприятий, рассчитанных на консолидацию империи изнутри, правительство Юстиниана ни на минуту не упускало из вида своих планов на западе. Но прежде чем приступить к их осуществлению, Юстиниану пришлось выдержать длительную войну с Персией. Последняя объявила Византии войну в 527 г., обеспокоенная усилением византийского влияния в странах Кавказа, среди лазов, иверов и гуннов.

В период могущества Римской империи все восточное побережье Черного моря состояло под властью империи. Анархия III века, утверждение готов в Черноморских степях и Крыму, затем нашествие гуннов уничтожили власть империи на Кавказском побережье. В V веке восточно-римские гарнизоны удерживались только в двух крепостях: Птиунте (Пицунда) и Севастополе (Сухуми), через которые шли сношения империи с племенами внутреннего Кавказа, в частности с аланами (предками нынешних осетин). Правительство Юстиниана обратило снова усиленное внимание на северное побережье Черного моря. Восточная империя приняла под свою верховную власть Лазику, или Колхиду, которая после правления Льва находилась под суверенитетом Персии. Власть царя иверов, владевшего Лазикой, простиралась на земли по течению реки Риона до берега моря, а затем на области сванов и абазгов.

В 522 г., т. е. еще при Юстине, царь Лазики Цафий принял крещение в Константинополе, что вызвало энергичные протесты персов. Война с персами, начавшаяся в первый же год правления Юстиниана, была нерешительной и затяжной, и император тяготился ею, так как она мешала ему приступить к осуществлению своих планов завоевания, или «освобождения» Запада. В 532 г. Юстиниану путем крупных денежных жертв (уплатой около 5 миллионов руб. золотом) удалось добиться заключения мира с Персией. Византия сохранила свое преобладающее влияние в Лазике, а персы обязались вывести свои гарнизоны из тамошних укреплений.

Теперь Юстиниан мог считать момент назревшим для решительного вмешательства в дела Запада. Он видел внутреннюю слабость варварских королевств, созданных на развалинах Западной империи, видел, что вандалы и готы, составлявшие ничтожное меньшинство населения Африки и Италии, в качестве еретиков-ариан не пользуются поддержкой со стороны основной массы населения. Ему было также прекрасно известно, что эти варварские королевства не способны создать единый фронт в борьбе с Византией.\*

Шестилетний промежуток между вступлением Юстиниана на престол и началом войн против вандалов и готов был весьма благоприятен для византийского правительства: в каждом из варварских королевств, ликвидацию которых оно замышляло, власть за эти шесть лет перешла в руки слабых и неспособных людей. Так, в Африке король вандалов Хильдерик был лишен трона своим

двоюродным братом Гелимером, воинственным, но совершенно неспособным правителем. В Италии в 526 г. умер Теодорих, король остготов, с которым ни один из его преемников не мог сравниться в политической ловкости и военных способностях. Византийское правительство рассчитывало своими вооруженными силами быстро ликвидировать эти эфемерные государства. Расчеты эти не были вполне основательны, так как военных сил Восточной империи едва хватало на защиту существующих границ.

Византийское войско, согласно кодекса Юстиниана, в то время состояло из 3 разрядов военных людей: 1) регулярных полков из местного населения под командой военных магистров, 2) одиннадцати схол, т. е. отрядов дворцовой гвардии, 3) федератов, которые комплектовались из варваров, бродивших по всем границам империи и готовых продать свои услуги тем, кто желал их купить. Византия вербовала этих наемников повсюду, называя их федератами. Таким образом под знаменами императора создавалась целая мозаика племен и народов: гунны, гепиды, герулы, вандалы, готы и лангобарды, славяне, персы, армяне и грузины встречались в армиях Юстиниана.

В V—VI вв. было постоянным обычаем, чтобы каждый военачальник имел у себя на службе известное число вооруженных людей, связанных с ним клятвой верности, сражавшихся с ним рядом и которых он содержал. Число таких ипаспистов, или букеллариев, как они назывались, колебалось в зависимости от значения того или другого военного вождя, но нередко оно достигало нескольких тысяч. Велизарий имел, например, до 7 тысяч в своей дружине. Эти ипасписты и составляли лучшие, самые надежные части.

Сохраняя неоспоримое превосходство над варварами по своему вооружению, обучению и тактике, эта разноплеменная армия в то же время страдала всеми недостатками, свойственными наемной армии, и всегда причиняла большие затруднения правительству в его попытках установить в ней дисциплину. Под предлогом, что они союзники, а не подданные императора, федераты требовали, чтобы с ними обращались сообразно их народным обычаям и освобождали от правил общей дисциплины. Примеру федератов следовали и остальные воинские части. Эти не имевшие родины искатели приключений считали, что война должна питать войну. Поэтому появление их было бичом для той страны, через которую они проходили, все равно — как друзья или как враги.

Только полководцы, умевшие снискать среди них популярность и держать их в руках, могли с подобными войсками добиваться удовлетворительных результатов. В VI веке византийское правительство имело таких вождей.

Византия и в Африке и в Италии могла также рассчитывать на ревностных приверженцев и союзников. Ущемленные господством варваров, римская рабовладельческая знать и духовенство, среди которых еще живо было воспоминание о старых временах, с надеждой обращали свои взоры к Константинополю, ожидая оттуда избавления. И в государстве вандалов, и в Испании, и особенно в Ита-

лии эти элементы вели всякого рода интриги, устраивали заговоры с целью вызвать вооруженное вмешательство Восточной империи.

Первым объектом такого вмешательства Юстиниан избрал вандальское государство в Африке. Византийское правительство правильно учитывало, что вандальское королевство является самым непрочным из всех новых варварских государственных образований. Вандалов было меньше, чем готов, и притом они были не только еретиками-арианами, но и фанатическими преследователями православия.

Поводом к войне было объявлено низложение Гелимером Хильдерика, союзника Юстиниана. Таким образом речь шла якобы о восстановлении власти незаконно свергнутого короля, а не о присоединении утраченных империей территорий в Африке, благодаря чему устранялась опасность помощи вандалам со стороны визиготов и остроготов.

В 533 г., преодолевая нерешительность и сомнения некоторых своих ближайших помощников, хорошо помнивших печальные результаты африканской экспедиции Василиска, Юстиниан, при горячем сочувствии духовенства, отправил в Африку Велизария с 10 тысячами пехоты и 6 тысячами кавалерии. Нейтралитет остроготов облегчил успех Велизария. В начале сентября 533 г. византийский флот пристал благополучно к побережью Африки на расстоянии 5 дней пути от ее столицы Карфагена.

Велизарий был хорошо принят туземным населением и двинулся прямо на Карфаген. Флот получил приказание двигаться параллельно берегу. Вандалы были застигнуты врасплох и могли оказать только незначительное сопротивление. 13 сентября византийцами была выиграна битва у Децидума, в 30 километрах от современного Туниса, и занята без сопротивления столица Африки Карфаген. Гелимер еще не терял окончательно надежды. Он отозвал войска, отправленные на усмирение восстания в Сардинии, и пытался опереться на сельских колонов, которые ловили и убивали людей из войска Велизария, когда те в одиночку выходили за стены Карфагена. Но вторая и решительная битва при Трикамаре, выигранная ударом византийской конницы, окончательно ликвидировала варварское государство в Африке. Гелимер сдался на милость победителя и был отвезен в Константинополь. Остатки вандалов были зачислены в византийскую армию.

Юстиниан считал войну оконченной. Он отозвал Велизария и устроил ему в Константинополе триумфальный прием. Император принял титул «вандальский» и «африканский» и приступил к восстановлению римских учреждений в отвоеванной провинции.

Ободренный успехом в Африке, Юстиниан решает ту же операцию провести в Италии, где предлогом для вмешательства послужило умерщвление дочери Теодориха Амалазунты новым правителем остроготского государства Теодатом. Зимой 535 г. Велизарий высадился в Сицилии с еще меньшими вооруженными силами, чем



*Византийская ткань X века с вышитым изображением императора в праздничном одеянии. Одна из женщин подносит ему венец, другая шлем.*

в Африке. Он вел с собой только три тысячи туземных войск (исавров) и четыре с половиной тысячи различных вспомогательных войск. Тем не менее и на этот раз поход Велизария начался рядом блестящих успехов. В шесть месяцев был очищен от готов большой остров Сицилия, в то время как другой магистр армии Мунд занял Далмацию (конец 535 года). В 536 г. Велизарий почти без сопротивления овладел южной Италией с городом Неаполем; пяти тысяч византийских войск оказалось достаточно, чтобы захватить в конце 536 г. старую столицу мира — Рим, «по величине населения и богатству остававшийся первым между городами Запада».

Однако с остроготами нельзя было так легко справиться, как с вандалами. При известии о первых неудачах и еще до падения Рима они низложили неспособного Теодата и выбрали королем Витигеса, одного из самых храбрых своих воинов. Новый король задержал нападение франков, которых византийская дипломатия натравила на остроготов, уступкой им Прованса и, собрав все свои военные силы (византийские историки говорят о 150-тысячной армии готов), осадил Велизария в Риме.

В течение целого года (март 537 — март 538) он истощал свою армию в бесплодных попытках взять Рим, обороняемый Велизарием. Все приступы готов были отражены византийцами. Тем временем вторая византийская армия, высадившаяся в Италии в начале 538 г., заняла в тылу готов ряд пунктов и наиболее крупный город на севере — Милан. Витигес должен был отступить от Рима.

В следующем году Витигес, теснимый со всех сторон, укрылся в Равенне, которую византийские войска немедленно осадили. Там остроготы держались в течение 6 месяцев, рассчитывая на вмешательство персов, лангобардов и франков. Но, не получая ни откуда помощи, они были вынуждены капитулировать (540 г.). Воссоединение Италии как будто было успешно завершено. Витигес и знатнейшие готы были отправлены в Константинополь. Юстиниан принял новый титул «готского», отозвал Велизария и значительную часть армии для обороны восточных провинций, а в Италии была восстановлена старая римская гражданская администрация.

Но византийскому правительству пришлось жестоко разочароваться в своих надеждах. Велизария удалось сравнительно легко разгромить вандальские и остроготские военные силы, но для восстановления старых порядков в Африке понадобилось в дальнейшем 15 лет, а в Италии 14 лет ожесточенной борьбы. Чтобы понять причины этого явления, нужно помнить, что реставрация римских порядков в Африке и Италии несла с собой насильственное насаждение православия, жестокую расправу с «еретиками», восстановление господства крупных собственников. Бежавшие колонны и рабы ревностно разыскивались земельными собственниками для водворения их в прежнее положение. При этих условиях восстановление старых порядков в Африке и Италии выливалось в ожесточенную гражданскую войну. Юстиниан издал указ, согласно которому иски частных лиц по восстановлению прав собственности имели силу в течение трех поколений. Одновременно были восстановлены права карфагенской церкви на принадлежавшее ей до вандалов имущество. На африканских еретиков, ариан и донатистов, а также на евреев были распространены запретительные законы, действовавшие в империи. Эти мероприятия и коренное перераспределение земли и имущества неизбежно должны были создать огромную массу обиженных и обездоленных новыми порядками, массу, поставлявшую готовые контингенты для всех антиправительственных выступлений. Положение осложнилось еще тем, что византийские воины, пережившие на вдовах вандалов, счи-

тали себя наследниками принадлежавшего вандалам имущества и с большим неудовольствием встретили передачу этих земель фиску, православному духовенству и бывшим крупным собственникам. Неудивительно, что после отъезда Велизария война в Африке вспыхнула снова — и в центре и на границах.

Берберские племена, кочевавшие на границах, также создавали правительству серьезные затруднения.

Патриций Соломон, преемник Велизария, мог справиться с восстанием берберов в Бизацене в 534 г., но он оказался бессильным подавить восстание, вспыхнувшее среди его собственных войск, причем восставшие соединились с рабами, колонами и остатками вандалов. Велизарий, подготовлявший в то время завоевание Италии, должен был снова восстанавливать порядок в Африке. Ему удалось спасти Карфаген и разбить мятежников. Но для умиротворения страны понадобился приезд племянника императора Германа, установившего, что только  $\frac{1}{3}$  войска сохранила верность правительству. Четыре года продолжалась изнурительная борьба Германа с восставшим войском, пока оно не было приведено к покорности. В 539 г. патрицию Соломону удалось как будто добиться умиротворения берберов и полного умиротворения страны. Но после его гибели в бою с берберами в 544 г. блок берберских племен с восставшим войском был восстановлен. Один из командиров армии Гонтарид умертвил высшего представителя византийской власти Ареовинда и провозгласил себя императором. Африка, казалось, снова была потеряна для Византии. Только в результате новой ожесточенной гражданской войны в 546—548 гг. сопротивление повстанцев и берберских племен было окончательно сломлено и Африка была закреплена за Византией. Но это уже была, по словам Прокопия, опустошенная провинция, страна, оставленная без защиты, дурно управляемая, разоренная финансовыми вымогательствами. Притом это не была Африка в том объеме, какой она была в период Римской империи. Она включала в себя территории современных Триполи, Туниса, части Алжира, разрозненные пункты на территории Марокко, острова Сардинию, Корсику, Балеарские. Большая часть Марокко и часть Алжира остались независимыми.

Аналогичную картину после византийских побед над готами представляла Италия. Занятие в 540 г. Равенны и сдача готского короля Витигеса Велизария далеко еще не означали конца готской войны. В глазах византийцев то, что происходило в Италии после 540 г., был бунт; в действительности, это была гражданская война при участии широких масс угнетенного населения.

Воспользовавшись отзывом Велизария и части армии, готы, под умелым предводительством вновь избранного вождя Тотилы, скоро свели византийское господство к узкой прибрежной полосе, где немногочисленные города с трудом удерживались восточно-римскими гарнизонами.

Готы искусно использовали в свою пользу возрастающую непопулярность «греков» и императорской администрации, которая

своими грабежами и вымогательствами заставила тех, кого она пришла освобождать, жалеть о временах варварского владычества. К бедствиям и опустошениям войны новое правительство прибавило необычайно тяжелый налоговый гнет. Юстиниан для своих грандиозных начинаний должен был добывать деньги всеми способами; неудивительно, что отвоеванная Италия была подвергнута немедленно ограблению агентами фиска. Она не только должна была содержать навязанный ей сложный правительственный аппарат, но и посылать деньги в Константинополь на содержание центрального правительства. Императорские податные чиновники (логофеты) беспощадно взыскивали налоги с разоренной страны, не делая никакой скидки, взыскивали недоимки даже за готское время и обогащали себя за счет налогоплательщиков в такой степени, что, согласно свидетельству современника, населению Италии «не оставалось ничего, кроме смерти, так как оно было лишено всех средств жизни». Наконец, готы под руководством Тотилы сознательно поддерживали колонов против их господ, союзников византийского правительства. Если экспроприированные крупные землевладельцы и католическое духовенство рассматривали Тотилу как тирана и еретика, то колонам, которых он освободил от тяжелых оброков, Тотила представлялся избавителем. Все эти обстоятельства объясняют резкий перелом борьбы в Италии с 540 года в пользу готов, ее затяжной характер и ожесточение.

На события в Италии большое влияние оказала также вновь вспыхнувшая в 540 г. война с Персией, отвлекшая силы Византии от Италии. Персидский царь Хозров не мог оставаться спокойным зрителем успехов Юстиниана на Западе. Узнав, что восточные границы Византии обнажены, что Армения и страна лазов недовольны византийским господством, Хозров в 540 г. начал военные действия. Византийцы были застигнуты врасплох. Византийские силы на Евфрате были так слабы, что не могли и думать о борьбе с персами в открытом поле. Поэтому Хозрову в самом начале войны удалось нанести Византии такой удар, какого она не испытывала со времен Адрианопольской катастрофы. Избегая осады крепостей Месопотамии, Хозров, лично возглавивший иранскую армию, прорвался в северную Сирию. Его главной целью было нанесение удара столице востока — Антиохии, не видевшей неприятеля в течение столетий.

Хотя Юстиниану удалось перед самым приходом Хозрова ввести в Антиохию шеститысячный гарнизон, хотя на поддержку регулярных войск выступили димы Антиохии, однако благодаря неспособности командования и деморализации гарнизона, Хозрову удалось после страшной резни взять город приступом, разрушить его до основания и увести уцелевшее население в пределы Персии. Эта катастрофа — гибель второго города Востока — заставила Юстиниана перебросить Велизария из Италии и стянуть к Евфрату в начале 541 г. большую часть военных сил империи. Но этих сил было недостаточно для успешной борьбы с персами. Правительство теперь должно было почувствовать всю опасность распыления

военных сил и средств империи на громадном пространстве от Армении до Гибралтарского пролива.

В то же время и дунайская линия укреплений, лишенная достаточного количества войск, оказалась не в состоянии задержать набеги гуннов и славян, которые к началу VI века уже прочно осели по всей равнине левого берега Дуная, живя здесь попеременно с гуннами.

Первый момент появления славян на исторической арене в VI веке н. э., факт чрезвычайно мощной экспансии славян в западную Европу в VI—VII вв., когда они покрывают своими поселениями значительную часть Германии, территорию довоенной Австро-Венгерской империи и Балканского полуострова, не получил до настоящего времени правильного освещения в буржуазной исторической литературе. Обычно колонизацию этих стран принято характеризовать как колонизацию ползучую и незаметную, при которой славяне продвигались вперед не густыми массами, преодолевая организованное сопротивление, а отдельными поселениями, так что трудно обозначить момент, когда тот или другой край сделался славянским. Эту точку зрения мы можем найти даже в наиболее солидных буржуазных руководствах, как, например, в «Кембриджской Средневековой Истории». <sup>1</sup>

Но подобные утверждения не отвечают исторической действительности. Колонизация славянами Балканского полуострова, преодолевшая упорное сопротивление могущественной Восточно-римской империи, является их наглядным опровержением. Английский византист Бэри вынужден признать, что великие славянские вторжения в пределы Восточной Римской империи представляют значительное сходство с германскими вторжениями на территорию западной Европы. Он правильно отмечает, что сходство это не случайно, а вытекает из естественного хода вещей — из столкновения между одряхлевшей цивилизацией и полным сил варварством, причем после длительной ожесточенной борьбы и германцы и славяне прорываются в пределы империи. <sup>2</sup>

Это значительное сходство германских и славянских вторжений признавал и Энгельс, говоря об узкой культурной полосе вдоль побережья Средиземного моря в конце древнего мира, которая была «... разорвана и смята немцами и славянами с севера и арабами с юго-востока...». <sup>3</sup>

Уже в 534 г. магистр армии Фракии Хильвуд погиб в напрасной попытке преградить путь перешедшим Дунай славянам и болгарам. После этого набеги учащаются и смелость их возрастает. В 538 г. гунны вторглись в Скифию и Мезию; в 540 г. они опустошили Фракию, Иллирик и Грецию, добравшись до Коринфского перешейка. Славянские набеги имели место в 545 и 547 гг., когда славяне опустошили огнем и мечем весь Иллирик до Диррахия, а военачальники Иллирика, имевшие в своем распоряжении 15-ты-

<sup>1</sup> С. М. Н., v. II, 426.

<sup>2</sup> Bury, A History of the later Roman Empire..., v. II, стр. 114.

<sup>3</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 440.

сячное войско, не осмелились противостоять славянам. Однако ни одно из этих вторжений еще не приводило к постоянному вселению значительных масс славян на территорию империи. Военным силам империи в конечном счете удавалось отбрасывать их обратно за линию Дуная. Но эти набеги губительно отражались на экономическом благосостоянии провинций, лишая их населения и превращая, по выражению Прокопия, в «скифские пустыни». <sup>1</sup>

К бедствиям, причиняемым войной и вражескими набегами, присоединились стихийные бедствия. В 542 г. в империи вспыхнула чума такой силы, какой не знали в течение ряда веков. С особой силой она свирепствовала в больших городах с тесно скученным населением. Заболел и сам Юстиниан. В Константинополе ежедневно умирало до пяти тысяч человек. Промышленная и торговая жизнь остановилась.

При таких обстоятельствах война с Персией не могла быть успешной. В 541 г. Хозров напал на Лазику и взял сильную византийскую крепость Петру, воздвигнутую Юстинианом на юге Фазиса. В 542 г. военный престиж Велизария заставил Хозрова без боя очистить территорию империи, но вслед за этим Велизарий впал в немилость при дворе, был отозван, дружина у него была отнята и распределена между другими представителями знати. Предпринятое в 543 г. вторжение в персидскую Армению тридцатитысячной византийской армии закончилось ее разгромом. В 544 г. Хозров жестоко опустошил Месопотамию. Юстиниан, серьезно озабоченный событиями в Италии, где Тотила отвоевал почти весь полуостров, был рад купить у персов перемирие на 5 лет уплатой денежной дани. Это перемирие, возобновленное в 551 г., не распространялось на Лазику, где ожесточенная борьба продолжалась еще ряд лет, причем Юстиниан употреблял все усилия, чтобы не допустить захвата персами этой страны, открывавшей им выход в Черное море.

Так или иначе, война с Ираном продолжала поглощать силы и средства Византии. В связи с этим бесконечно затягивалась война в Италии, и радужные мечты о восстановлении империи на Западе все более и более тускнели. Зато — и в тесной связи с этим — вопрос об устранении раскола с Востоком приобретал для правительства все большее значение и важность.

Мы знаем, что перед византийским правительством уже давно стояла дилемма выбора между церковным, а следовательно и политическим единством с Востоком, жертвуя тем самым миром с римскими папами — политика, которой следовали Зинон и Анастасий, а также жена Юстиниана Феодора — или сохранением дружественных отношений с Западом, что делало неизбежным острый конфликт с Востоком и вызывало необходимость насильственного подавления монофизитской оппозиции. Эта политика была избрана Юстином, и ее же продолжал в первые годы Юстиниан.

Но правительственные преследования не могли сломить моно-

<sup>1</sup> Procop. Hist. arc., XVIII, 21.

физитов, попрежнему составлявших сильную и многочисленную группу населения. Они составляли преобладающее большинство населения Египта, были очень распространены в Палестине, Сирии, Месопотамии, Армении. Их яростное сопротивление Халкидонскому собору и римским догмам было тем опаснее, что под религиозной оболочкой здесь, как мы уже знаем, скрывались сепаратистские стремления коптов и сирийцев.

Антиправительственные выступления в Египте и Сирии все учащались. Когда в 530 г. в Антиохии был объявлен приказ, грозивший ссылкой за непризнание Халкидонского собора, в городе вспыхнуло восстание. Огромная толпа окружила дом патриарха и стала громить его камнями. Этот мятеж был подавлен войсками, перебившими много народа.<sup>1</sup>

В Египте яростная борьба между правительством и населением вспыхнула в 536 г. Чтобы посадить на патриарший престол ставленника императрицы Феодосия, византийскому войску пришлось штурмом брать Александрию. На улицах города завязалась отчаянная борьба между войсками и населением, в которой участвовали и женщины. Чтобы сломить сопротивление, командующий византийскими войсками должен был зажечь город.<sup>1</sup>

Правительство не могло не видеть всей опасности продолжения политики преследования монофизитов.<sup>2</sup>

Поэтому Юстиниан по совету Феодоры искал путей примирения с монофизитами: вернул из ссылки монофизитских епископов и возвел на Константинопольский патриарший престол склонного к примирению с монофизитами епископа трапезундского Анфимия. Но позиции православия были восстановлены приездом в Константинополь в феврале 536 г. энергичного римского папы Агапита, который при помощи партии акимитов (строго-православных) развил такую агитацию против «еретика» Анфимия, что Юстиниан, нуждаясь к тому же в поддержке папы для успеха в Италии, должен был низложить Анфимия и даже в Египте в 538 г. посадить православного патриарха.

Но, сделав эту уступку, Юстиниан не испытывал никакого желания передавать высший контроль в церковных делах римскому папе и отнюдь не отказался от дальнейших примирительных попыток по отношению к монофизитам. Монофизиты ставили в упрек Халкидонскому собору, что три церковных писателя V в. — Феодор Моисуэстский, Ива Эдесский, Феодорит Киррский — несмотря на свои несторианские идеи, не были на нем осуждены. Юстиниан нашел, что в этом упреке монофизиты правы, и в начале 40-х годов издал указ «о трех главах», в котором решительно осуждал сочинения этих трех писателей, надеясь таким образом устранить причины вражды монофизитов к Халкидонскому собору.

Для придания своему указу общецерковного значения он требовал, чтобы под ним подписались все патриархи и епископы. Но

<sup>1</sup> Malala, Chronographia ed. Bonn., стр. 468.

<sup>2</sup> Liberatus, Breviarium, Patr. Lat., v. LXIX, стр. 69.

этого достигнуть было нелегко. Римские папы и западное духовенство решительно отказывались это сделать, рассматривая императорский указ как посягательство на авторитет Халкидонского собора. Юстиниану, подстрекаемому Феодорой, пришлось вступить в резкий конфликт с своим союзником — римским папой.

В марте 537 г. Велизарий в Риме низложил и отправил в ссылку неподатливого папу Сильверия, на место которого по требованию Велизария был выбран папа Вигилий. Но так как и новый папа медлил с выполнением своих обещаний, то было признано необходимым вырвать его из римского окружения, враждебного замыслам греческих церковников. В 545 г. Вигилий был, отнюдь не добровольно, доставлен в Сицилию, а оттуда в Константинополь, где под нажимом правительства в 548 г. официально осудил трех вышеупомянутых церковных писателей. Однако малодушие папы вызвало единодушный протест среди церковников Африки, Далмации и Иллирика. Юстиниану пришлось применить против упорствующих суровые репрессии, а так как напуганный Вигилий требовал «вселенского» собора, то строгие меры были приняты и против него. Находясь пленником в Константинополе, папа подвергся насилиям и оскорблениям. В 553 г. собрался V вселенский церковный собор, который под диктовку императорских чиновников покорно осудил трех давно умерших церковных писателей. Но попытка таким путем примирить монофизитов с православными окончилась полной неудачей. Таким образом Юстиниан рассорился с римскими папами и западным духовенством, отказавшимся признать решения V собора, а монофизиты отнюдь не были удовлетворены сделанными уступками.

Поглощенный богословскими спорами в связи с вопросом о трех главах, продолжая вести тяжелую войну с Персией, Юстиниан в то же время решительно отклонял неоднократно делаемые ему остроготским королем Тотилой мирные предложения.

Несмотря на истощение Византии, в Италию из года в год посылались воинские силы, недостаточные для победы, но препятствовавшие Тотиле окончательно изгнать из этой страны восточно-римские войска. Рим пять раз переходил из рук в руки, подвергаясь всякий раз жестокому разрушению. Не помогло Византии и возвращение в Италию Велизария в 544 году.

После долгой борьбы, имея крайне недостаточные силы, Велизарий не мог добиться никаких существенных результатов и был отозван в 548 г., похоронив в Италии свою воинскую славу. После отозвания Велизария в руках византийских войск во всей Италии оставались только четыре города: Равенна, Анкона, Отранто и Кротона. Флот, созданный Тотилой, отвоевал в 550 г. Сицилию, в 551 г. Корсику, Сардинию и опустошал Далмацию, Корфу и Эпир. «Весь Запад был в руках варваров», — писал Прокопий.<sup>1</sup> Но Юстиниан попрежнему оставался непоколебим, отвергая всякие мирные предложения.

<sup>1</sup> Procop. De bello Goth., ed. Hauray, III, 33.

Уступая мольбам многочисленных итальянских эмигрантов, византийское правительство делает еще одно усилие. В 551 г. для покорения Италии снаряжается новая армия под начальством придворного евнуха Нарзеса, которая весной следующего года появилась в северной Италии, совершив туда поход сухим путем из Далмации. В состав этой «римской» армии входили главным образом варварские наемные отряды: две с половиной тысячи лангобардов, пнятых в Паннонии, три тысячи герулов, в большом количестве гунны, частные дружины отдельных вождей и т. д.

Нарзес стремился принудить готов к решительному сражению и добился своей цели. Готская армия потерпела решительное поражение при Тагине (совр. Тадино) в Апеннинах. Сам Тотила был убит. Вся центральная Италия с Римом снова перешла под власть Византии. Последнее отчаянное сопротивление готов было сломлено в 553 г. у подошвы Везувия. На долю Нарзеса выпала также задача очистить Италию от франков, которые претендовали на роль наследников готов и в середине 553 г. вместе с алеманнами, под начальством двух алеманнских вождей Левтариса и Бутилина, появились в стране, огнем и мечом прокладывая себе путь через всю Италию.

Ополчения Бутилина были уничтожены Нарзесом в 554 г. близ Капуи, а военные силы Левтариса были истреблены эпидемическими болезнями при своем возвращении на родину. Таким образом после 20-летней ожесточенной борьбы Итальянская префектура была возвращена в лоно Римской империи, хотя, так же как Африка, в сокращенных размерах — без Паннонии, Реции и Норикума.

Юстиниан изданием Прагматической санкции в 554 г. поспешил восстановить старые римские порядки и учреждения. Было сохранено старое разделение между военной и гражданской администрацией. Во главе гражданского управления поставлен префект претория, помощниками которого являлось 2 викария и 13 начальников провинций с многочисленным бюрократическим аппаратом, штаты и содержание которого были тщательно определены. Юстиниан решил одним росчерком пера уничтожить все, что могло напоминать о варварской «тирании». Договоры, заключенные во времена Тотилы, дарственные грамоты, экономические мероприятия, принятые им для облегчения положения колонов и рабов, были объявлены не имеющими силы. Прагматическая санкция возвратила старым собственникам все земли, владельцами которых они считались до Тотилы. Лица, пострадавшие от «тирании», имели право, как они сами, так и их наследники, восстанавливать по суду прежние владельческие права. Колоны, покинувшие свои участки самовольно или захваченные другими собственниками, подлежали возврату на прежние свои тягла. В случае если рабы и рабыни успели вступить в брак со свободными, их дети наследовали положение матери.

Была восстановлена старая военная, отделенная от гражданской, администрация, возглавляемая магистром войск. Границы для охраны были распределены между дуксами. Временно высшим

главой всей администрации (экзархом) в Италии был оставлен Нарзес.

Византийское правительство пыталось провести некоторые меры, чтобы улучшить экономическое положение страны, облегчить бремя долгов, тяготевших на уцелевшем населении. Юстиниан покровительствовал духовенству и был озабочен восстановлением крупной земельной аристократии, которую он рассматривал как главную опору императорской власти в Италии. Он обстраивал Равенну роскошными сооружениями, восстановил разгромленный готами и франками Милан, обещал возвращение старых привилегий Риму. Но все эти мероприятия были совершенно недостаточны для экономического восстановления Италии.

Италия, пережившая ужасы 20-летней войны и связанного с ней голода и мора, перешла под власть Византии в виде разоренной и обезлюдившей страны. Крупнейшие города, как Неаполь, Милан, Рим, лишились большей части своего населения. Великолепный Рим, еще в начале VI века насчитывавший сотни тысяч населения, наполненный памятниками старой славы и могущества, о котором современник писал, что «обладание всей Италией без него ничего не стоило», пять раз переходивший в ожесточенных боях от готов к византийцам и обратно, переживший все ужасы осад, штурмов, голода, лишился  $\frac{9}{10}$  своего населения и превратился в незначительный провинциальный город.

Римской аристократии не пришлось воспользоваться плодами реставрации, которую она подготовляла. Большая ее часть, задержанная готами в качестве заложников, была ими перебита. Многие патриции навсегда покинули Италию, эмигрировав в Сицилию или Константинополь. Возвратившиеся в Рим нашли свои дворцы разрушенными, имения разоренными или превращенными в болота вследствие разрушения римских водопроводов. Великие памятники прошлого быстро превращались в развалины; внутри стен города образовались громадные пустыри, на которых уже во время осады 549 г. сеяли пшеницу.

На громадном пространстве, опоясанном стенами, ютилось несколько тысяч разоренных, обнищавших, несчастных обитателей, спасаемых от голодной смерти только подачками пап.

Немногим лучше было положение и в остальной Италии. Утратив не менее половины своего населения, страна в большей своей части оставалась необработанной и кроме того должна была выносить налоговый гнет и вымогательства византийских агентов фиска.

Вместо оказания существенной помощи разоренной Италии, правительство Юстиниана упорно, не взирая ни на что, продолжало осуществление своего плана восстановления Римской империи на Западе. Как только было сломлено сопротивление Тотилы, правительство Юстиниана немедленно организует военную экспедицию в Испанию. И здесь положение визиготского королевства было очень непрочным и поводов для вмешательства было достаточно.

Король визиготов Агила (549—554) был ревностным арианином и начал преследование православных. Против него поднял восстание Атанагильд, который опирался на православную партию и, естественно, обратился за помощью к крупнейшему защитнику православия Юстиниану. Помощь немедленно была предоставлена. Византийское войско и флот были направлены в Испанию, Агила был разбит.

В короткое время войска Восточной империи захватили многие укрепленные города на юго-востоке полуострова: Картагену, Малагу, Кордову и другие. Угрожающее внедрение византийцев заставило визиготов прекратить внутренние распри. В 554 г. все партии сошлись на выборе нового короля Атанагильда, который должен был теперь выступить против своих прежних союзников, чтобы предотвратить их дальнейшие захваты. Но византийцы удержали то, что захватили.

Это было последнее завоевательное предприятие Юстиниана на западе. На большее при крайнем истощении империи, очевидно, нехватало сил.

Попрежнему у империи массу сил и средств поглощала нескончаемая война с Персией из-за Лазики и из-за преобладания на Кавказе, воинственные народности которого вели борьбу за свою самостоятельность. Лазы, недовольные персидским гнетом, в 549 г. снова отделились под покровительство Византии; зато другие племена, бывшие раньше в сфере византийского влияния, перешли на сторону Хозрова.

Война казалась нескончаемой. Вести ее было очень трудно в стране почти непроходимой, изрезанной горами и покрытой лесами. Но Юстиниан попережнему не щадил средств и сил, чтобы не допустить Персию к выходу в Черное море. Военные действия с особым ожесточением велись за обладание Петрой, захваченной персами в 547 г., безуспешно осаждаемой византийцами в 549 г. и, наконец, отнятой ими в 551 г. В 552 г. Юстиниан сосредоточил в Лазике 50-тысячную армию.<sup>1</sup>

В конце концов Хозров понял бесполезность этой борьбы и то, что по географическим условиям Лазика не может быть удержана персами, и по мирному договору 562 г. согласился очистить эту страну за крупный денежный выкуп.<sup>2</sup>

Хотя византийскому правительству не удалось восстановить империю в прежнем объеме, но и достигнутые результаты с внешней стороны могли удовлетворить честолюбие Юстиниана. Не говоря о Лазике, стране даннов и других приобретениях в бассейне Черного моря, власть византийских императоров распространилась на ряд новых территорий на западе: Далмацию, Италию, восточную часть северной Африки (Тунис и часть современного Алжира), юго-восток Испании, Сицилию, Сардинию, Корсику, Балеарские острова. Территория империи по пространству почти удвоилась. Границы

<sup>1</sup> Agath., *Historiarum libri...*, IV, 30, стр. 134.

<sup>2</sup> Menandr., стр. 351—353 (ed. Bonn.).

империи снова простирались от Гибралтара до Евфрата и Средиземное море снова являлось «римским» озером.

Но эти внешние блестящие успехи были куплены дорогой ценой. Прежде всего, военные предприятия на западе не вызывались жизненными интересами империи, центр которой лежал на востоке; удлинив в гигантских размерах ее границы от Херсонеса в Крыму до Гибралтара, завоевания Юстиниана крайне затруднили все дело обороны империи.

При этом трудящиеся массы воссоединенных стран, которым реставрация принесла только большее закабаление, не имели никаких оснований поддерживать византийское правительство, а недостаток средств, повлекший за собой уменьшение численности войска, не позволил византийскому правительству укрепиться как следует в завоеванных странах, результаты чего быстро сказались при преемниках Юстиниана.

Далее, завоевания на западе были куплены ценой разорения Востока. Средств, несомненно значительных, которыми располагало восточно-римское правительство, все же не хватало для осуществления грандиозных планов Юстиниана: дорого стоящих завоевательных войн и содержания наемного войска, пышного и роскошного двора, бесчисленной паразитической армии попов, монахов, чиновников, сооружения роскошных, но большею частью бесполезных сооружений, подарков и субсидий варварским племенам и т. д. Сбережения Анастасия были израсходованы уже в первые годы правления Юстиниана.

А дальше в течение всего правления Юстиниана несоответствие между гигантскими претензиями правительства и состоянием финансовых средств все больше нарастало и трудность покрытия дефицита непрерывно увеличивалась.

Конечно, правительство Восточной империи еще имело внутренние резервы. Можно было без всякого ущерба сократить роскошь и пышность двора, прекратить постройку роскошных и бесполезных церквей, уменьшить расходы на кормление бесчисленной армии паразитического духовенства, на дорогостоящие цирковые зрелища и т. д. Но эти мероприятия решительно неспособно было провести деспотическое правительство в стране, где большая часть производительного населения представляла бесправную массу, а правительство опиралось на бесконтрольную армию чиновников, оторванных от народа и подавлявших всякую общественную самостоятельность. Это обстоятельство хорошо понимали и наиболее сознательные византийцы VI века. «Расточали деньги, нужные для армии, — говорит Агафий, — на бесчестных женщин, возничих цирка, на ничего не стоящих людей, способных только заниматься общественными смутами, да борьбой партий».<sup>1</sup>

Естественно, что правительство шло по линии наименьшего сопротивления, все более увеличивая налоги, падавшие на трудящиеся массы. Что же касается господствующего класса крупных

<sup>1</sup> Agath., op. cit., V, 11, стр. 307.

земельных собственников и духовенства, то они умели обеспечить себя всякими льготами и привилегиями. Для добывания денег Юстиниан обратился прежде всего к тем методам, которые он сам осудил в своих первых указах: к продаже за большие деньги должностей и к введению новых налогов, хотя он хорошо знал о непосильности для населения всякого нового увеличения налогового бремени. В результате деревни нищали и пустели, а с заброшенных земель переставали поступать налоги. Чтобы прекратить это обезлюдение, лишавшее государственное казначейство самого объекта обложения, Юстиниан пустил в ход старое средство — так называемую «прикидку» (ἐπιβολή), заключающуюся в присоединении к обрабатываемым и плодородным землям покинутых и необработанных участков, причем владельцы первых обязывались вносить налоги и за вторые. Эта «прикидка», по выражению Прокопия, являлась настоящей «чумой, внезапно падающей на земледельца и окончательно разрушающей все его надежды на прокормление». <sup>1</sup> Был введен новый, точно «падавший с неба», по словам Прокопия, дополнительный налог — ἀερίκον.

Наряду с денежными налогами, трудовые массы были опутаны паутиной различных натуральных повинностей, барщин и оброков, выполнение которых причиняло тяжелые страдания.

Современник Иоанн Лид мог наблюдать, как при перевозке зернового хлеба из глубины провинции в порты «дороги были устланы трупами женщин и детей, умиравших от лишений при выполнении этой повинности». <sup>2</sup> Если само правительство продавало общественные должности с аукциона, а в самом дворце торговали законом и правосудием, то провинциальная администрация и по-прежнему не знала предела своим вымогательствам.

И это неудивительно. Правители провинций указами 553 и 556 гг. сделаны были ответственными собственным имуществом за уплату налогов. Кроме того, они хотели во что бы то ни стало выколотить с излишком из населения те суммы, которые они заплатили за свои должности, употребляя все свое искусство, «чтобы заставить выйти из-под земли тот обол, который в ней скрывался». <sup>3</sup>

Нуждаясь все более и более в деньгах, правительство было вынуждено закрывать глаза на действия своих агентов, лишь бы они исправно доставляли налоги.

Современники с ужасом шептали друг другу о деяниях префекта претория Иоанна Каппадокийского, который «грабил целые города», устроил в тюрьмах претория для неисправных налогоплательщиков целый арсенал пыток, откуда его «жертвы выходили или обобранными или мертвыми», о зверствах Иоанна по прозвищу «тяжелые челюсти», напавшего на малоазиатский город Филадельфию и так расправившегося с ним, что в нем не осталось ни денег,

<sup>1</sup> Procop. Hist. arcana, XXIII, 15.

<sup>2</sup> Lydus, De magistrat., стр. 264.

<sup>3</sup> Lydus, op. cit., стр. 251.

ни жителей, о грабежах Акакия в Армении, Сергия в Африке, Иоанна Цибоса в стране лазов и т. д.

Так как области Балканского полуострова постоянно опустошались набегами славян и гуннов, а территория Сирии была разорена персидской войной и выжать увеличенные налоги из этих истощенных областей было невозможно, то тирания агентов фиска с тем большей силой обрушивалась на многочисленные города Малой Азии, устойчивое хозяйство которых дало возможность империи избежать банкротства, постигшего Западную империю. По словам Иоанна Лиды, «неприятельское нашествие казалось менее страшным, чем прибытие агентов казначейства». В конце V и первой четверти VI века в империи наблюдалось некоторое возрождение торговой и промышленной деятельности, но оно скоро было задушено фискальной политикой Юстиниана и системой принудительных займов: доходы от торговли и промыслов немедленно захватывались налоговыми сборщиками. Торговля наиболее важными продуктами была обращена в государственную монополию. Занимавшиеся производством шелковых изделий городские димы в Тире и Бейруте, по сообщению Прокопия, были доведены до нищеты правительственной регламентацией цен на шелк и условий торговли. С торговых судов, проходивших через Константинопольскую гавань, взимались столь большие пошлины, что многие судовладельцы предпочитали сжигать свои суда и отказываться от морской торговли. В деревне тяжесть налогового бремени, усугубляемого коррупцией и продажностью чиновничьего аппарата, способствовала дальнейшему развитию патронатных отношений, продолжала загонять еще сохранивших свободу крестьян под власть церковных и светских крупных землевладельцев. Египетские папирусы, дающие богатый материал для характеристики аграрных отношений империи VI века, показывают, что в этот период Египет превращается в страну крупного землевладения и что земельные магнаты захватывают в свои руки целый ряд функций центральной власти. Так, владения Апионов, принадлежавших к высшим кругам византийской знати, раскинулись по меньшей мере на 4 нома. Они имели сложный управленческий аппарат, собственную флотилию на Ниле, собственную почту, а также вооруженные отряды букеллариев и частные тюрьмы для непокорных колонов.

Если страна была разорена налогами и вымогательствами чиновников, то и военная оборона в последние годы правления Юстиниана находилась также в упадке.

Так как начиная с 555 г. война прекратилась на всех границах, то в видах экономии средств действующий ее состав был несообразно уменьшен. Вместо 645 тысяч, из которых, по словам Агафия, она должна была нормально состоять, в ней осталось только 150 тысяч, разбросанных на громадном пространстве в Италии, Африке, Испании, Балканах, Кавказе, Египте. Даже в столице весь гарнизон состоял из нескольких частей придворных войск, служивших только для парадов и не имевших никакого военного значения. Эта уменьшенная армия содержалась крайне неаккуратно. На всех ступенях

военной иерархии царило организованное воровство, и «воины, лишенные всего необходимого и принужденные иногда питаться милостыней, бежали от своих знамен». <sup>1</sup> Излюбленной тактикой Юстиниана в последние годы его правления было противопоставлять варваров варварам, сеять ценою золота несогласия между их вождями, натравливать, например, гуннов утургуров на кутургуров, аваров на утургуров и антов и уничтожать одних посредством других; если же, несмотря на эти меры, варвары все же производили набег — покупать ценой золота их отступление. <sup>2</sup> Юстиниан считал, что такой способ действия много дешевле содержания на военном положении многочисленной армии. Однако действительность показала крайнюю опасность такой политики. Набеги варваров учащались на Балканском полуострове. В 558 г. гунны-кутургуров, опустошив Фракию, появились перед Константинополем, вызвав там страшную панику. Понадобилось все военное искусство престарелого Велизария, чтобы отбить нападение от столицы бродячей банды гуннов. Истинное положение вещей в империи раскрывает новелла преемника Юстиниана Юстина II от 566 г., где мы читаем: «Мы нашли казну разоренной долгами и доведенной до крайней нищеты, и армию до такой степени расстроенной, что государство было предоставлено непрерывным нашествиям и набегам варваров». <sup>3</sup>

В массах населения империи, доведенных до отчаяния, нарастало глухое возмущение. Оппозиционное настроение константинопольских димов не было сломлено событиями 532 г. Антиправительственные выступления повторяются в 547, 556, 562, 564 гг.

Еще более враждебно правительству было настроение городских димов в Сирии, Месопотамии, Египте, где большинство населения состояло из еретиков-монофизитов, озлобленных одинаково и гнетом налогов и преследованиями за веру. Все большее недовольство и озлобление существующей системой нарастало и в византийской армии, а действия правительства в последние годы правления Юстиниана как бы сознательно были рассчитаны на то, чтобы их еще больше усиливать.

Параллельно нарастанию недовольства и ожесточению низов шло разложение господствующего класса. Рост феодализирующейся знати, присваивавшей себе государственные права и в лице своих отдельных представителей вступающей в борьбу с центральной властью, обуславливал невозможность для господствующего класса сохранить в неизменном виде свое господство.

Юстиниан оставил своим преемникам страшное наследие. Недаром его ближайший преемник Юстин II сошел с ума, не выдержав тяжести выпавшей на его долю задачи. «Блестящее» царствование Юстиниана подготовило грандиозный взрыв классовой борьбы, страшный кризис, пережитый империей в первой половине VII века.

<sup>1</sup> Agath., op. cit., стр. 307.

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> Nov., 148, praef.

Буржуазные историки (Бэри, Штейн) обычно очень упрощенно объясняют причины этого кризиса, поставившего Восточно-римскую империю на край гибели. По мнению Бэри, этой причиной является слабость Византии, обусловленная великодержавной политикой Юстиниана.<sup>1</sup> Такого же мнения придерживается и Штейн.<sup>2</sup> И тот и другой замалчивают роль и значение ожесточенной классовой борьбы и восстаний народных низов в начале VII в. на территории Восточной империи, являющихся видоизмененным развитием и непосредственным продолжением революции рабов, ликвидировавшей Западно-римскую империю.

### 3. Византийская культура V—VI веков

Византийская культура сложилась из взаимодействия трех источников: 1) античной традиции и эллинизма, 2) христианства, восторжествовавшего в качестве государственной религии в IV веке, 3) влияния азиатского и варварского востока, с которым Византия была связана тесными и неразрывными узами. Маркс характеризует Византию как амальгаму западной цивилизации и восточного варварства. В то время как в Западной Европе варварские нашествия стерли с лица земли древнюю цивилизацию (политику, юриспруденцию), и средневековье, по словам Энгельса, начало с самого примитивного состояния, Византия продолжала сохранять наследие эллинизма.

В пределы Восточной империи входили все старые известные центры эллинизма: Афины, Александрия, Антиохия, и сам Константинополь в основном являлся греческим городом. Эти культурные центры сохраняли сокровища античной литературы и искусства, хотя много культурных ценностей и было уничтожено фанатическим изуверством монахов.

Византийская литература и искусство были проникнуты античными традициями. Но, сохраняя античные традиции, культура Восточно-римской империи получила церковную христианскую окраску. На смену античной светской философии пришло православное «богословие». Традиции античной науки стали служить только подспорьем для богословского образования. Поэзия, музыка, изобразительные искусства были в значительной мере направлены на службу церкви; видной отраслью литературного творчества сделались так называемые «жития святых».

Византийская культура возникла не сразу. Время V—VI веков представляет период переходный от античной к средневековой культуре. В эти столетия христианство одерживает окончательную победу над умирающим язычеством.

Нужно отбросить сохранившиеся еще до нашего времени взгляды о полной деградации культуры в эти столетия, о деградации архитектуры, живописи, декоративного искусства, о том, что время

<sup>1</sup> The Encyclopedia Britannica, XIX, стр. 434.

<sup>2</sup> Stein, Studien zur Geschichte des Byzant. Reiches, стр. 2.

после Константина не оставило каких-либо примечательных памятников искусства.

Обычное представление о Византии как о стране монашеского застоя, лишенной всякой культурной жизни и развития, нуждается в очень существенных оговорках.

Недостаточно учитывается тот факт, что в V—VI веках, равно как и в весь период раннего средневековья, «Рим Востока», как называл Византию Маркс, все еще оставался сокровищницей классической культуры, самой просвещенной страной Европы, откуда черпали опыт и знание народы Европы и передней Азии.

В V—VI веках складывается своеобразное византийское искусство, в котором античная эллинистическая традиция перерабатывается на основе многообразных восточных влияний. Это искусство нельзя рассматривать как механическое соединение античных и восточных стилей. На основе старых художественных традиций оно самостоятельно разрешало ряд творческих задач, создавая новые формы в архитектуре, живописи и скульптуре.

Вначале для христианских культовых зданий были заимствованы формы античной архитектуры, но в течение V века был выработан преимущественно для постройки церквей тип зданий, существенно отличающийся по плану и всей конструкции от типа древних базилик. Главную его особенность составляет употребление купола для покрытия средней части здания. Византийская архитектура на основе восточных традиций окончательно разрешила задачу помещения купола над основанием квадратного или вообще четырехугольного плана посредством так называемых парусов, или пандативов.

Блестящим разрешением этой архитектурной задачи явился знаменитый Софийский собор в Константинополе с его куполом. Творцы этого собора, византийские архитекторы VI века Исидор из Милета и Анфимий из Тралл, выполняя заказ торжествующего православия и деспотической императорской власти, создали постройку, поражающую своей конструктивной и стильной законченностью и расточительной пышностью. С окончанием этой постройки церковная архитектура христианского востока получила свой образец центрально-купольный, в противоположность базиличному типу, утвердившемуся на западе Европы.

Наряду с новыми архитектурными формами вырабатывается и византийский живописный стиль, унаследовавший основные начала от древнего классического искусства, но создавший на их основе новые формы. Если первоначально для выражения христианских идей живопись должна была прибегать к формам античным, языческим, то теперь и в живописи вырабатываются новые формы, уже христианские. Живопись находит широкое применение в украшении церквей стенными изображениями, исполненными кистью или мозаикой, воспроизводящими события ветхого и нового заветов. Равеннские мозаики, мозаики церкви Дмитрия Солунского, вновь открытые мозаики в Константинопольской Софии знакомят нас с этим византийским живописным стилем — холод-

ным, торжественным, монументальным, изобилующим украшениями, с богатством красок чисто восточного характера.

Отражая роскошь и пышность византийских верхов, византийское искусство проникнуто стремлением к богатому, пышному, полихромному оформлению, богатой орнаментации. Внутренность византийских общественных сооружений V—VI веков напоминает усыпанный пурпурными цветами ковер или сад из разноцветных мраморов и мозаик. Но эта живопись сохраняет изящество античной формы. В этом убеждают нас миниатюры сохранившихся рукописей того времени — Илиады Амвросианской, *Виргилия* Ватиканского, *Диоскорида* VI века, носящие чисто эллинистический характер и напоминающие фрески Помпеи. Сохраняется и эллинистический реализм в портретной живописи, как об этом свидетельствуют дошедшие до нас в Равенне портреты VI века — Юстиниана, Феодоры и их двора.

Результатом окончательной победы христианства было прекращение самостоятельного существования философии и тесно связанных с ней в античности математических и естественных наук. Последним сколько-нибудь оригинальным и самостоятельным мыслителем античной философии был неоплатоник Прокл (412—485), проявивший свою деятельность почти во всех областях знания. Приемы точного исследования природы, которые развились впервые лишь у греков александрийского периода, были в IV веке совершенно утрачены, особенно после уничтожения языческого научного центра в Александрии. Мы уже отмечали факт уничтожения патриархом Феофилом знаменитой Александрийской библиотеки и зверского убийства александрийскими монахами преподавательницы философии и математики Ипатии. При Юстиниане происходит повсеместная и окончательная ликвидация языческой науки. В Константинополе идеологи умирающего язычества — грамматики, риторы десятками и сотнями бросались в тюрьмы, где их принуждали к принятию христианства. Афинская высшая школа была закрыта Юстинианом в 529 г., а последние ее преподаватели ушли в изгнание. Неудивительно, что в Восточно-римской империи уже с конца IV века доминирует церковная литература. Ее наиболее выдающиеся представители — восточные «отцы церкви». Ефрем Сирий (ум. в 372 г.), Василий «Великий» (ум. в 379 г.), Григорий Богослов (ум. в 390 г.), Иоанн «Златоуст» (ум. в 407 г.), Исидор Пелусиот (ум. в 436 г.), Кирилл Александрийский (ум. в 447 г.), Феодорит Кирский (ум. в 457 г.) раскрывают в своих многочисленных произведениях содержание идеологической системы, создаваемой православием, системы, которая в основном сводится к учению о загробной жизни, как о жизни вечной, противопоставляемой земной жизни, жизни временной, служащей лишь введением в жизнь вечную и объявляемой юдолью скорби и греха. Страх перед неведомыми силами природы, с которыми бессильна была справиться слабая техника того времени, церковь использует для утверждения отношений господства и подчинения, внушая в то же время своим учением мысль, что только церковь является обладательницей особой



*Юстиниан и его двор.*  
Мозаика VI века в церкви Виталия в Равенне.

спасающей силы («благодати»), составляющей монополию духовенства и передаваемой путем особых магических действий — таинств. Вышеуказанные церковные писатели вырабатывают мировоззрение, которое потом в течение долгих столетий господствовало на христианском востоке, проделывая здесь приблизительно ту же работу, какую на западе выполнял Августин и другие западные «отцы» церкви.

Теоретики торжествующего православия должны были также пересмотреть и оценить с христианской точки зрения оставшееся от древнего мира наследие античной образованности и прежде всего философию, историю, естествознание.

Первые «отцы» восточной церкви, хотя и прошли хорошую античную школу и овладели в значительной степени богатым культурным наследием прошлого, невысоко расценивают античную науку и философию. Она для них, главным образом, предмет опровержений и материал для изучения истории человеческих заблуждений. Идеологи победившего христианства исходят в своей оценке античности из непоколебимо установленной предпосылки слабости и поврежденности человеческого ума, они решительно отрицают всякую свободу и самостоятельность научного исследования. У языческих философов они обычно различают две стороны: теоретическую и практическую. Первая ни на что не годна, и только отдельные моральные выводы второй могут быть использованы для подкрепления христианского вероучения.

История человечества рассматривается «отцами» исключительно с церковной точки зрения, как «домостроительство нашего спасения». Вместо прагматического объяснения причин и следствий исторических явлений, у церковных писателей универсальным объяснением является указание на «волю Божию» и «козни дьявола», и поэтому исторические произведения церковников являются или панегириками или памфлетами.

В области естествознания церковные писатели стремились согласовать сведения, добытые античной наукой, с библейскими сказаниями о творении мира, доказать идею целесообразности природы и премудрости творца в так называемых «Шестодневах», из которых наиболее популярным был Шестоднев Василия «Великого», сделавшийся на долгие века энциклопедией христианского естествознания во всех странах христианского востока.

Если положения античной науки противоречили библейским легендам, они бесцеремонно отбрасывались. Здесь уже в этот период ярко проявляется одна из особенностей средневековой схоластической учености: полное пренебрежение к данным наблюдения и опыта и преклонение перед авторитетом «святого писания». Образчиком печального состояния познаний в области природы является «Христианская топография» Космы Индикоплевста (VI в.), пользовавшаяся большой популярностью в средние века. Античные ученые Дикеарх Мессенский и Эратосфен Киренский довольно точно измерили величину земли. Аристарх Самосский дошел до правильного представления о вращении земли и планет вокруг

солнца. Гишпарх Никейский вычислил расстояние от земли до главных светил. Нельзя сказать, чтобы Косьма был совершенно незнаком с этими представлениями древних о мире, но эти представления противоречили библии, и потому их нужно было отбросить. Косьма выступает со своей собственной «концепцией». По его мнению, земля имеет форму плоского параллелограмма, а не шара, причем этот параллелограмм окружен со всех сторон океаном. За океаном находится рай. От крайних границ рая поднимаются стены, сходящиеся у нас над головой и образующие небесный свод. Над ним жилище бога и других небесных обитателей, а еще выше движутся солнце и луна.

В обществе Восточно-римской империи V—VI веков, где между верхами и низами существовала пропасть, где верхи утопали в роскоши, а низы были обречены на постоянные лишения и несение тяжелых обязанностей, где был особенно тесен союз между самодержавием и православием, вполне понятно горячее сочувствие со стороны эксплуататоров той религии, которая учила «безропотно» переносить земной ад ради небесного будто бы рая и которая являлась могучим орудием правительства в деле закрепощения масс. Отсюда понятно огромное развитие в V—VI вв. монастырей, но они «...были ненормальными общественными организмами, в основе их лежало безбрачие...»,<sup>1</sup> и в них здоровые люди «спасались» от невыносимых налогов и военной службы.

Уроdlивое развитие монастырей вызвало к жизни огромную монашескую литературу и прежде всего так называемые жития святых, в которых всячески восхвалялись аскетические подвиги «подвижников» и которые пустили в ход множество нелепых басен и чудес. Здесь мы читаем, например, что «пасущиеся» монахи избрали способ пропитания, свойственный жвачным животным, что «подвижники» «спасаются» в конюшне, зарывшись в конский навоз, выпивают воду, оставшуюся после омывания ног странников, питаются отбросами монастырской кухни, наполненными червями. Современный читатель испытывает жуткое чувство при чтении этой литературы, проникнутой мрачной проповедью самоуничтожения. Но нельзя отрицать, что некоторые из произведений этой монашеской литературы, как, например, многочисленные произведения Ефрема Сирина, Лавсаик Палладия, «Луг духовный» Мосха написаны в литературном отношении умело и эффективно. Неудивительно, что они получили громадное распространение, и в русских монастырях были даже предметом обязательного чтения вплоть до момента ликвидации этих монастырей Великой Октябрьской революцией.

Но в Византии, в отличие от западноевропейского раннего средневековья, где занятия литературой сохранились только в монастырях, существовали многолюдные торгово-промышленные города, и они, а не монастыри оставались центрами культуры. Здесь поэтому сохранилась и светская школа и светская литература, хотя

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 131.

на ней, разумеется, должны были неблагоприятно сказываться все усиливающееся господство церковной идеологии с ее фанатизмом, аскетизмом, подавлением личности и правительственный деспотизм, беспощадно уничтожавший всякое проявление оппозиционности.

Византийская филология тесно примыкала к античной науке и попрежнему разветвлялась на несколько отраслей. Ученые этой специальности, как, например, Георгий Хировоск (V в.), Евгений, преподаватель высшей константинопольской школы при императоре Анастасии, Иоанн Филопон и др., носили различные названия: грамматиков, лексикографов, раторов, комментаторов. Во время Анастасия жил ученый первой величины Присциан, автор грамматики латинского языка, которая была завершением учености предшествующих веков и сохранила свой авторитет на много столетий.<sup>1</sup> Он же оставил панегирик в честь Анастасия.

Все эти ученые составляли многочисленные словари, имевшие своей задачей собрание и объяснение или отдельных слов или целых фраз и сентенций. В этих словарях помещались также сведения мифологические, исторические, археологические, большей частью заимствованные из книг древних схолиастов и грамматиков.

Начиная с VI в. в литературе Восточно-римской империи начали появляться особого рода сборники пословиц, анекдотов, притч и изречений разных мудрецов и писателей. Это — так называемые «цветники», или антологии, легшие в основу позднейших сборников, так назыв. «пчел». В них, наряду с библейскими текстами и изречениями отцов и учителей церкви, приводились изречения древних языческих мудрецов, поэтов, философов, историков, ораторов.

Плодом литературных занятий компилятора начала VI века Иоанна Стобейского явилось объемистое собрание извлечений из более чем 500 древних поэтов, историков, ораторов, философов; его сборник в течение всего византийского периода оставался главным источником для последующих сборников изречений, пословиц и других кратких выражений народной и книжной мудрости.

Но светская литература не ограничивалась составлением сборников и компиляций. Были и попытки самостоятельного творчества.

В области философии следует упомянуть Иоанна Филопона, плодовитого писателя VI в. по вопросам грамматики, риторики, математики и философии. В своем сочинении «О вечности мира» Иоанн Филопон старается опровергнуть доказательства, выставленные Проклом в пользу мнения о вечности мира. Большая часть философских работ Филопона посвящена комментированию Аристотеля.

Но несмотря на все усердие в борьбе против языческой философии вообще и неоплатонизма в частности, Филопон все же не мог избежать обвинения в неправоверии.

<sup>1</sup> Prisciani Institutionum grammaticarum libri XVIII; Keil, Grammatici latini, v. II, Leipz., 1856.

Светские поэты V—VI вв. представляют также яркий образец переходного времени. Не лишенный таланта поэт V в. Нонн в 48 книгах пересказывает мифы о походе Диониса в Индию, но кончает свою литературную деятельность пересказом в стихах евангелия Иоанна.

В VI веке излюбленным видом поэзии были так называемые антологии, содержание которых составляли эпиграммы элегические, посвятительные, объяснительные, эротические и сатирические.

Главным достоинством стихотворений этого рода считалась краткость, остроумие и изящество формы. Наиболее выдающимся поэтом VI века был Агафий, стихотворения которого, написанные гекзаметром, составили сборник в 9 книгах под названием Дафника. Из них до нас дошла 101 эпиграмма, отличающаяся ясностью и живостью стиля, плавностью стиха, — свойствами, в которых выражается изящный вкус и тонкое образование автора. Но и в этих эпиграммах ярко сказывается переходный период. С одной стороны в них воспеваются в духе Анакреона и Сафо земная любовь, вино, земные радости жизни и тут же, вперемежку с эротическими эпиграммами, встречаются стихотворения о святости иконы «св. Луки» и других «чудотворцев».

Второй видный поэт VI века Павел Силенциарий описывает в гекзаметрах красоты воздвигнутого Юстинианом Софийского собора.

В первой половине VII в., при императоре Ираклии, плодовитым поэтом был дьякон Софийского собора Георгий Писида, описавший в ямбических триметрах счастливые походы Ираклия против персов, отражение нападения аваров на Константинополь в 626 г.; наиболее крупным его произведением является Шестоднев — философско-богословская поэма о сотворении мира. По содержанию, как это и естественно ожидать от автора-церковника, поэтическое творчество Писиды посвящено прославлению самодержавия и православия. По форме произведения Писиды сравнительно просты и понятны. Его стих плавлен и отличается правильностью. Внешние достоинства произведений Писиды преувеличенно высоко расценивались позднейшими византийскими литераторами, сравнивавшими этого поэта с Эврипидом. Но из всех поэтов этого времени безусловно самым выдающимся является Роман Сладкопевец. Монах, сириец по происхождению, он переселился в Константинополь при Анастасии. Здесь он сочинил свыше тысячи церковных песнопений. Подлинники его произведений хранились в церкви, при которой он жил. Знатоки и ценители церковной гимнографии единогласно признают его величайшим среди всех церковных поэтов, которых когда-либо знала греко-восточная церковь.<sup>1</sup>

Наиболее излюбленным видом светского литературного творчества у византийцев V—VI вв. являлась историография, сохранявшая традиции и приемы античной историографии. Для визан-

<sup>1</sup> *Analecta Bollandiana*, XIII, 1894, стр. 192; *Византийский Временник*, VIII, 1901, стр. 435—478.

тийских историков, так же как для античных, история не является наукой, а интересным художественным чтением. Так же как античная, византийская историография дает преимущественно политическую историю и совершенно не знает того, что мы называем внутренней историей. Субъективно-классовая точка зрения византийских историков, принадлежавших обычно к верхушке правительственного аппарата или к высшему духовенству, проявляется в трактовке изображаемых событий с еще большей выпуклостью, чем в античной историографии. Историческая литература византийцев распадается на 2 группы: 1) история в античном смысле и 2) хроники. В «историях» описывается небольшой сравнительно отрезок времени, большей частью или современный авторам или близко предшествующий. Историки V—VI вв. в своих технических приемах следуют старым античным образцам, стремятся к сохранению старинных форм и к чистоте языка, пишут для дворцовых кругов, высшего духовенства и чиновничества. По своему мировоззрению они также тесно примыкают еще к античной историографии. По сравнению с последней их произведения не обнаруживают никакой смены миросозерцания, никакой разницы в технике и приемах работы.

Историки V века в значительном количестве являются еще язычниками и ожесточенными врагами христианства. Таковы Евнапий, написавший римскую историю от Клавдия и кончая правлением Аркадия и Гонория; панегирист Юлиана Отступника, Олимпиодор, современник Феодосия Младшего, описавший события 407—425 гг.; Зосим, живший во второй половине V в., написавший «новую историю», в которой кратко излагаются исторические события от Августа до конца IV века и более подробно от 395 до 410 года. Зосим в своем труде хотел уяснить причину бедствий, переживаемых в его время Римской империей, причем, как враг христианства, самой главной причиной он считает победу христианства. Неудивительно, что при такой направленности исторические произведения V в. не могли быть терпимы торжествующим христианством, вследствие чего от многочисленной исторической литературы этого столетия, за исключением Зосима, сочинение которого случайно сохранилось почти полностью, дошли только отрывки. Некоторые из этих отрывков, как, например, знаменитое описание двора Атилы Приском Панийским или отрывки Малха Филадельфийца, очень важны и интересны и заставляют нас жалеть о потере целых произведений.

Поэтому для ознакомления с гражданской историей V в. мы должны довольствоваться скудными сообщениями хроник и дошедших до нас церковных историй Сократа, Созомена, Феодорита Киррского и написанной на латинском языке хроникой одного из придворных Юстиниана, Марцеллина.

Несравненно лучше мы осведомлены о гражданской истории VI века благодаря дошедшим до нас историческим произведениям Прокопия, Агафия, отрывкам Менандра, Феофилакта Симокатты, которые также принадлежат все еще переходной эпохе от антич-



*Император Константин.  
Вновь открытая мозаика Константинопольской Софии.  
(Thomas Whittemore. The Mosaics of St. Sophia at Istanbul. Paris, 1936, pl. VIII).*



Юстиниан I. Вновь открытая мозаика Константинопольской Софии.  
(Thomas Whittemore. The Mosaics of St. Sophia at Istanbul, pl. IX).

ности к средневековью и самым непосредственным образом примыкают к античной историографии. Наиболее значительным из них, несомненно, является Прокопий Кесарийский, с 527 г. занимавший важную и ответственную должность советника и секретаря Велизария по юридической части во время его походов, затем дослужившийся, по свидетельству лексикографа Свида, до высших ступеней правительственной администрации. В 8 книгах своей истории он подробно знакомит нас с войнами Восточно-римской империи против вандалов, готов и персов, касаясь и внутренней истории империи до 554 г. Несмотря на некоторое легковерие и подражание в стиле Геродоту и Фукидиду, Прокопий является лучшим историком своего времени. Язык его отличается живостью и простотой. Он очень хорошо осведомлен в событиях и является добросовестным, с своей классовой точки зрения, историком, знавшим, по свидетельству Агафия, «неимоверно много предметов и так сказать перерывшим всю историю». Начиная свой труд в 543 или 545 г., он был преисполнен энтузиазма. Он не желал, как он говорит в своем предисловии, чтобы «эти сверхчеловеческие события были за неимением историка осуждены на забвение». Он хотел в достойных выражениях прославить подвиги, которые «выше всего, даже самого удивительного, что знала древность». Он преисполнен восхищением перед Велизарием.

Прокопий очень сомнительный христианин. Его можно назвать скорее скептиком или безразличным в вопросах религии. С осторожной иронией он осмеивает ожесточенные споры различных церковных клик между собой о природе божества. Подобно античным историкам он убежден, что течение событий управляется роком.

В 560 г. по желанию Юстиниана он составил трактат о постройках, содержащий перечисление крупнейших сооружений церковных, гражданских и военных, воздвигнутых на средства государства при Юстиниане во всех частях империи. Кроме описания построек, этот трактат включает восторженный панегирик императору. Повидимому, за эту лесть Прокопий был вознагражден назначением на высокий пост городского префекта.

Особый интерес представляет написанная Прокопием и найденная папским библиотекарем Алемани в 1623 г. в Ватиканской библиотеке «Тайная история», в своем роде единственный памятник мировой литературы. Она проникнута такой злобой по отношению к правящим лицам Юстиниановского режима, подвергает всю его политику таким бешеным нападкам, что среди буржуазных историков долгое время шли споры, действительно ли «Тайная история» принадлежит Прокопию, прославляющему Юстиниана в своем трактате о постройках.

В этом сочинении сначала рассказываются скандальные истории из интимной жизни Велизария и его жены Антонины. Затем автор разъясняет, что за люди были Юстиниан и его жена Феодора, и показывает, как они погубили государство римлян. Далее рассказывается, как Юстиниан достиг престола и какое отвратительное прошлое было у его жены Феодоры. Затем следует общий обзор

правительственной деятельности Юстиниана, в основе которой, по мнению автора, лежали нечеловеческая жестокость и корыстолюбие, и описываются злодеяния Феодоры. Потом рассказывается, как под ударами Юстиниана и Феодоры гибнет старая сенаторская аристократия и расстраивается старый римский порядок. В заключение даются яркие картины разорения народа хищным правительством, возведенного в систему правительственного грабежа, расстройств администрации, промышленности и торговли, дезорганизации армии, запустения городов, исчезновения правосудия.

В настоящее время можно считать установленным, что автором «Тайной истории» является Прокопий и что она написана в 550 г., когда война на западе с готами складывалась все неудачнее, а промахи и ошибки Велизария, безучастное отношение охладевшего в это время к западным делам Юстиниана и разорение страны разрушили надежды, которыми увлекался при начале интервенции на Западе патристически настроенный историк. Свое разочарование, гнев и раздражение он излил в заметках, которые, разумеется, не предполагал опубликовывать. В этом любопытном произведении ярко проявляется классовая природа автора, принадлежавшего к той части сенаторской аристократии, которая была оппозиционно настроена по отношению к Юстиниану. Таким образом, византийский историк VI в. является последним выразителем древней сенаторской традиции, начинающейся Тацитом и проходящей красной нитью через компиляцию «Истории цезарей» (Historia Augusta).

Прокопия возмущают введенные Юстинианом и Феодорой изменения в придворном этикете, вынуждающие сенаторов подвергаться рабскому, нарушающему достоинство аристократии церемониалу. Прежде, говорит Прокопий, когда сенаторы являлись перед императором, они лишь преклоняли правое колено, а глава сената, положив руку на сердце, отвечал глубоким поклоном. Теперь перед Юстинианом и даже перед Феодорой все без исключения должны были повергаться ниц, припав устами к земле и смиренно лобызать пурпуровый сапожек царственных особ. Императора нужно было почтительнейше титуловать величеством, называя самого себя его низжайшим рабом. Прокопий является последним византийским историком, сохранившим еще способность (да и то втихомолку!) возмущаться рабскими, унижающими человеческое достоинство формами придворного этикета византийцев.

Для современного читателя «Тайная история» важна тем, что она ярко и, несомненно, в основе правильно рисует невыносимо мучительное положение народных низов, приносимых в жертву грандиозным завоевательным планам Юстиниана, коррупцию правящей верхушки этой империи, вызывавшую негодование ее лучших представителей, и приоткрывает край завесы над ожесточенной классовой борьбой, кипевшей в это время, хотя, разумеется, Прокопий не в состоянии показать нам расстановку классовых сил и проследить связь политической борьбы с ее экономической основой.

Продолжателем Прокопия был уже упоминавшийся выше Агафий; адвокат по профессии, по своей писательской деятельности

одновременно историк и поэт. В 5 книгах дошедшего до нас произведения «О царствовании Юстиниана» излагается история событий 552—558 гг. Он очень осторожен в своих высказываниях, но сообщаемые им факты в значительной степени подтверждают данные «Тайной истории». Ценные исторические факты сообщают в своей «церковной истории» сириец ЕвагриЙ, также адвокат по профессии, назначенный позднее квестором и префектом, и фрагменты недошедших, к сожалению, до нас полностью историй Петра Патриция, дипломата Юстиниана, Нонна, Менаандра Протиктора. Страшный кризис, пережитый Восточной империей в VII в., на долгие столетия прерывает византийскую историографию. Последним историком, описавшим правление императора Маврикия (582—602), является современник Ираклия (610—641), императорский секретарь и префект Феофилакт Симокатта, по справедливому замечанию Гиббона, «многоговорчивый в мелочах и молчаливый в существенном», но, несмотря на это, являющийся достовернейшим и лучшим историком последних десятилетий VI в.

От историков резко отличаются хронисты. Их произведения были рассчитаны на более демократические слои читателей и сами авторы этой литературы не важные вельможи, а монахи, главной целью которых является обзор всемирной истории с точки зрения библии. Они являются простыми и беззастенчивыми компиляторами, употребляют не литературный, а разговорный язык, мало обработанный, но доступный всякому рядовому читателю. У хронистов нельзя найти никакой попытки установить причинную связь между историческими явлениями. Они дают наивное перечисление тех исторических событий, которые для обычного разумения могли казаться достойными внимания, как, например, повышение цен на продукты, появление эпидемий, комет, разных «знамений», землетрясений и т. д. Первым представителем этого вида литературы является эллинизированный сириец Малала, составивший «всемирную хронику», доведенную до последних лет правления Юстиниана. Эта хроника прекрасно соответствовала уровню и потребностям монашества и оказала очень сильное влияние на последующую византийскую, восточную и славянскую анналистику.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Д и л ь, Юстиниан и византийская цивилизация VI в.
2. D a h n, Procopius von Caesarea.
3. Б. П а н ч е н к о, О тайной истории Прокопия.
4. H o l m e s, The age of Justinian and Theodora, I—II.
5. M. G e l z e r, Studien zur byz. Verwaltung Aegyptens.
6. M o n n i e r, Etudes sur le droit byzantin.
7. H e i d, Histoire du commerce du Levant, v. I.
8. K r u m b a c h e r, Geschichte der byz. Litteratur.





## Глава IV

### 1. Кризис VII в. и крах мировой империи

Следующие за Юстинианом императоры — Юстин II (565—578), выдвинутый Юстином Тиверий (578—582), зять Тиверия Маврикий (582—602) унаследовали истощенный как в финансовом, так и в военном отношении государственный организм, и в то же время были вынуждены выдерживать ожесточенный напор авар, славян, лангобардов на севере и персов на юге.

Когда Юстин появился первый раз в цирке, толпа встретила его криками: «Смилуйся над нами!». Юстину пришлось немедленно возвратить суммы, полученные в результате принудительных займов, освободить заключенных в тюрьмах за неуплату государственных налогов, уменьшить подати, отказаться от продолжения политики Юстиниана откупаться крупными денежными субсидиями от нападений персов, арабов, авар, гуннов. Отказ от дальнейшей выплаты дани неминуемо приводил к возобновлению длительных войн с соседями.

В конце царствования Юстиниана в расположенных к северу от Дуная областях появляется новый грозный враг — авары, подчинившие своей власти на востоке венгерской равнины славянские племена. Вмешавшись в дела вечно враждовавших между собою германских племен лангобардов и гепидов в Паннонии, авары в союзе с лангобардами разгромили «государство» гепидов в 567 г. и вместе с славянскими племенами все сильнее стали угрожать придунайским провинциям империи.

Лангобарды, которых Юстиниан поселил в Норике, в 568 г. вторглись в Италию и в течение немногих лет подчинили себе большую часть северной Италии, Тоскану и начали проникать в южную Италию. Лангобардское вторжение положило начало постепенному отделению Италии от Византии, ослаблению в Италии политической власти империи в связи с дальнейшим возвышением и усилением могущественного церковного феодала — римского папы.

При Тиверии византийское правительство осознало, что оно не может с успехом отбиваться от всех своих внешних врагов и потому, придерживаясь оборонительной тактики в Италии, откупаясь выплатой увеличенной дани от нападения авар, главные усилия сосредоточивает против наиболее опасного врага — Персии.

Но славяне не желали считаться с планами византийской политики. В 577 г., когда авары официально находились в мире с империей, славяне огромной массой — в количестве 100 тысяч, по свидетельству Менандра, — переправились через Дунай, наводнили Фракию, ограбили и разорили Македонию и Фессалию.

Источники свидетельствуют, что эти славяне остались на территории империи. По крайней мере, современник этих событий Иоанн Эфесский занес в свое повествование под 583 г. следующее замечание: «Будучи весьма слабо вооружены двумя-тремя метальными копьями, славяне взяли много укрепленных городов на своем пути, обосновались на захваченной территории, обжились на новых местах, владеют большими стадами, стали богаты, имеют золото и серебро, обзавелись оружием, которым научились владеть лучше римлян».<sup>1</sup>

В 591 г. Маврикий удается довести до успешного конца упорную двадцатилетнюю войну с Персией, посадить на иранский престол своего ставленника Хозрова, присоединить к территории империи Иверию и значительную часть персидской Армении.

Занятый войнами с персами, аварами и славянами, Маврикий не мог выделить крупных сил для защиты Италии. Он пытался уничтожить лангобардов, бросив против них франков, которым были выплачены крупные суммы денег. Совместное нападение византийцев и франков на лангобардов хотя и не привело к существенным успехам, все же способствовало тому, что дальнейшие завоевания лангобардов были приостановлены.

Из византийских владений в Италии при Маврикии было образовано особое наместничество — экзархат, глава которого являлся военным правителем с широкими полномочиями, подчинившим себе и гражданское управление. Такое устройство несколько позднее было проведено и для Африки ввиду частых набегов берберских племен и внутренних волнений в этой провинции.

Наиболее упорным врагом Византии при Маврикии оказались авары и славяне.

У авар пришлось покупать мир уплатой им ежегодной повышенной дани в 100 тысяч солидов, но даже уплата этой дани не могла предохранить Балканский полуостров от разорительных набегов авар и славянских племен, которые проникают глубоко на юг. В 581 г. они нападают на Фракию, оседают в окрестностях Фессалоники, проникают до Пелопоннеса, где и остаются. В 583 г. в руки авар и славян перешли Сингидунум, Виминаций и другие дунайские крепости. В 587 г. они захватили ряд городов Мезии. Перелом наступил в 591 г., когда Маврикий, по заключении мира с Персией, мог направить на защиту европейских провинций гораздо большие силы. Завязалась упорная борьба, которая шла с переменным успехом. Авары и славяне осаждали Фессалонику и угрожали самой столице, но перевес в конце концов перешел на

<sup>1</sup> Johann. Ephes., Die Kirchen-Geschichte, ed. Schonfelder, München, 1862, S. 255.

сторону империи, которой к началу VII в. удается восстановить дунайскую границу.

В 601 г. византийский полководец Приск одержал над аварами большую победу сначала под Виминацием, а затем на берегу Тиссы, в бывшей области гепидов. В 602 г. византийские армии переправились через Дунай и провели ряд карательных экспедиций на собственной территории славян.

Но если к началу VII в. военное положение империи не было особо угрожающим, то классовые противоречия все более обострялись, приводя к созданию единого фронта армии, димов, городской бедноты, крестьянства и рабов. В результате произошел политический переворот 602 г., сбросивший правительство Маврикия, а затем началась ожесточенная гражданская война, потрясавшая империю в первое десятилетие VII в.

Юстин II был послушным орудием сената, который снова выступает на первый план в конце VI в. Все более возрастающее значение крупных земельных собственников подчеркивается новеллой Юстина II от 569 г., узаконившей захват местной земельной знатью правительственного аппарата во всех провинциях империи. По этой новелле епископам и крупным землевладельцам предоставлялось право намечать кандидатов на должность презида, начальника провинции, причем император обещал их утверждать безвозмездно. Наоборот, по отношению к димам правительство Юстина заняло неуступчивую позицию, сократив государственные расходы на раздачу анноны и на организацию зрелищ для константинопольского плебса.

Летописец сообщает, что в 568 г. Юстин лично заявил голубым:

Царь Юстиниан для вас умер», и зеленым: «Царь Юстиниан для вас жив», и что, поняв угрозу, димоты присмирели.<sup>1</sup>

В церковных делах, уступая давлению могущественного и фанатического духовенства, Юстин возобновил преследования монофизитов, что еще более усилило сепаратистские тенденции Сирии, Месопотамии и Египта. Тиберий, учитывая грозный рост недовольства масс, делает слабую попытку изменить правительственный курс, опереться на димы, чтобы ограничить растущие претензии знати, уничтожает налог, введенный Юстином на получающих хлебный паек в столице, но при Маврикии правительство возвращается к старому курсу. Маврикий снова стремится ликвидировать финансовые затруднения империи за счет сокращения воинского жалованья и бесплатных раздач константинопольскому плебсу, а также путем усиления налогового гнета. Реакция низов против слишком ярко выраженной классовой политики правительства проявлялась в частых восстаниях в провинции, бурных выступлениях димов и воинских бунтах. Иоанн Никиусский сообщает, например, о крупном восстании в Египте в округе Айкеле, где восставшие собрали большие отряды вооруженных людей, перехватывали транспорты с хлебом, направляемые в Александрию,

<sup>1</sup> Theophanis Chronographia, стр. 243, 4—9.

а один из главарей восстания Исаак занялся пиратством на море и ограбил остров Кипр. Для подавления восстания пришлось вызвать гарнизоны Александрии, Египта и Нубии.<sup>1</sup> Не успели египетские власти справиться с восстанием в Айкеле, как им пришлось подавлять движение народных низов в округе Акмиме, где некий Азария собрал вокруг себя большое количество рабов и колонов. Движение было настолько серьезно, что против Азарии пришлось двинуть значительный отряд войска. Восставшие, окруженные войсками, предпочли умереть с голоду, чем сдаться.

Не менее опасными для правительства были движения димов, недовольных скупостью Маврикия, его стремлением сократить бесплатные хлебные раздачи и зрелища.

Уже в 588 г. нашествие авар, приближавшихся к Константинополю, вызвало резкие манифестации столичных димов против императора. В 601 г., когда император шел по улицам столицы во время религиозной процессии, он едва не был побит камнями ожесточенной толпой.

Но с особой силой мятежные настроения проявлялись в армии. Армия при преемниках Юстиниана подверглась значительным изменениям. Войска каждой провинции теперь набираются главным образом из местного населения. Армия имеет характер ополчения, которое собирается по мере надобности и по приказу правительства в определенном месте. Воины имели земельную собственность и являлись землевладельцами — поссессорами городского округа, только занесенными в военные списки, и должны были являться на сбор с конем и оружием. Таким образом положение воинов постепенно сближалось с положением земледельческого населения. Вместе с этим меняется и характер воинских выступлений и восстаний. Сохраняя в значительной мере профессиональный характер, эти движения в то же время обнаруживают более определенную социальную направленность. Правительство Маврикия стремится укрепить обороноспособность империи организацией своего рода территориальной армии, пополняемой туземным населением. Но одновременно правительство стремится сократить расходы на армию, сократить воинское содержание, восстановить в армии древнеримскую дисциплину, в том числе систему срочного построения после каждого дневного перехода укрепленной лагерной стоянки, обычай зимовки во вражеской стране и т. д. Однако армия, зараженная всеобщим недовольством, рассматривала эти реформы, как тяготы, нарочито придуманные для ее утеснения чуждой и враждебной властью, и оказывала им упорное сопротивление. Волнения в армии вспыхивают одно за другим: в 588 г. армия, воевавшая с персами, взбунтовалась и заставила своего военачальника Приска и командный состав бежать из лагеря, низвергла статуи императора, называя его торгашом. Волнения вспыхивали затем в 594 и 600 гг. В 602 г. дело дошло до решительной развязки. Когда войскам было приказано зимовать за Дунаем во вражеской стране, они

<sup>1</sup> Chronique de Jean, évêque de Nikiou, стр. 412.

подняли открытое восстание под предводительством центуриона Фоки и двинулись на Константинополь для расправы с Маврикием. Восстание в армии встретило полную поддержку со стороны константинопольских димов и плебейских масс. Маврикий, его сыновья и наиболее ненавистные армии представители правительства были казнены. Таким образом политический переворот 602 г., движущими силами которого была армия и константинопольский плебс, сбросил правительство крупных земельных собственников.

Однако выдвинутый армией император Фока с самого начала встретился с ожесточенной оппозицией сената и крупных земельных собственников, значительной части военной и гражданской администрации и был к тому же втянут в новую войну с Ираном. Врагам правительства удалось разжечь гражданскую войну в Киликии, родине Маврикия, Сирии, Палестине, Малой Азии, Египте. Эта гражданская война, в которой на первый план выступают партии зеленых и голубых, была борьбой не только династической, но и социальной, религиозной, племенной и велась со страшным ожесточением. Об этой гражданской войне, которую обычно затушевывают буржуазные историки, ясно и недвусмысленно свидетельствуют византийские историки и хронисты. Феофилакт Симокатта говорит о борьбе партий, как о причине, от которой едва не погибла римская держава.<sup>1</sup> Об этой гражданской войне пишет и повествователь о чудесах св. Димитрия: «Вы все знаете, какую тучу пыли поднял дьявол в царствование преемника блаженной памяти Маврикия, погасив любовь и возбудив взаимную вражду на всем востоке и в Киликии, и в Азии, и в Палестине, и до такой степени взволновал все соседние области даже до царственного града, что димы не только не довольствовались тем, что на площадях упивались кровью соплеменников, но и нападали взаимно на жилища друг друга и безнаказанно избивали тех, кого в них находили... Словно варвары грабили они своих сограждан».<sup>2</sup>

Объективное значение революционных выступлений народных низов, восстававших против политического и налогового гнета империи и непосредственной эксплуатации со стороны крупных землевладельцев, сводилось только к расшатыванию и ослаблению центральной правительственной власти. Расшатывая центральную власть, революционное движение масс оказывалось бессильным вывести общественную жизнь из тупика. Правительство Фоки боролось с византийской знатью применением беспощадного террора, но оно не представляло интересов народа, не имело какой-либо творческой программы, в его цели не входило улучшить положение народных масс; поэтому оно не могло привлечь прочно на свою сторону димы и крестьянство. Немедленно после переворота 602 г. один из видных командиров византийской армии Нарзес отказался признать императором Фоку и, опираясь на личную дружину, поднял знамя восстания в Эдессе. Вслед за тем вспыхнул

<sup>1</sup> Theophilact. Hist., VIII, 7.

<sup>2</sup> Acta Sanctorum, Octobris, IV, 132.

бунт в столице, организованный придворной знатью и поддерживаемый голубыми. Во время бунта была сожжена часть столицы, но мятеж был подавлен при помощи зеленых, которые в это время еще поддерживали Фоку. Точно также был раскрыт и ликвидирован новый заговор, в котором участвовали высшие должностные лица империи во главе с префектом претория Востока, комитом священных щедрот и большим количеством сенаторов.

Одновременно с этим гражданская война, принявшая форму междоусобия димов, развернулась в провинциях, достигнув особенного ожесточения на востоке и прежде всего в Сирии. Здесь всегда царило недовольство правительством со стороны многочисленного еврейского населения, подвергавшегося особому угнетению, а также еретиков разных толков.

Во многих городах востока борьба димов получила характер еврейских погромов; в некоторых других городах местной знати удалось придать движению димов антиправительственный характер. Византийские летописцы сообщают о жестоком усмирении войсками Фоки движений димов в Антиохии и Лаодикее. Фока по неизвестным причинам лишил дим зеленых права занимать общественные должности и начал открыто покровительствовать голубым, сторонникам православия. Тем самым он поднял против себя под знаменем зеленых всех монофизитов империи.

Гражданская война дезорганизовала окончательно византийскую армию и административный аппарат, и, несмотря на то, что Фока сосредоточил все свои военные силы на востоке, откушившись от авар повышенной данью, он не мог отразить натиска персов. В 605 г. пала важная пограничная крепость Дара. Сирия и Месопотамия были наводнены конными отрядами персов. В 609 г. они прорвались чрез Малую Азию до Халкидона и ближайших окрестностей столицы. Не исключена возможность, что непримиримо враждебное отношение крупной землевладельческой знати к Фоке сыграло существенную роль в поразительных успехах Хозрова в борьбе с империей, тем более, что Хозров выступал как мститель за Маврикия и вел с собой в качестве кандидата на византийский престол самозванца, принявшего имя сына Маврикия Феодосия.

Наконец, сенатская партия заручилась поддержкой экзарха Африки Ираклия, поднявшего восстание против Фоки. В 609 г., при поддержке африканской армии, против Фоки выступили крупные землевладельцы Египта, к которым присоединилась партия зеленых. Сопротивление правительственных войск и администрации было сломлено; победа восстания в Египте обрекла население столицы на голод. В то же время африканский флот, всюду встречая поддержку партии зеленых, двинулся прямо на Константинополь. В 610 г. Фока был низложен и казнен. На престол был возведен Ираклий (610—641), ставленник сенатской партии. В первые годы своего правления новый император являлся скорее первоприсутствующим сената, чем самодержавным государем. Сенат взял в свои руки даже дипломатические отношения, и послы вели переговоры с царем Персии от имени сената, а не императора. Но

хотя земельная знать, сильно потрепанная террористическим режимом Фоки, и восстанавливает свою власть, однако глубокая враждебность народных масс по отношению к новому правительству не дала ему возможности быстро ликвидировать последствия того тяжелого удара, который был нанесен всей правительственной системе в начале VII в. и выразился в совершенном расстройстве административного аппарата, истощении казначейства и захвате Ираном, аварами и славянами громадных областей в Азии и на Балканском полуострове. Персы продолжали отрывать одну область империи за другой. Народные низы империи, еврейское население в частности, видели в персах освободителей от гнета империи и охотно признавали персидскую власть над собой. В 611 г. персы овладели Антиохией, в 613 — Дамаском, в 619 — Египтом. Константинополь лишился египетского хлеба, последствием чего было прекращение бесплатной раздачи хлеба беднейшему населению, обреченному таким образом на голод и эпидемии.

Одновременно империя понесла крупные потери и на Западе. В 616 г. сдалась визиготам большая часть еще принадлежавших империи испанских городов; в Италии лангобарды отнимают у Византии Лигурию; на Балканском полуострове область между Дунаем и Балканами прочно занимает славянскими поселенцами. Ко времени Ираклия позднейшие известия приурочивают расселение сербов и хорватов на исторических местах их поселения. Византия с трудом удерживала власть над далматскими приморскими городами.

Положение казалось настолько безнадежным, что Ираклий даже собирался перенести столицу в Карфаген. Но грозная опасность, нависшая над правящими классами империи, заставила их теснее сплотиться вокруг правительства. Церковь оказалась вынужденной временно поступиться накопленными ею громадными сокровищами и передать их в распоряжение государства. Церковные богатства дали возможность реорганизовать армию и заручиться союзниками — иверами, армянами, лазами, абазгами, хазарами. Ираклий хорошо понял важность Закавказья для комплектования византийской армии. И действительно, в данный момент армяне, картвелы, лазы дали ему больше солдат, чем истощенная Малая Азия. Можно сказать, что закавказские контингенты составили основной костяк войска Ираклия, также как и его командных кадров.

Правящие классы и духовенство одновременно пытались всеми мерами разжечь религиозный фанатизм в массах против «врагов Христа». Вспыхнувшая с новым ожесточением (с 622 г.) война с персами ведется в Малой Азии, Армении, Лазике, Азербайджане, Ассирии. Ее переломным моментом явился 626 г., когда обе стороны проявили высшее напряжение. Ираклий в Лазике, заручившись союзом с хазарами, готовился нанести решительный удар в самое сердце Персии, в то время как персидская армия в союзе с аварским ханом осаждала Константинополь. Но нападение авар на Константинополь окончилось полной неудачей; Ираклию же уда-

лось в 627 г. разгромить персидскую армию около развалин древней Ниневии и вызвать в Иране переворот, закончившийся убийством Хозрова. Ирану был нанесен удар, от которого он уже не мог оправиться. Новое персидское правительство было вынуждено отказаться от всех своих завоеваний и к 630 г. очистить оккупированную им громадную территорию от Эдессы до Александрии.

Но Византия VII в. уже не могла задержать внутреннего процесса разложения и постепенной эмансипации и обособления восточных провинций. Подобно тому как занятие западных областей варварами, создавшими свои королевства на развалинах империи, явилось завершением процесса распада Западной империи, так и на востоке ту же роль сыграло завоевание восточных провинций Византии арабами.

Месопотамия, Сирия, Палестина, жестоко пострадавшие во время войны с Ираном, нуждались хотя бы во временном облегчении налогового бремени. Но церковь потребовала от правительства немедленного возврата предоставленного ею государству займа, и правительство Ираклия поспешило выполнить это требование. На погашение церковного долга пошла не только военная добыча, вывезенная из Персии, но пришлось нажать налоговой пресс в разоренных войной восточных провинциях, которые таким образом не получили никакой передышки.

Византийская администрация по своему возвращении в восточные провинции не замедлила обрушиться с жестокими репрессиями на всех тех, кто во время персидского нашествия обнаружил неприязненное отношение к империи. Множество евреев было перебито в Иерусалиме, Галилее, Эдессе. Был издан декрет о насильственном крещении евреев; последние массами убегали в Аравию. Правительство Ираклия понимало государственную необходимость устранить причины, вызывавшие отчуждение монофизитского востока от империи. С этой целью Ираклий снова пытался проделать то, что уже много раз напрасно предпринимали его предшественники, а именно воссоединить еретиков с православием с помощью новой религиозной формулы, не жертвующей решениями Халкидонского собора, но в то же время дающей некоторое удовлетворение монофизитам. Такая формула была найдена в монофелизме, признававшем в Христе одну волю при двух природах и представлявшем известную уступку монофизитам. В 638 г. появился императорский эдикт, излагавший учение монофелизма (Эктезис). Однако судьба этой попытки была такая же, как и предшествующих. Население восточных провинций, угнетаемое сборщиками налогов, оставалось непримиримо враждебным империи, а попытки насильственного проведения церковной унии только обостряли эту вражду; зато на западе, в Италии и Африке, эдикт вызвал сильный протест, раздуваемый фанатическим монашеством, и римский папа Иоанн в конце 640 г. осудил монофелизм как ересь. Эта попытка примирения с востоком оказалась к тому же и запоздавшей. Ненависть народных масс восточных провинций к империи нашла могущественную поддержку в арабах, завершивших при Мухам-

меде и его ближайших преемниках свое политическое объединение.

В то время как Ираклий напрягал все усилия к водворению церковной унии в Месопотамии и Сирии, в руки арабов перешла в 634 г. византийская крепость в Заиорданье Босра, причем потерпел от них поражение и был убит дукс Палестины Сергей, гибель которого, по словам современного хрониста, вызвала всеобщую радость в Кесарии и других городах империи.

В том же году крупное поражение от арабов потерпел брат императора Феодор; в 635 г. арабами был захвачен важный сирийский город Дамаск. В 636 г. византийское правительство стянуло в Сирию все военные силы, какими оно могло располагать, но и эта армия потерпела решительное поражение в битве при Ярмуке. Исход этой битвы решил судьбу Сирии, Палестины и Египта. Не только евреи и самаритяне, но и все туземное монофизитское население встретило арабов как освободителей. Широкая веротерпимость арабов, фактическое облегчение податного бремени с переходом к гораздо более простой системе налогового обложения, допускавшей дальнейшее облегчение в случае перехода в религию ислама, открывало арабам ворота многих городов и обеспечивало сочувственное отношение к ним сельских масс. Арабские завоевания сопровождались крупной передвижкой земельной собственности. Крупная земельная знать империи, владевшая на востоке латифундиями, не желала оставаться под властью завоевателей и эвакуировалась вместе с византийской администрацией. Земли этой знати немедленно шли в раздел между колоннами.

Сочувствие народных низов облегчило арабам дальнейшие захваты — в 637 г. Палестины и Иерусалима, в 638 г. — столицы Востока Антиохии, Месопотамии и Озроены, в 641/42 г. — Египта.

Папирусы знакомят нас с организацией военной обороны Египта в момент арабского вторжения. По отдельным городским округам было расставлено большое количество гарнизонов (*numeri*), каждый численностью в 300—400 человек, набиравшихся из местного населения и имевших скорее характер военной полиции, которая помогала администрации выколачивать из населения налоги и проводить заготовки хлеба, но была мало пригодна для борьбы с внешним врагом. Высшей церковной и гражданской властью в стране был облечен партиарх Кир, насильственно водворявший церковную унию и своими насилиями содействовавший еще большему отчуждению населения от византийского правительства. Неудивительно, что местные жители массами переходили к арабам, указывали им расположение императорских войск, платили им подати и убивали всех византийских солдат, которые им попадались.<sup>1</sup>

После захвата Александрии и утверждения власти арабов среди коптов начались массовые отпадения от христианства. Источники говорят о монахах, покидавших монастыри, вступавших в мусульманскую армию и ведших борьбу с христианами. Подобно Сирии

<sup>1</sup> Chronique de Jean, évêque de Nikiou, стр. 443.

и Палестине, Египет предпочитал владычество арабов, и византийскому правительству приходилось бороться не только с арабами, но и со своими собственными подданными. В отдельных провинциях даже византийская знать поднимает восстания против центральной власти. Во время борьбы с арабами перед решающей битвой при Ярмуке в 636 г. армия Вардана, главная боевая сила Византии, изменяет Ираклию и провозглашает императором своего вождя.

К половине VII в. Византия, потерявшая Месопотамию, Сирию, Палестину, Египет и большую часть Балканского полуострова, состояла из ряда разрозненных владений, из которых каждое находилось под постоянной угрозой вражеских набегов. Наиболее важными и населенными из них оставались Малая Азия, Константинополь и Фракия, подлинная база империи. В непосредственном соседстве с ней находились обширные области Балканского полуострова, с официальной византийской точки зрения продолжавшие рассматриваться как подвластные империи, на самом же деле наводненные славянами и сохранившие лишь некоторое количество опорных пунктов византийской власти на морском побережье. Относительно более прочно византийская администрация удерживалась в Греции с Эпиром и во Фракии. В VII в. славяне уже представляли прочное массовое оседлое население полуострова.

Местное неславянское население (иллирийцы, фракийцы, греки) под натиском славян или ушли в горы или укрылись в хорошо укрепленных городах на Адриатическом и Эгейском побережьях. Разбитые на множество мелких племен, южные славяне жили под управлением своих племенных вождей в условиях родового строя. В 60-х годах VII в. такие близкие к столице города, как Бизия, Селимврия, Месемврия считались пограничными, а такие старые крупные центры, как Сардика, Филиппополь, Адрианополь, жестоко пострадавшие от нашествия авар, лежали в развалинах. Далее, империи продолжали принадлежать некоторые области Италии, разрозненные лангобардскими завоеваниями: Южная Италия с Сицилией, Равенна с соседними городами Пентаполя, область Рима и Неаполя, городá венецианского побережья. Но этим владениям постоянно угрожали лангобардские набеги. Третью группу составляли земли африканские с Сардинией и Корсикой. Под наибольшей угрозой находилась Малая Азия и Константинополь.

Ираклий умер в 641 г., оставив трон двум своим сыновьям — Константину, родившемуся от первого брака, и Ираклеону от второго. Оба императора должны были править под руководством вдовы Ираклия Мартины.

Но молодой император Константин умер в мае 641 г., причем в его смерти обвиняли Мартину. В октябре того же года войска Малой Азии подняли возмущение против Мартины и ее сына. Они появились в Халкидоне, заставили приобщить к власти малолетнего сына Константина, который получил имя Константа, а в начале 642 г. произошел переворот в Константинополе, низвергший пра-

вительство Мартины и ее сына, причем у Мартины был отрезан язык, а у Ираклеона — нос. Одиннадцатилетний Константин становится императором под опекой сената. Арабская опасность в то время была более грозна, чем когда-либо раньше.

Продолжая свои завоевания далее на запад, арабы захватывают Киренаику, Триполитанию и в 647 г. проникают в Африку. Экзарх Григорий погиб в битве при Суфетуле, что предвещало скорую потерю византийской власти и в северной Африке. Не лучшим было положение и в Азии. Энергичный арабский правитель Сирии Моавия, получив от калифа Отмана разрешение собрать флот, напал в 649 г. на Кипр, в 650 г. взял Арад, в 654 г. Родос. На суше мусульмане простирали свои набеги до Тбилиси (646 г.), овладели некоторыми восточными областями Малой Азии (651 г.) и значительной частью Армении, где успехи арабов были облегчены восстанием против Византии одного из армянских князей.

Когда Константу стало известно, что Моавия готовит большую морскую экспедицию непосредственно против Константинополя, он сам принял командование византийским флотом и встретил неприятеля у Ликийского побережья. Морская битва была кровопролитна и неудачна для византийцев. Сам Константин спасся с большим трудом. Но морская победа досталась арабам дорогой ценой, и они были вынуждены повернуть обратно. Зато в Малой Азии Моавия жестоко опустошил Каппадокию. К счастью для Византии, смерть калифа Отмана и последовавшие за этим внутренние смуты у арабов дали некоторую передышку Восточной империи.

Этой передышкой Константин воспользовался для укрепления позиций империи на Балканском полуострове. В 657/58 г. он с войском прошел во Фракию, наложил дань на осевших здесь славян и обязал их выставлять военные контингенты для империи.

В 662 г. он покинул Константинополь для похода в Италию, где во время его несовершеннолетия положение восточно-римских владений сделалось чрезвычайно непрочным.

Монофелитская политика создала здесь для Византии большие трудности: весь Запад объединился вокруг папы для защиты православия против «еретических» догм восточно-римского правительства. В некоторых провинциях Запада на этой почве вспыхивают восстания: в 642 г. хартуларий Маврикий поднял восстание в Риме и провозгласил себя императором; в 646 г. то же проделал экзарх Африки Григорий. Напрасно, чтобы положить конец религиозным спорам, Константин в 648 г. опубликовал эдикт под названием «типа», где предписывал прекратить всякие споры по вопросу о монофелитском учении. Императорский эдикт в 649 г. был решительно осужден в Риме папой Мартином, а уже в следующем году экзарх Олимпий провозгласил себя императором в Италии, но смерть его в бою с арабами положила конец узурпации. Папа Мартин, обвиненный византийцами в государственной измене, был схвачен и сослан в Херсонес.

Длительным пребыванием в Италии Константин стремился водворить «порядок» на Западе, теснее связаться с ним и спасти западные провинции от все более возрастающей арабской угрозы.

Констант овладел некоторыми городами в Беневентском герцогстве, посетил Неаполь и Рим и, наконец, обосновался в Сиракузах. Он усилил восточно-византийские гарнизоны в Италии, восстановил императорскую власть в Африке и пытался организовать ее защиту, но одновременно с этим западные области — Калабрия, Сицилия, Сардиния и Африка были задавлены налогами и вымогательствами фиска. В результате общего недовольства был составлен заговор, и Константин был убит заговорщиками в Сиракузах в 668 г.

Его сын Константин Погонат (668—685) изменил политику своего отца: он сосредоточил все усилия на востоке, а на западе действовал преимущественно с помощью своей дипломатии. Так, с Римом было достигнуто соглашение, временно положившее конец церковным спорам.

Вначале положение нового императора было очень трудным. В Сицилии за убийством Константа последовала новая узурпация. На востоке поднял восстание стратиг Армении и призвал на помощь арабов, которые после упрочения власти династии халифов из рода Моавии — Омейядов с новым пылом возобновили борьбу против Восточной империи одновременно в Азии и Африке.

Моавия не колебался напасть на самый Константинополь. В 673 г. громадный арабский флот появился перед Константинополем и с апреля по сентябрь пытался прорваться в гавань. В течение 5 лет арабы упорствовали в своих попытках овладеть столицей империи. Но город представлял сильнейшую крепость, с трех сторон окруженную морем; притом византийцы располагали более высокой военной техникой. Таким образом предприятие арабов закончилось неудачей; они были вынуждены очистить даже занятые ими во время осады Константинополя города Малой Азии. Ко времени этой осады приурочивается изобретение так называемого греческого огня, взрывчатого огненного вещества, похожего в некоторых отношениях на порох, который метали или из особых трубок или гранатами на большое расстояние. Это вещество горело и в воде, поджигая неприятельские суда. В то же время и на суше арабы потерпели серьезные неудачи, а в Сирии мардаиты<sup>1</sup> укрепились в Ливане и, поддерживая византийское правительство, создали для калифата очень серьезную опасность. Моавия был вынужден заключить 30-летний мир, причем обязался даже выплачивать Восточно-римскому правительству небольшую дань. Спорные территории — Кипр, Армения, Иверия и Албания были признаны находящимися в совместном владении арабов и Византии, и доходы с них должны были делиться пополам. Успехи Константина в войне с арабами укрепили его авторитет внутри империи, в частности и на Западе. Свое дело упрочения государства в его

<sup>1</sup> Сирийцы, не мирившиеся с арабским владычеством.

новых уменьшенных размерах Константин IV дополнил восстановлением религиозного мира. VI вселенский собор 680 г. прекратил церковный раскол осуждением монофелитской ереси и соглашением с римскими папами.

Но в то же время на Балканах нарастает перед Византией новая опасность: в 679 г. болгары, появившиеся в районе устьев Дуная, нанесли Константину IV поражение, после чего Византия формально уступила им область между Дунаем и Балканским хребтом. В дальнейшем их слияние с восточно-балканской группой славянских племен, положившее начало образованию болгарского государства, еще более ухудшает позиции Византии на Балканском полуострове.

## 2. Перемены в этническом составе населения и социальной структуре Византии VII века

Если Восточная империя не погибла в тяжелых потрясениях VII века, то объясняется это тем, что она сама в процессе этого кризиса подверглась существенным изменениям.

Она утратила характер мировой империи и превратилась в восточное греческое государство, которое в своем этническом составе и социальной структуре представляло ряд новых черт. На западе владения в Испании были потеряны, в Африке — находились под угрозой, Италия все более обособлялась от Константинополя. Потеря Египта, Сирии, Месопотамии на востоке, славянизация европейских провинций обусловила преобладающую роль в дальнейшей истории Византии Малой Азии, которая теперь становится основной опорной базой империи. Следствием этого явилась эллинизация государственного аппарата. Если раньше языком двора, законодательства, суда, администрации, армии был латинский язык, — то все это коренным образом изменяется в VII веке. Латинский язык во всех сферах государственной деятельности окончательно и повсеместно вытесняется греческим.

Длительные нашествия авар, славян и болгар в Европе, персов и арабов в Азии производят крупные изменения в этническом составе населения империи. Помимо того, вторжения варваров расстраивали аппарат управления, понижали ценность земли, которая часто оставалась без обработки, и вообще наносили тяжелые удары крупному землевладению.

Наконец, массовое вселение на территорию империи в VII в. славян, армян, мардаитов значительно увеличивало удельный вес мелких свободных землевладельцев, подобно тому как это несколько раньше произошло в западной Европе вследствие поселений франков, бургундов и других германских племен. Славяне целыми массами заняли европейские области империи. Даже в Малой Азии они насчитывались десятками и сотнями тысяч, т. е. почти не уступали в численности поселениям германских племен на Западе. Византийское правительство во 2-ой половине VII в. прилагало настойчивые усилия к тому, чтобы подчинить себе сла-

вян, наводнивших провинции империи на Балканском полуострове, прежде всего в прилегающих к столице областях Фракии и Македонии, используя для этого всякую передышку в борьбе с арабами. Так, в 657 г. посланные Константином войска прошли через Фракию, наложили дань на славян и обязали их выставлять Византии военные контингенты. В 689 г. Юстиниан II (685—695, 705—711) снова предпринимает большой поход для подчинения территории между столицей и Фессалоникой, причем было покорено много славянских племен.

Не ограничиваясь этим, византийское правительство стремится пополнить громадную убыль в населении, причиняемую постоянно возобновлявшимися варварскими вторжениями, с помощью широкой внутренней колонизации. На опустевших территориях оно расселяло обширные массы иноземцев, побежденных силою оружия, или, по крайней мере, признавших верховенство Византии. Так, уже упомянутый Юстиниан II насильственно переселяет побежденных славян в Малую Азию. Количество их было настолько велико, что Юстиниан мог из них сформировать военный корпус, численность которого источники определяют в 30 тысяч. В 688 г. в империи были расселены не мирившиеся с господством арабов мардаиты. 12 тысяч воинов с их семьями были размещены в Малой Азии, Пелопоннесе и Эпире. Эта внутренняя колонизация продолжалась и в VIII в. По свидетельству источников, в 762 г. в Малую Азию добровольно выселилась славянская колония, численность которой доходила до 208 тысяч.<sup>1</sup> В связи с этим в VII в. в империи происходит крупный переворот в аграрных отношениях, начавшийся уже в VI в., но последствия которого явственно обнаруживаются только в VIII в., и который выражается в умножении свободных крестьянских общин, в усилении мелкого крестьянского землевладения, в восстановлении свободы крестьянских переходов. Господствующий класс не был в состоянии сохранить старые формы эксплуатации земледельческого населения. В так называемом «Земледельческом законе», который вероятнее всего появляется к VIII в., мы не встречаем никаких упоминаний о колонате, прикреплении крестьян к земле, патронате крупных землевладельцев. «Земледельческий закон» свидетельствует о существовании крестьян, обрабатывающих не свои собственные участки, но не прикрепленных к земле и обладающих правом свободного перехода. Если крестьянин, снявший для обработки участок земли, бросит его, не выполнив своих обязательств, то он только должен вознаградить владельца за понесенный последним ущерб. Держатели земли платят ее собственнику известную часть урожая. Но наиболее важная особенность аграрных отношений, как их изображает «Земледельческий закон», это широкое распространение общины и общинного землевладения в византийской деревне. Как в Западную Европу V в., так — столетием позднее и в несколько меньших размерах — и на территорию Византии нахлынувшие

<sup>1</sup> Nicephori Breviarium, ed. Bonn., стр. 77.

варвары принесли с собой «...осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марка) и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средство к сопротивлению, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии...».<sup>1</sup>

В условиях возрожденных общинных порядков мелкое крестьянское хозяйство получало некоторую устойчивость. Образуя средостение между крестьянским хозяйством и эксплуатировавшим его крупным земельным собственником, община смягчала произвол последнего и тем обеспечивала большие возможности развития мелкого индивидуального земледелия. Если колонны, объединенные вокруг латифундии, были лишены всякой внутренней спайки, то в лице принесенной варварами общины появлялась такая организационная хозяйственная ячейка, которая могла служить в известной мере средством сопротивления и защиты от чрезмерной эксплуатации. Но вновь народившееся византийское свободное крестьянство с самого начала находилось в более тяжелых условиях, чем, например, франкское после «переселения народов». Оно должно было выдерживать конкуренцию рабского труда, который в Византии применялся в гораздо больших размерах, чем в средневековой Западной Европе. Византийская администрация, даже в условиях непрерывных неприятельских вторжений второй половины VII в., проявляла гораздо большую активность, чем франкская, и налагала на народные массы настолько тяжелый груз податей и повинностей, что русский византинист академик Васильевский при перечислении их не знает, чему более удивляться, изобретательности византийских приказов или выносливости народной массы. Неудивительно, что новым византийским подданным и в VII в. приходилось бороться против систематического ограбления их правительством, о чем говорят хотя бы такие факты, как неоднократные переходы славянских отрядов византийской армии на сторону арабов (например, в 665 и 692 гг.).

При всем том, образование в Византии многочисленного класса свободных крестьян, широкое распространение общины и общинного землевладения в связи с внедрением славян имело огромное значение для дальнейших судеб империи. Оно надолго обеспечило удовлетворение двух главнейших потребностей византийского государства: поступления налогов и комплектования территориальной армии. На базе мелких крестьянских хозяйств создается сильное военнотрудовое сословие, которое в течение веков в обстановке почти непрерывных войн, иногда на 2—3 фронта, упорно отстаивало границы империи, защищая теперь не землю господ, а свою собственную землю.

Без учета этого факта мы не можем понять той неожиданной устойчивости, которую Византия обнаружила в VIII и последующих столетиях после жестокого разгрома в VII в.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 132 сл.



*Византийская охота.*

(J. Ebersoll. La miniature byzantine, pl. LXV.)

Крупные сдвиги в аграрных отношениях и опасности, угрожавшие самому существованию Византии, заставили правительство приступить к перестройке областного управления и военного дела империи. В VI в. в Византии еще сохранялись введенные Диоклетиано-Константиновскими преобразованиями формы областного управления. Но уже с VI в. правительство оказывается вынужденным в некоторых областях соединить в одних руках военную и гражданскую власть. В VII в. грозная военная опасность, нависшая над империей, заставила правительство перевести на военное положение почти все провинции и передать военным начальникам в них также и гражданское управление. Таким образом постепенно возникает новое военно-административное разделение империи, получившее название фемного строя. Фемою первоначально назывался военный отряд, а потом провинция, служившая местом его расквартирования. Разделение императорского войска на 7 больших единиц, занимавших определенные территории, засвидетельствовано в письме императора Юстиниана II римскому папе в 687 г. по поводу VI вселенского собора. Почти до конца VII в. рядом с военной организацией продолжало существовать старое областное гражданское управление. В дальнейшем был ликвидирован громоздкий, отживший свой век диоклетиановский административный аппарат, ликвидирована самостоятельная гражданская администрация, и ее функции переданы военным властям. Военные округа — фемы заменили старые областные деления и превратились в настоящие провинции. Каждая фема первоначально называлась по имени той войсковой части, которая была в ней расквартирована, например фема оптиматов, фема букеллариев. Во главе управления фемы стоял стратиг, обычно в звании патриция, окруженный своим штабом — рядом чиновников. Из них наиболее видными были domestik фемы — начальник штаба, хартуларий фемы — заведующий интендантской частью, протонатарий фемы — ведавший главным образом гражданскими делами, он же провин-

циальный судья. Фемы подразделялись на турмы, управляемые турмархами; далее — на наместничества и банды. Полное развитие фемный строй получает в X в. Военная сила фемы представляла наследственное военное сословие, так называемых стратиотов, причем отбывание воинской повинности было поставлено в зависимость от величины предоставленного каждому из них земельного владения. Соответственно этому они распределялись по определенным разрядам войска. Так, например, участок земли стоимостью в пять, минимум в 4 литры (фунта золота) считался достаточным для содержания конного стратиота. Обыкновенный участок рядового матроса оценивался в три литры. Военный участок после смерти отца переходил к сыну. На пустующие земли призывались охотники, рассаживались военнопленные. Стратиоты освобождались от разных натуральных повинностей: извоза, постройки мостов, дорог и укреплений. Если, в случае нужды, приходилось привлекать и их, то за особую плату. Но поземельную подать со своих участков они несли наравне с другими подданными империи, что подвергало их всем тем бедствиям, которые несли с собой византийские налоговые порядки. Кроме фемных войск, имевших, главным образом, оборонительное значение, существовали еще кавалерийские полки, расквартированные обычно в Вифинии и Фракии и сопровождавшие императора в походе.

Наряду с армией реорганизации подверглись и военно-морские силы империи. Пока Средиземное море оставалось римским, не было надобности в значительном военном флоте. Но развивающиеся морские силы арабов требовали его усиления. Организация морской обороны тоже была основана на особом фемном устройстве. Были созданы специальные морские фемы: Кивирреотская, охватывавшая часть побережья Малой Азии, и Эгейская, составленная из островов и части восточного берега Малой Азии. Каждая из этих фем была поставлена под начальство друнгария, а весь флот — под начальство стратига карависианов. Этот флот 2 раза отбивал арабов от Константинополя и сохранял Сицилию для империи.

Тяжелые поражения в войнах с арабами, непрерывные вторжения, разорявшие крестьянство, не могли не обострить классовых противоречий во второй половине VII в. Это обострение выразилось прежде всего в широком распространении павликианской ереси, в которой недовольство сельской и городской бедноты резко обращалось против опоры существующего строя — православной церкви, ее богатства и власти. Павликианская секта особенно сильно распространилась в Армении. Она вербовала своих сторонников среди крестьян и городских плебеев. Павликиане, по рассказам современников, были известны в мирное время своим прилежанием и трудолюбием, на войне своею храбростью. Они требовали восстановления ранне-христианской церкви и упразднения особого сословия священников. Павликиане совершенно отделились от господствующей церкви, они отрицали церковь и ее иерархию, епископскую и священническую власть, иконы



Карта фем.

и посты. Требуя восстановления равенства, существовавшего в ранней христианской общине, павликиане одновременно требовали этого равенства и для гражданского мира. Это требование равенства являлось естественной, инстинктивной реакцией против вопиющего социального неравенства, против контраста богатых и бедных, господ и рабов, обжор и голодных.

Наряду с широко развивающимся отпадением мало-азиатского крестьянства и городского плебса от православия, вспыхивает ожесточенная борьба внутри господствующего класса за распределение значительно уменьшившейся массы прибавочного продукта. Она приводит к ослаблению центральной императорской власти, к усилению центробежных стремлений в отдельных областях и городах и к наступлению, после переворота 695 г., двадцатилетнего периода анархии, грозившей превратить константинопольских императоров в подобие Меровингских королей, лишенных всякой реальной власти.

Сенат довольно долгое время продолжал играть крупную роль и после смерти Ираклия. В 641 г. он возглавляет дворцовый переворот, лишивший власти сына Ираклия и его мать. Под опекой сената начал свое правление Константин IV. К сенату обращаются в 654 г. солдаты Анатолийской фемы, требуя одновременного коронования двух братьев Константина. Но в дальнейшем, в связи с упадком крупного землевладения, роль senatorского сословия слабеет. Решительный удар ему наносится при Юстиниане II, когда значительная часть знати, раздраженная налоговой политикой правительства, начинает вести ожесточенную кампанию против императора. В 695 г. ей удается при поддержке патриарха свергнуть Юстиниана. С отрезанным носом он был сослан в Херсонес.

Но после этого переворота не сенаторская знать, а армия и флот начинают распоряжаться императорским престолом. В 705 г. при помощи болгар и славян Юстиниан II, получивший прозвище «Ринотмет» (т. е. безносый), возвращается к власти и производит систематическое истребление враждебных ему кругов знати. Но в 711 г. его свергает восстание флота, вслед за чем начинается целая серия быстро следующих один за другим переворотов. В общем за 22 года анархии сменилось на престоле 6 императоров. За это же время армия дважды врывается в Константинополь (в 698 и 715 гг.), причем всякий раз подвергала жестокому грабежу дома богачей. Все эти потрясения ускоряли процесс расчленения империи. В 698 г. была окончательно потеряна Африка, в 696 г. Лазика, в 702 г. отпадает последняя из сохранившихся за Византией частей Армении («Четвертая» Армения).





## Глава V

### ИКОНОБОРЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

#### 1. Византия в VIII в.

В начале VIII в. Восточная империя стояла перед угрозой окончательной гибели. Однако она нашла в себе еще достаточно жизненных сил, чтобы выйти из этого кризиса и надолго закрепить за собою области, расположенные вокруг Эгейского моря. Стабилизация Византии в VIII в. приурочивается ко времени Исаврийской династии (717—802), оставившей крупный след в истории Византии.

Некоторые буржуазные историки<sup>1</sup> выставляют исаврийских императоров в качестве смелых революционеров, которые предприняли «замечательную попытку революции социальной, политической и религиозной». Реформа социальная, по мнению Папарригопуло, заключалась в уничтожении икон, запрещении почитания мощей, уменьшении числа монастырей; реформа социальная и политическая отняла у духовенства общественное обучение, уничтожила крепостное право, ограничила число рабов, упрочила в известной степени религиозную терпимость, подчинила общему обложению церковное имущество; одним словом обнаружила стремление основать общество на тех «бессмертных началах», «которым суждено было окончательно восторжествовать в мире только по истечении десяти столетий». Разумеется, эта попытка выставить «солдатских» императоров в VIII в. в качестве смелых революционеров является совершенно беспочвенной.

Объективно, правительственная деятельность императоров Исавров имела охранительный характер. Это была борьба за укрепление императорского самодержавия в интересах правящего класса против центробежных политических тенденций духовенства, особенно монашества, отдельных групп знати и против революционных движений низов. Исаврами было сделано много для сохранения и упрочения разлагавшейся империи и ее господствующего класса.

По традиционным популярным историческим описаниям время правления Исаврийской династии характеризовалось ожесточен-

<sup>1</sup> См. например Paparrigopoulo, Histoire de la civilisation hellénique, Paris, 1878.

ной борьбой не из-за чего другого, как из-за вопроса о том, следует ли почитать иконы или нет, причем борьба эта продолжалась более 100 лет. Но это изображение иконоборческого движения так же разумно и обосновано, как если бы причины гуситских войн видеть в борьбе из-за вопроса, следует ли принимать участие под обоими видами или нет. В действительности же иконы были не объектом борьбы, а только боевым знаменем для определенных групп византийского общества, боровшихся за свои экономические и политические классовые интересы.

Первый представитель Исаврийской династии Лев III (717—740), выходец из новых слоев малоазиатской военной знати, бывший стратиг фемы Анатолика, стал во главе власти в момент острейшей внешней опасности. В первый же год его правления восьмидесятитысячная арабская армия Масламы, одного из известнейших вождей ислама, переправилась через Геллеспонт и подошла к стенам Константинополя. Вскоре затем из Египта и Сирии подоспел огромный арабский флот. Константинополь был осажден с суши и моря, причем осада тянулась больше года (август 717—август 718). Но и эта третья попытка штурма Константинополя арабами потерпела полную неудачу. Греческий огонь, измена части экипажа арабского флота, набранного среди египетских христиан, суровая зима, нападение болгар заставили Масламу после 12-ти месячной осады снять осаду, причем, по сильно преувеличенным сведениям современников, арабы потеряли якобы 150 тысяч людей, а из их огромного флота в 1800 кораблей уцелело только 10 судов. Во всяком случае исход осады представлял для арабов страшную катастрофу, последствия которой для Востока были громадны. Престижу Омейядов был нанесен тяжелый удар. Наоборот, Лев III прославлялся своими подданными как спаситель империи.

Блестящий для византийцев исход осады укрепил положение правительства и дал ему возможность провести ряд неотложных мероприятий по ликвидации анархии и усилению военной мощи страны. Драконовскими мерами была водворена расшатанная дисциплина в армии. Нужные средства и земли для помещения солдат правительство получило путем широкого использования земельных и иных богатств, скопившихся в руках православной церкви и монастырей. Политика правительства встретила ожесточенное сопротивление со стороны большей части духовенства и прежде всего монашества, игравшего в церкви ведущую роль. А это сопротивление, естественно, должно было толкнуть правительство на путь дальнейшей борьбы с церковно-монастырским землевладением. Церковь обладала огромными богатствами и господствовала не только над всей духовной, но и экономической жизнью общества. Пользуясь всякими изъятиями и привилегиями от уплаты налогов, владея лучшими землями, эксплуатируя массу зависимого населения, монастыри в своем непрерывном росте ослабляли государство и некоторым образом даже грозили самому его существованию. Уродливый рост монастырей в Византии при-

вел к тому, что уже в VII в. чуть ли не половина земельной площади империи находилась во владении церковных учреждений. По свидетельству одного церковного памфлета род человеческий был разделен на две разные половины: монахов и мирян. В VII в. положение еще более обострилось, так как огромная масса монахов хлынула из завоеванных арабами провинций во внутренние области империи и грозила сплошь покрыть монастырями ее значительно сократившуюся территорию как раз в тот момент, когда она особенно нуждалась в военных силах и денежных средствах для борьбы с арабской опасностью.

Это делало неизбежным столкновение государства и стоявших во главе его «солдатских» императоров с монашеством. Борьба вспыхивает в начале VIII в., принимая своеобразные формы так называемого иконоборчества. Без церкви, как опоры существующего строя, правящая верхушка в Византии обойтись не могла, но победа ислама и быстрое распространение павликиан в самой империи, отрицавших церковь вообще, вынуждали правительство произвести в церкви необходимые с его точки зрения реформы, очистить ее от наиболее бросающихся в глаза суеверий и в то же время прочно подчинить ее государству.

В 726 г. Лев Исавр выступил с первым эдиктом против иконопочитания, которое он приравнивал к идолопоклонству. Иконы были теми магическими талисманами и амулетами, которые служили притягательной силой для темных народных масс и одним из важных источников обогащения церквей и монастырей. Одновременно император принимает ряд мер, чтобы уменьшить число монастырей и монахов. В этом его поддерживала военная и придворная знать и все военнотруженное сословие в целом, жадно стремившееся к захвату монастырских земель и богатств, и даже часть епископата, желавшая подчинить себе монашество.

Политика иконоборческого правительства встретила поддержку в большинстве фем Малой Азии, особенно в феме Анатолик, среди городских ремесленников, не склонных поддерживать монахов, так как монастырские мастерские являлись опасными конкурентами ремесленных цехов.

Против императорской политики выступило высшее церковное руководство — патриархи, а также, разумеется, само монашество, которое повело бешеную противоправительственную агитацию среди легко возбудимых народных масс, особенно среди женщин. Агитация монахов находила сочувственный отклик в европейских провинциях, среди большинства населения столицы, вообще в областях с преобладающим греческим населением. В 727 г. в Греции и на островах Эгейского моря против мероприятий Льва III вспыхнуло даже вооруженное восстание, легко впрочем подавленное. Среди дворцовой знати также существовала значительная группа недовольных хозяйничаньем «выскочек Исавров», готовая при первом удобном случае выступить против них.

Серьезное сопротивление иконоборчеству оказал римский папа Григорий II, который решительно выступил против император-

ского декрета и кроме того сорвал сбор податей в Италии. Византийская Средняя Италия с Равенной и Римом, все более обособлявшаяся от Византии, восстала против правительства и вступила в союз с лангобардами. Но сопротивление папы не изменило правительственной политики. Константинопольский патриарх Герман в 730 г. был низложен. Римский папа Григорий III был наказан за свое сопротивление конфискацией доходов папского престола в Южной Италии и изъятием Иллирика из подчинения папе.

Еще более острые формы приняла борьба с монашеством и иконопочитателями при Константине V (740—775). Его самостоятельное правление началось гражданской войной, вызванной изменой делу иконоборчества со стороны одного из «столпов» установившегося режима, стратига фемы Опсикия Артавасда. Когда в июне 741 г. Константин отправился в Малую Азию для сбора войска против арабов, заговор был уже подготовлен. Артавасд поднял возмущение в своей феме, провозгласил себя императором и выступил против застигнутого врасплох Константина, который бежал в Аморий, в фему Анатолик, где Исавры имели более всего приверженцев. Артавасд между тем вступил в сношения с Константинопольскими властями: патрицием и магистром Феофаном и патриархом Анастасием, которые распустили слух, что Константин умер.

Артавасд был провозглашен императором. Вступив в столицу, чтобы заручиться расположением столичного населения, он первым делом отменил постановление предыдущего царствования об иконах. Казалось, дело Константина и иконоборчества было проиграно. Но иконоборческая партия оказалась сильнее, чем думали иконопочитатели.

Если европейские области высказались за Артавасда и иконопочитание, то Константина горячо поддерживали, кроме искренно преданной Исаврам фемы Анатолик, также фемы Фракисийская и Кивирреотов, т. е. большая часть населения Малой Азии.

В 742 г. Константин нанес жестокое поражение Артавасду при Сардах, заставив его бежать в Константинополь, затем в том же году разгромил сына Артавасда и осадил Константинополь с суши и с моря. Взяв город, Константин сурово обошелся с врагами и изменниками. Артавасд был ослеплен. Патриарх Анастасий был подвергнут публичному бичеванию и, посаженный на осла задом наперед, торжественно проведен по гипподрому, что не помешало ему, впрочем, оставаться на патриаршем престоле еще 12 лет. Естественно, после такого начала своего царствования Константин V еще более усилил борьбу с монахами. Добившись на большом церковном соборе в 753 г. осуждения иконопочитания, Константин приступил к массовым конфискациям монастырских имуществ, закрывая самые монастыри и принуждая монахов вернуться в мир, вступать в брак, отбывать государственные повинности и т. д.

Монастыри обращаются в казармы и сборные пункты для войск. В 766 г., по сообщению летописца Феофана, император отправил в азиатские фемы своих верных стратигов: в Анатолийскую Ми-

хаила Мелиссена, во Фракисийскую — Михаила Лаханодракона и в фему Букеллариев Манеса с поручением принять самые решительные меры против ненавистной «расы» монахов. Феофан яркими красками изображает распоряжения Лаханодракона. «Этот стратиг согнал всех монахов и монахинь своей фемы в главный город области Эфес и, собрав их на равнине, объявил им: «кто не хочет быть послушником царской воли, пусть снимет темное одеяние и немедленно возьмет себе жену; в противном случае будет ослеплен и сослан на остров Кипр».<sup>1</sup> Чтобы предупредить возможность возникновения в своей феме новых монастырских обществ, Лаханодракон не ограничился конфискацией монастырского имущества, но и распродал мужские и женские монастыри, а так называемые мощи святых велел сжечь. По словам Феофана, в этой феме не осталось ни одного носящего монашескую одежду. Насильственное принуждение фракисийских монахов к брачной жизни было лишь воспроизведением того, что происходило в Константинополе. В разгар гонений против монашества в 765 г. Константин V устроил на гипподроме редкое зрелище: шествие монахов и монахинь парно. С каждым мужчиной шла женщина, а зрители плевали и издевались над участниками процессии. «И когда император громко жаловался, что противные монахи не дают ему покоя, народ кричал: больше уже нет этого отродья».<sup>2</sup>

Своеобразным способом уничтожения монастырей явилась система раздач наиболее богатых и благоустроенных монастырей разным лицам в качестве вознаграждения за службу и верность. Земли, отобранные у монастырей, захватывались не только военно-служилой верхушкой, но часть их шла на умножение воинских участков, что давало возможность Константину V в крупных размерах продолжать внутреннюю колонизацию Малой Азии и, например, в 762 г. выселить туда крупную славянскую колонию.

В целях упорядочения и укрепления существующего режима императоры-иконоборцы должны были обновить и упростить уже устаревшее законодательство Юстиниана, приспособляя его к практике жизни. Этой цели служила изданная Львом III, совместно с его сыном и соправителем Константином, «Эклога законов» — краткий сборник действующего права, главным образом гражданского и лишь частично уголовного. Эклога вводит бесплатность правосудия, уничтожает неравенство перед судом знати и плебса. Система карательных постановлений, принятая в Эклоге, отличается обилием телесных наказаний, которые состоят в физическом изуродовании человека — отсечении руки, отрезании носа, языка или ослеплении. Наиболее мягкая кара — сечение розгами, но эти наказания вводятся за преступления, за которые раньше полагалась смертная казнь. Эклога стремится укрепить семью: конкубинат запрещается, поводы для развода ограничиваются.

Исаврийской династии обычно приписывается и издание «Земле-

<sup>1</sup> Theoph., 445.

<sup>2</sup> Lombard., Constant. V, стр. 142; Theoph., 437.

дельческого закона» на том основании, что в рукописях он образует составную часть древнего приложения к Эклоге и по своему содержанию представляет значительное сходство с Эклогой (одна и та же терминология, совпадение ряда статей, одна система наказаний). Таким образом «Земледельческий закон» можно рассматривать как собрание дополнительных статей к Эклоге, ставящих своей задачей ограждение крестьянской собственности в случаях, не предусмотренных Эклогой. Но если «Земледельческий закон» и издан Исаврами, то из этого нельзя делать вывод, что Исавры «отменили крепостное право». «Земледельческий закон» не предшествовал перевороту в аграрных отношениях, а последовал за ним, закрепив формально то, что уже существовало в действительности.

Тяжесть налогов не была облегчена Исаврами, а, наоборот, еще увеличена. Добавочная подать была введена еще Львом III в 739 г. для восстановления разрушенных землетрясением Константинопольских стен и заключалась в увеличении поземельного налога на  $\frac{1}{12}$ . Добавка эта сохранялась и в дальнейшем, но зато равновесие в государственном бюджете было восстановлено.

Сами иконопочитатели, при всей своей ненависти к иконоборческим императорам, вынуждены были признать значительное снижение цен на предметы необходимости при Константине, избытке продуктов, хорошее течение дел и увеличение благосостояния.<sup>1</sup>

Фемное устройство, как оно постепенно вырабатывалось в VII в., получило при первых иконоборцах свое дальнейшее развитие. Усиление Византии в военном отношении в VIII в. ясно сказалось в успешной борьбе с арабами. Отбив удачно нападение на Константинополь, Лев III постепенно вытеснил арабов из западной части Малой Азии, а в 739 г. арабская армия была почти полностью уничтожена в битве при Акроиноне во Фригии. Удачно борьбу с арабами продолжал и Константин V. В 746 г. он овладел городом Германикией в Сирии, в 747 г. уничтожил мусульманский флот, пытавшийся овладеть Кипром, в 751/52 г. отвоевывает Мелитену и Эрзерум и упрочивает за империей ее владения в Малой Азии и Архипелаге. В Европе Константин V при помощи переселенных им во Фракию павликиан восстановил лежавшие к югу от Балкан области империи и заселил Сардику, Адрианополь и другие старые города. Вспыхнувшую борьбу с болгарами Константин V вел с величайшей энергией и в общем успешно. Крупная победа над болгарами в 762 г. обезопасила на некоторое время европейские фемы от болгарских вторжений. Успешно работая над усилением сухопутной армии, Лев III и Константин V, повидимому, не проявили подобной заботливости о флоте. Морская сила арабов была в упадке и, казалось, уже не могла быть опасной империи. Далее, флот очень ярко проявил свою революционную настроенность, низвергнув в 698 г. императора Леонтия,

<sup>1</sup> Nicephori Breviarium, стр. 85.

а в 711 г. Юстиниана II. Наконец, если сухопутная азиатская армия поддерживала императоров-иконоборцев, то флот главным образом комплектовался в областях с греческим населением, приверженным к иконопочитанию. Все это вместе взятое побудило Исавров сократить общее количество военных судов, понизить ранг морских фем, уничтожить должность главного командира флота. Это ослабление флота облегчило окончательное отпадение от Византии Средней Италии. Римский папа Стефан II в борьбе против императоров-иконоборцев и лангобордов нашел поддержку у франков и окончательно превратился в 754 г. в самостоятельного государя бывшего Римского дуката. Римско-католическая церковь начинает оформляться как «...великий интернациональный центр феодальной системы...». «...она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно огромное политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с греко-православным, так и с магометанским миром». <sup>1</sup>

## 2. Византия в IX в.

Достигнутое в VIII в. укрепление внутреннего и внешнего положения Византии обусловило некоторый подъем торговли и промышленности в империи.

Прежде всего необходимо отметить, что в течение всего рассматриваемого периода Византия оставалась важнейшим производителем и поставщиком предметов роскоши. Из Константинопольских мастерских выходило все, что знало средневековье IX в. в области утонченной роскоши: золотая парча, замечательные произведения ювелирного дела, предметы украшения, осыпанные ценными камнями и жемчугом, изделия из слоновой кости, рукописи с раскрашенными миниатюрами, золотые с эмалью реликварии. Видное место в византийском производстве занимало изготовление шелковых и пурпуровых тканей. В VI в. в Византии начало развиваться шелководство, а в 568 г. Юстин II мог уже продемонстрировать прибывшему к его двору из Средней Азии турецкому посольству вполне поставленное производство шелка. Культура шелкового червя и выделка шелковых тканей скоро получила повсеместное распространение. Производство наиболее ценных шелковых тканей являлось монополией императорских гинекеев, и эти шелковые ткани, равно как и изделия из парчи, получили мировую известность. Наиболее крупными центрами ремесленного производства в IX в. являлись Константинополь, Фессалоника, некоторые города Греции, славившиеся выделкой шелковых тканей. В Патрасе изготовлялись богато расшитые пурпуровые одежды, выделывались всевозможные шерстяные ткани, на которых были вытканы великолепные картины, а также шелковые материи, славившиеся тонкостью своей выработки. Производство было сосредоточено в руках ремесленных корпораций, которые были лишены

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 295.

самостоятельности и находились под строгим контролем правительственных чиновников.

В области техники и механики Византия в основном сохраняла наследие античного мира, как это видно из сообщений источников о военных машинах или из описаний императорского дворца, где при аудиенции, даваемой иностранному посланнику, порхали и пели золотые птицы, вставали и поднимали рев золотые львы, а император со своим тронem поднимался вверх и исчезал на глазах присутствующих.

В области торговли в IX в. Константинополь играл роль мирового центра, в котором обосновались целые торговые колонии иностранцев. Византия попрежнему являлась единственным посредником восточно-азиатской торговли с западной и северной Европой. По Черному и Каспийскому морям из Центральной Азии доставлялись пряности, ароматы, драгоценные камни. Крупным транзитным пунктом являлся Трапезунд, откуда восточные товары доставлялись в Константинополь. В руках византийских торговцев сохранялась оптовая торговля восточными и местными товарами. Они оставались полными хозяевами Черного моря. Византийскому торговому флоту принадлежало преобладание и в восточной части Средиземного моря. Торговые сношения с Константинополем поддерживали города византийской Италии: Бари, Амальфи, Венеция. Со всякого ввозимого и вывозимого из Константинополя товара взималась 10% пошлина, что давало императорской казне крупный доход. Желая сохранить за Константинополем монопольное положение в торговле, византийское правительство не разрешало приобретать товары на месте их выработки, а заставляло иностранных торговцев покупать только в Константинополе, нередко из правительственных складов. Самым крупным торговцем являлось государство: оно монополизировало торговлю хлебом, лучшими сортами шелка, вина, оливкового масла, получаемыми в виде податей и сборов.

Торговля, как и промышленность, находилась под бдительным надзором чиновников. Помощник епарха в Константинополе обязан был знать всех торговцев, прибывших в Константинополь, с каким бы товаром и откуда бы они ни приходили. Он осматривал привезенный товар и сообщал торговцам условия, на которых они могут продать его; затем он назначал время, какое они могут прожить в столице, и по истечении срока приводил торговцев к епарху, представлял ему счет закупленного ими товара, чтобы они не могли увезти вещей, запрещенных к вывозу. Среди предметов византийской торговли крупное место занимали рабы, доставляемые главным образом хазарами. Специальный тариф предусматривал государственную пошлину с каждого раба, продаваемого в империи; рабы продолжали находить значительное применение в домашнем и сельском хозяйстве, а также в промышленности. После смерти богатой владелицы шелковых мастерских в Пелопоннесе Данилиды в IX в. было отпущено на волю три тысячи ее рабов.

Правительство строго регулировало и кредитные операции и

размер взимаемого процента. При Юстиниане разрешался кредит из 12% для заморских предприятий. Банкиры того времени — золотых дел мастера — могли взимать в IX в. 8%, прочие 6%. Нормальный процент до X в. был 8,33, а для морской торговли 16,6. Само правительство заботилось о том, чтобы накапливаемые им крупные средства не лежали втуне, а приносили доход. Так в 802 г. император Никифор, собрав наиболее видных представителей торгового капитала Константинополя, возложил на них обязательство взять из казны 12 литр золота (20 т. зол. руб.) из 16%. Но риск заморских предприятий в IX в. был слишком велик из-за арабских набегов, кораблекрушений, банкротств, чтобы способствовать развитию кредита в таких условиях. Поэтому богатые купцы, нажившиеся чиновники, военная знать предпочитали вкладывать свою денежную наличность в земельную собственность, тем более что в IX в. азиатские провинции, а несколько позднее и европейские, были более или менее ограждены от опасности вражеских вторжений. В связи с этим возобновляется рост крупного землевладения за счет мелких крестьянских хозяйств. С другой стороны силы реакционного монашества далеко не были сломлены.

Хотя Константин V в последние годы своего правления применял весьма решительные меры борьбы с монашеством и монастырским землевладением, однако эти меры не смогли нанести решительный удар монашеству, тем более, что отстаиваемая монахами религия соответствовала узкой ограниченности и темноте крестьянской массы того времени, у которой культ имел формы грубого фетишизма и требовал в качестве предметов поклонения икон, мощей и других объектов колдовства.

Уже при преемнике Константина Льве IV (775—780), который, оставаясь по взглядам иконоборцем, прекратил борьбу с монашеством, последнее оправилось от постигших его ударов. Крайняя партия иконопочитателей, добивавшаяся полного восстановления старых порядков, объединяется с умеренными, которые стремились только к отмене церковных новшеств. После смерти Льва IV монашество привлекло на свою сторону императрицу Ирину и добилось восстановления православия и почитания икон на VII вселенском соборе в 787 г. Военные части, разогнавшие первое собрание иконопочитателей в 786 г. были выведены, под предлогом похода на арабов, из Константинополя, заменены верными новому правительству частями и, наконец, распущены. Причиной легкой в общем победы «иконпочитателей» является, повидимому, то обстоятельство, что значительная часть военнотрудовой знати, поддерживавшая Исавров, была мало заинтересована в собственно иконоборческой в узком смысле политике и довольствовалась отнятыми у монахов землями, пользование которыми не было оспариваемо решениями собора 787 г. Победа «иконпочитателей», однако, не явилась ни полной, ни окончательной. В самой победившей партии не было единства. Вожди монашества — игумен Платон, Феодор Студит — не были удовлетворены достигнутыми результатами, требовали полного освобождения церкви от кон-

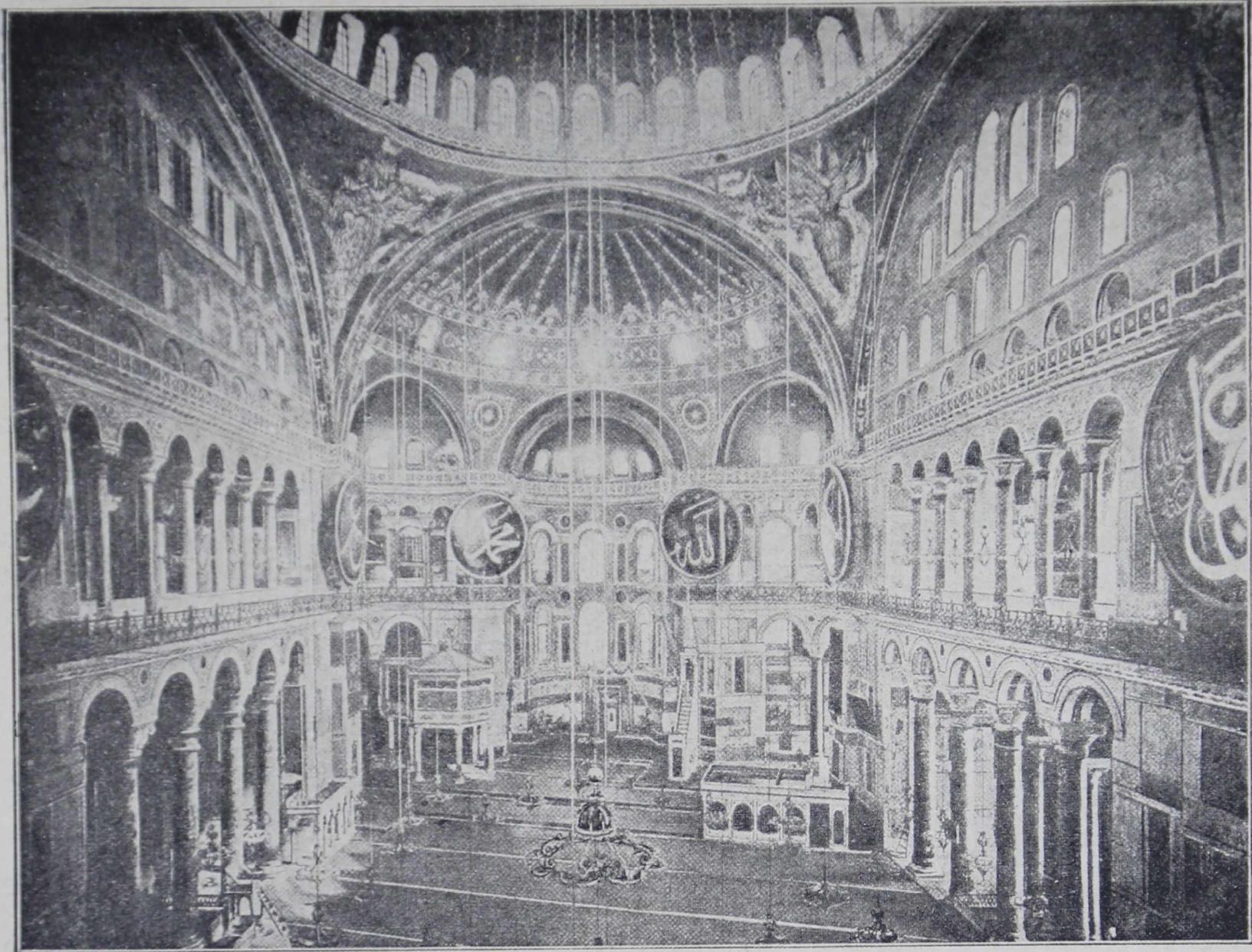
троля государства и находились в натянутых отношениях с правительством и умеренными иконопочитателями во главе с патриархом Никифором. С другой стороны, попытки правительства Ирины снискать популярность в массах расширением налоговых льгот, уменьшением таможенных пошлин, вызывали все более растущее недовольство военных верхов, обвинявших правительство в разрушении финансов и армии.

Во внешней политике правительство терпело неудачи. Мир с арабами был куплен денежной данью. Не взирая на возвращение Византии к православию, папа Лев III в 800 г. провозгласил Карла Великого римским императором без всякого предварительного соглашения с правительством Восточно-римской империи, продолжавшим рассматривать себя как единственного законного преемника Римской империи. Образование империи на Западе, сверх того, означало окончательную потерю Равенны и Рима и угрожало захватом франками византийских владений в Венеции, Истрии и Далмации. Резко обострившаяся борьба в высших придворных и церковных кругах приводит в 797 г. к тому, что прославляемая церковью за благочестие Ирина ослепила собственного сына императора Константина, а пять лет спустя сама Ирина была низложена военно-придворной знатью и заменена великим логофетом (министром финансов) Никифором I (802—811).

Ставшая у власти военно-чиновничья группировка, не поднимая снова вопроса об иконах, возобновляет энергичный нажим на монашество. Снова идет секуляризация монастырских земель и раздача их командному составу армии; монастыри лишаются экскуссий (иммунитетов) и других привилегий, предоставленных им Ириной. Одновременно восстанавливаются таможенные пошлины на ввозимые и вывозимые из Константинополя товары и увеличивается налоговый нажим на массы: задним числом взыскиваются налоги с лиц, освобожденных от уплаты налогов Ириной. Строго взыскивается подымная подать, вводится гербовая пошлина. К отбыванию воинской повинности привлекаются теперь лица, не обеспеченные достаточными наделами, с которых могли бы содержаться воины, причем обязанность вооружать и содержать их возлагается на соседей, связанных круговой порукой.

Страшное поражение, которое потерпела византийская армия в 811 г. в войне с болгарами, где погиб и сам Никифор, передает власть в руки партии иконопочитателей. Их ставленник Михаил Рангавэ (811—813) даже план военных действий против болгар предоставил выработать студийскому игумену. Но придворные евнухи и монахи обнаружили полную неспособность бороться с болгарами. Монашеское правительство было сброшено армией.

Преемник Михаила Лев V (813—820) является ставленником иконоборческой партии и возобновляет борьбу с монахами и иконами. Несмотря на то, что иконоборческому императору удалось заставить болгар заключить тридцатилетний мир и дать в Малой Азии решительный отпор Аббасидам, он не в состоянии



*Внутренний вид Софийского собора в Константинополе.*



*Вновь открытая мозаика X в.  
Константинопольской Софии — „богоматерь“ с младенцем.  
(Thomas Whittemore. The Mosaics of St. Sophia at Istanbul, Paris, 1936. pl. VI.)*

был примирить с собою ни умеренных, ни более крайних «иконопочитателей» и пал жертвой нового дворцового переворота.

При следующем императоре Михаиле II (820—829), сохранявшем в основном политику своего предшественника, вспыхивает грозное восстание рабов, крестьян, стратиотов и городской бедноты. Вождем восстания явился один из военных командиров Фома Славянин, объявивший себя императором Константином, сыном Ирины.

Фома нашел широкие круги приверженцев в самых разнообразных слоях общества и объединил под своим знаменем всех недовольных существующей властью, всех надеющихся, что переворот принесет с собой перемену политического курса правительства.

Фома Славянин заручился поддержкой арабов, пытался привлечь на свою сторону и иконопочитателей. В лагерь Фомы стекались и приверженцы Льва V, попавшие при новом правительстве в опалу. Но каковы бы ни были планы самого Фомы, движение, им возглавленное, с самого начала получило резко выраженный характер революционного выступления народных низов. Фоме, по сообщению византийских историков, удалось «поднять рабов против господ, простых воинов против своих начальников». О деятельности Фомы византийский источник сообщает: «задержав всех сборщиков податей, он отменил установленные законом сборы и раздачей народу денег приготовил против Михаила сильное войско». Из этого можно заключить, что тяжесть налогов была главной причиной, вызвавшей восстание населения Малой Азии. Это восстание народных низов охватило почти все фемы, причем в М. Азии в него было втянуто и старое местное население, и армяне, и иверы, и колонисты-славяне и персы. Продолжавшаяся более 2 лет (821—824) гражданская война отличалась страшным ожесточением и кровопролитием. По сообщению источника, она, как «некие открывшиеся Нильские пороги, затопила землю не водой, а кровью». Сначала восстание имело значительный успех, особенно благодаря участию в нем моряков Эгейского моря. С их помощью Фоме удалось завладеть императорским флотом, переправиться на европейский берег во Фракию и Македонию, где Фома также нашел сильную поддержку в живших там славянских племенах. В течение всего 822 года Константинополь был осаждаем крестьянами и стратиотами. Но, как всякое крестьянское движение средних веков, восстание было обречено на поражение.

В городах у крестьянина не было надежного союзника и руководителя, а в борьбе против него объединились и иконопочитатели и иконоборцы. Классовый смысл восстания хорошо виден из той ненависти, какую проявляет к Фоме составитель летописи, хотя, казалось бы, Фома, выступавший под флагом иконопочитания, заслуживал поддержки своего единомышленника в борьбе против иконоборца и узурпатора Михаила.

Константинопольскому правительству удалось подавить восстание благодаря помощи болгар. Потерпев от последних поражение весной 823 г., Фома держался еще 5 месяцев против правительственных войск в Аркадиополе (Люле-Бургас), но затем попал

в плен и был казнен. Полный разгром восстания (824) способствовал дальнейшему ухудшению экономического и правового положения крестьянства, хотя правительство, напуганное размахом движения, и должно было пойти на временное облегчение податного бремени (уничтожение «подымного» сбора). Мы уже отмечали, что на IX в. падает начало процесса разорения мелких крестьянских хозяйств и роста крупного землевладения, и несомненно, что неудача восстания Фомы должна была способствовать ускорению этого процесса.

Ожесточенная классовая борьба в империи при Михаиле II и вызванная этим неустойчивость правительственной власти неблагоприятно отражаются на внешнем положении империи. В 825 г. Византия теряет важный в стратегическом и торговом отношении о. Крит, захваченный арабскими выходцами из Испании. Последние образовали здесь пиратское государство, являвшееся до половины X в. постоянной угрозой для всего побережья Эгейского моря.

Еще ощутительней для империи была потеря значительной территории на о. Сицилии (826), где прочно закрепляются африканские арабы и медленно, но неуклонно расширяют свои завоевания.

При сыне и преемнике Михаила II Феофиле (829—842) была предпринята последняя попытка осуществления иконоборчества в полном его объеме. Ожесточенный враг монахов, Феофил в 833 г. издал эдикт о закрытии всех монастырей в населенных пунктах. Эдикт этот еще раз запрещал почитание икон и делал попытку устранить почитание святых.

Но это была последняя вспышка иконоборчества. Правительству уже не угрожало сопротивление богатого и фрондирующего духовенства. Церковные и монастырские земли в основной своей массе были секуляризированы. Значительная часть монастырей лежала в развалинах. Богатству церкви был нанесен сильный удар и сама она поставлена под бдительный контроль государства. Этим в основном и исчерпывались цели и задачи иконоборчества. С другой стороны, выступления народных низов требовали сплочения господствующих классов. Этим объясняется сравнительно легкая победа иконопочитателей. При вдове Феофила, императрице Феодоре, управлявшей за малолетнего сына Михаила III (842—867), было окончательно восстановлено православие и иконопочитание (843). Монашество торжествовало победу, но земли монастырям возвращены не были.

Сплочение господствующего класса было скреплено жестокой расправой с сторонниками павликианской ереси. Правительство назначило для этого дела особых уполномоченных, дае им задание — или обратить павликиан в православие, или истребить. Десятки тысяч этих «еретиков» во второй половине IX в. были подвергнуты самым зверским истязаниям: их сажали на кол, топили в море, убивали; имущество их отбиралось в казну. летописи говорят о ста тысячах жертв византийской церковной расправы IX в.

Доведенные до отчаяния «еретики», которым угрожало совершенное истребление, взяли за оружие и оказали ожесточенное сопротивление правительственным войскам. Часть их под предводительством Карвея прорвалась через границу во владения эмира Мелитенского, который предоставил им для заселения 2 города. Оставшиеся в империи павликиане стремились присоединиться к своим единоверцам. В общем правительству Феодоры не удалось ни истребить павликиан, ни обратить их к господствующей церкви. Очень серьезное поражение павликиане потерпели только в 872 г., когда была взята и разрушена Теффрика, являвшаяся их центром. Через 100 лет огромная масса павликиан была выведена во Фракию, где в дальнейшем получила имя богомилов.

### 3. «Темные века» византийской культуры (VII—IX вв.)

Если в V—VI вв. на территории Восточно-римской империи развивается новая своеобразная культура и повышается литературная активность, то со второй половины VII в. наблюдается упадок литературного творчества и понижение культурного уровня вообще. Буржуазные историки, как Крумбахер, говорят даже о длительном культурном одичании, продолжавшемся в течение двух веков и во многом напоминающем одичание Западной Европы после развала Западно-римской империи.

Во всех областях культурного творчества, по мнению Крумбахера, с половины VII до конца IX в. наблюдается резкий упадок, но особенно резко он обнаруживается в литературном творчестве. Светская литература исчезает почти совершенно и даже церковная деградирует и количественно и качественно. Долю вины в этом культурном одичании обычно возлагают на иконоборцев, которые ликвидировали высшую константинопольскую школу, находившуюся в руках иконопочитателей, истребляли памятники искусства — иконы — и уничтожали монастырские библиотеки.

Эти утверждения страдают несомненным преувеличением. Сохранившиеся памятники византийского искусства этой эпохи — мозаики в римских церквях, миниатюры и литературные произведения не дают оснований к тому, чтобы говорить о культурном одичании Византии в этот период, о полном разрыве со старой культурной традицией.

Иконоборцы, вообще говоря, вовсе не были врагами культуры. Уничтожая иконы, они способствовали развитию светской живописи. Ведя борьбу с паразитическим монашеством, они делали полезное прогрессивное дело, способное только укрепить империю, и несчастьем для Византии явилась не их деятельность, а конечная победа иконопочитателей. Конфискуя монастыри и их имущество, иконоборцы уничтожали только книги об иконопочитании, а все прочие распродавались с торгов. При всех этих оговорках нужно признать несомненным понижение общего культурного уровня на территории империи, особенно в страшный для Византии VII век, когда, после ожесточенного взрыва классовой борьбы, Византия

подверглась военному разгрому со стороны арабов, оторвавших от империи ряд богатых восточных провинций, когда был опустошен Балканский полуостров, заселенный затем славянами, и для уцелевших территорий империи создавалась обстановка постоянного осадного положения, неблагоприятная для беспрерывного культурного развития.

Экономическая и политическая разруха VII в. вызвала процесс социальной перестановки. Сходит со сцены старая сенаторская аристократия. Слагается новый социальный базис империи в лице сильного военного служилого сословия. Вместо закрепощенных колонов появляются в деревне свободные крестьяне-общинники. Перестраивается и государственный механизм империи: складывается феодальный строй, сосредоточивающий все нити провинциального управления в руках военных властей. В связи с крупными экономическими и социальными сдвигами происходят крупные сдвиги и в идеологии. С официальным православием вступают в длительную борьбу и умеренная партия реформ — иконоборцы, и революционно-плебейское течение — павликиане. В конечном итоге прогрессивные течения терпят поражение. К концу описываемого периода силы реакции побеждают. Несомненно, что в период этой долгой ожесточенной борьбы имели свою литературу и иконоборцы и павликиане. Несомненно также и то, что вся эта литература, за исключением некоторых юридических документов, была истреблена восторжествовавшими иконопочитателями. Поэтому все, что до нас дошло из византийской литературы этого периода, есть литература торжествующих иконопочитателей. На данном этапе истории византийской культуры кривая линия умственного движения направляется параллельно кривой линии экономического и обусловленного им социально-политического развития.

К наиболее выдающимся представителям литературы «темных веков» следует прежде всего отнести произведения основателя средневековой схоластики как византийской, так и западноевропейской — Иоанна Дамаскина (ум. в 754 г.), теоретического вождя иконопочитателей. Всемирная слава его основывается на проведенной им первой по времени систематизации православного богословия в его произведении «Источник знания». Успеху предприятия Дамаскина способствовало то обстоятельство, что учение православной церкви в основном уже было установлено вселенскими церковными соборами. Догматические споры среди православных церковников были закончены, а канонические книги христианства подверглись тщательному истолкованию.

Систематизации догматов христианства Дамаскин предпосылает философское введение, основывающееся, главным образом, на Аристотеле. Источником знания и мудрости, по Дамаскину, является «божественное откровение», но автор считает допустимым, кроме христианских канонических книг, пользоваться и языческими философами. Богословию, как царице, следует иметь при себе служанок. Пользуясь этими служанками, т. е. светскими науками, христиане могут из них заимствовать все лучшее. Философия —

служанка богословия — таков принцип, провозглашенный первым систематизатором православного учения, принцип, сделавшийся основоположением всей средневековой христианской схоластики. Иоанн Дамаскин «изъясняет» христианское учение сначала отрицательно, опровержением 100 ересей, а затем, также в 100 главах, проявляя большую начитанность в церковной богословской литературе, излагает основы христианской догматики.

Вторым крупнейшим церковным писателем конца VIII и начала IX века и автором многочисленных писем, богословских трактатов, гимнов был Феодор Студит (759—826), один из столпов иконопочитания, величайший монастырский организатор, наиболее вышукло и деловито сформулировавший тенденцию крайней монашеской партии, выставившей требование внутренней свободы церкви и внешней независимости церкви от государства.

Образцами исторического творчества византийцев этого периода являются появившиеся в IX в. монашеские хроники Феофана и Георгия Амартола. Феофан, выходец из верхов византийского общества, ревностный иконопочитатель, пострадавший от иконоборцев, в написанной им хронике охватывает период от Диоклетиана до Михаила, т. е. с 284 до 813 года. Весь исторический материал распределен по годам. Хроника Феофана пользовалась громадной популярностью не только на востоке, но имела не меньшее значение для западноевропейской анналистики в связи с ее переводом на латинский язык между 873 и 875 гг. папским библиотекарем Анастасием.

Георгий Амартол (т. е. грешник) составил в правление Михаила III



*Патрон Фессалоники Дмитрий, префект Иллирика Леонтий и епископ.*

Византийская мозаика VII века.

(842—867) летопись, состоявшую из 4 книг. В первой дается обзор интересных для монахов фактов светской истории от Адама до Александра Македонского, вторая дает библейскую историю, третья — римскую, наконец, четвертая излагает римско-византийскую историю от Константина до 842 года. Труд Георгия типичен как средневековая монастырская хроника, в которой отражаются настроения, взгляды и литературные приемы, бывшие в IX в. распространенными среди византийского монашества. Хроника Георгия, переведенная впоследствии на славянский язык, явилась одним из важнейших источников сведений по истории, этнографии, метафизике для сербов, болгар и русских. Для изучения истории иконоборческого периода Феофан и Георгий — наиболее ценные источники, хотя от летописцев-монахов, фанатических иконопочитателей, главной задачей своего труда поставивших задачу показать скверну иконоборчества, нельзя и ожидать сколько-нибудь объективного освещения иконоборческой эпохи.

К Феофану и Георгию примыкает патриарх Никифор, занимавший патриарший престол с 806 по 815 год и наряду с богословскими трактатами написавший сокращенную историю (*Breviarium*), описывающую период времени с 602 по 769 год. Он также враг иконоборцев, но более сдержан и не включает в свой труд тех явных несообразностей и нелепостей, которые во множестве встречаются в хрониках Феофана и Георгия.

В IX в. начинается оживление литературной деятельности византийцев, пробуждается снова интерес к произведениям античной древности. Это оживление связано с деятельностью иконоборческого императора Феофила и после его смерти — опекуна его сына кесаря Варды. При Феофиле крупной известностью пользуется знаменитый математик, философ и врач Лев Солунский, которого иконоборческий император осыпал своими милостями и для которого в своем Магнаврском дворце устроил школу, где этот ученый и вел свое преподавание. После восстановления иконопочитания деятельную заботу о просвещении проявлял кесарь Варда. Крайне честолюбивый, любящий власть, деньги и роскошь, Варда в то же время старался быть хорошим администратором, строгим и справедливым судьей и неподкупным государственным деятелем. Он любил литературу, интересовался науками. Ему принадлежит честь окончательного устройства знаменитой Магнаврской высшей школы, куда он привлек для работы самых знаменитых ученых. Там преподавали грамматику, философию, геометрию, астрономию. Чтобы поддержать рвение наставников и учащихся, Варда часто посещал школу и относился к ней с большим вниманием. Воздем литературного возрождения IX в. является патриарх Фотий (820—891), крупный государственный деятель, своей борьбой с римскими папами подготовивший разделение формально единой христианской церкви на западную и восточную. В византийской литературе он выступает как автор трактатов по богословию, философии, церковному праву, проповедей и многочисленных писем; среди произведений Фотия необходимо отметить 4 книги «Против Павли-



Высшая Константинопольская школа по рукописи Скилицы.

(Beyllé. L'habitation byzantine, стр. 102.)

киан». Но наиболее известна из его произведений знаменитая «библиотека» (Мириобиблион), где собран без систематического расположения по содержанию ряд отзывов о прочитанных в литературном кружке Фотия книгах — то в виде беглых заметок, то в виде обстоятельных рефератов с значительными выдержками, а иногда с биографическими очерками. В особенности ценны извлечения из исторических сочинений, так как у Фотия были под руками произведения, полностью или частично для нас утраченные. В этой громадной работе поражает не только разнообразие и обилие прочитанных книг, но и меткие критические оценки их содержания. В результате получилось около 300 литературных очерков, любопытных образцов византийской литературной критики, причем Фотий, главным образом, разбирает малоизвестные и забытые произведения. Он стремится показать современникам неисчислимые литературные сокровища древности, погребенные в его время на чердаках и в подвалах.

В его «библиотеке» отражается радость открытия и упорство в разыскании забытых литературных произведений древности. Он рассказывает о старых книгах так радостно и свежо, как будто идет речь о литературных новинках.

Под покровительством Варды и Фотия начали свою миссионерскую деятельность среди славян Кирилл и Мефодий.

В IX в. византийская церковь развивает особо энергичную миссионерскую деятельность. То обстоятельство, что церковь являлась опорой эксплуататорского класса и мощным орудием порабощения масс, делало введение христианства очень желательным для князей и правящей верхушки тех стран, где феодализм только начал слагаться и княжеская власть еще не успела пустить прочных корней.

В 862 г. Ростислав, князь велико-моравский, отвоевавший политическую независимость для своего княжества от Германии и потому не желавший в дальнейшем пользоваться услугами немецкого духовенства, обратился в Византию с просьбой о присылке проповедников, которые могли бы учить христианству на славян-

ском языке. Из Византии были отправлены в Моравию братья Кирилл и Мефодий, владевшие славянским языком (863 г.). Они были сыновьями знатного чиновника Льва родом из Македонии, заселенной в то время славянами, с которыми византийцы находились в постоянном общении, и поэтому должны были знать славянский язык. Мефодий в течение 10 лет был стратигом одной славяно-греческой области, после чего постригся в монахи. Другой брат — в монашестве Кирилл — получил блестящее образование в придворной Магнаврской школе, был учеником Фотия. Эти братья изобрели славянскую азбуку и начали перевод церковных книг на славянский язык. Они совершали церковное служение на том же языке и приступили к подготовке в Паннонии и Моравии кадров славянского духовенства (863—885).

Но немецко-латинское духовенство вступило в упорную борьбу с византийскими миссионерами, вследствие чего последним не удалось удержаться в Паннонии и Моравии. Изгнанные из этих стран, ученики Мефодия принесли с собой славянские книги и церковную службу на славянском языке в Болгарию, где была более благоприятная почва для византийских миссионеров, подготовленная долгим общением болгар с греками и мощным культурным влиянием Византии. Однако, какое бы значение ни придавалось влиянию Византии, перемена религии в Болгарии не могла бы иметь места, если бы в самой этой стране не возникло для принятия христианства благоприятных социальных предпосылок, если бы не существовало достаточно мощных социальных групп, явившихся инициаторами распространения христианства с целью укрепить и освятить свои притязания на господствующее положение в государстве.

Такие предпосылки, очевидно, были налицо, когда болгарский царь Борис крестился в 864/65 году, а ученик Мефодия Климент был поставлен болгарским епископом. Принятие христианства оказало мощное влияние на ускорение процесса феодализации Болгарии.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. К. Н. Успенский, Очерки по истории Византии.
2. Л. Brentano, Народное хозяйство Византии.
3. Ф. Успенский, История Византийской империи, т. II.
4. Ю. Кулаковский, История Византии, т. III.
5. Васильевский, Труды, т. IV.
6. Герцберг, История Византии.
7. S. Runciman, Byzantine civilisation, 1933.
8. Bury, A History of the later Roman Empire from Arcadius to Irene, London, 1889.
9. E. Stein, Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius, Stuttgart, 1919.
10. I. B. Bury, A History of the Eastern Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I, London, 1912.





## Глава VI

### МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ (867—1056)

#### 1. Внутреннее состояние империи

Буржуазные византилисты обычно очень высоко оценивают деятельность Македонской династии. Диль, например, считает, что два века, когда эта династия управляла империей (867—1056), являются самой блестящей эпохой истории Византии. Почти все императоры этой династии, по его мнению, являлись выдающимися правителями: Василий I (867—886), мощным усилием укрепивший общее положение империи, Роман Лакапин (919—944), Никифор Фока (963—969), Иоанн Цимисхий (969—976), восстановившие на востоке престиж византийского оружия, наконец, Василий II (976—1025), в продолжительное правление которого Византия достигла апогея своего могущества и славы.

Македонская династия в целом, по мнению Дили, «обеспечила империи материальное благосостояние и привела ее на высшую ступень могущества и славы».<sup>1</sup>

Историк-марксист не может согласиться с этой оценкой и должен внести в нее весьма существенные оговорки. Македонская династия пришла к власти, после того как во 2-й половине IX века революционное движение народных низов (Фома Славянин, павликиане) и реформаторские попытки иконоборцев потерпели поражение. Она довершила победу реакции. С вступлением на престол Василия I силы реакции восторжествовали по всему фронту.

История жизни основателя Македонской династии напоминает скорее сказку, чем историю, однако она составляет действительный эпизод в исторических летописях Византии. Выходец из крестьянской семьи армянского происхождения, поселенной близ Адрианополя, Василий благодаря своей физической силе, ловкости и покровительству пелопоннесской аристократки Данилиды, сумел из нищего крестьянина, сделаться богатым македонским динатом, получить доступ ко двору, слискать безграничное доверие императора Михаила III. Кесарь Варда был предательски умерщвлен по проискам нового любимца императора.

<sup>1</sup> Histoire générale de G. Glotz. Histoire de Moyen Age, v. III, Le Monde Orientale, стр. 437.

После убийства Варды Василий был усыновлен Михаилом и коронован императорской короной. Но их совместное правление продолжалось немногим более года. В 867 г. после одного пира Василий убил своего «благодетеля» и сделался единодержавным правителем государства. Добившись таким путем императорского трона, Василий I прилагал все усилия, чтобы доказать династам и церковникам, что он лучше своего предшественника обеспечит проведение политики, начатой в 843 г. после «торжества православия».

Свою деятельность он начал ожесточенной борьбой против революционной секты павликиан. В этой борьбе ему удалось добиться значительных успехов. Центр павликианства, город Тефрика, в 872 г. был взят штурмом и разрушен. Павликианская «Республика» прекратила свое политическое существование. Вождь павликиан Хрисофир был убит, его голова была отослана Василию, который отпраздновал победу над павликианами празднествами и триумфом. Для снискания расположения монашества Василий I выстроил около 100 монастырей и церквей. Это строительство усиленно продолжал его наследник Лев VI.

Внешним выражением господства реакции при новой династии явилось официальное правительственное осуждение законодательства иконоборцев.

Василий I решительно отвергает это законодательство, называя его «ниспровержением добрых законов, которое было для государства бесполезно, а сохранение которого в силе неразумно». В составленной между 879—886 гг. «эпанактоге» законодательство иконоборцев называется «несообразностями, сделанными Исаврами в противоположность божественному догмату и на разрушение спасительных законов».

Вместо этого восстанавливается старое законодательство Юстиниана. В 879 г. выпускается «Прохирон», краткое изложение государственных законов, а преемник Василия Лев VI (886—912) издает «Василики» — новую публикацию Юстиниановского права.

Классовый смысл этого законодательства очевиден. Эклога и Земледельческий закон, узаконивший крестьянскую общину, ограничивали аппетиты крупных землевладельцев. «Василики» же, опубликованные под давлением крупных землевладельцев — династов, гораздо лучше, чем Эклога, помогали закабалению свободных крестьянских хозяйств: в них снова узакониваются крепостные (*ἐναπόγραφοι*). Сверх того Лев VI ослабляет и смягчает запрещение юстиниановского законодательства провинциальным правителям делать какие-либо земельные приобретения в управляемых ими областях.

При Македонской династии завершается централизация государственного аппарата, и правительственная бюрократия добивается полного торжества.

Император Лев VI уничтожает последние остатки муниципального самоуправления. Он закрывает городские сенаты (курии) и отменяет всякие выборы муниципальных властей, так как такие учреждения, по выражению императорского указа, «не соответ-

ствовали существующему порядку вещей, при котором обо всем печется сам император». <sup>1</sup>

Городские димы теряют всякое политическое значение и превращаются в декоративные принадлежности императорских торжественных выходов. Политическая роль сената была сведена к нулю еще в конце VII века. Лев VI окончательно и официально лишает сенат права участия в законодательстве и сам назначает всех должностных лиц. <sup>2</sup>

Всемогущая бюрократическая машина, теперь без помехи управлявшая государством, возглавлялась пышным двором, многочисленной придворной свитой, распределенной по рангам, сложной центральной администрацией, состоявшей из многочисленных канцелярских приказов.

Все византийское чиновничество было распределено по сложной таблице чинов и должностей, причем между этими чинами и должностями существовало строгое соответствие. 18 чинов представляли разряды высших сановников. Звания кесаря, новеллиссима, куропалата предоставлялись членам императорской фамилии. Далее шли чины магистра, анфипата, патрикия, протоспафария, дисипата, спафарокандидата, спафария.

Чиновное лицо занимало определенную должность. Высшими придворными должностями, занимаемыми обычно евнухами, были должности препозита или церемониймейстера, паракимомена или спальника, протовестиария, заведывавшего императорским гардеробом. Далее шли должности высшей центральной администрации, которая, также как и провинциальная, в VII веке подверглась реорганизации. <sup>3</sup>

Латинские наименования были заменены греческими. Высшие должностные лица гражданской администрации стали называться логофетами. Во главе логофетов стоял логофет дрома, в руках которого сосредоточивалось управление путями сообщения, почтой и своеобразным «телеграфом» (византийцы умели очень быстро и искусно передавать известия при помощи системы световых сигналов с сторожевых вышек). Ему же принадлежало ведение иностранных дел, рассылка императорских указов и писем. Он же был главой полиции. Далее шли: логофет, управляющий казначейством (τοῦ χρημῶν), логофет военный (τοῦ στρατιωτικῶν) — главный интендант и казначей армии; логофет, ведающий уделами и императорскими конскими заводами. Важными должностями финансового ведомства являлись также должности хартулария сакеллия, ведавшего частным имуществом императора; логофета, управлявшего императорскими мануфактурами и арсеналами, и особенно сакеллария — государственного контролера.

Далее, в центральное государственное управление входили: квестор, стоявший во главе судебного ведомства — хранитель госу-

<sup>1</sup> Zachariae Jus Graeco-Romanum, III, стр. 138, 139.

<sup>2</sup> Nov., 47, 78.

<sup>3</sup> Bury, The Imperial administrative system; Runciman, Byzantine civilisation, 1933, стр. 81—108.

дарственной печати и императорской чернильницы; domestik схол, или великий domestik — командующий византийской армией; друнгарий флота — управлявший морским ведомством; наконец, епарх, или префект Константинополя, ответственный за поддержание порядка в столице, снабжение ее продовольствием и за деятельность корпораций ремесленников и торговцев.

В византийской табели о рангах, насчитывающей 60 высших должностей, гражданские сановники не занимали первых мест. Так, например, несмотря на важность своих функций, логофет дрома занимал только 37-е место, сакелларий — 32-е, епарх — 18-е. Военные сановники Византии имели заметное преимущество перед гражданскими. Стратиги фем, например, стояли выше гражданских чинов. Первый из них, стратиг Анатолика, занимал 4-е место, domestik схол стоял на 5-м.

В IX—X вв. военное сословие считалось высшим, наиболее почетным «оплотом государства Римлян». Соответственно этому военные чины и вознаграждение получали значительно более щедрое, чем гражданские. Последние, представляя сильную и сплоченную группу, естественно, были недовольны преобладанием военных, их претензиями направлять правительственную политику и всячески стремились ослабить их влияние. Отсюда проистекал острый антагонизм между гражданскими и военными чинами, между центральной столичной бюрократией и военной аристократией провинций, проявившийся явственно уже в X веке и особенной остроты достигший в XI веке.

Высшие должностные лица заведывали сетью канцелярий, распределенных по 60 ведомствам, с целым штатом чиновников. Низшие чиновники, служившие в канцеляриях, получали содержание от казны, но довольно скудное, что вынуждало их пополнять недостающее добавочными поборами с населения.

Содержание многочисленного чиновничества поглощало очень крупные средства. Еще больших расходов требовала императорская армия, насчитывавшая в IX в. 120 тысяч человек.

Войска, из которых составлялась эта армия, распадалась на 2 группы: «тагмы», расположенные в Константинополе и ближайших окрестностях столицы, и «фемы», комплектуемые в провинциях. Тагмы состояли из четырех войсковых частей гвардейской кавалерии, численностью около 16 тысяч: схолариев, экскувитов, иканатов и арифм. К дворцовым войскам, кроме кавалерийских, причислялась и пехотная войсковая часть (*вобмерои, пшегі*). Эти придворные войска в значительной части состояли из иноземцев-наемников — хазар, печенегов, иверов и варягов-руссов. Последние, как постоянный составной элемент византийской армии, появляются незадолго до времени князя Владимира и играют очень заметную роль в истории империи до конца XI в., когда заменяются англосаксами. Фемные, или территориальные провинциальные войска, численность которых колебалась от четырех до десяти тысяч на каждую фему, состояли преимущественно из кавалерийских частей. Кавалерия, разделявшаяся

на тяжелую («катафрактарную») и легкую конницу, была излюбленным родом оружия в Византии, также как и во всех средневековых армиях. О размерах денежных окладов высшего командного состава армии свидетельствуют следующие данные. В конце IX в. стратиги фем Армении, Анатолика, Фракии получали ежегодно по 40 фунтов золота, стратиги Опсикия, Букееллариев и Македонии по 30 фунтов. При этом нужно иметь в виду, что в IX веке ценность денег была значительно выше, чем в XIX—XX вв.

Хорошо оплачивался и средний командный состав (турмархи и проч.). Вычислено, что содержание одной армии Востока стоило казначейству Византии не менее 9 милл. золотых рублей ежегодно.

Для покрытия всех этих расходов правительство получало крупные доходы от торговли, промышленности, косвенных налогов и таможенных пошлин, правительственных мануфактур и мастерских, монополий, продажи чинов и титулов. Но основным источником дохода являлись налоги на крестьянство: поземельный, подымный, подушный и сборы с пастбищ, домашнего скота, пчел и пр. Кроме этих податей византийские крестьяне были обременены множеством натуральных повинностей, связанных с передвижением войск, их расквартированием, сооружением укреплений и военных кораблей. Но эти выколачиваемые из населения налоги вместе с доходами от торговли и промышленности позволяли Византии в IX веке сохранять бюджетное равновесие, поддерживать мировое значение своей монеты, собирать в казначействе крупные денежные суммы. В январе 856 г. императрица Феодора уведомила сенат, что правительство имеет в казначействе 1090 кентинариев золота и 3000 кентинариев серебра (примерно 35 миллионов руб. золотом).<sup>1</sup> Эти крупные денежные накопления создавали Константинополю славу города, в котором богатствам нет меры и числа. По словам Диля, «все средневековое грезило Константинополем, как городом чудес, отражавшимся как в зеркале в своем золоте».<sup>2</sup>

Территория Византии в эпоху Македонской династии не оставалась неизменной: изменялись границы, изменялось количество фем.

Согласно указаниям византийского императора Константина Багрянородного в его сочинении «О фемах», написанном около 934 г., в империи к этому времени насчитывалось 29 фем, распавшихся на две группы: фемы Востока и фемы Запада. Фемы Востока считались в X в. наиболее важными. Их стратиги получали содержание от центрального правительства и по табели о рангах стояли выше стратигов европейских, получавших содержание за счет местных сборов. Из Малой Азии империя получала своих лучших солдат, наиболее искусных моряков, а казначейство — главную часть своих доходов. Восточными фемами являлись: 1) Опсикий — в западной части Малой Азии с главным городом Никеей, 2) Оптиматов с главным городом Никомидией, 3) Фраки-

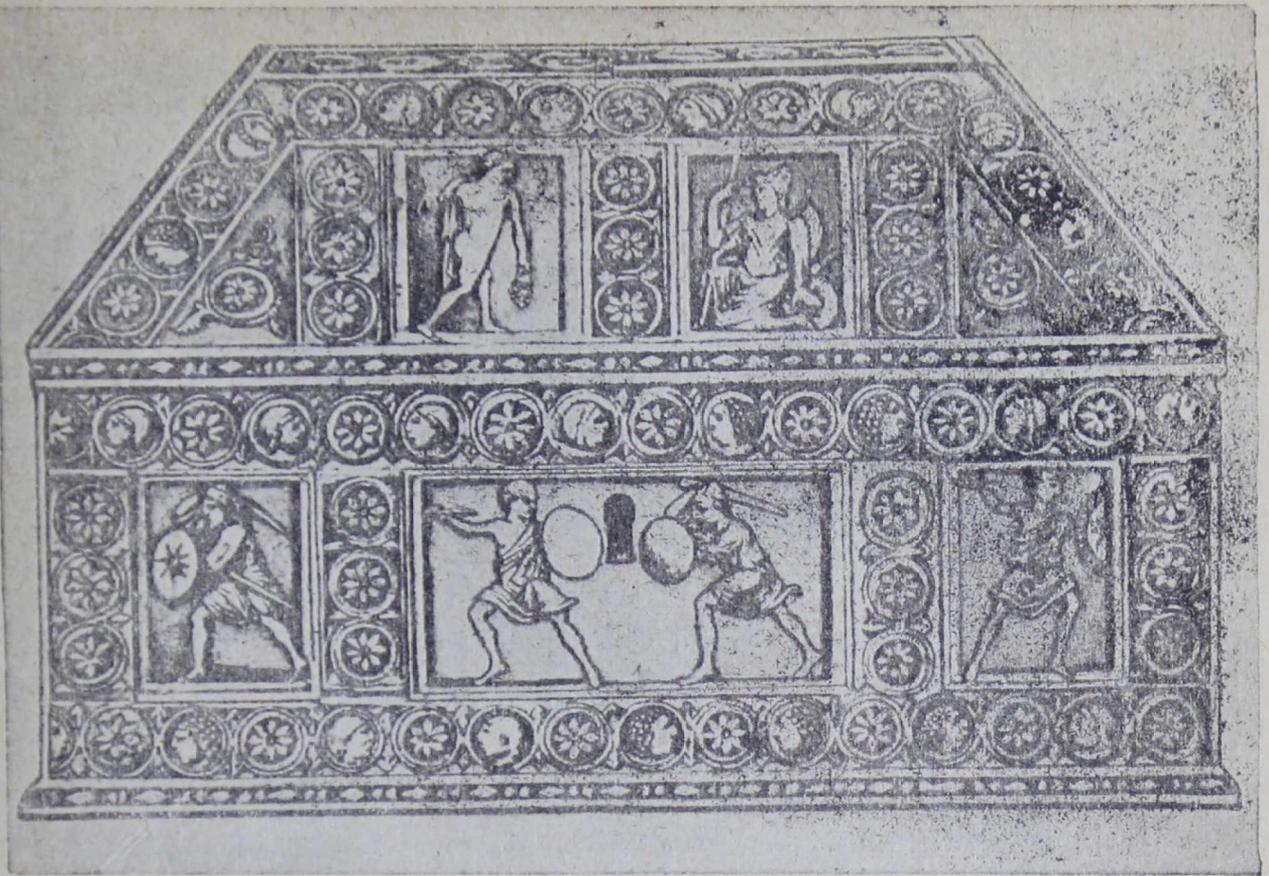
<sup>1</sup> Theophanis Continuati lib. IV, 20, ed. Bonn.

<sup>2</sup> Diehl, Etudes byzantines, Paris, 1905, p. 2.

сийская в юго-западной части Малой Азии с городами Адрамитией, Смирной, Эфесом, Милетом, 4) Самос, 5) островов Эгейского моря, 6) Кивирреотов на южном побережье Малой Азии, к югу от Фракисийской фемы, 7) Селевкия, гористая область, преграждавшая путь нападениям сарацин из Тарса, 8) обширная фема Анатолик, соответствовавшая древней Фригии, 9) Букеллариев, соответствовавшая древней Галатии, 10) Пафлагония с главным городом Синопом, 11) Армениак, образованная из части Каппадокии, прилегавшей к морю и 12) Халдия. Восточную границу империи, постепенно отодвигаемую при Македонской династии на восток от Галиса к Евфрату, образовывали военные фемы: 13) Харсиана, 14) Ликандр, 15) Месопотамия, 16) Севастия, 17) Колоней, — усеянные укреплениями и населенные военной пограничной милицией. Византийский эпос о Дигенисе Акрите дает яркое представление о жизни пограничного населения этих фем, находившегося в обстановке непрерывной войны с арабами.

Западными фемами являлись фемы Балканского полуострова, занимавшие, за исключением Греции, только его побережье: 1) Фракия с Константинополем, 2) Македония с Адрианополем, имевшие для империи не менее важное значение, чем фемы азиатские, почему их стратиги по рангу и получаемому окладу причислялись к первой группе. Дальше на побережье Архипелага были расположены фемы: 3) Стримон, 4) Фессалоника — являвшаяся вторым по значению византийским городом в Европе, 5) Эллада, 6) Пелопоннес; по побережью Ионического моря и Адриатики: 7) Никополь, 8) Кефалония, 9) Диррахий, 10) Сицилия, под которой подразумевалась, после захвата Сицилии арабами, Калабрия, 11) Лангобардия — Апулия и, наконец, в Крыму 12) фема Херсон, — наблюдательный и торговый пункт для экономического и политического воздействия на хазар, печенегов, русских и других обитателей восточноевропейской равнины.

К территории, находившейся под непосредственным управлением империи, примыкали ее вассальные города и земли. В X в. византийское правительство считало своими вассалами: в Италии — Венецию, Неаполь, Гаэту, Амальфи; лангобардские феодальные княжества южной Италии — Салерно, Капую, Беневент, хотя последние три часто обнаруживали непокорность; в Далмации — Рагузу, Спалато; на северо-западе Балканского полуострова — хорватов и сербов, обращенных Василием I в христианство и часто оказывавшихся для Византии полезными союзниками в борьбе с болгарами. На Кавказе и в Армении, кроме верховного правителя Армении из династии Багратидов, книга церемоний императора Константина VII перечисляет ряд вассальных феодальных владетелей армян, грузин, аланов, авазгов. Вассальные феодалы получали от императоров субсидии, почетные титулы и придворные звания, вассальные города — льготы в портах империи. Вассалы поставляли византийскому правительству военные контингенты, помещали имя императора на всех издаваемых ими публичных актах и его изображение на выпускаемой ими монете.



*Византийский ларец из слоновой кости X в.*  
(Эрмитаж.)

Византийская империя, хотя официально и продолжала называться римской, не обладала ни единством народности, ни единством языка. Она оставалась искусственным созданием, управлявшим двадцатью различными народностями и объединявшим их в формуле — «единый правитель и единая вера».

Греческий язык был господствующим, но только в официальной жизни. Большая часть территории империи была занята не греками, а различными народностями, сохранявшими свой язык. В европейской части империи, кроме греков, в X в. жили албанцы, валахи, армяне, турки — вокруг Охридского озера, мардаиты — в Фракии и Фессалии; имелись остатки готов и авар, но особенно многочисленны были славянские племена, в VII в. наводнившие Фракию, Македонию, Фессалию, Эпир, Аттику, Пелопоннес. В VIII—IX вв. византийское правительство прилагает все усилия к подчинению этих племен, но восстания славян не прекращаются в IX и X вв. В своем сочинении о фемах Константин VII утверждает, что весь Пелопоннес ославянился в VIII в. Особенно сильно были заселены славянами Фракия и Македония, но славяне жили также в Эпире; в Фессалии обитали славянские племена велигостов и верзитов. В Аттике славянские поселения раскинулись у самых ворот Афин, в Элевзине. В Пелопоннесе особенное беспокойство византийскому правительству причиняли милинги и эзериты, занявшие склоны Тайгета. Эти славянские племена составляли основную массу населения внутренних областей, грече-

ское же население удержалось, главным образом, на приморском побережье и в городах. В Малой Азии источники также устанавливают крайне пестрый состав населения. В этом племенном различии скрывались зародыши противоречий между населением различных областей империи и прежде всего между востоком и западом, феодами азиатскими и европейскими. Соответственно этому и правящий класс империи в IX—X вв. не состоял исключительно из греков. Сама македонская династия была не греческого, а армянского происхождения, также как императоры Роман Лакапин, Никифор Фока, Иоанн Цимисхий и большая часть полководцев византийской армии X в. Отсюда же проистекало и различие экономической базы и уровня культуры различных областей империи.

Своеобразие экономической структуры Византии состояло в сочетании домашнего хозяйства и производства на рынок; промышленных городских центров с высоко развитым ремесленным производством и торговлей и земледельческих внутренних областей, остававшихся в стороне от торгового развития, населенных нередко племенами, не изжившими еще родо-племенных отношений.

В эпоху Македонской династии Византия сохраняла свою торговую и промышленную гегемонию и монополию в транзитной торговле между Восточной и Западной Европой. Это был период, когда у правящей феодальной верхушки романо-германских и славянских народов увеличивался спрос на богатые ткани, восточные пряности, драгоценные камни и металлы и другие предметы роскоши, которыми их могла снабжать одна Византия, а с другой стороны — еще не появилось опасных конкурентов, угрожавших этой монополии. Маркс в «Хронологических выписках» подчеркивает, что при Василии II «... Византия была самой крупной морской державой в Европе...». <sup>1</sup>

Константинополь с его громадным населением оставался центром меновой торговли того времени. Еврейский купец Вениамин Тудельский, посетивший Константинополь в XII в., когда Византия уже теряла свою монополию, в своем описании города говорит: «Купцы всякого рода приходят сюда из Вавилона, Шинара, Персии, Индии, Египта, Ханаана, Руси, Венгрии, из страны печенегов и хозар, из Ломбардии и Испании. Это торговый город, и купцы приходят из всякой страны морем и сушей, и не существует другого подобного ему города на свете, за исключением Багдада — великого города Ислама. Несметные богатства, которые стекаются в этот город из каждого государства, каждого места и каждого города превышают всякое воображение и превосходят богатства всего мира». <sup>2</sup> Значение Константинополя как центра мировой тогдашней торговли видно из того, что в X в. источники упоминают о целых торговых колониях иностранцев в Константинополе: хазар, русских, евреев, болгар, итальянцев, арабов, сирийцев. Торговля с Болгарией, поставлявшей в Византию мед, лен, полот-

<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 44.

<sup>2</sup> The itinerary of Benjamin of Tudela by Marcus Nathan Adler, London, 1907, стр. 12—13.

няные ткани и выменивавшей их на разрешенные к экспорту худшие сорта шелковых тканей и сирийских материй, была настолько оживленной, что в 890 г. дело дошло до войны, после того как интриги византийских спекулянтов, захвативших в свои руки торговлю с Болгарией, привели к перенесению болгарской торговли в Фессалонику и обложению болгарских товаров высокими таможенными пошлинами.

Торговые сношения Византии с северно-черноморскими странами стали обширнее и сбыт византийских товаров увеличился, когда на великом водном пути «из варяг в греки» утвердились варяго-русссы, которые вступили с Византией в оживленный торговый обмен. Предметом торговли служили меха, воск и рабы, обмениваемые на серебряную и золотую парчу, шелковые ткани, вино и восточные пряности.

В X веке торговые сношения Руси с Византией были уже настолько важны, что явилась потребность регулировать взаимные отношения договорами. Инициатива их, очевидно, исходила от Руси, так как Византия торговыми путями через Черное море пользовалась по своему усмотрению и предпочитала чужеземным купцам диктовать свои условия.

Но в X в. Киевская Русь была уже достаточно сильна, чтобы заставить Византию договариваться с собою. Из договоров, сохранившихся в нашей летописи, мы узнаем, что Византия была весьма заинтересована в военной помощи русских. В договоре Игоря говорится, что греки могут потребовать от Киевского князя военной помощи «елико хотят». Византия старается в договорах оградить от русских набегов Корсунь и Болгарию, когда последняя попала в зависимость от Византии. Русские купцы могли являться в Царьград на 6 месяцев в году, останавливаться в предместье Св. Мамы. При переписи их византийскими чиновниками они непременно должны были привозить грамоту от своего князя; в город могли входить только небольшими партиями, не свыше 50 человек, без оружия, в сопровождении императорского чиновника; обязывались «не творить пакостей»; не имели права покупать ткани дороже известной цены и выше известного качества. Купленные товары предъявлялись византийскому чиновнику, который ставил на них свой штемпель.

Соблюдая эти условия, русские купцы имели право во время пребывания в Византии получать даровое содержание — хлеб, вино, мясо, баню — и торговать беспошлинно. Им обеспечивалось также содействие при возвращении на родину. Согласно этим договорам всякое преступление судится той стороной, к которой принадлежит ответчик. Убийца карается смертью на месте преступления. За увечье виновные платят штраф. Вор и грабитель должны возратить троекратную стоимость похищенного. Похищенные и беглые рабы возвращаются немедленно своим господам. Своих пленных русские выкупают по цене 10 номисм за каждого, византийцы своих пленных в зависимости от пола и возраста. Именье умершего в Византии и не оставившего завещания русского купца

передается родичам на Руси; если же было завещание, то кому завещано; наследник получает и списки должников умершего.

Из западноевропейских стран наиболее оживленные торговые сношения поддерживались с Италией, куда Византия поставляла изделия роскоши, самым значительным потребителем которых являлся папский Рим. Морское сообщение с Константинополем поддерживали итальянские города Бари, Амальфи, Венеция.

Много амальфийцев в X в. служило в византийской армии, имело собственные мастерские в Константинополе и образовало там отдельную церковную общину. Венецианцы доставляли в Византию далматинский лес для кораблестроения, железо и рабов, причем в течение X в. торговые сношения венецианцев с Константинополем все более расширялись. И венецианцы и купцы Амальфи искусно обходили запрещение вывозить известные сорта шелковых тканей. Дожу Венеции Орсеоло (991—1009) в 992 г. впервые удалось добиться снижения таможенных пошлин на грузы венецианских купеческих судов.

Являясь мировым торговым рынком, Константинополь в то же время был и значительным промышленным центром. Здесь были сосредоточены многочисленные правительственные мастерские: монетный двор, оружейные мастерские, верфи, гинекеи, вырабатывавшие особо ценные сорта пурпурных и шелковых тканей. Господствующим типом предприятия все же являлась мелкая ремесленная мастерская, а господствующей отраслью — производство предметов роскоши. Вся центральная артерия византийского Константинополя, так называемая Меса, между площадью Августеон и Тавром, была наполнена мастерскими, где изготовлялись и выставлялись на продажу разнообразные товары: вышитые золотом разноцветные ткани, лучшие произведения золотых дел мастеров и ювелирного искусства, женские уборы с драгоценными камнями, изделия из бронзы и серебра, слоновой кости, византийские эмали, мозаичные иконы, — все, что было известно средним векам из предметов редкости и утонченной роскоши.

Крупным торговым и промышленным центром европейской части империи являлась также Фессалоника (Салоники, Солунь). Здесь было много ремесленных мастерских по обработке меди, железа, свинца и производству стеклянных изделий. Фессалоника славилась своей знаменитой ярмаркой, ярко и живо изображенной в дошедшем до нас диалоге «Тимарис» и во многом напоминавшей знаменитые ярмарки в Шампани. На эту ярмарку, происходившую в октябре, собирались купцы разных стран и народов. Здесь среди длинных рядов палаток, расположенных за городом, выставлялись товары из Болгарии, Скифии, Иверии, Греции, Пелопоннеса, Италии, Галлии, Германии, Испании, Египта. Часть этих товаров привозилась сухим путем, часть (и притом большая) морем на кораблях. Товары из Понта шли сначала морем в Константинополь, оттуда их караванами переправляли в Фессалонику.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Paparrigopoulo, Histoire de la civilisation hellénique, Paris, 1878, p. 294.

Помимо того Фессалоника являлась вообще крупнейшим центром транзитной торговли из Италии в Византию.

Центрами производства шелка являлись Пелопоннес и Фивы. Житие Никона Метаноита показывает, что в Спарте в X в. существовала значительная еврейская община, члены которой являлись особо искусными мастерами по отделке шелковых тканей. Диалог «Тимарион» указывает на то видное место среди товаров фессалоникийской ярмарки, которое занимали шелковые изделия. Византийские источники восхваляют прозрачность, блеск и легкость фиванских тканей. Спарта в X в. вывозила ковры в Италию.

Торговыми пунктами европейских провинций являлись также города Дураццо, Корфу, Деметрия, Абидос, Родос, Адрианополь, Селимврия. Мы хуже осведомлены о городах Малой Азии, но несомненно, как свидетельствуют многочисленные находки молибдовулов (свинцовых печатей) таможенных чиновников, в азиатских фемах значительными торговыми пунктами являлись Трапезунд, Антиохия, Мамистра, Адана, Тарс, Атталия, Хиос, Фокея. В XI в. венецианцы добивались права иметь здесь свои фактории.

Весьма крупное значение, как транзитный пункт византийской торговли, в X в. сохранял Трапезунд. «Трапезунд, — писал в X в. арабский географ, — является пограничным городом греков. Все наши купцы сходятся туда. Все материи греческого производства, вся парча, которая ввозится к нам, проходит через Трапезунд».

Хроника Феофана сообщает, что на Эфесской ярмарке, связанной с днем Иоанна Богослова, собиралось торговых пошлин до 100 литр золотом. По сообщению Вениамина Тудельского, Мануил Комнин в XII в. получал ежегодный доход от одного Константинополя с лавок, рынков и таможен свыше 30 миллионов рублей золотом. Цифра эта неправдоподобна по своей громадности, так как ценность денег X—XII вв. была в несколько раз выше стоимости их в XIX в. Но то, что византийское правительство в X в. распорядилось крупными средствами, подтверждается сообщениями и других источников. Так известно, что Василий II после своего наполненного войнами правления оставил в казне до 100 миллионов золот. рублей.<sup>1</sup>

Крупные денежные ресурсы ставили византийское правительство в IX—X вв. в выгодное положение по сравнению с окружающими феодальными государствами. Само византийское правительство хорошо сознавало это свое преимущество. Придворные Никифора Фоки заявили посланнику германского императора Оттона I Лиутпранду в ответ на его угрозы: «Золотом, которым мы обладаем, мы поведем против короля все народы мира, мы разобьем его, как глиняный горшок, который не может быть починен, будучи раз разбит».

Из наличия торговли и денежных отношений, однако, нельзя выводить заключение, которое делают некоторые буржуазные экономисты (например, Брентано) о капиталистическом строе византийского народного хозяйства. В Византии, так же как в античном

<sup>1</sup> Diehl, Etudes byzantines, Paris, 1905, p. 124.

мире, хозяйство носило в основном потребительский характер, т. е. большинство продуктов производилось не на рынок, а для собственного потребления. Элементы товарности, несомненно существовавшие в хозяйстве Византии, имели второстепенное значение. Существовало разделение труда между промышленностью и земледелием, но это разделение не было ни полным, ни окончательным. Одно и то же лицо, как, например, известная пелопоннесская архонтисса IX в. Данилида, являлось и крупным землевладельцем и владельцем шелковых мастерских. Жители византийских городов наполовину занимались земледелием. Источники сообщают, что засуха, плохое состояние посевов грозят голодом Фивам, и фиванцы устраивают крестный ход вокруг города с молитвами о ниспослании дождя. Важнейшими объектами византийской торговли являлись богатые ткани и шелковые изделия, драгоценные камни и металлы, восточные пряности и благовония, рабы, словом — товары, доступные только эксплуататорскому классу. Никаких фабрик, наличие которых Брентано устанавливает в Византии, не было. Если исключить государственные мастерские, то мелкое ремесленное производство с работой самого хозяина, двух-трех помощников и учеников являлось господствующим видом промышленного предприятия.

Сама организация торговли и промышленности несколько не походила на отношения, присущие капитализму. Найденная в Женевской библиотеке и изданная в 1893 г. так называемая «Книга епарха» (Eparchikon Biblion), составленная около 900 года, представляющая устав 22 городских корпораций или цехов, знакомит нас с организацией промышленности в Византии.<sup>1</sup> Из этой книги мы узнаем, что константинопольские ремесленные корпорации находились под строгим надзором епарха, который регулировал и контролировал как производство, так и обмен. Способ, время и место для закупки сырья были точно определены. Епарх и его чиновники определяли цены товаров и прибыль торговцев, назначали старшин каждой корпорации, регламентировали часы работы и плату.

Всякая попытка купить большее количество сырья или готовых продуктов и задержать их продажу до повышения цен строго запрещалась. Членам корпораций запрещалось покупать предметы, ненужные для их производства, например ювелирам разрешалось покупать золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни, но они не имели права покупать медь, льняные ткани и вообще то, что являлось предметом производства другой корпорации. Торговцы шелковыми тканями имели право покупать только шелк. Мясникам было запрещено покупать свиней, так как продажа свинины считалась отдельной отраслью торговли. Нельзя было вступить в какую-либо корпорацию без разрешения епарха. Чтобы, например, быть принятым в корпорацию торговцев шелковыми одеждами, пять членов корпорации должны были засвидетельствовать перед епархом, что кандидат достоин заниматься этим делом. С вступающего взыскивался определенный взнос в пользу государствен-

<sup>1</sup> Andréadès, Byzance, paradis du monopole et du privilège (Byzantion, 1934, стр. 171).

ного казначейства и корпорации (12 номисм с мыловара, 6 с торговца шелковой одеждой).

Каждому отводилось специальное место для работы. Обычно ремесленникам запрещалось работать в своих частных квартирах, очевидно, чтобы сделать возможным строгий контроль над размерами производства и качеством продуктов. Крайне мелочной регламентации подлежала и торговля. Продавцы благовоний были обязаны расставлять свои столы поблизости от дворца, чтобы туда доходил запах ароматов. Устав строго ограничивал торговую прибыль (обычно не более  $8\frac{1}{3}\%$ ). Члены корпорации обязывались следить друг за другом и доносить по начальству о всех замеченных правонарушениях. Недонесение каралось так же, как само правонарушение.

Корпорации широко привлекались к выполнению всякого рода государственных повинностей. Судовладельцы, например, обязывались предоставлять свои суда по первому требованию государства. Характер привлечения членов корпораций к государственным повинностям и условия их вознаграждения зависели исключительно от усмотрения правительственной администрации.

Не менее строгой регламентации подвергались отношения хозяев мастерских к своим подручным, значительный процент которых продолжали составлять рабы и вольноотпущенные. Цена различных категорий рабов была установлена законом. «Прохирон» устанавливал цену раба-чернорабочего старше 10 лет — 20 номисм, моложе 10 лет — 10 номисм; обученный ремеслу ценился в 30 номисм; раб-нотариус — 50 номисм, врач 60, евнух, знающий ремесло, ценился в 70 номисм.

В дворцах придворной знати рабы насчитывались тысячами. В 963 г. один из придворных чиновников, некто Василий, встав во главе нескольких тысяч своих рабов, поднял константинопольский плебс против главы правительства евнуха Вринги и тем облегчил захват императорской власти Никифором Фокой. Даже хозяева мастерских далеко не все были свободными.

По «Книге епарха» рабы могли быть членами корпораций и держать мастерскую при условии поручительства господина. В случае правонарушений со стороны раба, последний отбирался от своего хозяина и превращался в государственного раба. С рабочим членом корпорации было запрещено заключать договор больше, чем на месяц, и выдавать ему деньги больше, чем за месяц вперед. Запрещено было также брать рабочего, нанявшегося у другого хозяина и не отработавшего еще полученной платы. В чисто византийском духе были наказания, установленные в «Книге епарха». Слабой карой считался штраф, доходивший до фунта золота (402 р. золотом); наказание плетью, конфискация имущества и исключение из корпорации были самыми обычными карами. Порка и штраф полагались, например, ювелиру за покупку для своего производства свыше фунта золота. Наказание плетью и конфискация имущества ожидали провинциального торговца, если он пробудет в столице дольше трех месяцев, или если какой-либо

из членов корпорации путем интриги повысит наемную плату за помещение товарища. Плетни и запрещение заниматься ремеслом назначались ткачам шелковых тканей за покупку сырья не у столичных торговцев, а у провинциальных, или мыловарам за изготовление мыла постом.

Организация ремесленного производства является ярким выражением централизации управления и централизации эксплуатации, диктовавшейся одинаково и хозяйственными интересами эксплуататорского класса, и целями подавления всякого протеста со стороны низших классов. В основе всей системы организации мелкого производства государством лежала государственная опека и внеэкономическое принуждение.

Отдельные отрасли торговли и производства, например производства известных сортов материй, продолжали оставаться правительственной монополией. Торговля хлебом в столице была государственной монополией до отмены Ираклием бесплатной раздачи хлеба, но государственное регулирование хлебной торговли сохранялось и в X в., причем за счет народных масс обогащались императорские чиновники до самых высших включительно.

Так, например, поступал Лев Фока, брат императора Никифора Фоки (963—969). При нем вследствие махинаций высших правительственных чиновников цены на хлеб поднялись настолько высоко, что довели до отчаяния население столицы. Рассказывали, что один старик, чтобы найти себе пропитание, собрался поступить в солдаты. Никифор спросил его, как в его возрасте он пришел к такому решению. «Ваше величество, — отвечал тот, — я стал много сильнее, чем прежде. В молодости мне нужно было двух ослов, чтобы увезти тот хлеб, который я покупал за одну золотую монету. С наступлением вашего царствования я легко ношу на своих плечах то, что стоит мне в два раза дороже».

Важнейшим фактом аграрных отношений Византии в эпоху Македонской династии является длительный процесс обезземеления и порабощения «сильными» «убогих». «X век является, — по словам Васильевского, — тем критическим периодом, когда усилившаяся земельная аристократия ведет наиболее яростные нападения и наиболее упорную осаду против умножавшихся в течение предыдущих веков свободных мелких крестьянских хозяйств и против крестьянской общины». «Сильными» являлись провинциальная аристократия, церковь в лице ее митрополитов, епископов, игуменов, высшие военные и гражданские чиновники (магистры, патриции, стратиги). Богатство и сила землевладельческой аристократии увеличивалась еще благодаря тому, что из ее рядов пополнялись кадры придворной, военной, церковной и чиновной администрации. Назначение на все должности, за исключением высших правительственных, сопровождалось взиманием в казну особых пошлин по довольно высокому тарифу. Имущие элементы имели возможность покупать не только действительные должности, но и титулы и чины. Если землевладельцы нередко являлись одновременно правительственными чиновниками, то и чиновники стремились всеми

правдами и неправдами стать землевладельцами. Таким образом происходило слияние старых аристократических родов и вновь выслужившихся и разбогатевших чиновников в одну мощную классовую группу «сильных» (динаты), или «властелей», которая выступает в X в. опасным врагом крестьянских общин и мелкого крестьянского хозяйства. «Эта классовая группа, — замечает Васильевский, — ложилась на массу населения двойным гнетом, выколачивая от имени государства в звании стратигов, практоров, протонатариев государственные подати и повинности, действуя в свою собственную пользу, прикрываясь покупными титулами и стремясь возратить их стоимость в кратчайший срок за счет крестьянства. Жадность к наживе, своекорыстие, бессовестная готовность на всякий обман и незаконную проделку составляли общую принадлежность властелей по свидетельству самих императорских новелл X в.»<sup>1</sup>

Положение непосредственных производителей в области сельского хозяйства было неодинаковым. Значительное применение продолжал иметь труд рабов. Покровительница Василия I пелопоннесская аристократка Данилида насчитывала их в своих имениях тысячами. Существовали и тяжелые крепостнические формы эксплуатации. После подавления в Пелопоннесе восстания славян, осаждавших Патрас при Никифоре I (802—811 г.), побежденные славяне были превращены в крепостных патрасской церкви Андрея. Основная масса крестьянского населения разделялась на крестьян, сидевших на волостельских землях, и крестьян, группировавшихся в свободные общины—комитуры; последние эксплуатировались государством, уплачивая оброк, носивший в соответствии с централизованным устройством государства характер ренты-налога, причем община несла круговую ответственность за своих членов. Крестьяне первого рода, начиная с IX в., носят обыкновенно имя париков. В числе их были такие, которые платили землевладельцу только десятину и назывались мортитами, но были и такие парики, которые были обложены в пользу владельца более тяжелым оброком.

Как парики, так и крестьяне-общинники составляли в своей совокупности византийское крестьянство, носившее характерное название «убогие».

После того как азиатские провинции в IX в., а европейские в X в. были относительно ограждены от вражеских вторжений, правительственные стеснения торгово-промышленной деятельности делали наиболее выгодной инвестицией денежных богатств приобретение земельной собственности. В связи с этим крупное землевладение начинает быстро расти за счет мелких крестьянских хозяйств. После подавления народных движений IX в. (восстаний Фомы Славянина и павликиан) «сильные» переходят в наступление, пользуясь стесненным положением «убогих», доведенных до нищеты гнетом налогов, притеснениями чиновников, стихийными бедствиями или неприятельскими нападениями. Используя свою

<sup>1</sup> Васильевский, Материалы для внутренней истории византийского государства, Собрание сочинений, т. IV, стр. 256.

силу и влияние, они заставляли крестьян-общинников отдавать им в дар, или в наем, или продавать занимаемые ими участки земли, а крестьян-париков принимать на себя все более тяжелые обязательства.

В тесной связи с крестьянским землевладением, по своему характеру и по своим судьбам, находились воинские участки, на которых строилась в основном оборона византийского государства. Те же причины, которые вызывали постепенное исчезновение независимого крестьянства, обуславливали и процесс исчезновения воинских участков. «Властели», или динаты, захватывали, зачастую



*Установка пограничного столба.  
(Константинопольский Серафимский кодекс.)*

насилием, земли стратиотов, превращая их в своих париков. Что помимо экономических причин в постепенном исчезновении мелкого крестьянского хозяйства крупную роль играло и прямое насилие, об этом свидетельствует «Пира», сборник судебных случаев первой половины XI в. Здесь видно, что «сильные» не стеснялись в средствах для закабаления «убогих»: самовольно отнимали землю у одних и отдавали другим на более тяжелых условиях, производили разбойничьи набеги на крестьян и, похитив их имущество, заставляли их потом входить в невыгодные для них сделки для его выкупа.

Среди динатов наиболее успешно экспроприировали крестьянскую землю военная знать, церковь и монастыри. В империи X в. постепенно образовалась могущественная военная феодальная знать, окруженная обширной клиентелой: в Азии — Далассены, Фоки, Склиры, Комнины, Палеологи, в Европе — Вренини, Мелиссены, Кантакузины, владевшие большими имениями, которые они непрерывно увеличивали новыми захватами. Система фемного

устройства армии ставила стратиотскую массу в отношения личной зависимости от командного состава, состоявшего из местных крупных землевладельцев; основанная на общности интересов крепкая солидарность, усиленная брачными связями, непрерывными совместными походами против арабов, соединяла членов этой военной аристократии в единую могущественную социальную группу. Имея свои резиденции в неприступных замках, гордые своим богатством, престижем, военными успехами, малоазиатские военные архонты постоянно требовали, чтобы центральная власть считалась с их советами и указаниями. Их неудовольствие выражалось в грозных военных восстаниях, которые потрясали империю во 2-ой половине X в.

Наряду с земельными магнатами, особенно содействовали экспроприации крестьянских земель церкви и монастыри, которые снова быстро увеличивают свои богатства и земельные владения. X и XI века являются временем нового роста монастырского землевладения. Монастыри во множестве основывались представителями эксплуататорского класса и самими императорами, как надежные убежища на случай частых в Византии политических переворотов. «Убогие» искали в монастырях спасение от гнета и притеснений агентов фиска и властелей. Быстро растущие монастыри охотно принимали под свое «покровительство» разоренных и притесняемых мелких людей, но при этом брали у них земли в собственность, сохраняя за ними лишь владение. Современные источники рисуют красочные картины ловкого обирания монахами верующих мирян. Монахи, рассказывается в одном из источников, всячески заманивают в свои сети будущую жертву: «сначала предлагают угощения — вкусные кушанья и напитки, затем пускают в ход духовную приманку — говорят о воздержании, бодрствовании, хвалятся видениями, богоявлениями и чудотворениями. Очарованного таким образом слушателя привлекают к пострижению; всеми этими соблазнами уловляют в свои сети достояние человека, его имение, деньги, а как скоро цель достигнута, не обращают на него внимания, отпускают на все четыре стороны без имени и без денег». Византийские монахи X—XI вв. не любили замыкаться в стенах монастыря. Ни одно публичное торжество не обходилось без участия монахов. Их нередко можно было видеть в судах защищающими чужие дела. Они занимались и политикой. Торговля была их самым обыкновенным занятием. Об одном монахе — торговце Или — говорит дошедшее до нас любопытное письмо известного писателя и государственного деятеля XI в. Пселла. Рекомендуя оказать покровительство этому монаху, Пселл объясняет, что этот человек — мастер на все руки, нечто среднее между монахом и купцом. «Рад бы вознестись к небу, да встречает препятствие в земных заботах и попечении о толпе родственников. И вот он принужден постоянно путешествовать то на север, то на юг, то на восток, то на запад. Не любознательность руководит им, не желание узнать, на каком расстоянии лежит Фула британцев, каким образом прославленный океан омывает землю,

какие эфиопы живут на востоке, какие на западе: вся его забота устремлена к тому, чтобы в одном месте получить товар, а в другом его продать».

Монастыри успешно добиваются от правительственной власти так называемых экскуссий (равнозначных западноевропейским иммунитетам), т. е. предоставления монастырям судебно-административной независимости и податных изъятий. Один дошедший до нас хрисовул (грамота) XI в. освобождает монастырь «от постоя чиновников, служащих в тагмах и фемах, римских вспомогательных и наемных войсках, от взноса денег взамен постоя их, от прокорма судей, стратигов, сборщиков и помещения сановников, от дачи подарков, поставки продовольствия в крепости, от принудительной продажи мулов, ослов, лошадей, волов... птиц диких и ручных и яиц от них, от доставки продуктов, добытых от поземельной подати, подати с жилищ и усадеб подушной подати, подворного налога, торговых пошлин, почтового сбора, принудительной продажи хлеба по пониженной цене, постройки укреплений, починки дорог, мостов, налога на париков, доставки железа и гвоздей дляковки лошадей, выдачи сена, предоставления обычного продовольствия судьям, практорам, дукам, катепанам, сборщикам, протокентархам... и всем царским служащим, отправляющимся по какой бы то ни было надобности, от снаряжения матросов, стрелков, всадников, копейщиков и других воинов..... от постройки всяких судов, пиления досок... и от всякого иного обременения и ущерба». Этот хрисовул интересен особенно в том отношении, что наглядно показывает, какой тяжелый груз податей и повинностей правительство налагало на своих подданных, и, если монастыри имели возможность от него освободиться при помощи экскуссий, тем тяжелее этот груз давил на «убогих». Насколько быстро росло церковное и монастырское землевладение, показывает императорская повелла, изданная в 964 г. В ней Никифор Фока жалуется на то, что империя пришла к тому же ненормальному положению, какое было перед иконоборчеством. «Если, — говорит он, — мы раздадим по монастырям и те земли, с каких мы получаем доходы, то неизбежно придем к тому же состоянию, какое было раньше, и все неустройство и недостатки жизни придется оставить неисправленными, так как в нашем распоряжении не будет никаких средств — и наши правительственные руки будут парализованными».

Византийское правительство понимало, что крестьянское мелкое хозяйство «удовлетворяет двум существенным государственным потребностям: внесению казенных податей и выполнению воинской повинности, что и то и другое должно будет сократиться, если сократится число крестьян». Не могло также не понимать правительство и того, что прямо пропорционально возрастанию хозяйственной мощи династов слабела его собственная экономическая мощь. Это заставляло Македонскую династию проявлять своего рода заботу «о младшей братии», за которую ее прославляют буржуазные историки. Васильевский, например, пишет: «воору-

женные старыми государственными преданиями, византийские императоры гораздо яснее и строже понимали свои обязанности по отношению к своим подданным и прямо провозглашали, что власть монарха есть общее всем благо и что защита слабых и бедных против сильных и богатых есть ее первейший долг».<sup>1</sup> Однако сам Васильевский должен был признать, что от этих «провозглашений» «убогим» было мало пользы. Действительной борьбы против крупного землевладения и против династов Македонская династия не вела и не могла вести по самой своей классовой природе, а ее воинственная внешняя политика, требовавшая колоссальных расходов, налагавшая на народные массы все более тяжелое бремя налогов и повинностей, ускоряла процесс разорения мелкого крестьянина. Поэтому неудивительно, что попытки Македонской династии выступить в защиту мелкого крестьянского хозяйства оказались такими же безрезультатными, как аналогичные мероприятия Каролингов в Западной Европе. Самое повторение на протяжении целого столетия одних и тех же предписаний свидетельствовало о их бесплодности.

## 2. Политическая история Византии времени Македонской династии

Считая себя единственным законным наследником Римской империи, византийское правительство никогда не отказывалось от своих прав на земли, входившие в состав империи Юстиниана. На западе Европы претензии Византии сталкивались с двумя силами: папством и «священно-римской», т. е. германской империей. Папы, освободившиеся в VIII в. от подданства империи, в глазах византийского правительства являлись мятежниками, а германские императоры — узурпаторами.

Если Византии и приходилось временами мириться с совершившимися фактами и заключать соглашения и даже союзы с папами и императорами, то общая линия византийской политики выражалась в упорном отстаивании своих прав на Италию в целом и на Рим — старую столицу империи. Но внимание Византии от Италии постоянно отвлекалось арабами, а на Балканском полуострове болгарами. Арабы и болгары в конце IX и начале X века продолжали оставаться опасными врагами Византии, особенно западные арабы, захватившие Сицилию и Крит, опустошавшие острова Эгейского моря и побережье и тем парализовавшие торговлю в восточной части Средиземного моря.

Для подчинения и обезоружения окружавших империю варваров Византия пускала в ход в качестве могущественного орудия христианскую пропаганду, которая должна была превратить опасных врагов в друзей, вассалов и подданных; она применяла натравливание одного варварского племени на другое, подкуп правящей верхушки наиболее опасных врагов и вооруженную силу.

<sup>1</sup> Васильевский, Собрание сочинений, т. IV, стр. 259.

Главное внимание Византии было направлено на малоазиатских и балканских соседей, сицилийских и критских арабов, но и племена, населявшие громадную область между Карпатами и Каспийским морем, не ускользали из поля зрения византийской дипломатии. Центром византийской системы поддержания политического равновесия в X в. являлся союз с печенегами.

Константин Порфирородный настойчиво рекомендует своему сыну Роману жить в мире и союзе с печенегами. Этот союз, по мнению Константина, гарантирует Византию от всякой угрозы со стороны русских, мадьяр и болгар.<sup>1</sup>

Несмотря на высокое искусство своей дипломатии, Византия, уже в силу великодержавных традиций своей политики, неизбежно втягивалась в постоянные войны с своими соседями, причем очень часто империи приходилось одновременно вести войны на два и даже на три фронта: в Азии, на Балканском полуострове и в Италии. Войны эти велись с переменным успехом. Победы чередовались с тяжелыми поражениями. Однако в указанное время империя имела еще достаточно сил, чтобы выдерживать эту изнурительную, никогда не прекращавшуюся борьбу. По наследству от предыдущего периода она еще сохраняла многочисленные кадры свободных земледельцев, плативших налоги и комплектовавших армию. Она сохраняла в эти века непоколебленной свою старую торговую и промышленную гегемонию и роль посредника в торговле Востока с Западной Европой. Располагая крупными денежными средствами, Македонская династия имела возможность поддерживать сухопутные и морские военные силы на большой высоте.

Крещение Болгарии явилось первым шагом к подчинению ее византийской цивилизации и византийскому политическому влиянию, но это крещение обострило отношения между византийской православной церковью и римским католицизмом. Борьба византийского и римского духовенства между собою за право проповеди и извлечения доходов в тех или других областях приводила к неоднократным конфликтам и раньше. Уже в IX в. эти церкви порвали между собою общение. Римский папа Николай I требовал подчинения себе в церковном отношении всего Иллирика и Болгарии и устранения от патриаршества Фотия, ожесточенного врага римских пап. Основатель Македонской династии Василий I пошел на значительные уступки папе, низложив врага Рима патриарха Фотия, но в болгарском вопросе ему удалось закрепить господство византийского православия против притязаний пап.

Положение Византийской империи к моменту вступления на престол Василия I было не особенно блестящим. Если на восточной границе Малой Азии при Аморийской династии она ничего существенного не потеряла, то на западе за это время было утрачено многое. К концу правления предшествующей династии из больших сицилийских городов в руках византийцев оставались одни Сиракузы. Большая часть Сицилии была завоевана северо-африканскими арабами. Не лучше было положение Византии в южной Ита-

<sup>1</sup> Constantini Porphyrogen. De administrando imperio, ed. Bonn., стр. 67.

ли. Хотя там в половине IX века арабские завоевания и не составляли еще больших сплошных территорий, тем не менее византийское влияние там почти исчезло, и на помощь южно-итальянским городам являлся два раза западный император Людовик II. Крайне болезненно ощущалась империей потеря острова Крита, сделавшегося гнездом арабских пиратов.

Василий I обеспечил себя от угрозы с севера установлением добрых отношений с Болгарией и руссами, причем во избежание дальнейших русских нападений с помощью щедрых подарков золотом, серебром и одеждами не только добился заключения с ними мира, но и были сделаны первые попытки насаждения среди них христианства. Он установил также добрые отношения с Венецией, Арменией и сосредоточил свои силы на борьбе с арабами восточными и западными, причем для борьбы с последними заключил даже союз с западным императором. До 878 г. Василий I с некоторым успехом осуществлял свой план борьбы с арабами. Особенно удачными были военные действия на Востоке: война с павликянами, взятие крепостей Тефрики, Запеты, Самосаты, отвоевание острова Кипра.

На западе дела шли менее блестяще, но тем не менее не без успеха. После смерти Людовика II греки заняли важный южно-итальянский город Бари. Византийское влияние снова проявилось на далматинском побережье.

В 60-х годах IX века опасность со стороны арабов заставила иллирийских славян обратиться за помощью к Византии. Здесь в течение VIII и первой половины IX века византийское влияние почти совершенно исчезло, и не только сербы и хорваты стали считать себя независимыми от Восточной империи, но и римские города Далмации, повидимому, забыли о правах византийского императора. Помощь далматинским городам была оказана в 867/8 г., и они снова должны были признать суверенитет империи, также как и независимые славянские племена, обитавшие в Далмации. По сообщению Константина Порфирородного, часть хорватов и сербов приняла крещение от Византии и таким образом вошла в сферу церковного и политического влияния Византии.

Потеря Сиракуз, взятых штурмом арабами в 878 г., после долгой девяти-месячной обороны, явилась жестоким ударом для завоевательных планов Василия. Гибель Сиракуз предопределила потерю Сицилии. Остров Кипр снова попал в руки арабов. Василий должен был отказаться от дальнейших завоевательных планов, хотя его полководцу Никифору Фоке и удалось восстановить византийскую власть в Апулии и Калабрии, вслед за чем и лангобардские феодальные княжества Южной Италии должны были признать протекторат империи.

Но и эти скромные успехи внешней политики основателя македонской династии подверглись серьезной угрозе благодаря близорукой политике его преемника Льва VI (886—912) бездарного, но самоуверенного правителя, незаслуженно перешедшего в историю с прозвищем «Философа» и «Мудрого». Византийские правящие

круги слишком понадеялись на свое влияние при болгарском дворе после принятия последним христианства. Сама Византия поставила Болгарию в такое положение, что той оставалось только выбирать между подчинением Византии или борьбой против нее.

К моменту вступления на болгарский престол царя Симеона в 893 г. невыгоды сближения с Византией для Болгарии уже успели определиться. По старым договорам болгарские торговцы имели право торговать в Константинополе. В целях обогащения кучки византийских крупных торговцев, пользовавшихся влиянием при дворе, болгарских торговцев заставили перебраться в Фессалонику и там стали еще притеснять различными несправедливыми поборами. Симеон выступил против такой политики, результатом чего была война, начавшаяся в 894 г. Лев VI, блестящий представитель дипломатического искусства Византии, которое сделало термин «византийский» символом хитрости и коварства, поднял против своих «новых христианских братьев» мадыарскую орду, кочевавшую тогда между Днестром и Днестром. Венгры оттеснили болгар за Дунай, разрушили велико-моравское государство и врезались клином между северными, восточными и южными славянами. Несмотря на это, Симеону удалось, хотя и с трудом, отбиться от мадыар, нанести сильное поражение византийцам, заставить Византию платить дань и уступить Болгарии значительную часть Македонии и Албании. Хорватия при Льве VI сбросила свою зависимость от Византии и добилась самостоятельности, которая упрочилась в первой четверти X века. Сербы и южно-далматинские славяне, подчинившиеся около 870 г. верховной власти империи, в начале X века подпали под верховную власть болгарского царя.

Тем временем арабские корсары хозяйничали на Эгейском море: в 880 г. они разграбили остров Самос, в 902 г. разрушили город Димитриаду в Фессалии; в 904 г. внезапным набегом взяли и разграбили Атталию в Малой Азии и Фессалонику на Балканском полуострове, уведя огромное количество пленных. На западе Сицилия при Льве VI была окончательно потеряна.

Собранная им, для восстановления власти Византии на море, с большой затратой средств громадная морская сила из 102 драконов, 75 памфил с 34 тысячами гребцов, 7 тысячами воинов, 700 русов и 5 тысячами мардаитов в 911 г. потерпела полное поражение от арабов у острова Самоса.<sup>1</sup>

Военное положение империи еще более ухудшилось в начале X века после смерти Льва, когда, воспользовавшись смутами в империи в младенчество его сына Константина Порфирородного, болгарский царь Симеон, опираясь на поддержку славянского населения европейских провинций, поставил задачей сделаться полным хозяином Балканского полуострова и возложить на свою голову корону византийских императоров. Владения Болгарии в начале X в. простирались от Черного моря до Адриатического и от нижнего Дуная до глубины Фракии и Македонии, не доходя немного до Фессалоники.

<sup>1</sup> Constant. Porphyg. De Cerim., стр. 651.

В 913 г. Симеон появился перед стенами Константинополя, в 914 г. взял Адрианополь. В 917 г. византийское правительство напрягло все силы, чтобы избавиться от опасного врага: была стянута сильная сухопутная армия из европейских и азиатских фем; наняты на византийскую службу печенеги, которых императорский флот должен был переправить через Дунай, но соперничество и вражда между командующим сухопутной армией Львом Фокой и начальником флота Романом Лакапином дали возможность болгарскому царю в 917 г. разгромить византийскую армию и снова появиться под стенами Константинополя, где Симеон провозгласил себя римским императором. Однако взять Константинополь, не имея флота, было невозможно, а попытка получить флот путем заключения союза с африканскими арабами кончилась неудачей. Между тем в Византии власть попала в руки умного и энергичного Романа Лакапина, который прибег к старой византийской тактике: сербы и хорваты были подняты против болгар. В 927 г. ему удалось заключить мир с преемником Симеона Петром. Болгария получила территориальные приращения и независимый болгарский патриархат, но византийское влияние при болгарском дворе стало теперь господствовать почти безраздельно. В южной Италии Роман успешно отстаивал Апулию и Калабрию.

Флот арабских корсаров был основательно разгромлен византийцами в 924 г., после чего морскую опасность в основном можно было считать ликвидированной. Одновременно на восточной границе Малой Азии Византия постепенно добивается перевеса в борьбе с арабами. Продвижение Византии на границе Малой Азии облегчалось разложением Багдадского халифата, распавшегося на ряд независимых и враждебных друг другу феодальных владений. Доместику Лакапина Куркуасу за 20 лет упорной борьбы удалось значительно расширить пределы империи на востоке.

В правление Романа Лакапина столица Византии подверглась нападению со стороны русского князя Игоря. «То самое магическое очарование, которое привлекало других северных варваров к Риму запада, влекло варягов к Риму востока».<sup>1</sup>

Уже в 860 г., выбрав удачно момент, когда Михаил III с армией находился в походе против арабов, а флот сражался в Сицилии, руссы произвели дерзкую попытку нападения на Константинополь. В столице поднялась страшная паника. Патриарх Фотий в своих проповедях говорил о руссах как о народе малоизвестном и бедном, который сделался знаменитым и поднялся на вершину славы и богатства. Это первое нападение русских потерпело неудачу. Армия форсированными маршами поспешила на выручку столицы. Если верить Фотию, то руссы крестились и признали себя подданными империи, обещая поставлять ей вспомогательные войска.<sup>2</sup> О походах Олега и договорах его с греками византийские источники ничего не сообщают, но приведенный нашей летописью под

<sup>1</sup> Byzantion, v. VIII, стр. 561.

<sup>2</sup> К. Маркс, Secret diplomatic history, стр. 76.

911 г. пункт договора о дозволении руссам служить в войске императоров подтверждается известиями византийских источников о присутствии русских наемных войск в византийской армии с начала X в.

В противоположность полуполюгендарным походам Олега, уже вполне достоверным является поход его сына Игоря в 941 г. к побережью Вифинии. Этот поход закончился полной неудачей.

Но для отпора руссам пришлось отозвать с востока domestika схол Иоанна Куркуаса со всем его войском. Притом силы русского князя Игоря не были сломлены этой неудачей. В 944 г. Игорь, по словам летописца, собрал большое войско из варягов, полян, кривичей, тиверцев, печенегов и снова угрожал Византии, которая в 945 г. должна была выплатой субсидий откупиться от дальнейших нападений руссов.

В период этой напряженной борьбы с арабами, болгарами и руссами процесс захвата мелкой крестьянской собственности пошел таким быстрым ходом, что Роман Лакапин в 922 г. был вынужден издать новеллу, пытавшуюся приостановить этот процесс. В ней предпочтительное право на покупку недвижимой собственности предоставлялось крестьянской общине и запрещалось динатам делать приобретения в крестьянской земельной общине посредством дара, завещания, покупки или найма.<sup>1</sup> Военские участки, отчужденные каким-либо способом в течение последних 30 лет, возвращались без всякого вознаграждения к своему первоначальному назначению. Но это постановление не принесло желательных результатов.

За неурожаем 928 г. последовал голод — частый гость в византийской деревне, но голод 928 г., по словам летописца, превосходил «все когда-либо бывшие». Бедствия голода и моровой язвы продолжались несколько лет и были использованы «сильными» для скупки у «убогих» их земельных наделов по ничтожным ценам. В новелле Романа Лакапина 943 г. резко осуждается поведение «сильных», а также византийских чиновников, ничего не сделавших для исполнения прежде изданного закона. Подтверждая закон 922 г., Роман объявлял произведенную динамами скупку земли у «убогих» недействительной. Покупатели должны быть лишены земли, купленной во время голода. Она должна быть возвращена «убогим». Последние обязываются возратить покупную сумму.<sup>2</sup> Но государственный аппарат, состоявший из тех же «сильных», оказывал сопротивление императорским новеллам, а сам Роман, узурпатор, отнявший власть у Константина VII, но не могший его совершенно устранить и потому озабоченный упрочением своей династии, не мог и думать о действительной борьбе против могущественных динатов.

Кроме того, те «убогие», которые во избежание голодной смерти продавали свою землю, едва ли имели средства для выкупа ее.

<sup>1</sup> Zachariae, *Jus Graeco-Romanum*, v. III, стр. 234—241.

<sup>2</sup> Васильевский, *Собрание сочинений*, т. IV, стр. 242—252.

В 944 году Роман Лакапин был лишен престола своими собственными сыновьями, а в следующем году Константину Багрянородному удалось освободиться и от этих соправителей и начать свое единоличное правление (945—959). Впрочем и теперь Константин представлял заведывание государственными делами придворным, из которых при нем особенно влиятельное положение занял паракимоен Василий, а сам посвящал свое внимание преимущественно занятию литературой и искусством.

Что угрозы Романа никого не испугали и динаты продолжали захватывать земли «убогих» насилем, покупками и всякими противозаконными сделками — подтверждается новеллами Константина Багрянородного, в которых констатировалось, что «всякий, кто имел значение и силу, захватывал себе необозримые территории и превращал несчастных поселян, на них сидевших, как бы в рабов своих». <sup>1</sup> Усилились захваты и военных участков. Константин так характеризует этих захватчиков: «Те, которым доставалось начальствовать над войском, все без исключения подвергали своих стратиотов всяческим мытарствам и вымогательствам, либо, получив хорошие подарки, совсем освобождали от военной службы. Это были люди продажные и в то же время беспечные и невоинственные: трусливее муравьев и хищнее волков. Не умея брать дань с врагов, они обирали подданных». Константин VII объявил воинские участки неотчуждаемыми, предписывал налагать штраф в 36 номисм на того, кто превратит стратиота в парика или захватит насильственно его землю.

Было бы ошибкой думать, что византийские «убогие» без всякого сопротивления подчинялись эксплуатации динатов и добровольно теряли свою независимость, или что городские низы безропотно переносили жестокий правительственный гнет. Но восстания угнетенных масс, частые в этот период, являлись только взрывами отчаяния, проходили без ясно осознанной цели и выражались обычно в расправе с наиболее ненавидимыми представителями императорской администрации. Албанцы и валахи, засевшие в своих горах, просто не признавали византийской администрации, а славянские племена вели с нею упорную борьбу. Во второй половине IX в. славянские племена Целопоннеса — милинги и эзериты, действуя солидарно с болгарским царем Борисом, поднимают восстание против византийского правительства. В начале X в. успехи болгарского царя Симеона сопровождаются новыми восстаниями славянских племен. Роману Лекапину пришлось подавлять восстание милингов и эзеритов; последние хотя и должны были признать верховную власть императора, но сохранили внутреннее самоуправление и обязались уплачивать сравнительно небольшую дань.

Частые случаи восстаний и беспорядков проявлялись и в малоазиатских фемах, особенно феме Кивирреотов, о которой император Константин VII говорит, что свое название эта фема получила

<sup>1</sup> Zachariae, Jus Graeco-Romanum, v. III, стр. 264.

не в похвалу, а «за надменность, за постоянные своевольные поступки и неповиновение императорским указам».

Крупное восстание «убогих» вспыхнуло при Константине VII в феме Опсикий, где некто Василий из Македонии стал во главе восстания, выдавая себя за Константина Дуку, убитого за выступление против императора. Он был схвачен и выдан константинопольским властям, которые приказали отрубить ему правую руку. Но Василию удалось ускользнуть из Константинополя, снова появиться в феме Опсикий, поднять против правительства массы «убогих», овладеть крепостью Платея Петра и оказать упорное сопротивление правительственным войскам. В конце концов он был схвачен, подвергнут пытке и сожжен живым на Амастрийской площади в Константинополе.

Частые народные восстания и террористические акты против сборщиков налогов, а иногда и настойчивые жалобы угнетенного населения заставляли императоров посылать на места специальных «ревизоров» для проверки деятельности агентов фиска. Однако ввиду полной солидарности центральной власти со своими агентами на местах, подобные «ревизии» только приводили к репрессиям против населения.

Борьба с арабами восточными и западными при Константине Багрянородном велась с переменным успехом. Новая большая морская экспедиция, снаряженная византийским правительством для отвоевания Крита в 949 г., в которой участвовали также руссы, окончилась полной неудачей вследствие полной неспособности ее начальника, придворного евнуха Гонгилы.

В Месопотамии и Сирии велась упорная борьба с эмирами Моссула, Тарса и Алеппо, из которых наиболее опасным врагом империи являлся Алеппский эмир Сейф-эд-Доула. Перевес в этой борьбе все более склонялся на сторону Византии. В 950 г. византийские войска появились в Эрзеруме, в 957 г. они занимают Амиду, в 958 г. Самосату, в 959 г. переправляются через Тигр. На отвоеванных территориях организуется ряд новых фем: Месопотамия, Ликандр, Селевкия. Армения и Иверия входят в сферу влияния Византии и с двадцатых годов X века армяне и грузины занимают очень видное место в государственном аппарате и, особенно, в войске Восточной империи.

Отношения с Русью при Константине Порфирородном в период его самостоятельного правления носили мирный и даже дружественный характер. В 957 г. княгиня Ольга, уже будучи христианкой, с многочисленной свитой посетила Константинополь, и Константин в своем обряднике оставил подробное описание ее торжественного приема византийским двором.

В кратковременное правление сына Константина Романа II (959 — 963) успешная борьба с арабами продолжалась. Новая грандиозная экспедиция против острова Крита, в которой участвовало огромное количество судов всякого рода, возглавленная лучшим полководцем империи, Никифором Фокой, закончилась полной победой византийского оружия и возвращением империи этого



*Византийские воины.*

(С редкой греческой рукописи IX века, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже.)

важного острова. После смерти Романа II, оставившего императорский престол двум малолетним сыновьям под опекой их матери Феофано, Никифор Фока провозгласил себя императором и соправителем малолетних императоров, вступив в брак с Феофано.

Никифор Фока являлся представителем мало-азиатской военной знати и сам принадлежал к одной из богатейших фамилий династов. Поэтому, не отменяя в целом законов, направленных в защиту крестьянской собственности, Фока в новелле 967 года, выступил на защиту династов и отменил предоставленное прежним законодательством «убогим» и стратиотам право на преимущественное приобретение династских имуществ. Но Фока сделал попытку приостановить быстро прогрессирующий рост монастырского землевладения, указывая, что благодаря этому империя лишалась средств и активного населения, необходимого для ее военной защиты. В новелле 964 г. Фока отмечает, что монахи и церковники «каждый день стараются приобрести тысячи десятин земли, строят роскошные здания, разводят превышающие всякую меру табуны лошадей, стада волов, верблюдов, обращая на это всю заботу своей души». <sup>1</sup> Обличив монахов в алчности и корыстолюбии, новелла запрещает основание новых монастырей, а высшему духовенству и игуменам монастырей всякое приобретение новых земель как от знати, так и от крестьян. Одновременно Фока привлек к усиленному обложению принадлежащую церкви земельную собственность, резко сократил расходы на двор и многочисленную при-

<sup>1</sup> Zachariae, Jus Graeco-Romanum, v. III, стр. 293.

дворную челядь, прекратил всякие подачки константинопольскому плебсу.

В правление Никифора Фоки у арабов были отняты о. Кипр, Киликия и северная Сирия, отвоеваны важный город Тарс и столица Сирии Антиохия. Никифор создал многочисленную армию, куда, кроме фемных войск, в большом количестве были на вербованы армяне, грузины, руссы, венгры, печенеги и проч.

Устранение арабской опасности позволило правящим классам Византии свести свои старые счеты с Болгарией. В то время как Византия вела успешную борьбу с арабами в Азии, в Болгарии шли междоусобия. Усиление эксплуатации крестьян, выступающих и в Болгарии X в. под византийским названием париков, вызывает сопротивление народных низов, объединяющихся под знаменем богомилства. С другой стороны, царская власть в Болгарии была ослаблена мятежами бояр. Восстание феодалов отделило западные области Болгарии от придунайской Болгарии. Западные области составили особое феодальное государство, во главе которого стал боярин Шишман с своими сыновьями.

В 967 г. Никифор Фока решил покончить с Болгарией. Он отказался от уплаты Болгарии дани. Используя обычный маневр византийской дипломатии, император решил сокрушить Болгарию силами русского князя Святослава, которому были посланы из Константинополя 1500 фунтов золота и даны еще более щедрые обещания. В августе 967 г. Святослав со своей дружиной и печенегами появился на берегах Дуная и быстро захватил северную Болгарию, встретив поддержку со стороны части болгарских феодалов. Но, утвердившись в Болгарии, Киевский князь обнаружил твердое намерение здесь остаться, что совершенно не входило в виды византийского правительства. Последнее круто меняет фронт и объявляет себя покровителем и защитником независимости Болгарии.

Однако Никифору уже не пришлось вступить в вооруженную борьбу с Святославом. Программа малоазиатской военной знати, настойчиво им проводимая, вызвала сильное озлобление гражданской администрации, населения столицы и монашества. Несмотря на все свои победы, герой Крита и Тарса был до такой степени ненавидим в своей собственной столице, что должен был свой дворец превратить в крепость, но и это не спасло его от насильственной смерти. В 969 г. он пал жертвой дворцового заговора.

Его преемник и убийца Иоанн Цимисхий (969—976), также как Никифор, принадлежал к верхушке малоазиатской военной знати, но, наученный опытом своего предшественника, должен был изменить его экономическую политику в сторону крупных уступок церкви и придворным кругам. Экспроприация крестьян динатами и церковью при нем продолжалась. Целые области захватывались динатами, и император был бессилен вести борьбу против этих узурпаций. По словам Льва Диакона, Иоанн Цимисхий, наблюдая на пути своего военного похода, в богатых областях Лонгиады и Дризы, к каким тяжелым последствиям для населения при-

вела хищническая деятельность председателя сената Василия, ограничился только тем, что «жалел, досадовал и делал Василию выговоры за корыстолюбие и жестокость».

Первые годы своего правления Цимисхий был всецело занят борьбой с русским князем Святославом.

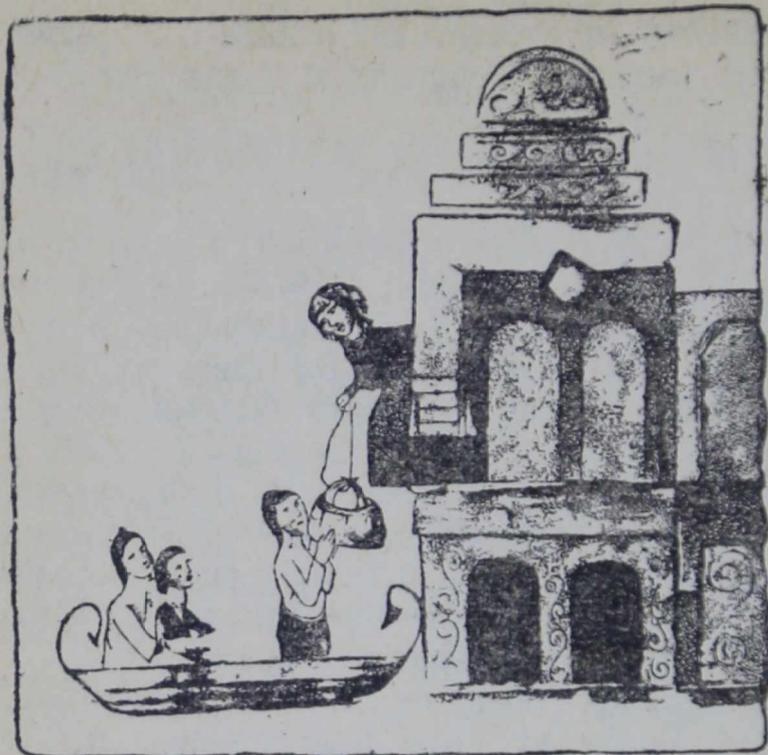
Когда Иоанн Цимисхий после убийства Фоки вступил на трон, русское вторжение угрожало самой империи. В 970 г. дружины Святослава перешли Балканы, разгромили Филиппополь и посеяли панику в окрестностях самой столицы. Но здесь им пришлось встретиться с многочисленными военными силами Византии. Родственник Цимисхия Варда Склир задержал русских у Аркадиополя (Люле-Бургас) и заставил отступить в Болгарию. В 972 г. Святослав, окруженный византийской армией и флотом в Доростоле (Силистрии), после упорной и героической борьбы был вынужден очистить Болгарию. Сопротивление Византии заставило династию Рюрика «утвердить свою власть в России».<sup>1</sup>

После победы над Святославом обещания, данные болгарам, были забыты. Придунайская Болгария была присоединена к Византии, которая таким образом снова продвигает свои границы к Дунаю. Болгарское царство, в течение трех веков наводившее страх на византийское правительство, теперь лежало у его ног разбитое и уничтоженное. Болгарское духовенство было подчинено константинопольской кафедре. Чтобы держать болгар в покорности, множество павликиан было расселено Цимисхием вокруг Филиппополя. Только в западной Болгарии (Македонии и Албании) сохранилось независимое болгарское государство.

После победы над Святославом Цимисхий совершил две удачные экспедиции на восток в 974/5 году. Эмиры Амиды и Мартирополя были вынуждены платить Византии дань. В 975 г. он перешел Ливан, взял Гомс, Бальбек, Дамаск, Бейрут. Смерть в 976 г. прервала его дальнейшие завоевания. Его успехи оказались эфемерными, но они, по крайней мере, закрепили за Византией то, что она успела приобрести при Никифоре Фоке.

В момент смерти Иоанна Цимисхия законный наследник престола, сын Романа II, Василий достиг восемнадцатилетнего возраста и стал править без соправителей, хотя в действительности государственным делами продолжал заправлять паракимомен Василий. Малоазиатская военная знать, однако, не хотела отказаться от своего обычая давать Константинополю императоров. Один из наиболее популярных военачальников империи Варда Склир немедленно после смерти Цимисхия провозгласил себя императором. В течение 3 лет (976—979) Малая Азия являлась ареной ожесточенной гражданской войны. Склир два раза разбил армию центрального правительства, возглавленного евнухом Василием, и собирался осаждать Константинополь. Центральное правительство было вынуждено противопоставить Склиру другого представителя малоазиат-

<sup>1</sup> К. Маркс, Secret diplomatic history, стр. 76.



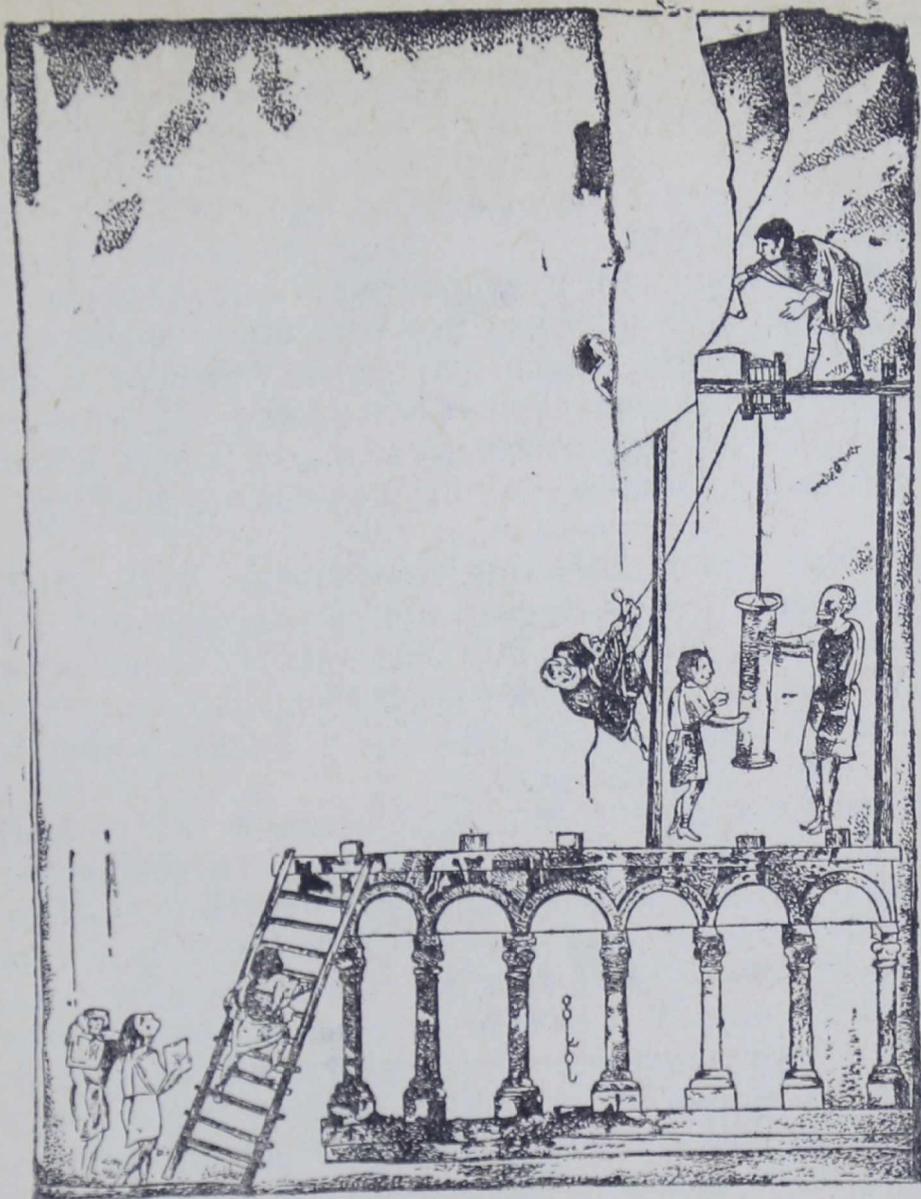
*Фефано поднимает Иоанна Цимисхия, спрятанного в корзину, во дворец Буколеон (Рукопись Скилицы.)*

ской феодальной знати Варду Фоку, вызванного из монастырской келии, куда он попал после неудачного восстания против Цимисхия. Только в 979 г. удалось подавить восстание Склира, бежавшего к арабам. Но попытки правительства усилить централизацию управления вызвали новое восстание малоазиатских архонтов. 15 августа 987 г. Варда Фока провозгласил себя императором и в следующем году овладел большей частью Малой Азии. В руках центрального правительства опять остался только Константино-

поль, но в XI в. было общепризнанной аксиомой, что тот, кто владеет Константинополем, не может быть побежден в гражданской войне. Располагая огромными денежными средствами, константинопольское правительство, при помощи варяго-русской дружины, подавило в 989 г. восстание малоазиатской военной знати. Но теперь центральное правительство не могло относиться с доверием к сильным и старым фамилиям, стоявшим во главе мятежной военной аристократии. В 996 г. Василий II делает попытку ущемить экономические интересы динатов уничтожением сорокалетней давности, ограждавшей приобретателей стратиотских и крестьянских участков.<sup>1</sup>

В 1001/2 году он издает закон о так называемом «аллиленгии». «Сильные» в податном отношении были сделаны ответственными за «убогих» и в случае несостоятельности последних должны были платить за них. Мера эта, повидимому, касалась только париков, так как относительно крестьян-общинников правительство и без того было обеспечено круговой порукой общины, но ущемление интересов светских и духовных крупных землевладельцев было настолько чувствительно, что патриарх Сергей с епископами и монахами усердно, хотя неудачно, просил снять аллиленгий. Однако последовательной борьбы с динатами не проводило и правительство Василия. В 988 г. им были «по совету монахов» окончательно отменены законы Никифора Фоки, ограничивавшие рост монастырского землевладения, как законы, «направленные к оскор-

<sup>1</sup> Zachariae, Jus Graeco-Romanum, v. III, стр. 306—318.



*Постройка дворца.*

блению и обиде не только церквей и богоугодных домов, но и самого бога.

Вспыхнувшая в Византии после смерти Цимисхия внутренняя борьба между центральным правительством и малоазиатской военной знатью дала возможность болгарскому народу поднять восстание за свою независимость. Гражданская война в Византии позволила одному из болгарских бояр Самуилу, сыну Шипмана, в течение десяти лет, с 977 г. по 986 г., освободить от византийского владычества дунайскую Болгарию, захватить большую часть Македонии и Фессалию. Но успехи болгар закончились, когда центральному правительству при помощи варяго-русской дружины удалось подавить восстание феодальной знати. С 996 г. Византия снова переходит в наступление. Василий II, получивший за свои «подвиги» название Болгаробойцы, вел войну с утонченной жестокостью. В 1014 г. пятнадцать тысяч болгарских пленных по его приказу были ослеплены и отправлены к Самуилу, причем каждые сто слепцов получили одного одноглазого поводыря. В 1018 г.

сопротивление Болгарии было окончательно сломлено. Болгария была разгромлена и опустошена. Непокорных болгар массами выселяли в Армению. Вместе с завоеванием Болгарии власть византийских императоров утвердилась также и в Сербии, куда правительство посылает теперь своих стратигов.

В Азии Византия удерживала свои завоевания. После покорения Болгарии Василий предпринимает ряд походов в прикавказские страны, результатами которых было подчинение части Грузии, присоединение к империи части Армении и приведение другой ее части в вассальную зависимость. К моменту смерти Василия II (1025 г.) византийская империя снова простиралась, как во времена Юстиниана, от берегов Дуная до берегов Евфрата.

В правление его преемника Константина VIII (1025—1028), дочери последнего Зои и ее трех мужей-соправителей Романа III Аргири (1028—34), Михаила IV (1034—1041), Константина Мономаха (1042—1054), и, наконец, ее сестры Феодоры (1055—1056) власть попадает в руки придворных евнухов и высшего чиновничества, поддерживаемых духовенством.

Чтобы ослабить силу и значение военной знати, центральное правительство уменьшает расходы на армию и сокращает ее численность. Его главной опорой становятся теперь наемные отряды. Чтобы понять значение этой перемены в военной политике правительства, необходимо учесть то исключительное влияние, которым пользовалась армия в X и начале XI века, в период непрерывных войн, которые вели императоры Македонской династии. Эти императоры осыпали армию и особенно ее вождей бесконечными милостями, привилегиями, пожалованиями. Провинциальная земельная аристократия, особенно малоазиатская, поставлявшая основные кадры командного состава, занимала благодаря этому первое место среди других прослоек господствующего класса. Могущество этой аристократии росло, но вместе с тем росли и ее притязания, ее стремления командовать правительством, которому она по любому поводу готова была угрожать воинскими восстаниями.

Высшая византийская бюрократия не могла простить военным их привилегированного положения и с завистью смотрела на императорские щедроты, в виде богатых кормлений, денег и прочих материальных благ, которые доставались преимущественно командованию армии. Стремясь уменьшить значение последнего, бюрократия воспользовалась благоприятной для нее обстановкой, которая создалась после поражения восстания Варды Фоки и Варды Склира. После этих восстаний сама императорская власть начинает относиться к армии с известным недоверием. Оттеснить военное командование на второе место для гражданских чиновников и придворных было теперь делом сравнительно нетрудным. В результате все более усиливается противоречие между военными и гражданскими чинами; между столичной бюрократией и аристократией провинций, противоречие, порождавшее весьма серьезные кон-



Византийская империя XI в. (1025—1055 гг.)

фликти между ними. Эти конфликты наполняют всю историю XI века.

Известно, что Василий II Болгаробойца, несмотря на всю свою любовь к военному делу, несмотря на то, что он всю жизнь провел в походах и сражениях, никогда не мог забыть восстаний Фоки и Склира. Ему приписывается политика, которую один византийский писатель формулировал следующим образом: «не терпеть слишком могущественных подданных, не позволять ни одному из видных военных начальников обладать крупными богатствами, давить их произвольными налогами с тем, чтобы заставить все свое время посвящать заботам о личных делах, не доверять никому и лишь немногих посвящать в свои планы».

После смерти Василия II колеблющаяся и неустойчивая политика его преемников могла только способствовать дальнейшему поглощению мелких земельных владений динатами. Аллиленгий был отменен императором Романом Аргиром (1028—1034), который по своему происхождению и фамильным симпатиям тяготел к владетельской аристократии. Само правительство XI в., не отменяя старых законов Македонской династии, способствовало этому процессу системой раздачи поместий — проний (равнозначно западноевропейским бенефициям), причем владельцы таких поместий обязывались платить подать за крестьян, отданных под их покровительство. Когда государственный земельный фонд стал истощаться, императоры XI в. стали раздавать и крестьянскую землю динатам. Владельцы проний делили их и раздавали участками в условное пользование. В пронии давались казенные имения, замки (по новелле Парасинака), пахотные земли, пастбища. Система проний заключала в себе величайшую опасность для крестьянства и остатков его свободы. Отдача общинных земель в виде проний прямо разрушала общину, отрывая от целого (комитуры) части, которые поступали на кормление прогниаров. Значение общины ослаблялось. Свободные крестьяне становились в отношении зависимости к прогниарам, которым должны были платить оброк и отбывать барщину. Пронии способствовали дальнейшему увеличению числа динатов и возрастанию их социальной мощи; что касается париков, то положение их становилось тяжелее с переходом земель, на которых они сидели, под власть прогниаров. Прогниар, владевший пронией пожизненно, не рассчитывавший передать ее в наследство детям, не имел особых побуждений улучшать ее в хозяйственном отношении, париков не щадил, заботился только о том, чтобы извлечь из них возможно больший доход. Отсюда вытекало, что передача в пронию являлась для византийских крестьян величайшим бедствием, и освобождение от пронии считалось великой милостью. В результате этого процесса, ко второй половине XI в. свободные крестьянские хозяйства почти исчезли в восточной части Малой Азии и были заменены большими имениями светских магнатов и монастырей.

Но, делая эту уступку светскому и церковному землевладению, правительство сохранило крайнее недоверие по отношению к вид-



Миниатюра начала XI века из Псалтыри, представляющая императора Василия II в полном вооружении. Хранится в Венеции.  
(G. Schlumberger. Un empereur byzantin au dixième siècle Nicéphore Phocas, стр. 304.)

ным военным вождям и провело ряд мероприятий, означавших сознательный разрыв с внутренней политикой X века. Было произведено перераспределение войск, которые из Малой Азии перебрасывались в Европу и наоборот, была предоставлена желающим возможность откупаться от воинской повинности путем уплаты особого налога. Так как это последнее мероприятие значительно уменьшало численность армии, то частично это уменьшение было компенсировано увеличением числа наемников. В наемниках пра-

вительство рассчитывало видеть послушное орудие в своих руках. Интенсивно развертывающийся процесс ликвидации мелкой крестьянской собственности вызывал сокращение податных сборов с населения. Это послужило правительству основанием сократить расходы на армию. Крупные урезки были сделаны в военном бюджете по линии содержания крепостей, пополнения арсеналов, комплектования армии.

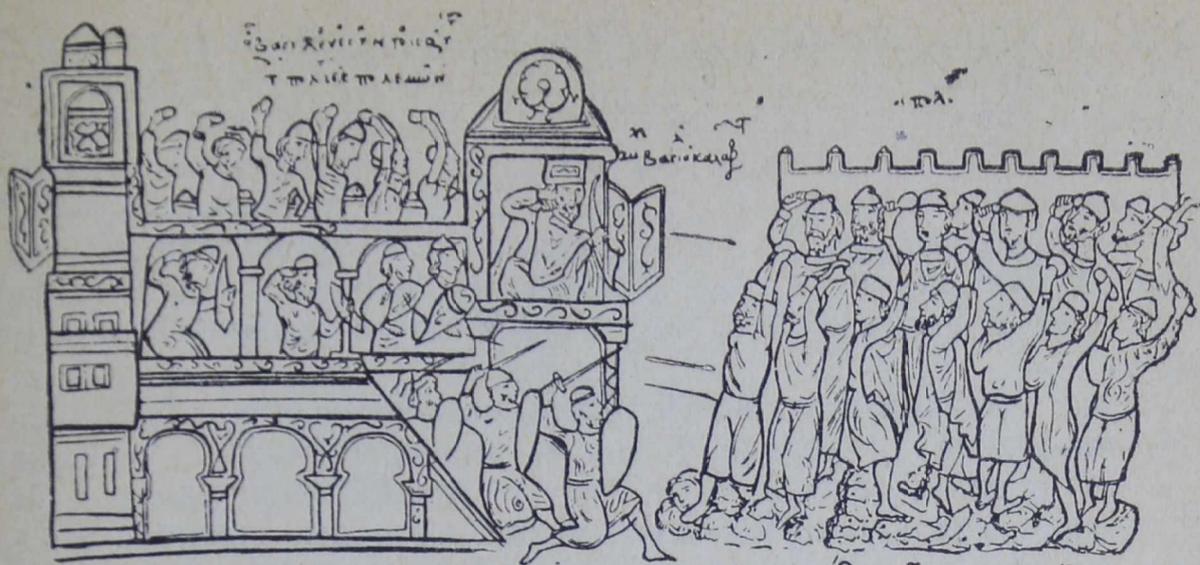
Военачальники, выдвинувшиеся при Василии II, теперь попали в немилость и были отстранены от двора. Императоры в XI в., за незначительными исключениями, перестают лично предводительствовать армией. Это лишней раз подчеркивало новые тенденции в правительственной политике, руководившейся придворными евнухами и бюрократами, которые в правление Зои и ее мужей захватили власть в свои руки. Двор, духовенство, крупные чиновники образуют своеобразную сплоченную партию гражданских чиновников и церковников, весьма враждебно настроенную по отношению к армии и ее вождям.

Опорой этой партии являлся сенат, пополненный в первой половине XI в. многочисленными новыми членами и снова начавший играть видную роль в политике.

Политика преемников Василия, естественно, вызывала в стране сильное недовольство. Прежде всего следует отметить стоявшие в связи с этой политикой восстания военной провинциальной знати (Маниака в 1043 г., Торника в 1047 г. и др.), не получившие, впрочем, широкого размаха и быстро подавленные правительством.

Особенное беспокойство правительства и правящих классов вызывал многочисленный и всегда полуголодный константинопольский плебс, о котором византийские придворные и церковные историки отзываются не иначе, как с величайшей ненавистью и страхом, подчеркивая, что «лентяи и пролетарии из народа имеют привычку во время государственных смут обращаться к грабежу имущества, поджогу домов и убийству граждан». Волнения народных масс в Константинополе были нередким явлением в эту эпоху. Следует особо отметить восстание 19 апреля 1042 г., когда народная толпа после ожесточенной борьбы, в которой погибло несколько тысяч человек, сломив сопротивление дворцовых караулов, ворвалась в большой дворец, проникла в помещения, где хранились деньги и податные списки, деньги расхитила, а податные списки изорвала. Но и в этом случае константинопольский плебс не играл самостоятельной роли; его восстание было использовано партией сторонников Македонской династии, и потому кончилось только низвержением и ослеплением узурпатора Михаила Калафата и восстановлением на императорском престоле дочерей Василия II Зои и Феодоры.

После смерти Василия империи пришлось на всех границах перейти от наступления к обороне. Последними успехами византийского оружия является захват в 1031 г. Георгием Маниаком Эдессы и попытка, вначале очень успешная, того же Маниака в 1038 г. отвоевать у арабов Сицилию. Но отозвание и арест Ма-



Φράση δὲ ἡ ἀρχὴ τῆς τοιαύτης ἰστορίας ἔστιν ἡ ἀρχὴ τῆς τοιαύτης ἰστορίας ἀπὸ τῆς ἀρχῆς τῆς τοιαύτης ἰστορίας  
 τὸ ἄσπῳ ἡ ἀρχὴ τῆς τοιαύτης ἰστορίας ἀπὸ τῆς ἀρχῆς τῆς τοιαύτης ἰστορίας ἀπὸ τῆς ἀρχῆς τῆς τοιαύτης ἰστορίας

Народ нападает на императорский дворец 19 апреля 1042 года.  
 Миниатюра из рукописи Скилицы (Beylié. L'habitation byzantine, стр. 58.)

ника в результате придворных интриг кладет конец византийским успехам в Сицилии; вскоре после этого византийское владычество в южной Италии нашло опасного врага в лице норманнов, которые уже в 1041 г. отняли у Византии Амальфи.

Усиление налогового бремени и перевод натуральных податей в денежные в сербско-болгарских фемах имели своим последствием грозное для Византии восстание болгарского народа (1040 г.). Восставшие захватили Диррахий и почти всю Никопольскую фему. Серьезная опасность угрожала Фессалонике. К движению примкнула и часть болгарских бояр, которые, однако, скоро его предали, ускорив тем победу византийского правительства. Неудача восстания еще более ухудшила положение Болгарии. Она потеряла остатки своей автономии; болгарское церковное управление, все епископские кафедры были захвачены греческим духовенством. Однако черногорским сербам удалось нанести сильное поражение вторгнувшемуся в Черногорию византийскому войску и отвоевать себе свободу.

Подчинение Болгарии не упрочило Дунайской границы империи. Зимой 1043 г. огромная печенежская орда перешла Дунай и, все опустошая на своем пути, проникла до Адрианополя. Император Константин Мономах потерпел поражение и был принужден дорогой ценой купить у печенегов мир (1053 г.), причем они остались на жительство в занятых ими областях к северу от Балкан.

По отношению к Грузии и Армении византийское правительство, вместо того чтобы соблюдать внутреннюю автономию этих вассальных государств, всячески добивается полного подчинения их империи. Последний царь Армении Гагик, поставленный в безвыходное положение как внешними врагами, действовавшими в согласии с Византией, так и внутренними смутами, должен был

в 1044 г. капитулировать перед Византией, а в 1046 г. византийские войска заняли Ани, столицу Армении, которая была присоединена к империи. Жадная толпа византийского чиновничества и духовенства немедленно водворилась в армянских городах, епископствах и монастырях, причем греческое духовенство, забыв об уроках VII в., возобновило преследование армянских монофизитов. Такую же политику религиозной нетерпимости и фанатизма оно проводило и в воссоединенных с империей землях Сирии.

Захват Армении в сущности только ослабил оборону Византии. Многочисленные армянские феодалы, имевшие каждый свою вооруженную силу, задерживали все усиливающийся напор с востока турок-сельджуков и тем оберегали восточные границы империи. Правительство Мономаха изменило эти отношения, уничтожив народную милицию в Армении и переведя натуральную военную повинность в денежную. Тем самым оно способствовало экспансии сельджуков.

Не способствовало улучшению международного положения Византии и окончательное разделение церквей на восточную — византийскую и западную — римскую, произошедшее в 1054 г. Спор, начатый константинопольским патриархом Михаилом Керулларием с римским папой по вопросу, кому должно подчиняться духовенство южной Италии, был очень неудобен для византийского правительства, которое ясно сознавало, что спасти византийские владения в южной Италии, подвергавшиеся нападениям со стороны норманнов, было невозможно без сотрудничества с римскими папами.

Правительство поэтому пыталось уладить дело с папой Львом IX мирным путем. Но Михаил Керулларий организовал такие шумные выступления константинопольского плебса против правительства, что император Константин Мономах вынужден был предоставить патриарху полную свободу действий в этом вопросе. Керулларий быстро закончил дело окончательным разрывом с Римом. Летом 1054 г. папские послы торжественно положили на алтарь Софийского собора грамоту, в которой «патриарху Михаилу и сообщникам его, пребывающим в заблуждении и продерзостях, провозглашалась анафема вместе со всеми еретиками, вместе с дьяволом и ангелами его». <sup>1</sup>

В ответ на это Михаил созвал церковный собор, на котором была провозглашена анафема «римским послам и соприкосновенным с ними лицам, пришедшим в богохранимый град подобно грому и буре, или лучше — подобно диким кабанам, чтобы испровергнуть истину». <sup>2</sup>

Разрыв церквей усилил враждебное отношение к Византии в правящих кругах феодальной Западной Европы, и эта враждебность скоро нашла свое реальное выражение.

<sup>1</sup> Migne, *Patrologiae cursus lat. ser.*, vol. 143, стр. 1002—1004.

<sup>2</sup> Лебедев, *История разделения церквей*, стр. 317.

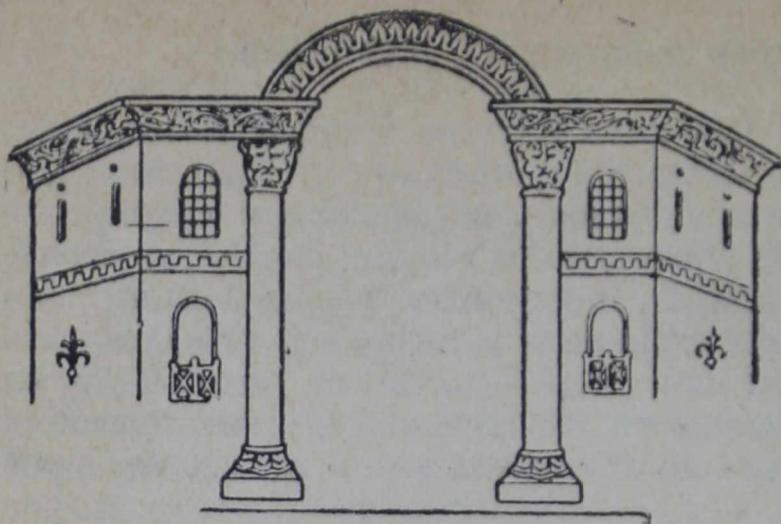
### 3. Византийская культура IX—XI веков

Конец IX, X и первая половина XI века могут быть охарактеризованы как период относительной устойчивости Византии. Македонская династия имела возможность поддерживать сухопутные и морские военные силы на значительной высоте, содержать огромный бюрократический аппарат, тщательно распределенный по сложной табели византийских чинов и должностей, поддерживать старую традицию великолепия, перешедшую по наследству от Римской империи и считавшуюся необходимой для поддержания престижа константинопольского правительства в глазах варваров и собственных подданных.

Торжество православных церковников над иконоборцами способствовало дальнейшему росту формализма в религии, усилению приверженности к традиционным обрядам, чрезвычайному развитию придворных церемоний, отличий и титулов, причем этот формализм, эти дворцовые церемонии и титулы — не мелочи, лишены серьезного значения, они имели свой смысл и свое место в политическом строе государства. Теоретически неограниченные, константинопольские василевсы на практике были ограничены в своих действиях целой цепью сложных обрядов, церемоний, требований придворного этикета, выражавших коллективный опыт и разум правящего класса, и ничто не могло освободить императора от обязанности исполнять положенные по окончательно выработанному в это время церемониалу обряды и позволить ему нарушение традиционных форм жизни. Каждый его шаг был обставлен церемониями, отправлялся ли он на войну, возвращался ли с похода, шел ли в цирк, совершал ли внутренние выходы в обширные и великолепные, покрытые драгоценными мраморами и блестящими мозаиками парадные залы своего дворца, или наружные выходы в Софийский собор и другие церкви. Эта сложность этикета и театральные апофеозы, на которых василевс появлялся как представитель божества, должны были подчеркнуть пропасть между властелином Византии и остальным человечеством.

Относительная безопасность от внешних нашествий и прекращение внутренних смут способствовали тому, что со времени вступления на престол Македонской династии византийская литература получает дальнейшее развитие. Преобразованная и улучшенная Константином Порфирородным Магаврская высшая школа доставляла государству большое количество образованных чиновников, сенаторов, стратигов, которые посвящали свои досуги литературно-ученым трудам. Развивается прежде всего литература правительственная, выполняющая официальные заказы императора. Эта правительственная литература связана с именем императора Константина Порфирородного и громадной литературной производительностью той группы византийских ученых и литераторов, которую этот император сгруппировал вокруг себя.

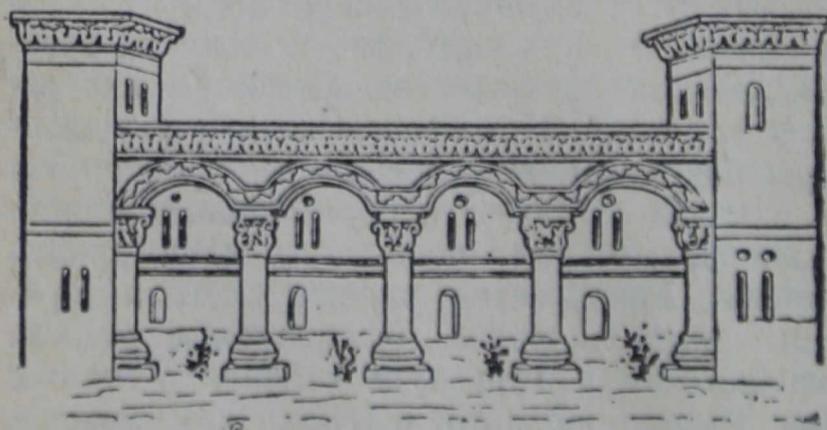
Константин VII Порфирородный (913—959), сделавшийся в 945 г. единодержавным императором, обычно считается ученым буквоедом,



Фасады Константинопольских дворцов по Ватиканскому Менологию XI века.  
(Beylié. L'habitation byzantine, II, 87.)

энциклопедии, руководства военной тактики, энциклопедии сельского хозяйства, энциклопедии по медицине и ветеринарии, трактаты о государственном управлении, о византийском придворном церемониале, громадные сборники житий, где заново редактируется предлагаемая массам духовная пища и т. д. Историческая энциклопедия занимает первое место по своему объему и значению среди составленных по инициативе Константина сборников эсцерптов.

Официальная цель издания указана в предисловии к сборнику «О добродетелях и пороках». «Объем истории, — указывается здесь, — возрос до бесконечности и неодолимости». Константин хочет облегчить пользование старыми историками посредством систематического отбора всего лучшего из них. Задача эта была разрешена довольно механически. Не принимая во внимание литературной и эстетической ценности древних исторических писателей, весь материал по его содержанию был сведен в 53 сборника с определенной тематикой для каждого сборника. Такими темами для почерпания опыта древних являлись различные стороны при-



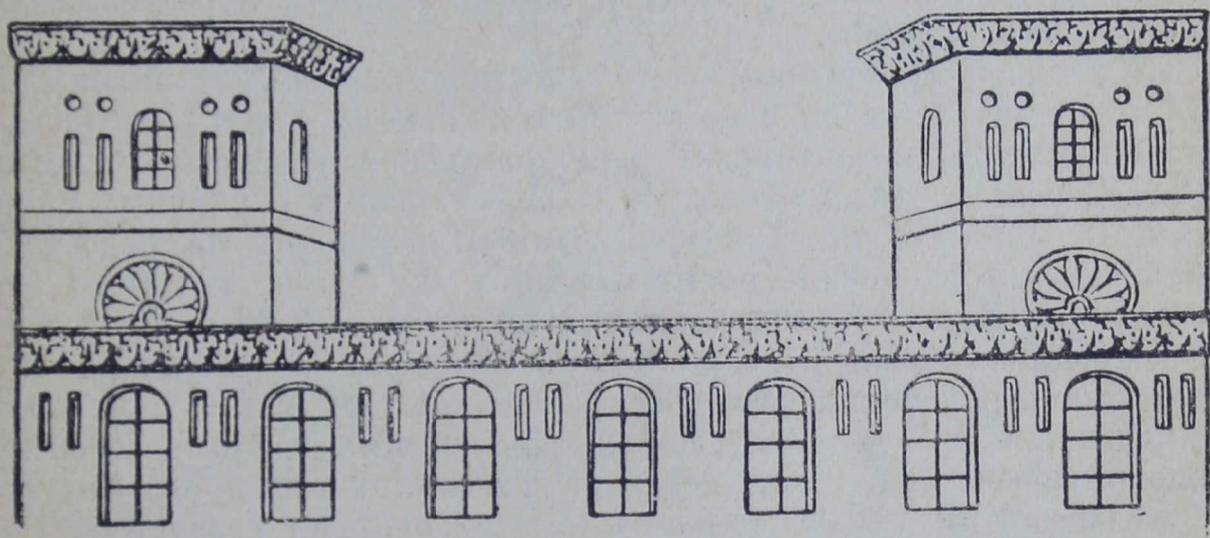
Фасады Константинопольских дворцов по Ватиканскому Менологию XI века.  
(Beylié. L'habitation byzantine, II, 87.)

оторванным от реальной жизни и посвятившим себя антикварным занятиям. Эта характеристика не совсем справедлива. Литературная активность его времени характеризуется настойчивым стремлением использовать богатейшее наследие древней культуры для текущей, реальной жизни, для нужд правительства и византийского правящего класса. Для этого составляются громадные исторические

придворной и государственной жизни: посольства, заговоры, вступления на престол, ведение войн, церковные дела, различные вопросы государственного управления.

Такие же практические цели преследовала появившаяся по инициативе Константина энциклопедия сельского хозяйства,

свидетельствующая о широком кругозоре императора, хотя напрасно мы старались бы познакомиться здесь с практическим опытом византийской агрономии X века. Составлена она на основании старых руководств по сельскому хозяйству, относящихся еще к IV—V векам, — руководств Виндания Анатолия и Дидима. Из нового времени прибавился только ряд сомнительных рецептов и наставлений вроде того, что необходимо писать на винных сосудах, чтобы вино не скисалось, слова псалма XXIV: «Вкушайте и видите, как сладостен господь», или, для получения возможности пить много вина без опьянения, следует только произнести стих: «На высотах Иды возгремел мудрый Зевс», и т. д. Приблизительно такой же характер компиляций, не свидетельствующий



Фасады Константинопольских дворцов по Ватиканскому Менологию XI века.

(Beylié. L'habitation byzantine, II, 87.)

щих о подъеме и развитии данных отраслей знаний, носят руководства по военной тактике, медицине, ветеринарии.

Несколько иной характер имеет грандиозный сборник житий святых, составленный важным придворным сановником Симеоном Метафрастом, проявившим в своей компиляторской работе большее трудолюбие и умение, чем его литературные собратья. Жития святых уже давно составляли для народных низов главное и, пожалуй, единственное «назидательное» чтение.

Для правительства и церкви было далеко не безразлично, в каком виде преподносить массам эту пищу. Церковь особенно настойчиво стремилась сделать жития единственным видом чтения и тем окончательно выкорчевать у православных вкус к светским романам.

Но людей со вкусом и образованием отпугивали от этой преподносимой массам грубой духовной пищи крайние несообразности одних, грубая форма других житий. Надо было подчистить и, поскольку возможно, выправить эти жития, собрать массы иноземных и греческих рукописей, сравнить редакции, исключить все,

противное здравому смыслу, приурочить к определенным эпохам и придать приличную по понятиям того времени литературную форму. О задачах Метафраста его панегирист говорит: «Жития святых или были исполнены лжи, или написаны слогом, несоответствующим величию предмета. Авторы не умели описывать с должным красноречием жестокость и свирепость тиранов, мудрость, с которой им отвечали мученики. Полное отсутствие красоты в изложении, глупые и лишние последовательности мысли, тривиальный и низкий стиль возбуждали веселость или отвращение читателя». Симеон имел достаточно средств для устранения этих недочетов. В своем роскошном дворце он собрал много рукописей и всякий свободный от службы час посвящал этой работе, диктуя сразу нескольким скорописцам, которые потом передавали свои записи каллиграфам.

К этим энциклопедиям, составленным по заказу Константина VII, близко примыкает по своему компилятивному характеру почтенный памятник византийской филологической учености — словарь Свида, составленный около 960 г. на основании различных словарей, схолий и сочинений грамматиков. Несмотря на недостаток критики, этот словарь, составленный в то время, когда во всей остальной Европе ученые занятия по греческой филологии были совершенно заброшены, является до сего времени настоящим кладом для европейских филологов-классиков, так как в нем, кроме объяснения слов, дается много фактических данных, особенно биографических сведений о древних писателях и их произведениях.

Константин VII не только блестяще обновил созданную Вардой высшую школу, не только явился инициатором создания многочисленных сборников и энциклопедий, но и сам испытывал свои силы на литературном поприще. Ему принадлежат или по крайней мере носят его имя несколько произведений: прежде всего, биография его деда Василия, выставляющая, как и следовало ожидать, основателя Македонской династии в самом благоприятном свете; трактат «Об управлении империей», где Константин разъясняет своему сыну Роману принципы международной политики Византии в X в., вопросы чужеземной географии и сообщает ряд ценных данных о народах, окружающих Византию, причем для древнейшей истории народов СССР, южных славян и венгров эта книга служит такой же отправной точкой, какою «Германия» Тацита является для истории древних германцев; книга «О церемониях Византийского двора» — собрание византийских придворных и государственных древностей, где излагаются формы сложного придворного этикета. Эта объемистая книга содержит в себе детальное описание церковных и гражданских византийских праздников, описание церемоний, сопровождавших назначение чиновников, а также описание придворных увеселений; трактат «О фемах», вместо достоверных сведений о величине населения и управлении отдельных городов и округов, неожиданно дает географию империи времени Юстиниана, а из X века приводятся только новые названия и деление провинций.

Кроме громадной исторической энциклопедии, в которую вошли отрывки лучших историков всех времен, Константин VII вызвал к жизни многочисленные исторические произведения, с одной стороны, продолжавшие историю Византии с того времени, на котором остановились Феофан и Амартол, а с другой — посвященные исключительно истории X века. Так называемые «продолжатели Феофана» являются придворными историографами Македонского дома. Наряду с хронистами, снова появляются историки, описывающие современную им эпоху, как, например, принадлежащий по своему происхождению к высшей знати Генесий, изложивший в своем произведении историю Византии с 813 по 886 г., Иоанн Камениат, описавший взятие Фессалоники арабами в 904 г.; Лев Диакон, написавший историю своего времени (959—975) — правление Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, борьбу последнего с Святославом, и оставивший много интересных сведений о древних болгарях и русских.

X век в византийской литературе обычно считается веком компилятивных сборников и энциклопедий, словарей, антологий, извлечений. Византийскую литературу X века Крумбахер характеризует как литературу «прилежного, но не критического и нетворческого столетия». Обычно литература этого столетия подвергается суровой критике за ее полную несамостоятельность, за невысокий уровень ее нравственных, философских и политических идеалов, за отсутствие в ней всякого творческого воображения. Но если эта характеристика и может быть — да и то с оговорками — применена к компилятивной литературе, создаваемой по прямому заданию Константина VII, то было бы несоответствующим действительности и ошибочным распространять механически эту характеристику на всю византийскую литературу X века, среди которой встречаются и произведения, носящие отблеск таланта и вкуса. Таковы, например, поэтические произведения поэта X в. Иоанна Геометра, ярко и красочно описавшего бедствия, постигшие Византию в начале правления Василия II. Из произведений этого поэта мы узнаем, что этот император, суровый правитель и воин, не был большим почитателем писаной мудрости и современных ученых, более того — даже презирал их. Поэт жалуется на пренебрежение к науке и образованию, на гонения и насмешки, которым он подвергался ради любезных ему занятий. Гражданские войны и болгарские набеги заставляют поэта вспоминать о героическом времени Никифора Фоки, который является любимым героем поэта, судьбу которого он не устает оплакивать и которому посвящает ряд прочувствованных эпитафий. В одной из них поэт от имени Никифора говорит: «Шесть лет я достойно держал бразды народного правления. Столько же лет оставался связанным страшный Скифский Марс. Передо мною склонялись города ассирийцев и финикийян. Я покорил под иго неукротимый Тарс. Я очистил острова, изгнал варварское копьё с великого Крита и величавого Кипра. Восток и Запад трепетали перед моими угрозами, податель богатства Нил и безлюдная Ливия. Но я пал среди дворца, не избег рук

слабой женщины. Был у меня город, было войско и двойная внутри стена, но, во-истину, нет ничего слабее смертного человека».

В то время как Никифору Фоке посвящаются несколько прочувствованных стихотворений, Цимисхий воспет только в одном, притом не вполне к нему благосклонном, так как поэт не умолчал о том пути, которым он достиг трона. «Любовь к злой тирании владела мной при жизни; я обагрил кровью свою десницу и похитил скипетр власти», — говорит о себе Цимисхий.

Поэзия Геометра не оторвана от жизни. Он чутко, с точки зрения патриота откликается на все выдающиеся политические события своего времени. Он не находит слов для описания ужасов гражданской войны, поднятой в Малой Азии Вардой Склиром и Вардой Фокой. Он оставил очень живое и картинное описание бедствий земледельца, вызванных засухой и гражданской войной.

Изучение византийской литературы вносит некоторые коррективы в наше обычное представление о Византии X века как о стране, где окончательно победила затхлая церковность и законстенованная ортодоксия. Оно свидетельствует о сохранившемся и в этом столетии вольнодумном направлении, очень непочтительно относящемся к церковным «святыням» и не останавливающимся перед составлением пародий на культовые церковные песнопения.

Очень интересен в этом отношении написанный во второй половине X в. в подражание Лукиану диалог «Филопатрис». <sup>1</sup> Диалогический характер этого произведения раскрывается ясно в первой части — долгом диспуте между язычником и христианином. Неизвестный автор этого произведения делает вид, что речь идет об обращении старого язычника в христианство, в действительности же диалог наполнен насмешливыми выпадами против православия и монашества, против константинопольского патриарха и его окружения; осмеиваются и разоблачаются их враждебные выступления против одного из императоров второй половины X в. Нападки настолько злобны, что диалог долго приписывали Лукиану, и только в новейшее время удалось установить, что автор жил во второй половине X в., что он является вольнодумцем, врагом церковной иерархии, а частые конфликты и стычки между двором и патриархом в этот период дали автору возможность почти открыто проявить свое вольномыслие. Еще более интересны в этом отношении некоторые произведения плодовитого поэта XI в. Христофора Митиленского, патриция и стратига Пафлагонского, имеющие ярко выраженное сатирическое направление. Христофор Митиленский, равно как и подражающие ему поэты XII века, исполнены восхищения перед культурой старой Эллады. Отсюда естественна их неудовлетворенность окружающим обществом. Особенно доставалось от византийских поэтов монашеству. Приводимая ниже выдержка из сатиры Христофора на монаха Андрея, собирателя мощей, и на обманщиков, спекулирующих церковными реликвиями, может дать некоторое представление о характере этой поэзии. В своей сатире Христофор, обращаясь к Андрею, говорит:

<sup>1</sup> Leonis Diaconi. ed. Bonn., стр. 325—342.

«Поистине дивлюсь такой горячей вере,  
По вере по твоей преобразился в рыбу  
И Нестор Мученик, сей новый осьминог,  
Благочестивый муж. От мученицы Феклы  
Ты шестьдесят зубов недавно приобрел  
И седину волос великого предтечи,  
И всем ты хвастаешь, что получил на днях  
брады святых детей, закланных в Вифлееме,  
Старинном городе Иудиной страны.

О вера безупречной чистоты!

Одно лишь извратившая — природу:

То — старица маститая, у ней десятков шесть зубов пересчитаешь;

То юных поседеет голова,

И борода роскошная младенцу

осенит подбородок. О когда

поистине во все ты веришь свято,

вовек мощей избыток не избудешь.<sup>1</sup>

Еще больше изменяют общепринятое представление о византийской литературе византийские средневековые романы с приключениями.

Среди открытий, сделанных в конце XIX — начале XX в. в области византийской литературы, одно из самых интересных то, которое знакомит нас с византийским былинным эпосом. Подобно эпическому циклу на западе, связанному с именами Роланда и Сида, в Византии около начала XI в. сложился свой особый цикл, связанный с именем национального героя Дигениса Акрита. Слава этого героя распространилась в народных песнях по всему христианскому востоку. Особенно популярной была одна большая эпопея, древнейшая рукопись которой датируется XIV в., но происхождение которой, несомненно, относится к более раннему времени. История приключений Василия Дигениса Акрита переносит нас в обстановку X века.

Этот цикл рисует картину жизни и быта населения восточных пограничных провинций Малой Азии, живущего в обстановке постоянной военной тревоги, в обстановке непрерывных войн с арабами. Эти войны в X в. велись счастливо и победоносно для Византии, так что границы империи все более отодвигались на восток. Страна, служившая ареной действий Дигениса Акрита, не вымыслена.

В одной из книг X в., посвященной вопросам военной тактики и носящей имя Никифора Фоки, мы находим как бы реальный комментарий к поэме о Дигенисе. Яркими чертами здесь изображается суровое существование, какое вели в этих провинциях на рубеже Тавра или на уступах Каппадокии пограничные жители, находившиеся под вечной угрозой нападения со стороны арабов. Жизнь здесь шла по-иному: деятельная, энергичная, грубая, непохожая на жизнь среди церемонного, изнеженного правящего класса Константинополя. Сообразно этому героями поэмы выступают полуфеодалы малоазиатские магнаты—динаты,

<sup>1</sup> Шестаков, Три поэта византийского ренессанса, «Ученые записки Казанского Университета», 1906, стр. 13.

акриты—охранители границ, ведущие от имени императора вечную борьбу с мусульманами и апелатами—разбойниками в обстановке всяких неожиданностей, военных подвигов и приключений. Их быт и нравы представляют смешение варварства и утонченности, их характеры, исполненные диких страстей и нежной чуткости, обладают своеобразной внутренней противоречивостью.

Дигенис рисуется в эпосе не лишенным и религиозного чувства. Он боится «дня страшного суда» и «искушений князя тьмы, заклятого врага рода человеческого — сатаны».

Но атмосфера затхлой церковности здесь в этой обстановке совершенно ступшевуется. Любовь — земная любовь — и война — вот две главные страсти Дигениса. Его существование наполнено приключениями, славными состязаниями, любовью к женщинам, страстью к золоту, грабежами, убийствами и стремлением к славе. Во многом этот герой византийского эпоса представляется нам полуварваром, который подобно западноевропейским рыцарям придерживается принципа: «сила родит право и господином является меч». Но в то же время этот суровый воин три года изучает науки, способен ценить образцовые произведения искусства, наслаждается красотами природы, способен на тонкие чувства, на изящество в обращении, умеет уважать женщину в полном противоречии с официальной церковной византийской идеологией, не уважавшей женщину, считавшей ее порождением дьявола, орудием соблазна, существом слабым, предназначенным быть служанкой и рабой мужчины. Дигенис же счастлив сражаться и умереть на глазах возлюбленной. Изображая любовные похождения Дигениса — похищение дочери стратига Дуки, эпопея передает красивые сцены знакомства его с Евдокией, любовную песнь героя: «Мой нежный друг, неужели ты забыла нашу недавнюю любовь? Неужели ты можешь спокойно и беззаботно спать? Проснись, моя прелестная роза, мой благоуханный цветок. Заря встает. Приди». Передаются тонко и поэтически разговоры влюбленных, даются прекрасные описания природы, трогательный и нежный предсмертный разговор героя с женой: «Я предпочел бы скорее умереть, чем видеть тебя опечаленной. За твою любовь я отдал бы мир и мою жизнь. Но Харон увлекает меня — непобедимого. Аид вырывает меня у твоей любви, моя возлюбленная».

Поэма дает картинное описание богатства и роскоши византийских динатов X века. Среди чудесного сада возвышается замок Дигениса, построенный из разноцветного камня, образующего на стенах красивые узоры. Перед замком находится павильон, увенчанный тремя высокими куполами. Стены внутри покрыты мозаиками и инкрустациями из золота и ценных камней. Центральный зал весь расписан сценами, изображающими подвиги героев Илиады, Самсона и Давида; характерно это причудливое смешение сюжетов античных и библейских.

Любопытно политическое лицо героя былинного эпоса. Дигенис является несомненным византийским патриотом. В его мыслях православная вера и ромейская держава неразрывно связаны ме-

жду собой. Его помыслы постоянно направлены к тому, чтобы упрочить безопасность границ империи, избавить императора от лишних затрат, смирить неверных, заставить их платить дань Византии — православной и римской стране. Он считает себя верным подданным императора, но под почтительной внешностью скрыта гордость малоазиатского аристократа, с презрением и опаской смотрящего на придворных. Он обращается с императором почти как с равным. Он считает себя вправе давать императору советы и настаивать на их выполнении. В этом отношении идеализированный герой византийского эпоса ничем не отличается от реальных исторических малоазиатских динатов X века, поднимавших грозные восстания против центрального константинопольского правительства под знаменем Варды Склира и Варды Фоки.

Наиболее яркой и видной фигурой византийской литературы XI века является Михаил Пселл, первоначально адвокат, затем преподаватель философии, монах, царедворец, проэдр (председатель) сената, наконец, руководящее лицо правительственного аппарата. Он является образцом византийского энциклопедиста, овладевшего всей суммой знаний своей эпохи. По своей эрудиции, исключительному умению владеть языком он безусловно являлся первым писателем своего времени. В своем творчестве он касался всего, писал обо всем. После него, кроме исторических мемуаров, остались сотни небольших сочинений по самым различным отраслям знания, речи и поэтические произведения, письма и памфлеты, философские трактаты и сочинения по физике, астрономии, физиологии и даже демонологии. Во все эти произведения он вносит едкую колкость, остроумие и универсальную любознательность. По своему увлечению классической древностью и философией Платона он является предшественником Возрождения. В своих исторических мемуарах, щеголяя изысканностью формы, он дает яркие и выщуклые портреты людей своего времени. Но тот же Пселл является любопытным образчиком клики придворных евнухов, чиновников, риторов, церковников, непримиримой с честностью и независимостью убеждений, с уважением к настоящему знанию, клики, которая держала власть в своих руках после смерти Василия II и быстро вела Византию к гибели. С своей страстью к интригам, льстивой угодливостью, быстрой и скандальной переменой взглядов, низкими отречениями от павших кумиров, легкомысленным тщеславием, — Пселл является прекрасным примером того сочетания сильного интеллекта и ничтожного характера, которое часто характерно для правящих верхов разлагающейся Византии XI века, совершенным представителем того растленного придворного мира, среди которого он жил. В своих исторических мемуарах он показывает, что все его интересы вращаются вокруг императорского двора. Самым подробным образом описывает он свои взаимоотношения с императорами и императрицами, которые у него спрашивают совета, доверяют ему свои секреты. Остальное его не интересует. Едва несколькими строчками упоминает он о внешних войнах. Читая его мемуары,

нельзя подозревать, что вторая половина XI века — время развала великой Византийской империи, время печенежских набегов, сербских и болгарских восстаний и разгрома Византии в Малой Азии турками-сельджуками.

Пселл хотел продолжать историю Льва Диакона, но начал свои мемуары описанием правления Романа Аргира. Он подробно описывает любовные похождения Зои. Прожигателя жизни Константина Дуку он льстиво называет новым Ахиллом. Пселл суров и несправедлив к Роману Диогену. Кончаются его мемуары восхвалением жалкого Михаила Парапинака.<sup>1</sup>

Если Пселл является представителем правящей чиновной и церковной столичной знати, то Кекавмен в «Стратегиконе» — представитель отодвинутой на второй план в то время военной провинциальной аристократии. Автор — знатный вельможа армянского происхождения, старый военный, один из византийских стратиггов XI в. Этот вельможа в своей книге не блещет эрудицией. Он не цитирует классической литературы, потому что ее не знает.

Его книга для нас важна и любопытна в том отношении, что она изображает идеалы провинциальной знати или вернее свидетельствует об отсутствии у нее каких бы то ни было идеалов.<sup>2</sup> Уроки восстаний Варды Фоки и Варды Склира еще не были забыты представителями этой знати. По крайней мере, Кекавмен настойчиво советует сыну избегать всякой попытки восстания против центральной власти. Он убежден, что не может быть побежден в гражданской войне тот, кто владеет Константинополем. Поэтому, если начнется восстание в провинциях, то нужно решительно стать на сторону правительства и выступить против восставших. Если для этого нехватает сил, следует запереться в какой-нибудь крепости и уведомить константинопольское правительство о своей лояльности. Если и для этого нехватает сил, следует бежать в Константинополь.

Кекавмен советует сыну не дорожить никем и ничем. «Если ты веселишься о друге своем или рабе, то помни, что такое человек, и что он должен умереть, как человек. Поэтому, когда его посетит смерть, не смущайся, так как это тебе не поможет. Если ты находишь удовольствие в золотом каком-либо сосуде, либо мраморном, либо стеклянном, то, владея им, разумей: один теряется, другой разбивается. И когда это случится, не волнуйся».

Кекавмен не верит и в дружбу. «Если ты имеешь друга где-нибудь в ином месте, — советует он сыну, — а он проезжает городом, в котором ты живешь, не помещай его в своем доме, но пусть он остановится в другом месте, а ты посылай ему все нужное, и он еще более будет тебе благодарен». В противном случае «он найдет дурным твою прислугу, твой стол, весь порядок. Еще будет расспрашивать о твоём имуществе: есть ли у тебя то, есть ли другое... Если он найдет удобный случай, он будет делать любовные глазки твоей жене, будет на нее смотреть бесстыдными глазами; если может,

<sup>1</sup> К. Sathas, Bibliotheca graeca medii aevi, IV.

<sup>2</sup> Ж. М. Н. Пр., 1881 г., июнь — август.



*Императрица Зоя.*

(Византийские эмали. Собрание Звенигородской, стр. 231.)



*Танцовщица.*

(Византийские эмали. Собрание Звенигородской, стр. 231.)

то и соблазнит ее. Если же и нет, то все-таки, когда уйдет, похваляется, чем не следует, а если скажет не он, то враг твой в ссоре с тобой будет о том кричать».

Но центральная правительственная власть быстро слабела. Провинциальные стратеги во многом уже могли вести самостоятельную политику. Такую политику, несмотря на всю свою осторожность, считает возможным вести и Кекавмен в отношении к соседним топархам. По отношению к ним он, например, рекомендует: «Если соседний с тобой топарх вздумает тебе пакостить, не поступай с ним резко, а хитри, показывай притворное миролюбие и простодушие... Когда же он благодаря твоим подаркам и притворной любви доверится тебе, тогда собери тайком своих людей и быстро наступай на него и на его народ внезапно, и ты не потерпишь неудачи и уничтожишь его». Кекавмен надеется, что такая политика встретит одобрение и центрального правительства.

Время Македонской династии, время реставрации и относительной стабилизации империи, характеризуется подъемом византийского искусства после некоторого упадка в предшествующие столетия.

Стремление к роскоши и пышности, усвоенное императорским двором в IX—XI вв., способствовало подъему художественной промышленности, производства предметов роскоши. В течение этих столетий множество искусных рук обратилось к художественной промышленности. Из византийских мастерских выходили роскошные ткани, прекрасные филигранные металлические, керамические и стеклянные изделия, на которых лежит отпечаток большого вкуса и высокой техники. Эта художественная промышленность развивалась и процветала, обслуживая византийскую аристократию и с своей стороны способствуя развитию восточного вкуса и роскоши.

Под влиянием восточных вкусов, искавших многоцветности и пестроты красок, широко развивается производство перегородчатых эмалей. Золотые изделия, украшенные перегородчатой эмалью, были широко распространены как в церковной практике, так и в быту верхов византийского общества. Общеизвестными достоинствами византийской эмали этого периода является гармония красок, чистота и интенсивность тонов, совершенная шлифовка.

От периода IX—XI вв. до нас дошло значительное количество памятников искусства. В Константинополе, Греции, Италии, на Руси, на Кавказе и в других местах сохранились произведения византийской живописи.

Среди этих памятников особый интерес представляют мозаики, сохранившиеся на стенах византийских церквей. Мозаики XI века сохранились в Греции в монастыре Дафни, в церкви Луки в Фокиде, в Киевском Софийском соборе; мозаики XII века имеются в значительном количестве в храмах Сицилии. Фресковые росписи XI—XII веков распространены повсюду, куда доходило влияние византийской культуры. К XI веку в византийской живописи складывается новый стиль, существенно отличающийся от стиля Юстиниановского времени. Живопись становится значительно более условной, абстрактной, иератичной. Реалистическая струя эллинистической художественной традиции становится менее заметной, хотя и в это время она не исчезает совершенно. Искусство создает статичные абстрактные образы, воплощающие церковные идеалы аскетизма. Индивидуальные портретные характеристики изображаемых лиц заменяются каноническими стабильными типами. Пейзаж превращается в условное окружение действующих лиц. Живопись переходит к плоскостной условной трактовке, отказываясь от античного понимания пространства и объема.

От IX—XII вв. дошло до нас значительное количество иллюстрированных рукописей, среди которых исключительное значение имеет Псалтирь Парижской Национальной библиотеки, проповеди Григория Назианзина, Менологий Василия II и ряд других.

Лучшие из этих миниатюр свидетельствуют о том, что византий-

ские художники IX—XI вв. находились под сильным влиянием антиков, воспроизводили античную трактовку человеческой фигуры, изящество поз и драпировки одежд и не чуждались, как, например, в миниатюре Псалтири, изображающей Давида, вводить аллегорические изображения, навеянные античной мифологией. Живопись в лучших миниатюрах отличается высотой техники, полноцветной красочностью, точной законченностью и необычайным богатством орнаментации. В то же время видно усиливающееся стремление духовенства поставить художников под свое руководство и надзор. Плоды этой опеки ясно сказываются в многочисленных иллюстрациях знаменитого Менология Василия II. Работавшие над этим императорским заказом византийские художники Панталеон, Влахерниты, Мена — очевидно лучшие мастера своего дела — показывают часто при выполнении иллюстраций высокую технику, зачастую элегантность и грациозность рисунка, но мастерство их связано каноническими нормами, соблюдение которых было безусловно обязательно. Следствием этого является отсутствие индивидуального характера у отдельных мастеров и общее впечатление монотонности. Отсюда, однако, нельзя делать заключение, что вся византийская живопись этого периода была лишена, как правило, жизни и свободы. Некоторые памятники и монументальной и станковой живописи этого периода отличаются не только высоким техническим совершенством, разнообразием, гибкостью и изяществом рисунка, но и несомненным наблюдением реальной действительности.

Иконоборцы вели особенно сильную борьбу против скульптурных изображений. После победы иконопочитателей статуарная скульп-



*Мозаика XI века Дафни.*

(G. Millet. Le monastère de Daphni, pl. VII.)

тура монументального стиля уступает свое место мелкой пластике. Скульптор сделался золотых дел мастером, литейщиком, чеканщиком и если продолжал заниматься скульптурой в собственном смысле, то в мелких размерах, на слоновой кости. Многочисленные памятники этого рода воспроизводят, однако, традиции монументальной скульптуры.

#### 4. Византия, Русь и Западная Европа

Крупнейшим завоеванием византийской культуры IX—XI вв. явилось ее мощное проникновение, в результате крещения Руси, в необъятные пространства восточной Европы. Крещение Руси происходило не сразу и не внезапно. Уже окружное послание патриарха Фотия вскоре после набегов руссов на Константинополь в 860 г. говорит о принятии ими христианства. О несомненном наличии христиан в Киевской Руси свидетельствует договор 945 г., где в числе послов Игоря названа группа христиан, присягавшая в христианской церкви.

Несомненно, христианкой была великая княгиня Ольга, побывавшая в Константинополе в 957 г. Это постепенное проникновение христианства в Киевскую Русь завершилось его победой при Владимире, когда для этого сложились благоприятные предпосылки и возникли достаточно мощные социальные группы, заинтересованные в христианизации. Разумеется, византийское правительство стремилось использовать это обстоятельство в своих интересах.

Запутанный вопрос о крещении Руси при Владимире еще не разрешен во всех подробностях. В 987 г., как мы знаем, успешное восстание Варды Фоки представляло серьезную угрозу для императора Василия II, который не был в состоянии подавить это восстание собственными силами. Василий II обратился за помощью к русскому князю Владимиру, обещая ему в жены свою сестру Анну при условии принятия им христианства. Владимир оказал ему помощь, послав в Константинополь шеститысячную варяго-русскую дружину, которая помогла Василию подавить восстание Варды Фоки. Но при исполнении другой стороной договора возникли задержки и трения, что привело к войне между союзниками и взятию Владимиром Корсуня. Византийская царевна была послана на Русь в жены Владимиру. Владимир принял христианство в 988 или 989 г. Благодаря тому, что христианство киевляне получили от Византии, между Русью и Византией установились более тесные взаимные связи, но нельзя сказать, чтобы сразу после крещения Руси отношения между Киевом и Константинополем стали незыблемо прочными и дружественными.

О том, что Византия умела извлекать из своих связей с Киевом немалые выгоды, свидетельствует тот факт, что войсками русского князя и Василия Болгаробойцы было ликвидировано в 1016 г. государство хазар, а в связи с этим была расширена византийская территория на Крымском полуострове. Еще более важное значение для Византии XI века имела варяжская гвардия.



*Давид, пасущий свои стада.*

Византийская миниатюра X века. (J. Ebersolt. La miniature byzantine, pl. XXI.)

После отправления русского вспомогательного шеститысячного корпуса на помощь Василию II мы постоянно встречаем русских в рядах византийских войск в Малой Азии, Италии, Сицилии.

Исследования академика Васильевского показали, что под варягами XI в. в Византии нельзя понимать исключительно скандинавских варягов. Этого не допускает уже большая численность этого корпуса. Несомненно, в XI в. в этом корпусе были и скандинавские норманны, но в Константинополе они были еще в меньшем числе, чем в Киеве XI века.

При всем том между империей и Киевским государством мы не усматриваем долгое время ни политических, ни церковных прочных

связей. Источники сообщают, что в 1023/24 г. родственник Владимира Хрисохир совершил набег на Дарданеллы и прорвался к Лемносу, где и погиб в бою. Только при Ярославе христианство на Руси получило окончательное оформление созданием церковной организации. К 1037 году относится образование Киевской митрополии и назначение главой русского духовенства митрополита грека.

Вновь обращенная в христианство страна сделалась церковной провинцией Византии. Назначенный из Константинополя и прибывший в Киев митрополит Феопемпт являлся представителем не только константинопольского патриарха, но и императора, причем в XI в. права и функции епископа были значительно шире узкого круга церковных вопросов.

Но это сближение Византии и Руси очень скоро сменяется открытым разрывом, вызванным неумеренными претензиями Византии. Византийское правительство после крещения Руси и водворения в Киеве митрополита — грека, агента империи, было склонно смотреть на Киевского князя как на вассала империи. Византийские писатели XIII и XIV вв. упоминают, что русский князь носит титул стольника (*ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης*) константинопольского двора. Михаил Пселл в своих мемуарах характеризует неудачный поход Руси на Константинополь в 1043 г. как «восстание россов» (*τῆς τοῦ Ρῶς ἐπαναστάσεως*). После крещения Руси прекращаются торговые договоры киевских князей с Константинополем. Очевидно, византийское правительство полагало, что киевский князь теперь должен и торговлю вести так, как предписывает император без каких-либо специальных договоров. Но осуществить эти тенденции — превратить Русь в зависимую колонию — Византия была не в состоянии. Против этого говорят и исторические факты, как, например, поход, предпринятый Ярославом против Византии в 1043 г.

Михаил Пселл, современник этого похода и влиятельное лицо при дворе, называет этот поход «восстанием» новых подданных против власти императора, а причину похода видит в ненависти русских к установленной над ними «гегемонии» империи. Поход 1043 г. окончился для Руси неудачно. Бури и греческий огонь истребили большое количество русских ладей. Однако через 3 года Византия сама стала искать мира с Киевским государством, что, очевидно, стоит в связи с вторжениями печенегов на территорию Балканского полуострова. Ярослав в 1051 г. порвал церковную зависимость Руси от Византии и без всяких предварительных соглашений с константинопольским патриархом назначил киевским митрополитом русского священника Иллариона. Только в 1053 г. византийское правительство смогло ликвидировать длительный конфликт с Ярославом и добиться его согласия принять митрополита-грека из Константинополя. Мир был окончательно восстановлен благодаря браку сына Ярослава Всеволода с дочерью императора Мономаха, и при Всеволоде византийское влияние на Руси усиливается установлением прочных церковных связей и непрерывного воздействия на Русь византийской культуры. После поражения от турок-сельджуков при Манцикерте Византия, конечно, не могла проявлять

никакой политической агрессии по отношению к русским землям, но константинопольские патриархи очень долго и очень упорно удерживали за собой право назначать на Русь митрополитов-греков из числа своих приближенных.

В до-монгольский период было всего три случая, когда киевские митрополиты ставились помимо константинопольского патриарха. Зависимость Руси от Византии в церковном отношении продолжалась до 1448 года.

Таким образом Византия умела извлекать из своих тесных связей с Русью немалые выгоды. Но связь со страной более высокой культуры много давала и Киевской Руси. Принятие христианства было для Руси очень крупным событием, притом несомненно имело прогрессивное для данного отрезка времени значение, ликвидируя пережитки родового строя, обычай кровавой мести, многоженство, способствуя быстрому росту техники Киевской Руси. Быстрые успехи делает строительная техника, развивается ремесло, в том числе — художественное. Несомненно в XI в. имело место весьма заметное влияние византийского искусства на Киевскую Русь. Византийские художники создают в новокрещеной стране такие замечательные образцы византийского искусства, как заложенный в 1037 г. Софийский собор в Киеве, с его знаменитой мозаичной и фресковой живописью.

На Русь в XI веке в большом количестве являлись не только императорские послы и церковники, но и византийские зодчие, художники, ремесленники, певцы, музыканты и особенно торговцы, привозившие с собой ценные ткани, металлическую утварь, костюмы, вино, лекарственные травы, мрамор и т. д. В целях предосторожности греки приезжали на Русь целыми флотилиями. Русские князья так дорожили греческой торговлей, что иногда сами шли на встречу «гречникам» для их охраны. Так поступил в 1170 г. Мстислав, вместе с другими князьями дошедший до Канева и встретивший здесь купеческий речной караван.

Влияние византийской более высокой культуры сказалось в Киевской Руси не только в прекрасном церковном зодчестве, изящных мозаиках, прекрасных эмалевых и филигранных изделиях Киевских и Рязанских кладов, но и в распространении письменности на славянском языке. Русь не только приняла христианство от самой культурной страны того времени, но, что весьма важно, приняла его на родном языке. Византийская церковь, вводя богослужение, проповедь и церковную литературу на славянском языке, стимулировала развитие национальной культуры, тогда как римско-католическая церковь с непонятной для народа латынью задерживала развитие самобытной культуры западных славян.

Первые попытки устройства на Руси школ были уже при Владимире. При Ярославле широкое распространение получает и книжное дело. Книги распространяются на славянском языке через болгарское посредство, в первую очередь книги церковные, культовые. Но наряду с церковной литературой постепенно распространяется и литература светская. Наряду с библейской литературой,

апокрифами, агнографической литературой, произведениями «отцов» церкви, появляется и естественно-научная литература в виде «Физиологов», «Шестоднева» и «Христианской Топографии» Космы Индикоплова; историографическая в виде «Пален», «Хроник», «Хронографов»; различные сборники «Пчел», беллетристические произведения, состоявшие из повестей, которые сложились в Византии или на востоке и попали на Русь в переводах, сделанных в Болгарии и Сербии: роман «Александрия», «Сказание о Троянской войне», «Девгениевы деяния», роман «Варлаам и Иосаф», представлявший искусную переработку на христианский лад жизнеописания Будды, византийский автор которой остался неизвестным.

Таким образом в конце X и в XI веке христианство явилось мощной силой, способствовавшей ускорению процесса складывания в Приднепровье феодальных отношений, со всеми их положительными и отрицательными сторонами, явилось проводником более высокой культуры, которая способствовала и установлению культурных связей Киевской Руси с Западной Европой. Хотя христианство на данном этапе еще было явлением прогрессивным в Киевской Руси, но нельзя в то же время забывать, что как проводник феодальной идеологии оно с самого начала являлось орудием угнетения трудящихся масс.

Христианская церковь явилась в Приднепровье уже в XI в. крупнейшим учреждением, концентрировавшим в своих руках крупную земельную собственность. Она перенесла в Киевскую Русь византийские методы хозяйствования, укрепила своим авторитетом весь тот гнет, который феодальные порядки накладывали на массу свободных до того общинников, ускорила экспроприацию общинных земель.

Византия VI—XI вв. стояла во главе культурной и художественной жизни не только Восточной, но и Западной Европы, хотя мы и не должны, как это делают некоторые буржуазные историки, преувеличивать интенсивность этих связей и степень византийского влияния на Западную Европу. Наиболее тесными оставались связи Византии с различными частями Италии, благодаря чему здесь и чувствовалось в большей степени византийское влияние, распространявшееся в дальнейшем через посредство Италии по другим странам Европы. Уже Карл Великий, стремясь до некоторой степени сравняться с византийскими императорами в величии построек и пышности придворной жизни, возводил различные сооружения, подражая византийским образцам. В этом нас убеждает важнейший из сохранившихся памятников Карла — Аахенская капелла, законченная постройкой в 805 г. Эта церковь представляет копию восьмиугольной купольной церкви св. Виталия в Равенне, построенной между 543 и 547 гг. и являющейся древнейшим образчиком византийского искусства в Западной Европе. Копируя греко-римские и византийские образцы, строители каролингского ренессанса не ограничиваются воспроизведением внешнего плана, но вывозят из Италии целые части зданий. Особенно сильному ограблению подверглась Равенна. Положение не

изменилось и в X и в XI вв. Попржежнему за изделиями трудного исполнения и высокого качества — иконами, мозаикой, церковной утварью, церковными дверями — из Италии обращались в Константинополь. Так, например, в начале второй половины XI в. известный аббат Монте-Кассинского монастыря Дезидерий, чтобы восстановить искусство в Италии, приглашает из Константинополя греческих мастеров и под их руководством основывает в своем монастыре художественную школу.

Венецианские дожи начинают сооружение знаменитого храма св. Марка по образцу константинопольской церкви XII апостолов, заказывают константинопольским художникам известную престольную икону Pala d'Oro. Из Константинополя амальфитанские купцы вывозят дорогие и роскошные ткани. Мозаичная живопись Рима и Италии следует византийским образцам. Романское искусство испытывает значительное влияние византийских форм и композиций. Византийская живопись находит самое широкое применение к концу названного периода в норманнской Сицилии.

Культурное воздействие Византии на Западную Европу не ограничивалось воздействием византийского искусства. Мы можем установить несомненные факты влияния и византийской идеологии на западную. Так, переведенная на латинский язык хроника Феофана оказала значительное влияние на формы западноевропейской анналистики.

Наиболее видный церковный писатель IX в. Иоганн Скот Эуригена знал греческий язык и подпал под сильное влияние неоплатонизма, с которым познакомился по переведенной им византийской книге псевдо-Дионисия Ареопагита «Небесная иерархия». Значительное влияние на выработку его взглядов оказал и византийский мистик VII в. Максим Исповедник.

Концепция императорской власти, как она сложилась в Византии, начинает укрепляться с XII в. и в Западной Европе вместе с изучением Юстиниановского законодательства.

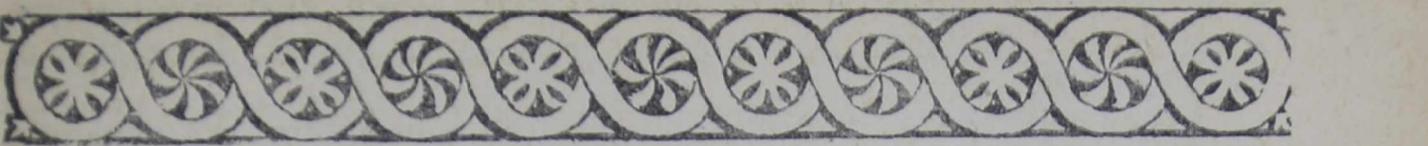
Первые следы изучения римского права мы можем проследить в Италии, где ряд городов переживал в конце XI в. значительный экономический подъем. В это время в Болонье возникла школа глоссаторов, произведшая решительный переворот в приемах изучения права. Деятельность западноевропейских легистов в XIII веке нашла поддержку и одобрение королевской власти, использовавшей римское право для усиления своей власти.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Васильевский, Материалы для внутренней истории византийского государства, Сочинения, т. IV.
2. А. Васильев, Византия и арабы.
3. Дринов, Южные славяне и Византия в X веке, «Чтения в имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете», Москва, 1875, кн. III.
4. Н. Скабаланович, Византийское государство и церковь в XI в.
5. G. Schlumberger, L'épopée Byzantine à la fin du dixième siècle. Jean Tzimisces. Les jeunes années de Basil II, Paris, 1896.

6. G. Schlumberger, L'épopée Byzantine à la fin du dixième siècle. Troisième partie (1025—1057).
7. G. Schlumberger, Un empereur byzantin au dixième siècle. Nicephor Phocas.
8. A. Vogt, Basil I-er, empereur de Byzance (867—886) et la civilisation byzantine à la fin du IX siècle.
9. A. Rambaud, L'empire Grec au dixième siècle.
10. Диль. Византийские портреты.
11. Krumbacher, Geschichte der Byzantinischen Litteratur, Zweite Auflage, 1937.





## Глава VII

### ВИЗАНТИЯ И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

#### 1. Внешняя и внутренняя политика Комнинов

В 1057 г. с прекращением Македонской династии в Византии наступает полоса длительной анархии. С 1057 по 1081 г. на императорском престоле сменяются пять императоров: Исаак Комнин (1057—1059), Константин Дука (1059—1067), Роман IV Диоген (1068—71), Михаил VII (1071—1078), Никифор Вотаниат (1078—1081).

Правление последних императоров Македонской династии, как уже отмечалось, было временем господства гражданского чиновничества, сената и церкви, оттеснивших на задний план военную провинциальную знать и туземную армию. Такая политика делала неизбежным резкий конфликт между всемогущей бюрократией и вождями армии. В 1057 г. восстание в малоазиатских фемах дало победу военной партии, выдвинувшей на императорский престол одного из наиболее видных своих представителей Исаака Комнина (1057—1059).

Комнин немедленно приступил к осуществлению программы военной партии: сократил содержание крупных чиновников, упразднил разорительные для государственного казначейства sinecуры для придворных, ученых, слишком многочисленного духовенства, сместил с патриаршего престола Михаила Керуллария. Однако военной партии удалось продержаться у власти только 2 года. В своей деятельности Исаак натолкнулся на такие трудности, что должен был сам в 1059 г. отказаться от престола в пользу Константина Дуки, политика которого снова явилась торжеством всемогущей бюрократии и была явно направлена против военной знати.

Чтобы сломить военных магнатов, правительство Константина снова уменьшило численность армии и урезало содержание войскам. Но международное положение империи не оправдывало такой политики. С севера Византия продолжала подвергаться нападениям печенегов, в Италии норманны захватывали один за другим византийские города: Трою (1060 г.), Отранто, но наиболее грозная опасность начала вырисовываться на востоке, где поднялось могущество турок-сельджуков. При Константине Дуке и

в регептство его жены сельджукский султан Альп Арслан завоевал Армению со столицей Ани и опустошил часть Сирии, Киликию и Каппадокию.

Угрожающая внешняя обстановка дала еще раз победу военной партии, поставившей на византийский престол в 1068 г. своего ставленника Романа IV Диогена. Но этот представитель армии не смог успешно вести борьбу одновременно против турок и против могущественного чиновничества, возглавляемого сенатом и поддерживаемого патриархом и духовенством, а также против наемной гвардии, преданной Дукам. Попытка Романа задержать продвижение турок закончилась полным крахом. В 1071 г. в битве при Манцикерте к северу от Ванского озера Роман был разбит турками и попал к ним в плен, а по возвращении из плена зверски ослеплен Дуками.

Малая Азия, где крепостные и рабы обрабатывали землю вельмож, явилась легкой добычей для турецких завоевателей. Султан Сулейман объявил этих крепостных и рабов свободными под условием уплаты ими поголовной подати; таким образом народные низы Малой Азии самыми жизненными интересами оказались связанными с турецким господством.

Вся восточная часть Малой Азии и Армения оказались потерянными для Византии сразу и безвозвратно. Одновременно империя лишилась своих последних владений в Италии. В 1071 г. норманны завоевали Бари, последний город, еще остававшийся в руках византийцев. В самой империи царил анархия. Народные массы были задавлены налогами. Одновременно феодальная знать поднимала восстание за восстанием против обессиленного центрального правительства. Вожди византийских наемных отрядов, преимущественно норманнского происхождения, — Эрве, Байель — заботились только о собственных интересах. После битвы при Манцикерте императором был провозглашен сын Константина Дуки Михаил VII (1071—1078), но против него подняли восстание представители феодальной знати: в Азии — Никифор Вотаниат, в Европе — Вриенний. Пользуясь ослаблением военной мощи империи и ее внутренними раздорами, турки постепенно проникали вглубь Малой Азии и продвигались все дальше на запад. Поддерживая, например, Никифора Вотаниата в его стремлении захватить императорский престол, турки дошли с ним до Никеи и Хрисополя, которыми и овладели. Когда Никифор Вотаниат сделался императором (1078—1081), против него подняли восстание новые претенденты: в Азии Мелиссен, в Европе — Василаки. В это же время провинции Балканского полуострова подвергались опустошениям со стороны печенегов. Конец тридцатилетней анархии положил переворот 1 апреля 1081 г., свергнувший Никифора Вотаниата и посадивший на императорский престол Алексея Комнина. Этот переворот, означавший окончательную победу феодальной военной знати над гражданским чиновничеством, дал империи возможность еще надолго продлить свое существование.



Император Роман Диоген и его жена.  
(Византийская работа XI века из слоновой кости.)

Ко времени начала династии Комнинов византийское государство находилось в крайне тяжелом положении. В результате военного разгрома на полях Манцикерта в 1071 г. и длительной внутренней анархии богатые малоазиатские области, доставлявшие империи наибольшие доходы и лучших солдат, стали добычей турок. К 80-м годам XI в. турки успели уже из Месопотамии продвинуться в Сирию, Киликию, Каппадокию, Ликаонию, Фригию, Вифинию, а в первые годы правления Алексея захватили даже западные берега полуострова — древнюю Лидию и ряд островов. В Азии в действительном обладании империи оставались только немногие прибрежные города. Европейские провинции опустошались постоянными войнами. Ко всему этому присоединялась угроза норманнской опасности. Норманнские авантюристы, которые в 70-х годах лишили империю Апулии и Калабрии, теперь готовились переправиться через Адриатическое море и напасть на Византию с запада. Их силы были объединены могущественным Робертом Гвискардом, сильным и неразборчивым в средствах герцогом Апулии. В июне 1081 г. норманнская армия осадила Дураццо, морскую крепость, прикрывающую берега Эпира.

Византия не в состоянии была ничего противопоставить своим врагам. Флота не было. От сухопутных войск оставались только жалкие остатки.

При таких критических обстоятельствах малоазиатская военная аристократия захватила, в лице Комнинов, власть в свои руки и получила возможность осуществить свою программу «спасения» государства. Власть Комнинов представляла союз небольшого числа самых крупных и могущественных аристократических фамилий: Комнинов, Дуков, Ангелов, Палеологов, Кантакузинов. Эта правящая клика плотно смыкает свои ряды, компенсируя себя за потерю обширных латифундий в Малой Азии взятием в свое монопольное обладание наиболее важных и прибыльных должностей в центральном и провинциальном правительственном аппарате.

Старая мощь Византии исчезла безвозвратно, но Комнинам удалось на целое столетие задержать дальнейший распад государства. В XII в. Византия еще играет роль великой державы Европы, выдерживая не без успеха непрерывные и ожесточенные войны с своими соседями. Силы государства еще не были исчерпаны, несмотря на потерю Малой Азии. В руках правительства оставался Константинополь, крупнейший торговый центр тогдашней Европы, ряд городов Греции, являвшихся центрами производства пурпуровых и шелковых тканей (Фивы, Коринф). Комнины сохраняли старые традиции византийской администрации, позволявшие извлекать из подвластной территории обильные доходы. По крайней мере западные народы и в XII в. постоянно изумлялись кажущейся неистощимости императорских сокровищ. Нужно признать, что Комнины сумели полностью использовать эти средства. Все три первых императора этой династии — Алексей Комнин (1081—1118), Иоанн II (1118—1143), Мануил (1143—1180) — были энергичными, предприимчивыми, незаурядными правителями. К

активности побуждала их и та трудная международная обстановка, в которой находилась Византия, вынужденная вести ожесточенную борьбу за самое свое существование с турками, норманнами, печенегами, венграми и сербами.

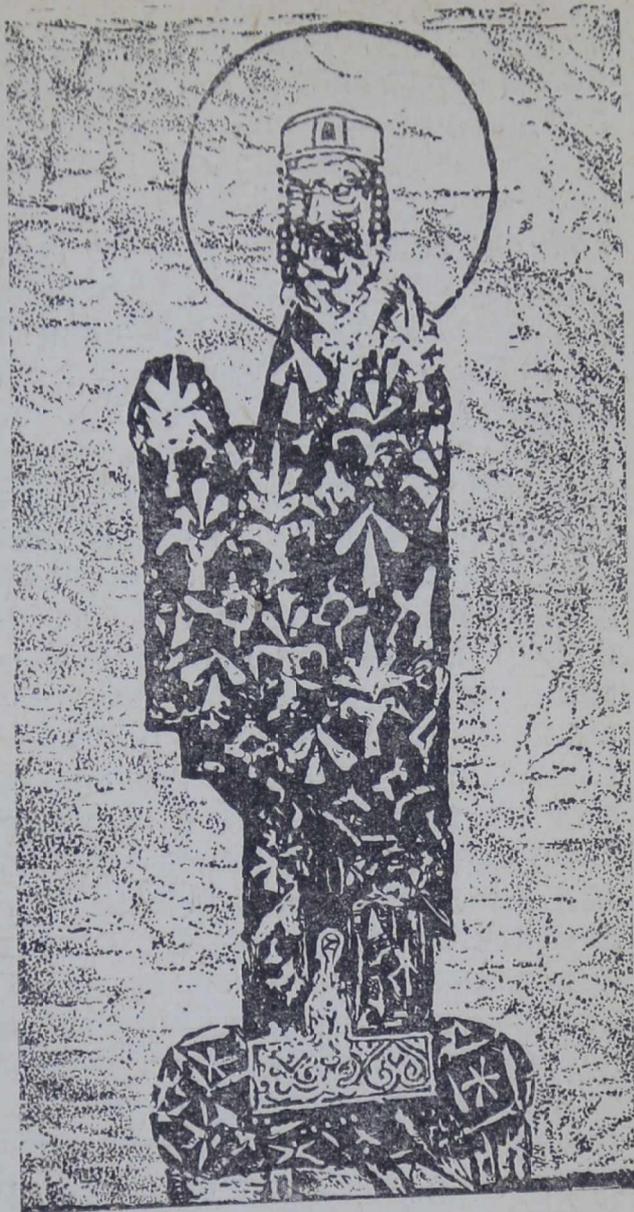
Естественно, что военное дело, вопросы военной обороны для византийского правительства XII в. являлись основными.

Первый представитель династии Комнинов, Алексей «...все время ведет борьбу с внутренними восстаниями и внешними врагами...». <sup>1</sup>

Он проявил замечательную энергию и настойчивость, стремясь улучшить внутреннюю обстановку и международное положение империи. Борьбу с внешними врагами он вел столько же оружием, сколько хитрыми приемами византийской дипломатии. Поставленный перед фактом норманнского вторжения в европейские провинции, он вынужден был заключить мир с сельджуками, признав за ними все их завоевания, в том числе и город Никею, так что Алексей из окон своего большого дворца мог видеть горы, принадлежавшие туркам.

Для защиты Византии от грозного Роберта Гвискара Алексей возбуждал против него денежными субсидиями население Южной Италии и германского императора Генриха IV, добился союза с враждебными норманнам венецианцами, предоставив последним обширные торговые привилегии. Одновременно он повел против норманнов армию, являвшуюся, правда, только тенью того войска, которое Роман Диоген десять лет тому назад повел против турок. Оно состояло из немногих туземных частей, набранных в фемах Фракии, Македонии и Фессалии, единственных оставшихся в то время под властью византийского правительства.

Ядром ее являлась гвардия, набранная из англо-саксов и других наемников. С ним шли также разные вспомогательные отряды турок, франков, сербов и др. Эта наспех сколоченная армия потер-



*Алексей Комнин.*

<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 188.

пела от норманнов 18 октября 1081 г. сокрушительное поражение, после чего Гвискар взял штурмом Диррахий. Но ни это поражение, ни два последующих — в 1083 г. — не сломили решимости Алексея продолжать борьбу. Наученный горьким опытом, он в дальнейшем избегал решительных сражений, ограничиваясь партизанской войной. Путем подкупов ему удалось вызвать брожение среди норманнских феодалов. Византийское золото создавало норманнам крупные затруднения в Италии. Война приняла затяжной характер и, когда Роберт Гвискар умер (1085), Алексей отвоевал обратно захваченные норманнами земли, гавани и острова.

Но византийскому правительству не суждено было получить передышку. Лишь только Алексей освободился от норманнов, грозная опасность выросла на севере империи.

Тяжелый гнет налогов, бесчеловечное хозяйничанье византийских палаточных сборщиков и чиновников, племенная вражда угнетенных болгар по отношению к византийцам — все это способствовало тому, что во Фракии и Болгарии учение павликиан и их болгарских последователей — богомилов, несмотря на всяческие преследования, находило все больше последователей как среди крестьян и пастухов, так и среди городских жителей. Павликианство было перенесено в Европу поселенцами, которых вывели из Армении императоры Константин V и Иоанн Цимисхий. Центром павликианства на Балканах стал город Филиппополь. Помещая в окрестностях этого города, после победы над Святославом, восточную колонию, Цимисхий преследовал двойную цель — удалить непокорных и воинственных сектантов из горных замков и ущелий их родины, где с ними трудно было справиться, и сделать их оплотом против набегов и нашествий на Фракию со стороны скифского севера. Но результат оказался противоположным целям византийской политики. Филиппопольские павликиане и богомилы начинают принимать участие во всех восстаниях против Византии.

В составе разноплеменной армии Алексея Комнина, выведенной против норманнов, находилось 2800 богомилов под начальством их вождей Ксанты и Кулеопа. В критическую минуту отряд этот покинул Алексея и ушел домой. Император решил строго наказать изменников; хитростью заманив к себе главных вождей и видных представителей Филиппопольской еретической общины, он заключил их всех в тюрьму, конфисковал их имущество и роздал служилым людям. Семейства захваченных «еретиков» были брошены в Филиппопольскую крепость. Ответом на это было ожесточенное восстание, которое еретики под предводительством павликианина Лека и богомила Добромира начали против «идолослужителей капищ демонских». Эти вожди собрали вокруг себя тысячи крестьян и, вместо того чтобы охранять Балканские проходы против печенегов, призвали этих «скифов» против Византии. Печенеги и еретики нанесли сильное поражение византийскому войску в 1086 г., в результате чего Дристр и вся дунайская Болгария стали независимыми от империи. В 1087 г. византийский военачальник Николай Маврокаталон мог только с трудом сдержать нахлынувшую во Фра-

кию многочисленную орду печенегов под начальством Челгу-Хана. В 1088 г. Алексей перешел Балканы, но был разбит в сражении при Дристре, так что византийцы долгое время не осмеливались выступать против печенегов в открытом поле, и Алексей мог вести против них только партизанскую войну. Печенеги заняли Филиппополь, куда их уже давно звали богомилы, и рассыпались отдельными бандами по всей долине реки Марицы и во Фракии. Положение Византии стало тем более критическим, что турки-сельджуки возобновили свое наступление с востока. Таким образом два турецких племени — печенеги и турки-сельджуки — наступали одновременно в Европе и Азии, причем сельджуки стремились через пролив подать руку своим единоплеменникам в Европе. Предприимчивый турецкий эмир Чаха, породнившийся с султаном Никейским, укрепился в 1090 г. на западном берегу Малой Азии и на Спорадских островах, сделал Смирну столицей своего государства, завел свой флот, овладел приморскими городами Фокеей и Клазоменами, островами Лесбосом и Хиосом и завязал сношения с печенегами, которые ему были хорошо известны.

Эмиссары Чахи появились среди шатров печенегов. Чаха требовал, чтобы к следующей весне печенеги заняли полуостров Галлиполи, откуда они могли бы поддерживать с ним прямые и беспрепятственные сношения и действовать по общему плану. Он намеревался отрезать Константинополь от всяких связей с провинциями и одновременно блокировать его с моря.

Давно уже Византийская империя не была в таком критическом положении, как осенью 1091 года. Но византийская дипломатия и золото сумели справиться с печенегами так же, как раньше с норманнами. Алексей с большой ловкостью сумел разъединить печенегов и половцев, действовавших сначала вместе. Многочисленная орда половцев, кочевавшая в низовьях Днепра и Дона, вступила в союз с Византией. 29 апреля 1091 г. соединенные силы византийцев и половцев произвели беспощадное истребление печенежской орды. Остатки печенегов были расселены в верхней Македонии около Моглены. Турецкий эмир Чаха, мечтавший о покорении Константинополя и уже носивший титул и облачение восточных императоров, не успел прибыть со своим флотом на помощь печенегам и тем осудил себя на гибель. В борьбе с византийским флотом он потерпел поражение и потерял сначала часть своих завоеваний, а потом и самую жизнь. Византийская интрига успела вооружить против него турецкого султана, на дочери которого он был женат, и опасный своей предприимчивостью эмир погиб от руки своего тестя (1093 г.).

Но в то время, как византийское правительство счастливо избавилось от этих внешних опасностей, на империю надвигалась новая волна, грозившая ее затопить — первый крестовый поход.

В XI веке в Западной Европе наблюдается общий хозяйственный подъем; на основе развития производительных сил растет разделение труда, меняется характер торговых взаимоотношений

Западной Европы с Востоком. Прежняя пассивная роль Западной Европы сменяется активной — на Восток везут не только сырье, но и промышленные изделия. Увеличивается количество торговых путешествий на Восток, причем торговые цели часто сливаются с религиозными. Во время этих путешествий западные рыцари и купцы воочию убеждаются в техническом и культурном превосходстве Востока как Западом. Однако во второй половине XI в. это быстро развивавшееся торговобогомольческое движение на Восток было в значительной степени парализовано турками, которые, захватив Багдадский халифат и большую часть Малой Азии, грабили или в лучшем случае обирали западноевропейские караваны, налагая на них тяжелые поборы. В связи с этим на Западе стала приобретать популярность идея прямого завоевания Востока под лозунгом освобождения «Гроба господня» от ига мусульман. Проповедь эта нашла сочувственный отклик во всех классах тогдашнего европейского общества: среди избыточного рыцарского населения Франции и Германии, стремившегося поживиться за счет сказочных богатств Востока; среди крупных феодалов, для которых захваты на Востоке обещали расширение владений, рост доходов, усиление политического влияния; в итальянских торговых городах, которые непосредственно были заинтересованы в крестовых походах, так как прямой захват Востока должен был укрепить роль этих городов как основных посредников в торговле Востока и Запада. Крестьяне шли в крестовые походы, убегая от гнета феодалов, в расчете на новых землях добиться свободы, которой они были лишены на своей родине. Все это искусно было использовано римскими папами для организации крестовых походов против мусульманского Востока. Два события, относящиеся к XI веку, облегчили сообщение между Западом и Востоком: 1) обращение Венгрии в христианство, сделавшее возможной связь по Дунаю между Австрией и византийскими аванпостами в Болгарии, 2) крушение арабского морского могущества в центральной части Средиземного моря: отвоевание пизанцами и генуэзцами у арабов Корсики и Сардинии, а норманнами — Сицилии, что обезопасило пути по Средиземному морю; появление на этом море флотов четырех новых государств — Генуи, Пизы, Венеции и южно-итальянского норманнского государства, в то время как раньше здесь господствовали только арабы да византийцы.

В 1095 г. до Алексея дошли вести, что народы Запада устремляются «мирадами» к границам империи. Византийское правительство мало верило в искренность намерений крестоносцев. Если Алексей до этого обращался к Западу с просьбой о помощи, то речь шла только о присылке отрядов вспомогательных наемных войск. Появление многочисленных крестоносных ополчений на территории империи внушало Алексею серьезные опасения, как бы недисциплинированные грубые «латиняне», прельстившись богатствами Константинополя, не обратили своего оружия против империи. Не могло успокоить византийское правительство известие о том, что одним из крупнейших вождей крестового

ополчения является старый враг Византии тарентский герцог Боэмунд, а грабежи и бесчинства банд Петра Пустынника, первыми вступивших на территорию империи, могли только укрепить его опасения.

Алексею понадобилось все его дипломатическое искусство и изворотливость, чтобы отвести от Византии новую опасность и даже извлечь из крестового похода известные выгоды. Одних вождей крестоносцев он уговорил, других подкупил, третьих вынудил силой принести ему присягу в верности и дать обязательство возвратить Алексею бывшие провинции Византии, которые удастся отвоевать у мусульман. На этих условиях византийцы согласились переправить крестоносцев в Малую Азию. Кроме того, византийское правительство обязалось оказывать крестоносцам помощь войсками и продовольствием до отвоевания «гроба господня». Оно стремилось использовать крестоносцев для восстановления своей власти в Малой Азии. В 1097 г. крестоносцы осадили Никею. Алексей побудил никейских турок сдать город ему, что вызвало сильное недовольство крестоносцев, лишившихся плодов своей победы, и это недовольство не в состоянии было устранить подарки и любезности Алексея. Крупная победа над турками при Дорилее помогла крестоносцам проложить путь через Фригию и Каппадокию, достигнуть северной Сирии, где они осадили Антиохию.

Воспользовавшись ослаблением сельджуков, Алексей без большого труда овладел Смирной, Эфесом, Сардами, Лаодикеей, Филადельфией — западной частью Малой Азии. Таким образом, на первых порах, как отмечает Маркс, «...начавшиеся при Алексее I с Запада крестовые походы подняли опять значение империи, удалили опасность с Востока...». <sup>1</sup> Но отношения с «франками», как называли всех крестоносцев на востоке, все ухудшались. В то время как крестоносцы завоевывали Сирию и Иерусалим, Алексей только расширял свои владения в Малой Азии. Крестоносцы, считая, что они очень много сделали для Византии, жаловались на то, что Алексей не сделал ничего значительного в их пользу. На этом основании они отказались передать ему завоеванную ими столицу востока Антиохию, которую Византия потеряла только в 1085 г. и обладанию которой она придавала огромное значение. Обе стороны нарушили соглашение, подписанное в Константинополе, и обвиняли друг друга в измене. Первый крестовый поход закончился не восстановлением византийской власти в Сирии, но основанием латинских феодальных владений в Эдессе, Антиохии, Триполи и Иерусалиме. Но если империи не удалось возвратить Сирию, то все же благодаря крестовому походу граница турецких владений в Малой Азии была значительно отодвинута к востоку. Кроме Никейской области, Византия возвратила всю Карию, Лидию и значительную часть Фригии. Сельджуки были сильно ослаблены и должны были почти на столетие перейти от наступления к обороне.

<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 188.

В результате тяжелого удара, нанесенного туркам крестоносцами, последние годы правления Алексея Комнина были относительно спокойными, свободными от опасностей, переполнявших первые годы его правления. Когда Боэмунд Тарентский, владевший Антиохией, в 1107 г. сделал попытку повторить предприятие Роберта Гвискара, Византия без большого труда одержала победу. Боэмунд был вынужден заключить унижительный мир, по которому он отказался от своих притязаний на Киликию и признал ленную зависимость своего антиохийского княжества от Византии.

Сын и преемник Алексея Иоанн (1118—1143) при вступлении на престол нашел и войско, и финансы, и внешние дела государства в гораздо лучшем положении, чем Алексей. Он был такой же деятельный и неутомимый воин, как его отец. Его правление также прошло в непрерывных войнах. Пользуясь относительным спокойствием на западных границах, Иоанн сосредоточил свое внимание на отвоевании малоазиатских провинций, стремясь отодвинуть византийские границы до Антиохии и Евфрата и заставить восточных латинян признать византийский суверенитет. В этом направлении он достиг некоторых успехов. Империи были возвращены город Лаодикия во Фригии, южная часть Пафлагонии, часть Писидии и Памфилии, Киликия.

В результате этих успехов византийские владения в Малой Азии, образуя прибрежную полосу, с трех сторон охватывали владения сельджуков.

Однако вместо того, чтобы окончательно закрепить за собой очень важные для государства провинции Малой Азии нанесением решительного удара сельджукам в центре полуострова, Иоанн в конце своего правления поставил перед собой непосильную задачу вернуть под власть Византии Сирию и Палестину. Если успехи Иоанна в Малой Азии позволяли ему надеяться, что задача вытеснения оттуда турок рано или поздно увенчается благоприятным результатом, то его попытка восстановить роль византийской торговли на западе и аннулировать крайне невыгодные для империи торговые привилегии венецианцев, которые Алексей был вынужден им предоставить во время борьбы с Робертом Гвискарсом, закончилась полной неудачей. В ответ на отказ Иоанна подтвердить венецианским купцам привилегии, данные Алексеем, последние начали грабить берега и острова Ионического и Эгейского морей. Здесь обнаружилась слабость Византии на море, отсутствие у нее флота, который был бы в состоянии бороться с венецианцами, хотя правительство Алексея и заботилось о его восстановлении. Когда Венеция в 1126 г. захватила, пользуясь своим преобладанием на море, византийский остров Кефалонию, Иоанн должен был подтвердить все старые права венецианцев.

Несмотря на эту неудачу, он оставил своему преемнику Мануилу (1143—1180) казну и войско не в худшем состоянии, чем при своем вступлении на престол, а внешние дела даже в значительно лучшем положении. Мануил был таким же неутомимым солдатом, как его отец и дед, но в отличие от них он предается грандиозным фанта-

зиям о восстановлении византийского господства в Италии. Он направляет все свои стремления на Запад, пренебрегая гораздо более важными восточными (малоазиатскими) делами. Византийская внешняя политика при Мануиле совершенно теряет понимание реально возможного и осуществимого.

Воспитанный в духе западного рыцарства, связанный разнообразными сношениями с западными императорами и королями, Мануил питал заметное пристрастие к Западу. Его подданные жаловались, что император в слишком большом количестве брал к себе на службу латинян и тратил на них большие суммы денег.

Все его правление, также как и его предшественников, было нескончаемой серией войн. В течение длительного времени это были удачные войны. Его личная храбрость и неутомимая энергия создали ему популярность в армии, основное ядро которой составляли испытанные в боях кавалерийские части иностранных наемников. Он смирил непокорного вассала Византии антиохийского владетеля Раймунда Тулузского, оттеснил сельджуков до их столицы Икониума. Ему удалось сравнительно благополучно провести византийский государственный корабль через опасный кризис, созданный вторым крестовым походом (1147—1149), когда Византии пришлось пропустить через свою территорию многочисленные и недисциплинированные ополчения германского императора Конрада III и французского короля Людовика VII. Это событие совпало по времени с нападением на владения Византии Сицилийского короля Рожера. Также, как и во время первого похода, не было недостатка в конфликтах и трениях между византийцами и крестоносцами, с которыми у стен Константинополя дело дошло почти до открытого разрыва, так что руководители французского ополчения даже обсуждали план взятия столицы штурмом. Второй поход окончился, как известно, катастрофой, которая постигла и немецкое и французское крестоносные ополчения в Малой Азии и под стенами Дамаска не столько от оружия сельджуков, сколько от голода и плохой организации. Мануил сделал очень мало, чтобы предотвратить неудачу крестоносцев, которую на Западе прямо приписывали коварству греков. Он мог рассматривать как выигрыш заключение союза в 1149 г. с императором Конрадом, союза, направленного против сицилийских норманнов.

Чувствительный ущерб Византии принесло нападение сицилийских норманнов. Король сицилийский Рожер в 1147 г. неожиданно напал на остров Корфу, где византийский налоговый гнет заставил народные массы встретить норманнов с распростертыми объятиями. После занятия Корфу сицилийский флот, опустошив Эвбею и Аттику, ограбил Фивы, один из центров византийской шелковой промышленности. Было взято громадное количество готовых шелковых изделий и самые опытные ткачи были переселены в Сицилию. Такая же участь постигла Коринф, второй центр шелковой промышленности. И отсюда большое количество опытных ремесленников было отправлено в Сицилию. Хотя норманны преследовали только цели грабежа, не рассчитывая удержать эти города за собою,

и они вскоре были снова заняты византийцами, но торговле и промышленности Эллады и Пелопоннеса был нанесен тяжелый удар.

Византийскому правительству пришлось снова просить Венецию о посылке флота против норманнов. При их поддержке остров Корфу был отвоеван в 1149 году. Чтобы оградить берега Греции от набегов, Мануил решил перенести войну в Италию. В 1151 г. он занял Анкону и пытался отвоевать у норманнов Апулию, вступив для этого в переговоры с римским папой и германским императором. Но ни тот ни другой не хотели восстановления византийского владычества в Италии. После некоторых первоначальных успехов Михаила Палеолога попытка отвоевать старые византийские владения в Италии кончилась полной неудачей. Византийская армия потерпела тяжелое поражение от норманнов. Ее военачальники попали в плен. В 1158 г. Византия заключила мир с норманнами, по которому обе стороны сохраняли свои старые владения. Ведя войну с сицилийскими норманнами, правительство Мануила в то же время вступило в войну с Венгрией. Повод для войны Мануил усмотрел в поддержке Венгрией стремления сербов к отделению, хотя сербы в то время являлись скорее номинальными, чем действительными подданными империи.

В 1152—1154 гг. византийские войска заняли венгерскую крепость Зевгмин. Война с Венгрией в общем разворачивалась для Византии успешно. Еще раньше сербы были поставлены в более прочную вассальную зависимость от Византии и в 1151 г. должны были поставить контингенты солдат в императорскую армию.

В 1162 г. Мануил вмешался в междоусобия членов венгерской королевской династии. Его войска заняли в 1165 г. Зевгмин, Спрмий и овладели венгерской Далмацией. Покровительствуемый Византией претендент на венгерский престол Бела III (1173—1196) достиг королевской власти, и на короткое время эта страна стала в политическую и культурную зависимость от Византии.

Но основным содержанием правительственной деятельности Мануила были разнообразные военные и дипломатические мероприятия, имевшие целью восстановление византийского господства в Италии.

Правящий класс византийской империи, не считаясь с исторической реальностью, даже в XII в. не отказался от старых великодержавных мечтаний. Мануил Комнин, подобно Юстиниану, снова выдвинул фантастический план восстановления под эгидой Константинополя всемирной Римской империи. Литературная продукция византийцев XII в. всецело остается под влиянием «великой идеи», что средневековая Византия является преемницей древнего Рима и сохраняет все его права. Эта идея проходит красной нитью через произведения всех византийских историков этого столетия. Мы находим ее у кесаря Никифора Вриенния, описавшего события 1070—1079 гг., и у его жены Анны Комниной, оставившей объемистое историческое произведение «Алексиаду», описывающее подвиги отца Анны, императора Алексея Комнина. Последнее про-

изведение проникнуто гордостью византийской принцессы своим образованием, положением, происхождением. В предприятиях крестоносцев Анна видит грозную опасность для византийского государства и источник неприятностей для своего отца. Продолжатель Анны, Киннам, секретарь Мануила, описавший события с 1118 по 1176 г., также резко враждебен по отношению к латинянам, к римским папам и к германским императорам, которых Киннам рассматривает только как узурпаторов законных прав константинопольского василевса. Мысль о том, что Византия является преемницей древнего Рима, сохраняющей все его права, понижает и произведения других выдающихся писателей XII в. — сенатора Никиты Акомината, в своей «Истории» описавшего события 1180—1204 гг., Феофилакта, епископа Охридского, Евстафия, епископа Фессалонийского, ученого филолога Михаила Акомината, епископа Афинского и др.

Таким образом, Мануил Комнин, пытаясь использовать ожесточенную борьбу римских пап с императорами из дома Гонгенштауфенов (в данный период с Фридрихом I Барбароссой) для восстановления единства Запада и Востока, настойчиво проводил политику всей правящей верхушки военноземлевладельческой знати. Эта политика конкретно выражалась, прежде всего, в том, что Мануил помог восстановить на римском престоле папу Александра III. Этому папе Мануил предлагал план объединения старого и нового Рима, план соединения церквей и ликвидации церковного раскола. Он не щадил также денежных субсидий Ломбардской лиге в ее борьбе с Фридрихом Барбароссой. В документах этой эпохи мы постоянно встречаем упоминания о «безграничных богатствах» и щедрых субсидиях, которые греческий император, «самый богатый из монархов», расточал городским общинам Италии. Но несмотря на опытность и искусство византийских дипломатов, несмотря на серьезные затруднения, созданные ими Фридриху Барбароссе в Италии, Мануил не достиг намеченной цели. Его активное вмешательство в дела Запада, со всеми вытекающими из этого вмешательства военными мероприятиями и дипломатическими комбинациями, стоило громадных денег, но не давало Византии никаких положительных результатов и только вызывало среди широких масс византийского населения острое недовольство политикой императора и его латинофильством. Особенно раздражало византийцев внедрение в империю венецианцев, которые, по словам византийского историка Киннама, «обращались с гражданами как с рабами»,<sup>1</sup> а по словам другого историка, Никиты Акомината, «не только начали презрительно относиться к ромеям, но и пренебрегали распоряжениями и повелениями императора».

Мануил, имевший и личные поводы к недовольству венецианцами, в 1171 г. к большой радости населения арестовал всех венецианцев, живших в империи, и конфисковал их имущество, причинив тем самым Венеции крупные убытки.

<sup>1</sup> Kinnamos 'Εκτομή, ed. Bonn., стр. 281.

В ответ на это Венеция вооружила большой флот, который опустошил Далмацию и напал на Эбею. Хотя этот флот вернулся в Венецию, ничего не добившись, так как среди экипажа началась эпидемия чумы, но в 1175 г. Венеция заключила с Вильгельмом Сицилийским союз, направленный против Византии. Мануил должен был уступить, отпустить пленных, восстановить прежние права венецианцев. Территория империи снова была наводнена западно-европейскими купцами, подрывавшими византийскую торговлю, и вражда между ними и византийцами еще более усилилась.

В последние годы своего правления Мануил будто бы и сам осознал опасность пренебрежения восточными делами, недостаточное внимание к которым способствовало усилению иконийского султана Килиджа-Арслана, объединившего под своей властью значительную часть полуострова за счет других турецких феодальных владетелей. Одержав победу над своими соперниками, подстрекаемый Фридрихом Барбароссой, Килидж-Арслан занимал все более угрожающую позицию по отношению к Византии, показателем чего являлись участвовавшие турецкие набеги. Чтобы обеспечить малоазиатские границы, Мануил построил двойную линию укреплений для их прикрытия, но это мало помогало.

В 1176 г. Мануил решил с главными силами напасть на Иконий, столицу сельджуков, а Андроник Ватац с северо-запада должен был атаковать Неокесарию. Но эта попытка оказалась запоздалой и плохо подготовленной. Судьба и той и другой экспедиции была печальной. Ватац был убит пред Неокесарией, и армия его разбежалась. Сам Мануил без надлежащей рекогносцировки углубился в горный узкий проход около Мириокефала (в древней Фригии, недалеко от Келен). Византийскую армию постиг здесь полный разгром. Сам Мануил сравнивал это поражение с злосчастным сражением при Манцикерте. После этого ни о каких наступательных операциях на востоке не могло быть и речи. Ослабленная этим разгромом византийская армия должна была перейти к обороне и с трудом в дальнейшем защищала византийские владения в Малой Азии. Эта битва положила конец всяким надеждам на изгнание сельджуков из Малой Азии. В итоге долгого и внешне блестящего царствования Мануила империя оказалась ослабленной в военном отношении и совершенно истощенной экономически.

Такой результат неутомимой деятельности Комнинов не является неожиданным. Поглощенные непрерывными войнами и заботами об изыскании средств для этих войн, Комнины еще в меньшей степени, чем их предшественники, отдавали себе отчет в том, что для ведения успешной внешней политики недостаточно иметь боеспособную армию, а необходима и прочная материальная база. Между тем сами Комнины разрушали эту базу, проводя узко-классовую политику в интересах представляемой ими аристократии. Военную оборону они организовали так, что права и средства центрального правительства постепенно и незаметно переходили в руки феодальной знати, а в городах — в руки венецианских и других латинских купцов. До известной степени они вынуждены были считаться с влиятель-

ным духовенством, хотя и захватили часть богатств церкви в свое распоряжение. Интересами же всех остальных классов они, естественно, жертвовали совершенно. Туземная торговля была подорвана привилегиями, предоставленными Венеции и другим итальянским городам. Население империи было бесправно, лишено всякого участия в управлении государством, подавлено тяжелыми налогами, опекой и насилиями чиновников, которые, по выражению современного историка, «поедали народ, как хлеб».

Как мы уже сказали, вопросы военной обороны являлись основными для византийского правительства XII в. Византийская армия в XII в. попрежнему составлялась из туземных контингентов и вспомогательных наемных войск. Туземные войска пополнялись наборами в фемах, во главе которых теперь, ввиду сокращения их территории, стояли вместо стратигов дуксы. Комплектование армии туземными элементами представляло большие трудности вследствие прогрессирующего уменьшения провинциального населения.

В оставшихся под властью Византии территориях Малой Азии население страдало от постоянных набегов турок; оно или уводилось в плен, или вынуждаемо было укрываться в городах. Брошенные земледельцами земли не поставляли солдат и не платили налогов. Население Придунайских провинций в Европе страдало от набегов печенегов, половцев, венгров; западные провинции испытывали большие бедствия и разорения во время прохождения по их территории крестоносцев, от набегов сербов, от вторжений норманнов. Нищета, как следствие войн, набегов, неурожаев, тяжелых налогов, попрежнему заставляла еще уцелевших к тому времени свободных крестьян переходить на положение париков частных владельческих и церковных земель; количество свободного населения непрерывно уменьшалось.<sup>1</sup>

Положение в деревне приняло столь угрожающий характер, что Мануил императорским указом возвратил свободу тем, кто по разным причинам ее лишился в его царствование и даже обещал вознаграждение от казны землевладельцам, пожелавшим освободить своих крепостных.<sup>2</sup>

Освобожденные таким способом крестьяне немедленно включались в военное сословие. Если до Мануила военнопленные обычно продавались в рабство, то Мануил выкупал военнопленных и рассаживал их на запустевших стратиотских участках. Византийское государство не отставало от своих соседей и в стремлении набрать на вражеской территории возможно больше пленных. Во время венгерских войн Мануил опустошал целые области, уводя их население в плен тысячами и десятками тысяч. Здесь проявляется одна из основных задач правительства: обеспечение империи новыми массами налогоплательщиков. Точно также забота о комплектовании армии вызывала вселение на территорию империи целых колоний варваров, обеспечиваемых землей при условии несения

<sup>1</sup> Kinnaunos, VI, 8, стр. 276; Tafel, Eustatii Thessalonicensis opuscula, p. 340.

<sup>2</sup> Chalandon, Jean II Comnène et Manuel I Comnène, стр. 612.

военной службы. Евстафий Фессалоникийский восхваляет Мануила за то, что «он ввел в Римскую империю для ее защиты бесчисленное количество людей». Из других источников, однако, мы знаем, что эта внутренняя колонизация империи иноземцами проходила далеко не гладко. Неоднократно наблюдались случаи, когда туземные крестьяне, напуганные вселением в данную местность варваров, покидали свои жилища и укрывались в города.

Но все эти мероприятия являлись паллиативами. Вооруженные силы империи Комнинам пришлось в основном строить уже совершенно на другом основании, чем раньше. Система военной обороны государства теперь уже не могла базироваться на свободном крестьянском сословии и стратиотских земельных наделах. Комнины должны были строить оборону государства в основном на экономически мощном крупном землевладении. Уже в XI в. императорские земли (как пустопорожные, так и населенные париками) отдаются в пронию (буквально — на попечение) служилым людям, получающим их в пожизненное владение.

В XII в. эта система получает дальнейшее развитие, охватывая все большее количество земель вместе с сидящими на них крестьянами.<sup>1</sup> Территория прониара, как правило, выделяется в особый округ, в котором прониар получал судебные и административно-государственные права и взимал подати и оброки с крестьян, из коих часть передавал государству, а часть оставлял себе. Пронии были рассеяны многочисленными островами на территории империи и обнаруживали тенденцию к дальнейшему расширению, соперничая в этом отношении с монастырями. Прониарные земли давались вначале только на определенный срок, но в дальнейшем они передавались как личная и наследственная собственность. Понятно само собой, что широкое распространение таких «экзимирированных» округов, где крупные землевладельцы наделялись и административно-судебными правами, должно было неблагоприятно отразиться на силе центрального правительства, подрывая самые основы старой византийской централизации. Византийская прония чем дальше, тем больше обнаруживала сходство с западноевропейскими бенефициями. Когда после 1204 г. западноевропейские феодалы обосновались на развалинах Ромейской державы, они легко восприняли существовавшие в византийских провинциях порядки, как вещь, им хорошо знакомую.

Однако система проний давала государству возможность обеспечить себя только частью необходимой государству вооруженной силы. При сократившейся территории государства эта система была недостаточной. К тому же еще Константин Дука предоставил имущим элементам возможность откупаться от военной службы, заменив воинскую повинность особой податью. Закон этот не был отменен и при Комнинах. Последним приходилось в гораздо большей степени, чем раньше, пользоваться наемными иноземными войсками, которые продолжали занимать центральное место в византийской

<sup>1</sup> По словам Никиты Хониата, Мануил «голод войск врачевал пожалованиями париков» (Nicetas VII, 4, стр. 272).



### Пиршество.

(Книга Иова. Парижская национальная библиотека.)

армии. Англо-саксы, печенеги, турки, славяне, грузины, французы, немцы, как наемная вооруженная сила, были широко представлены в византийской армии XII века. Содержание их ложилось тяжелым бременем на государственную казну. Для местного населения они представляли настоящее бедствие, так как имели право на квартиру и довольствие, а это право давало им повод ко всяким вымогательствам и насилиям. Перестало соблюдаться старое правило, что численность наемных войск не должна превышать численности туземных. Среди этой пестрой смеси племен и народов, составлявших наемные войска, одни нанимались только на определенный срок, другие на постоянную службу, третьи поставлялись вассалами или союзниками империи.

Комнинам пришлось отказаться и от другого старого правила византийской политики, строго соблюдавшегося до начала XI в., — никогда не предоставлять иностранцам высших командных постов в армии. В XII в. мы находим иноземцев на самых ответственных командных постах в византийских войсках.

Первые три императора из династии Комнинов прилагали все старания, чтобы сплотить эти разнородные элементы в единый военный организм, и это им до известной степени удалось.

Алексей Комнин постоянно занимался обучением войск, прежде чем выступить в поход. После военных действий войска очень часто удерживались под оружием в обширных лагерях, созданных Иоанном Комнином на берегах Риндака у Лопадия в Малой Азии и в окрестностях Софии в Европе. Дисциплина в армии поддерживалась самыми драконовскими мерами. Широко применялась излюбленная византийцами система разнообразных телесных наказаний (порка, вырывание ноздрей, ослепление) и притом не только по отношению к солдатской массе, но и к командному составу. Усердие войск поощрялось денежными наградами и премиями, раздачей лошадей, оружия, обмундирования.

Одновременно с восстановлением армии Комнины должны были озаботиться и восстановлением флота. При появлении этой династии флота не было, и византийское правительство было вынуждено покупать дорогой ценой содействие венецианцев для борьбы против норманнов на море. Алексей Комнин приступает к созданию собственного флота, который уже при нем вырос в значительную силу и принимал деятельное участие в борьбе с печенегами, вытеснял турок с Архипелага, обслуживал крестоносные ополчения, вступал в сражения с норманнским флотом. При Мануиле он проникнул до Египта.

Восстановив военную силу государства, Комнины в течение столетия не только оказались в состоянии предохранить Византию от дальнейших территориальных потерь, но Алексей, используя результаты I крестового похода, отвоевал западную часть Малой Азии. Эта территория была несколько расширена его преемником Иоанном.

Мануил подчинил Византии Сербию, вернул давно потерянную Далмацию и прочно держал под своей властью почти весь Балканский полуостров. Но эти успехи были куплены слишком дорогой ценой. Бесперывные войны и связанная с ними необходимость покупать союзников и уплачивать им щедрые субсидии; содержание дорого стоявшей наемной армии; роскошь двора, от которой не думала отказаться новая династия; щедрые награды и кормления, которые она распределяла среди своих сторонников и приближенных — все это обходилось очень дорого и ложилось непосильной тяжестью на податное население значительно сократившейся территории государства. Новая династия с невероятной суровостью выколачивала налоги с населения, продолжая, впрочем, весьма давнюю традицию. Современные источники переполнены жалобами на налоговых агентов — откушников, которых Феофилакт, епископ Болгарский, называет «разбойниками, попирающими законы божеские и человеческие».

Его письма хорошо знакомят с состоянием придунайской Болгарии начала XII века и хозяйничанием там византийских налоговых агентов и сборщиков, целая армия которых накинута на Болгарию после покорения ее Василием II.

Феофилакт жалуется, что налоговые сборщики, чтобы узнать количество париков, живущих на церковной земле, подвергали

последних всевозможным истязаниям, даже «клириков» лишали последней одежды и оставляли нагими. Крестьян пересчитывают и подвергают самому точному обследованию. «Земля измеряется стопами блохи... все разыскивается и взвешивается так, что это безумие доходит до измерения плоти и костей». Если налоговые агенты не очень церемонились с важным церковным лицом, имевшим связи при дворе, то легко догадаться, что делалось с болгарскими массами. Не забудем, что эти письма пишет греческий епископ, относящийся с глубоким презрением к своей славянской пастве, «этим нечистым варварам, от которых издали несет козлиным запахом их одежды». Неудивительно, что в Болгарии при Комнинах широко распространялось богомилство, несмотря на ожесточенные преследования правительства. В 1086/87 г., как мы видели, еретики не задумались обратиться за поддержкой к печенегам, призвать их в империю. Византийскому правительству понадобилось величайшее напряжение сил, чтобы справиться с этой опасностью. На Крите и Кипре в начале правления Алексея вспыхнули восстания, вызванные тяжелым податным гнетом. Эти восстания были подавлены целой воинской экспедицией под начальством зятя Алексея — Иоанна Дуки. Естественно, что народные низы не могли быть заинтересованы в существовании угнетательского государства. В правление Мануила в 1147 г. плебейское население острова Корфу, носившее выразительное имя «голых», доведенное до отчаяния сборщиками налогов, особенно так называемого «подымного», встретило норманнских завоевателей с распростертыми объятиями и поспешило сдать им цитадель города. При отвоевании острова «убогие» были жестоко наказаны, потеряв, по выражению Никиты Хониата, «всякий вид свободы». Зато Мануил вознаградил местную аристократию за преданность, разделив между ней всю территорию острова.<sup>1</sup>

Но обычных налоговых сборов все-таки не хватало. Денежные затруднения правительства усугублялись еще более постепенным упадком Константинополя как мирового торгового центра, упадком, обусловленным крестовыми походами. Первый крестовый поход помог Византии вернуть значительную часть малоазиатских владений, но, с другой стороны, как только генуэзцы и венецианцы обосновались в морских портах Сирии, это обстоятельство сразу неблагоприятно отразилось на торговле Константинополя. Торговля Западной Европы с Ираном, Египтом, Сирией и Индией перестала проходить через Босфор. Венеция и Генуя стали теперь рынками, снабжавшими Италию, Францию, Германию восточными товарами. Предполагают, что константинопольская торговля сократилась на одну треть или даже наполовину в течение полувека, следующего за первым крестовым походом. А этот упадок самым непосредственным образом отражался на византийском казначействе, в котором таможенные и торговые пошлины являлись одним из крупных ресурсов.

<sup>1</sup> Chalandon, *op. cit.*, p. 97.

Неудивительно, что в течение всего правления Комнинов раздаются жалобы на оскудение государственных доходов. Во всяком случае несомненно, что крестовые походы, связавшие восток непосредственно с западом Европы, причинили империи тяжелый экономический ущерб. Этот ущерб еще усилился вследствие политики византийского правительства, вынужденного давать чрезвычайные коммерческие привилегии итальянским торговым городам-республикам.

Эта система началась еще в 1081 году. Мероприятия, которыми Комнины — худо ли, хорошо ли — обеспечивали восстановление военных сил империи, требовали времени для своего проведения. Между тем для обороны от турок и норманнов, угрожавших государству гибелью, нужны были немедленные меры. Поэтому Алексей, вынужденный любой ценой купить помощь венецианского флота в войне с норманнами, предоставил венецианцам свободный доступ почти во все порты империи без платежа каких-либо таможенных пошлин. Иностранцам были предоставлены преимущества, которых не имели собственные подданные. Туземные торговцы горько жаловались, что венецианцы вытесняют их со всех рынков. Положение сделалось еще хуже, когда Алексей даровал подобные, хотя и меньшие, привилегии пизанцам. Эти привилегии итальянцам окончательно лишили Византию столь долго удерживаемой ею торговой гегемонии и роли посредника в торговле с востоком. Мало того, они грозили совершенно убить туземную торговлю. Неоднократно потом пыталось византийское правительство освободиться от этих крайне невыгодных договоров, но попытки эти оканчивались неизменно неудачно. Напротив, зависимость Византии от венецианцев становилась все теснее. На территории империи все больше вырастало венецианских колоний. Лучшие кварталы Константинополя становились экстерриториальными владениями Венеции.

Наглядным показателем того, что Константинополь XII в. лишился своего положения мирового экономического центра, явился крах византийской денежной валюты. Алексей Комнин под давлением тяжелой нужды, наряду с прежними золотыми номисмами в 12 миллиарисиев, пустил в оборот какой-то сплав из меди и золота или серебра и золота, который также назывался номисмой, но по ценности равнялся только трети полновесной номисмы или четырем миллиарисиям. Этой монетой правительство расплачивалось по своим обязательствам, требуя в то же время, чтобы подати уплачивались прежней полновесной монетой. Рядом с полновесной монетой теперь стали циркулировать массы обесцененной монеты, что не замедлило создать ряд трудностей в торговле, при исчислении и взимании налогов и дало простор налоговым агентам в их махинациях по ограблению налогоплательщиков. Во всяком случае номисма, которая в течение 700 лет считалась единственно надежным средством расчета в Европе и большей части Азии и не терпела за этот огромный период времени почти никакого ко-

лебания, теперь потеряла свою стабильность и перестала пользоваться доверием.<sup>1</sup>

После смерти Мануила вдова его Мария, дочь антиохийского князя, «латинянка», ненавистная византийцам уже по своему происхождению, стала регентшей при своем малолетнем сыне Алексее II. Государственными делами при ней заправлял протосеваст Алексей, родственник императора, человек малоспособный, заботившийся больше о личном обогащении, чем о нуждах государства, искавший себе опоры в ненавистных византийцам иностранцах. Новое правительство не было авторитетно. В дворцовых кругах после смерти Мануила по вопросу о регентстве начались внутренние распри и интриги, в свою очередь давшие толчок давно уже накопившемуся в столице народному недовольству. Народные массы были возмущены систематическим пренебрежением правительства к их интересам. Выражалось опасение, что «ромеям» неминуемо угрожает порабощение со стороны латинян, если последним не будет дано решительного отпора.

Но народная ненависть была направлена не только против латинян. Не меньше ненависти народные массы питали к своей правящей верхушке. Уже в 1180 г. константинопольский плебс разгромил роскошные дворцы епарха и прокурора верховного суда. Случаи разгрома домов богачей и расхищения их имущества все учащались.

## 2. Попытка создания демократической монархии. IV крестовый поход и крушение Византии

В роли вождя народного движения выступил Андроник, один из представителей боковой линии Комнинов, опальной и гонимой Мануилом.

Андроник являлся довольно сложной личностью. Это был гениальный человек «...алкивиано-нероно-византийского склада», по характеристике Маркса.<sup>2</sup> Честолюбивый, богато одаренный эпикуреец, «Гениально-зверский кутила... храбрый, подлый, хитрый, вероломный, рыцарственный, ...».<sup>3</sup>

<sup>1</sup> «Оскудение» Византии XII века ярко отражается и в литературе этого времени. Кроме аристократов и епископов, византийская литература XII века насчитывает ряд представителей более демократических слоев населения, литературной богемы, типичными представителями которой являются Феодор Продром (Манганский), Цец, Филес и другие.

Эти плодовые писатели пишут поэмы, схолии к классикам, трактаты о поэзии, сатиры, надгробные слова, панегирики, многочисленные письма. Некоторые из этих произведений отталкивают от себя читателя внутренней пустотой, низкой льстивостью авторов; в других проявляется остроумие, забавная наблюдательность, встречаются яркие и живые картинки современности. Но литературные занятия в Византии не кормили работников. Византийские литераторы больше всего озабочены мыслью, как бы не умереть с голоду. Лейтмотивом их произведений являются бесконечные жалобы на бедность и нищету и просьбы о помощи.

<sup>2</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 190.

<sup>3</sup> Ibid., стр. 190—191.

Андроник не мог ужиться с Мануилом, которому приходился двоюродным братом. Обвиненный в государственной измене, он 6 лет томился в тюрьме. Бежав из тюрьмы, он около 1164 года искал убежище у Галицкого князя Ярослава; с 1166 г. побывал в Антиохии, Палестине, Дамаске, Багдаде, Грузии. Незадолго до смерти Мануил с ним примирился, взяв с него слово не искать власти при малолетнем Алексее II, и назначил ему для жительства один из пафлагонских городов, где Андроник и проживал до 1181 года.

2 мая 1182 года в Константинополе вспыхнуло восстание против правительства регентши Марии. Враждебный латинянам народ объявил правителем государства 67-летнего Андроника, который с отрядом преданных ему пафлагонян появился перед Халкидоном с намерением, по его словам, «избавить императора от плохих советников». Итальянцы, особенно венецианцы, готовы были пожертвовать всем, чтобы только не допустить в Константинополь Андроника. Но вмешательство иноземцев вызвало измену — переход византийского флота на сторону Андроника. Вслед за тем константинопольский плебс набросился на латинские кварталы у Золотого Рога, насчитывавшие до 60 тысяч жителей. К народу присоединились переправившиеся через Босфор пафлагонцы Андроника. Все латиняне, не успевшие спастись морем, подверглись беспощадному истреблению. Кто не выходил из домов, тех сжигали вместе с домами. Богатый иностранный квартал был превращен в дымящиеся развалины. На море гнались с греческим огнем за отплывавшими. Четыре тысячи уцелевших венецианцев, генуэзцев, сицилийцев было продано в рабство туркам.

Андроник после этого погрома был провозглашен императором. Хотя в начале восстания его поддержала даже часть аристократии, но главной его опорой являлись низшие слои народа. Андроник это прекрасно сознавал и объявил себя крестьянским императором. Соответственно этому программой нового правительства делалась борьба против эксплуататоров крестьянства — землевладельческой аристократии и ликвидация иностранцев в пределах империи.

Едва ли можно рассматривать выставленное Андроником антизападническое знамя и защиту интересов низших сословий только как средство осуществления личных своекорыстных целей нового императора.

То немногое, что мы знаем о внутренней политике Андроника, говорит о том, что представленная им и поднявшаяся на волне народного возмущения группировка в вопросах внутренней политики гораздо более правильно, чем три первых Комнина, намечала задачи упорядочения государственного строя, задачи укрепления государства путем усиления тех элементов общества, которые составляли его истинную жизненную силу. В общем, враждебно относящийся к Андронику Никита Хониат должен был признать замечательные перемены во внутреннем управлении, которые удалось произвести новому императору за свое короткое правление.

По отношению к низшим классам — к беднякам и поселянам — Андроник проявлял самое заботливое внимание. В про-

тивоположность своим предшественникам, он лично рассматривал дела по жалобам и постановлял решение, не стесняясь рангом виновного и имея в виду только интересы справедливости. Правительство Андроника приняло ряд мер по уничтожению должностей, по запрещению так называемых «добровольных» приношений в пользу чиновников, против вымогательств сборщиков податей. «Кто уплатил налоги, с того ничего больше не спрашивали, не отнимали, как бывало раньше, и последней рубашки и насилем не доводили его до смерти. От одного имени Андроника, как от волшебного заклинания, разбегались алчные сборщики податей; оно было страшным пугалом для всех, кто требовал сверх должного». <sup>1</sup> Правительство Андроника произвело тщательный подбор личного состава администрации. Для уничтожения взяточничества и вымогательств Андроник давал чиновникам местной администрации настолько значительное содержание, что большинство предпочитало им довольствоваться, чем стремиться к большему, рискуя подвергнуться тяжелым карам. «От того, — пишет Хониат, — люди, с давних пор заснувшие и доведенные общественными недугами до смерти, как бы услышав трубу архангела, пробудились от долгого тяжелого сна и воскресли». <sup>2</sup> Андронику удалось искоренить так называемое береговое право — варварский обычай грабить выбрасываемые бурей на берег суда. Ему удалось за 2—3 года правления добиться некоторого подъема благосостояния провинциального населения. Благодаря прекращению вымогательств беглые возвращались на свои места, население городов увеличивалось, а вместе с тем увеличивались и государственные доходы. Деньги больше не текли в латинские руки. Улучшалось земледелие. Подешевели съестные припасы. Такая политика должна была снискать Андронику симпатию и преданность в провинциальном торгово-промышленном и земледельческом населении. Подчеркивая демократический характер своей власти, Андроник приказал изобразить себя не в роскошном императорском одеянии, а в виде бедного земледельца, в одежде синего цвета, спускающейся до колен, и с большой косой в руке.

Реформы в провинциальной администрации сопровождались жестокой расправой с аристократией, которая с своей стороны объявила Андронику борьбу не на жизнь, а на смерть.

Тотчас по вступлении в столицу Андроник начал систематическое истребление византийской знати и деятелей старого режима. Погибли сестра императора Мария и ее муж Райнерий; великий дукс Контостефан, его сыновья, логофет дрома Василий Каматир; другие представители знати, составившие заговор против Андроника, были схвачены и ослеплены.

Далее жертвами Андроника явились императрица Мария и ее сын Алексей II. Великий domestik Иоанн Комнин Ватац, начальник фемы Фракия, поднял открытое восстание против Андроника

<sup>1</sup> Nicetae Choniatae Historia, ed. Bonn., II, 3, стр. 422.

<sup>2</sup> Ibid.

в городе Филадельфии и упорно отстаивал этот город до своей смерти в 1182 г., после чего Филадельфия немедленно передалась Андронику. Тотчас по распространении известия о воцарении Андроника и об убийстве Алексея знатные византийские фамилии Ангелов и Кантакузинов подняли в малоазиатских городах Никее, Бруссе, Лопадии восстание, подавленное с большим трудом.

В 1184 г. произошел случай, еще небывалый в истории Византии. Остров Кипр отложился от империи, и независимым владельцем его провозгласил себя один из византийских аристократов Исаак Комнин Дука.

Андроник усиливал политику террора по отношению к своим врагам, их друзьям и родственникам, вешая их, ослепляя и сжигая живыми, но для того, чтобы успешно бороться одновременно против двух врагов: чиновной аристократии, грабившей народ, и «латинян», своим преобладанием в торговле и промышленности подрывавших экономику государства, у него не было достаточно сил. К тому же обе враждебные реформатору группировки немедленно объединились. Племянник Мануила, Алексей Комнин, заключил соглашение с латинянами. Результатом этого соглашения было выступление южно-итальянских норманнов против Византии. Летом 1185 г. Вильгельм Сицилийский напал на Диррахиум, взял его и немедленно двинулся ко второму городу империи Фессалонике. Страна между двумя этими пунктами подчинилась ему без боя. В августе после короткой осады была взята штурмом и Фессалоника, причем несчастные фессалоникийцы полностью расплатились за избиевание латинян в Константинополе в 1182 году. Это событие нанесло решительный удар партии реформ в Константинополе. Константинопольский плебс обвинил Андроника в пренебрежении делом обороны страны, хотя Андроник делал все, что мог, направив против латинян все имевшиеся в его распоряжении войска и стянув к Константинополю весь наличный флот. Последующие события лишней раз показали, что константинопольский плебс является весьма ненадежной опорой. Современный византийский историк Никита Хониат, враг Андроника и столичного плебса, перепуганный событиями 1182—1185 гг., не щадит эпитетов для порицания «бессмысленных и наглых жителей Константинополя, особенно колбасников и кожевников и тех, которые проводят целый день в лавчонках и харчевнях и кое-как живут починкой обуви и едва добывают себе хлеб иголкой». «Во всяком другом городе, — пишет он, — народная толпа безрассудна и непреодолима, цареградская же уличная толпа отличается особенной необузданностью и строптивостью, потому что состоит из разноплеменных народов. По справедливости порицается она за непостоянство характера, слабость и изменчивость. Неуважение к властям — как будто природное ее качество. Кого сегодня выбирают, того скоро затем будут карать как злодея».<sup>1</sup>

В этом очень скоро пришлось убедиться самому Андронику. Константинопольский плебс быстро отшатнулся от императора,

<sup>1</sup> Nicetas, *ibid.*, стр. 304.

который не мог защитить Фессалоники, главное внимание направлял на улучшение быта населения провинций, ограничил издержки на столичные общественные игры и даже перестал на них появляться. 12 января 1185 года трусливому византийскому аристократу Исааку Ангелу, вырвавшемуся из рук тайной императорской охраны и нашедшему убежище в храме Софии, удалось поднять весь город против Андроника. Исаак был провозглашен императором. Большой дворец был подвергнут жестокому разгрому, попытка Андроника бежать к «Тавро-Скифам» (к князьям Галицким) окончилась неудачей, и он погиб в страшных мучениях жертвой разъяренной аристократии и отвернувшегося от своего прежнего любимца плебса.

Провинциальное население, для которого Андроник так много сделал, никогда не играло крупной роли в политической жизни страны и, во всяком случае, не успело прийти ему на помощь. «Пафлагонцы», окружавшие Андроника, составляли сами по себе незначительную силу, а войско, сражавшееся в это время вдали от столицы с норманнами, не могло быть использовано для подавления мятежа. Таким образом, столичное население, всегда игравшее в Византии роль первостепенного политического фактора и оказавшееся на этот раз слепым орудием в руках аристократии, положило конец единственной в истории Византии попытке создания демократической монархии.

Крах попытки реформ конца XII века означал вместе с тем и крах самой империи, которая теперь неудержимо покатилась к своей гибели. За гибелью Андроника последовал отказ от всяких реформ и безудержная реакция. С новой династией Ангелов к власти вернулась крупная землевладельческая аристократия, уже давно обнаружившая полную неспособность к управлению и нежелание поступиться хотя бы ничтожной долей своих узких своекорыстных интересов ради интересов государства.

Исаак Ангел, «...трусливый и ничтожный кутила...», по краткой, но выразительной характеристике Маркса,<sup>1</sup> сменивший Андроника на византийском престоле, интересовался главным образом различными увеселениями, особенно после того как норманнская угроза оказалась преувеличенной, и византийский полководец Алексей Врана в ноябре 1185 г. без большого напряжения разгромил ослабленное эпидемиями норманнское войско, заставив его очистить Фессалонику, Дураццо и Корфу.

Несмотря на свое ханжество, Исаак был любителем веселой придворной жизни и одержим настоящей манией строительства, возведения новых пышных и бесполезных зданий, собрания икон и т. д. Отказавшись от всяких реформ, он заботился только об увеличении налогов. Пышным цветом снова развилось взяточничество и лихоимство чиновников, покупавших свои должности с аукциона. Правительство Исаака не могло ни держать наемное войско Византии в рамках строгой дисциплины, ни изыскивать, невзирая на размеры налогов, достаточные средства для его содержания. Разложе-

<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 192.

ние государства пошло быстрым ходом. Еще при Андронике от Византии отделился о. Кипр, а Венгрия захватила Далмацию (1183 г.). Но решительный удар Византии нанесло отделение Болгарии. В 1186 г. для покрытия расходов, связанных с браком Исаака, византийский двор назначил в этой стране чрезвычайный налог. Посланные для его сбора византийские чиновники стали отнимать скот у крестьянского и пастушеского населения Дунайской Болгарии. Доведенные до отчаяния болгары соединились с валахами и подняли восстание. Пытаясь подавить его, Исаак обнаружил полное отсутствие не только военных способностей, но даже простого мужества. Еще раньше сбросили византийское иго сербские племена, объединенные Стефаном Неманей в особое государство, получившие название Расции.

Такая неумелая политика не прошла Исааку безнаказанно. В 1195 г. он был низложен, по византийскому обычаю ослеплен и заключен под стражу со своим сыном Алексеем. Императором был провозглашен его родной брат Алексей III, впрочем, еще менее способный поправить дела государства. Византийская государственная машина при нем достигла крайней степени своего расстройтва. Придворные фавориты, привыкшие к частым сменам правителей, торопились набить свои карманы путем расхищения государственной казны, вымогательств и взяток.

Начальник флота Стрифнос завел настоящую торговлю казенными парусами, веслами, снастями, и в результате его «коммерческой деятельности» Византия оказалась совершенно лишенной флота. Болгарская война велась так же безуспешно, как при Исааке Ангеле; плачевно для Византии окончилось и столкновение с сельджуками. Процесс распада государства на отдельные полуфеодальные владения пошел еще более ускоренным ходом. Правительство Алексея не было способно защищать интересы своих подданных в каком бы то ни было отношении. Оно должно было молча наблюдать, как в его морях сражались между собой флоты итальянских морских городов. Алексей был вынужден возвратить венецианцам все их старые привилегии, предоставить уполномоченному Венеции право суда в случаях споров между византийцами и венецианцами, жившими в Константинополе, наконец, обязался удовлетворить все денежные претензии Венеции к империи.

Слабость Византии в период правления Ангелов является, как мы уже видели, следствием длительного процесса, передавшего в провинциях силы и средства центрального правительства в руки земельной аристократии, а в Константинополе и других торговых городах — в руки венецианских, генуэзских и пизанских торговцев. Хотя теоретически император сохранял неограниченную власть над своими подданными, но в случаях столкновения с непокорными магнатами, он был так же беспомощен, как зачастую были бессильны западноевропейские императоры и короли этого периода в борьбе со своими мятежными вассалами.

Византийские императоры XII века не были даже в состоянии воспрепятствовать передаче в наследство управления теми или

ными провинциями. Так, например, Добромир Стрец или Хрис, начальник пограничных войск в Струмице, с сербской помощью отложился в 1199 г. от Византии и в своей неприступной позиции в Просеке, в горных странах верхнего и среднего Вардара, оказал успешное сопротивление Алексею III и сохранил свою область в виде лена. Значительной самостоятельностью пользовались в своих владениях Враны и Кантакузины, Петралиффы в Этолии, Мелисены в Фокиде и Мессении, Каматиры в Лаконии.

Как мало отличались эти греческие архонты от современных им западноевропейских баронов, видно на примере Навплийского архонта Льва Сгура, который вел настоящую войну с императором Алексеем III (в 1202 г.) и отнял у него два города — Аргос и Коринф. В Трапезунде уже Комнинам трудно было бороться с тенденцией местных правителей провинций сделать свои должности наследственными. При Ангелах Трапезунд отделяется от остальной империи, делаясь владением армянского рода Габеров.

Провинции, которые еще находились под управлением императорских чиновников, подвергались самому жестокому налоговому гнету. Яркую картину печального состояния византийских провинций конца XII в. рисуют письма афинского архиепископа Михаила Акомината. Этого ученого поклонника эллинской древности, когда он получил назначение в Афины, крайне привлекала перспектива пребывания в афинском Акрополе и служения в Парфеноне, превращенном в христианскую церковь. Афиняне приняли Акомината, по его приезде в Пирей, с торжественными играми и плясками, но внешний вид города, пришедшего в полный упадок, глубоко разочаровал Михаила. Вступая во главе процессии в Афины, он увидел вокруг себя разрушенные стены и во всех городских кварталах бедные дома, скорее похожие на хижины. Короче, знаменитые Афины в конце XII в. представляли «грудю развалин, населенную обнищавшими людьми». С городом вполне гармонировали и окружающие его опустошенные аттические селения.

В торжественном слове, с которым архиепископ обратился к афинянам, собравшимся в Парфеноне, он рассматривал своих слушателей как преемников по духу и крови своих знаменитых предков, но здесь его опять постигло горькое разочарование. Тщательно подготовленная ученым малоазиатским греком речь, написанная блестящим слогом, переполненная цитатами из классиков и библии, сверкавшая тропами и метафорами, превышала разумение слушателей, которым доступен был только греческий народный язык. Дальнейшие наблюдения афинского архиепископа только подкрепляли первое впечатление. Вся Аттика, включая и ее главный город, утратила около половины своего населения. Страна была поражена голодом, вызванным продолжительной засухой. Михаил Акоминат пишет, что ему казалось, будто он находится в Иерусалиме, осажденном вавилонянами. Его, «словно второго Иеремию», ужасал «вид развалившихся стен, пустынных улиц и слез народа, прикрытого рубищем и испытывающего недостаток в ячменном хлебе, которым он питается».

«Древнее красноречивое, философское поколение погибло, — пишет Михаил, — и на смену ему народилось поколение, чуждое музыке и жалкое как умственно, так и телесно. Некогда великий знаменитый город стал пустыней, и лишь кое-где можно заметить кузницу и слесарню».

Аттика уже не имела свободного крестьянства. Ремесло было опутано всякими стеснениями, население задавлено налогами. Государство не было в состоянии даже оградить население от частых набегов и разбоев корсаров. Итальянские и греческие корсары безнаказанно грабили и разоряли страну везде, где отсутствовали правительственные гарнизоны. Во многих письмах Акоминат жалуется на их неистовства. Притоном морских разбойников служила Эгина, расположенная по соседству с самими Афинами. Когда константинопольская патриархия, которой причитались некоторые доходы с этого острова, поручила их собирать афинскому архиепископу, то он по прошествии года отклонил от себя эту обязанность. Архиепископ оправдывался тем, что он не решается никого посылать на Эгину, так как большая часть жителей покинула остров из-за пиратов, а оставшиеся являются их единомышленниками. Особенным бедствием для населения являлись правительственные налоги и вымогательства чиновников, становившиеся все тяжелее по мере ослабления центральной власти и возрастающего произвола провинциальных властей. Уже при Мануиле страдания провинциального населения стали невыносимыми, когда император для покрытия издержек, вызванных войнами против сербов, венгров и турок, «затеял пагубное нововведение — содержание войск, которые раньше довольствовались от казны, возложить на города и селения», и без того отягощенные налогами. «Войска, уполномоченные на то императорскими грамотами, вторгались в города и села, отымали у горожан и жителей селений плоды их трудов и даже всю собственность, так что местные жители обращались чуть ли не в их рабов или же спасались бегством, либо же, наконец, сами вступали в ряды воинов».<sup>1</sup>

Стратиги, преторы и пропреторы Эллады и Пелопоннеса (при Акоминате обе фемы были объединены в административном отношении в одну область) имели целый двор военных и гражданских чиновников, содержание которых ложилось добавочной тяжестью на население. В своей речи 1183 г., обращенной к Никифору Прозуху, претору Эллады и Пелопоннеса в правление Андроника, оратор от имени Афин говорит: «Я, несчастная, была матерью всяческой мудрости, поставщицей всех добродетелей. Во многих боях, сухопутных и морских, я побеждала персов, а теперь надо мной берут верх и немногие разбойничьи барки, и все мои приморские места подвергаются разграблению. Я испила чашу из рук господних и изнемогаю от голода, нищеты и жажды. Бедствия внутренние и внешние терзают меня. Меч морских разбойников и страх перед сборщиками податей делают меня бездетною. Протяни же мне умирающей руку,

<sup>1</sup> Nicetas. *ibid.*, De Manuele Comneno, VII, 5, стр. 272.

влей в меня новую жизнь, дабы я причислила тебя к сонму Фемистоклов, Мильтиадов и праведных Аристидов». <sup>1</sup>

Но если Афины и получили облегчение при Андронике, то оно оказалось короткой передышкой. В этом убеждает дошедшая до нас памятная записка, поданная Михаилом Алексею III. В ней архиепископ изобличает постыдные вымогательства преторов, которые со своей свитой — разными логариастами, протовестиярмиями, протокентархами, словно завоеватели, грабили страну; он горько жалуется на сборщиков податей, которые при составлении поземельных описей или нового кадастра вымеривали поля с кропотливой точностью, пересчитывали чуть ли не все листья на деревьях и волосы на головах афинян; начальники воинских отрядов требовали выполнения натуральных повинностей, заключали под стражу ослушников, угоняли скот и заставляли его потом у себя же выкупать. Последствием такого фискального гнета, опасается Михаил, явится массовое бегство населения. Опасения эти не были преувеличенными. Многие города и селения уже обезлюдели вследствие бегства населения, доведенного до отчаяния, к туркам, сербам.

Особенно угнетал афинян так называемый корабельный сбор. Они должны были вносить произвольно налагаемые на них суммы на предмет снаряжения военных судов, которые, однако, вовсе и не строились. Собранные же деньги чиновники не передавали в центральное казначейство, а присваивали себе.

Отчаяние Акомината, само собой разумеется, еще более возросло, когда податями были обложены и церковные имущества. Из его писем узнаем, что эту скудную и неплодородную землю обрабатывали пары, жившие в вечном страхе перед морскими разбойниками и собиравшие скудные урожаи хлеба и оливкового масла.

В своем огорчении по этому поводу Акоминат доходит в письмах до очень резких выражений, напоминающих язык не члена правящей паразитической касты, а скорее язык революционного борца.

Императорских чиновников он клеймит как грабителей, так как они «варварски хозяйничают в Афинах, этом древнем, некогда счастливом городе, враждебном тирании, в этой общей всем образованным людям родине».

Константинополь, по его словам, посылает повсюду, а особенно в Грецию, «откупщиков, сборщиков податей, преторов, межевщиков и сборщиков корабельной подати в бóльшем количестве, чем Иегова посылал на Египет жаб». Положение населения несколько не улучшилось, когда на место правительственных чиновников появился навплийский магнат Лев Сгур. Он сумел выжать из обедневших Афин большие поборы, чем те, которыми были обложены более состоятельные Коринф и Навилия. Одиночество Акомината все росло, становилось все тягостней. Он жаловался, что его там позабыли, словно мертвеца. Он называет город чистым тартаром, где он товарищами имеет только тени. «Он чувствует себя несчастным в пустыне афинской. Сидя на скалистой твердыне, он внимают эху, которое ему приносит только пустой отзвук собственных его слов».

<sup>1</sup> М. 'Αχομινάτοϋ. Τα σωζόμενα, ed. Λάρπου, I, 147.

Письма Акомината важны и ценны в том отношении, что они ярко изображают запустение и упадок в конце XII в. ограбленных дочиста византийских провинций.

Можно допустить, что в других провинциях не было такого запустения и разорения, как в Афинах. Но несомненно, что положение трудящихся масс во всех частях империи было не лучшим, чем в Афинах. Провинциальное население не видело другого средства спасения, как бегство к туркам, сербам, венграм или вступление в разбойничьи шайки, переполнявшие страну.

Разложение империи не могло, разумеется, укрыться от западных ее соседей, среди которых уже давно созрела мысль уничтожить ее и разделить между собою остатки византийских владений и богатств.

Фанатичная вражда латинян к «схизматикам»-грекам, ненависть, которую питали к Византии крестоносцы, объяснявшие свои неудачи коварным предательством греков, — все это подкреплялось алчным желанием ограбить накопленные веками богатства Константинополя. Избиение латинян в Константинополе в 1182 г. и насилие, совершенное Алексеем III над своим братом, оправдывали в глазах многих нападение на Византию. Ввиду расстройств Византии при Алексее III даже наиболее хладнокровные государственные люди Запада разделяли мнение старого сицилийского начальника флота Маргаритоне, считавшего завоевание Константинополя нетрудным военным предприятием. Одни смотрели на разрушение царства схизматиков как на необходимую предпосылку для успешной борьбы с турками. Другие, в роде такого реалистического политика, как венецианский дож Энрико Дандоло, надеялись основать за счет Византии новое величие и расцвет венецианской торговли. Венецианцы, ставшие уже за сто лет перед тем хозяевами левантской торговли, были обеспокоены растущей враждебностью византийцев и соперничеством других итальянских городов. В течение XII в. они принуждены были защищать свои привилегии с оружием в руках.

Поэтому венецианские политики и, в частности, Дандоло пришли к выводу, что лучшим способом поднять политическое и экономическое могущество Венеции явится завоевание распадающейся Византийской империи. Обстоятельства благоприятствовали осуществлению этих планов.

Энрико Дандоло, непримиримый враг византийцев «...решил сделать из крестоносной глупости торговую операцию»<sup>1</sup>. И правящие круги Венеции решили покончить с Византией, используя крупные боевые силы, собранные для IV крестового похода и находившиеся в то время в Венеции. Буржуазные историки уже давно спорят между собою по вопросу, был ли с самого начала решен поход против Византии или конечное направление похода было обусловлено рядом случайностей. Но несомненно то, что венецианский дож твердо рассчитывал с самого начала держать собравшихся в Венеции крестоносцев в своих руках и направить их против Византии. В своих

<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 194.

планах венецианский дож находил поддержку в германском императоре Филиппе Швабском, к которому бежал в 1203 г. сын низложенного ослепленного Исаака, царевич Алексей. Филипп Швабский, женатый на дочери Исаака Ирине, естественно желал оказать содействие своему родственнику в получении византийского престола. Удобным орудием для этого представлялось крестоносное ополчение из французов, фламандцев и итальянцев, собранное по призыву папы для нового крестового похода. Наученные горьким опытом предшествующих походов, крестоносцы собрались в Венеции с намерением идти не в Сирию, где их ожидал голод, а нанести удар мусульманам в Египте. Венецианцы подрядились перевезти крестоносную армию за 85 тысяч марок серебра (1105 тысяч зол. рублей), но в то же время они приняли меры к тому, чтобы сорвать поход в Египет. Дело в том, что торговля с Египтом приносила венецианцам большие выгоды, которых они не хотели лишиться ради отвоевания «гроба господня». Успеху их намерений способствовало то, что вожди крестоносцев оказались не в состоянии уплатить всей условленной суммы за перевоз. Маркс в «Хронологических выписках» отмечает, что «И н н о к е н т и й III видел план (венецианцев. — М. Л.) насквозь [именно, он понимал, что так как сумма слишком велика, то Д а н д о л о хотел надуть неплатежеспособных западных крестоносцев и использовать их в интересах Венеции для завоеваний] и дал свое согласие на крестовый поход только под условием, что крестоносцы в своем походе не будут нападать на х р и с т и а н; ...». <sup>1</sup>

Венецианцы прекрасно использовали этот предлог, чтобы отклонить поход от намеченного пути и направить его в другую сторону. Действуя очень осторожно и не раскрывая своих настоящих планов, руководители Венеции предложили крестоносцам уплатить остаток причитавшихся с них денег натурой — завоевать для Венеции город Зару (в Далмации), захваченную венгерским королем. Сторонники Венеции сумели провести в совете крестоносцев это предложение. Зара была осаждена и взята, несмотря на запрещение папы касаться венгерских владений.

Через две недели после взятия города в лагере крестоносцев появился византийский царевич Алексей в сопровождении послов своего родственника Филиппа Швабского.

Послы предложили совету баронов восстановить законного императора и его сына на византийском троне, за что им было обещано крупное денежное вознаграждение, могучая поддержка будущего императора в походе против Египта и ликвидация церковного раскола.

Предложение было принято крестоносцами после некоторого колебания благодаря стараниям Дандоло и предводителя похода итальянского князя Бонифация, маркиза Монферратского. Был заключен договор, обязывавший Алексея Ангела и его отца уплатить крестоносцам 200 тысяч марок серебра, послать вспомогательное войско в Палестину и признать верховенство папы над восточной церковью.

<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 194.

7 апреля 1203 года крестоносный флот отплыл на о. Корфу, а 24 мая двинулся оттуда на Константинополь. Византийское правительство не сделало ни малейшей попытки задержать на море крестоносное ополчение.

«Увидев с своих кораблей город, — пишет историк похода Виллардуэн, — те, которые его еще не видели, не могли поверить, что на свете может существовать такой богатый город. Когда им представились высокие стены и великолепные башни, окружавшие со всех сторон столицу, богатые дворцы и высокие церкви, то масса этих зданий показалась бы невероятной тем, кто не видел их собственными глазами; когда они [крестоносцы] охватили взором всю громаду царственного города, то не было человека, который не задрожал бы от страха, потому что никогда еще не было предпринято никем такое дело с тех пор, как стоит свет».<sup>1</sup>

Алексей III заперся в своей столице, рассчитывая на ее крепкие стены, спасавшие Константинополь в дни Ираклия и Льва III.

Возможно, что если бы осада была произведена только с суши, то эти надежды и оправдались бы, так как императорская гвардия отбила приступ крестоносцев со стороны суши.

Но на этот раз, в отличие от прошлых осад, Константинополь был атакован и со стороны моря, и ничтожное правительство Алексея на море не могло ничего противопоставить крестоносцам. Главные силы Алексея состояли из наемников: англичан, датчан и союзных пизанцев. Никакого воодушевления от этих наемников, разумеется, ожидать не приходилось. В умелых руках, при условии поддержания в армии твердой дисциплины и аккуратной выплаты ей жалованья, эта сила могла бы сыграть крупную роль. Но Алексей III ограничился пассивной обороной. Эта тактика скоро показала свою несостоятельность перед венецианским флотом, снабженным камнеметными и стрелометными орудиями и штурмовыми лестницами, поднимавшимися выше стен города. При первом же приступе 25 башен перешли в руки крестоносцев. Чтобы облегчить борьбу с византийцами, венецианцы подожгли прилегавшие к стенам строения, результатом чего был сильный пожар. Попытка отразить крестоносцев с помощью вылазки потерпела также неудачу. После этого Алексей, не отличавшийся мужеством, захватив свою казну и семейство, бросил на произвол судьбы свою столицу и бежал во Фракию.

Не желая впускать крестоносцев в Константинополь, византийцы поспешили восстановить на престоле слепого Исаака и признать императором-соправителем его сына Алексея, находившегося в лагере крестоносцев.

Цель экспедиции была, повидимому, достигнута. Крестоносцы, мечтавшие о разграблении богатств Константинополя, с неудовольствием прекратили военные действия, добившись предварительно от слепого Исаака утверждения договора, заключенного с его сыном в Заре. Но выполнить этот договор, и прежде все в той его части, которая особенно интересовала крестоносцев, — а именно уплатить

<sup>1</sup> Willehardoin, Conquête de Constantinople, XXVI.

вознаграждение, оба императора оказались не в состоянии. Византийская казна была пуста; бежавший Алексей забрал с собой последние остатки ее сокровищ. Было конфисковано частное имущество членов императорского дома, а также использована для уплаты латинянам драгоценная утварь многочисленных константинопольских церквей. Таким образом была выплачена латинянам первая половина обусловленной договором контрибуции — 100 тысяч марок. Львиная доля этих денег досталась венецианцам, взявшим себе половину и 35 тысяч, как погашение старой задолженности. Но произвести выплату второй части правительство Исаака оказалось уже не в состоянии. Реквизиция церковных ценностей дала хорошую пищу для антилатинской агитации, усиливавшей ту ненависть, которая уже давно накоплялась в Константинополе против латинян. Дело дошло до кровавых стычек между туземным населением и жившими в Константинополе франками. Во время одной стычки пьяных фламандцев с греками, теснимые со всех сторон фламандцы снова зажгли город, результатом чего был страшный пожар, длившийся два дня и две ночи и захвативший в ширину пространство протяжением более двух километров в восточных кварталах. Такого пожара Константинополь не переживал с V века. Ожесточение греков против латинян после этого пожара достигло такой степени, что даже дружественные пизанцы должны были покинуть Константинополь и переселиться в лагерь крестоносцев. Потери людьми, имуществом, роскошными зданиями и художественными произведениями были громадны.

Ненависть константинопольского населения направилась против императора Исаака и его сына, грабивших страну в пользу латинян. В феврале 1204 года духовенство, знать и народ Константинополя собрались в Софийском соборе для выбора нового императора. Никита Хониат, как член константинопольского сената, присутствовавший на этом собрании и оставивший живое его описание, показывает, что византийские народные массы вышли из подчинения аристократии.

«К великой церкви было огромное стечение народа; принудили явиться на это сборище сенат, собор архиереев и высшее духовенство для общего суждения об избрании нового царя. Когда предложили мне высказать свое мнение о настоящих обстоятельствах, я говорил против низвержения императоров и не соглашался на выбор нового лица. Ибо я был уверен, что новоизбранный император не только не может быть признан единодушно всеми партиями, но будет еще иметь против себя латинских вождей, которым выгодно поддерживать Алексея, сына Исаака. Но подвижная и бурная масса народа, ставившая произвол выше всякого убеждения, повторяла, что не хочет быть в подчинении у императора из рода Ангелов, что не оставит собрания до тех пор, пока не будет выбран удобный ей правитель. Я по опыту знал упорство этих людей и замолчал, оплакивая свою судьбу и проливая горькие слезы: я предвидел будущие бедствия».<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Ф. Успенский, Византийский писатель Никита Хониат, стр. 25.

Императором был избран один из родственников императорского дома, Алексей Дука, прозвищем Мурзуфл. Алексей IV был удушен в тюрьме. Мурзуфл хотел продолжать борьбу с латинянами до последней крайности. Он склонил на свою сторону наемную гвардию, пытался организовать туземное ополчение, производил частые вылазки из осажденного города, отбил первый приступ крестоносцев в 1204 г. Но спасти Константинополь было уже невозможно. У нового правительства не было никаких средств, а наемники не желали сражаться без уплаты причитающейся им задолженности. Создание туземной армии требовало длительного времени. При этом попытка вооружить константинопольское население вызвала сильное сопротивление имущих элементов, жаловавшихся, что они уплачивают налог для содержания регулярной армии и что они поэтому считают себя вправе быть избавленными от личной службы. При таком положении попытка Мурзуфла отстоять столицу кончилась неудачей.

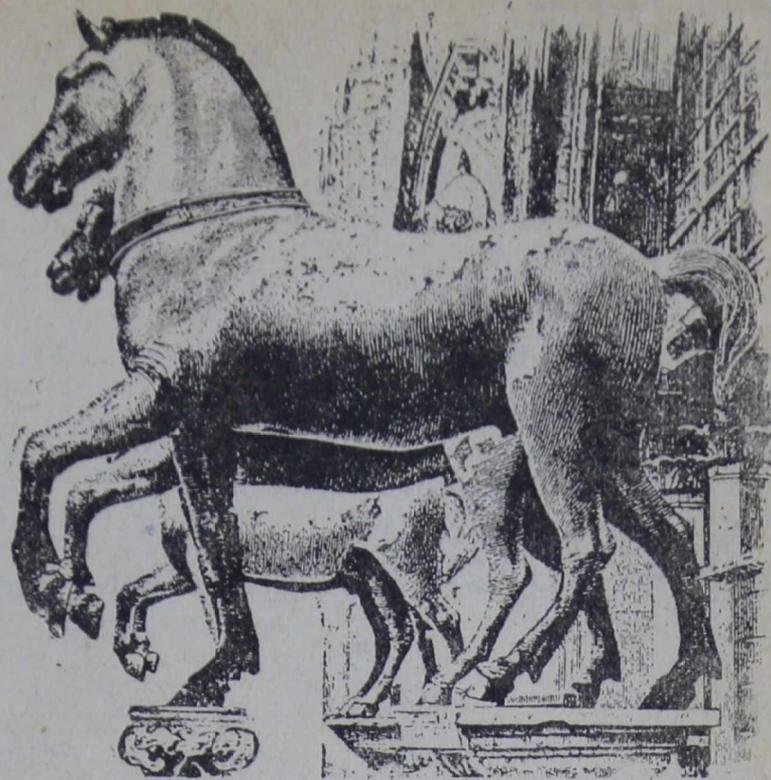
12 апреля был произведен второй приступ. Суда крестоносцев были связаны попарно, чтобы сделать их устойчивыми. Усилия атаки сконцентрировались на сравнительно небольшом участке приморских стен у Золотого Рога. Военным орудиям крестоносного флота удалось сбить защитников с одной приморской башни. Мост с судов был успешно переброшен на башню, крестоносцы ею овладели и открыли прилегающий вход для главных сил. После короткого боя внутри стен войска Мурзуфла отступили внутрь города. Крестоносцы снова зажгли город, чтобы облегчить себе продвижение, и к ночи завладели северо-западным углом Константинополя, кварталом дворца Влахерны. Этот третий во время осады пожар, свирепствовавший до следующего вечера, продолжал разорение великого древнего города. По словам французского писателя-очевидца, от трех пожаров в Константинополе погибло столько домов, сколько было тогда в трех самых больших городах Франции. После трех пожаров на месте великолепных дворцов и церквей, так поразивших Виллардуэна, оставались одни обгорелые развалины.

В то время как сильный пожар разделил сражающихся, Мурзуфл безуспешно пытался собрать свои силы для продолжения уличных боев на следующий день. Многие части гарнизона рассеялись. Наемная гвардия, наиболее боеспособная часть гарнизона, отказалась сражаться до тех пор, пока правительством не будет выплачена старая его задолженность.

Отчаявшись в возможности дальнейшей защиты Константинополя, Мурзуфл ночью тайно бежал. Наступила полная анархия, воспользовавшись которой рыцари овладели городом (13 апреля 1204 года).

Началось знаменитое в летописях средневековой истории опустошение Царьграда, надолго оставшееся памятным всему Востоку. Через 12 часов после прекращения боя крестоносцы приступили к систематическому грабежу. Вожди ополчения не могли или не хотели удерживать своих людей, и на три дня город был отдан на разграбление изголодавшейся и ожесточенной продолжительной осадой солдатчине. Каждый крестоносец захватывал себе по выбору дом и делал с его обитателями все, что ему заблаго-

рассудится. Убийства безоружного населения, изнасилование женщин, продажа в рабство детей, пьянство и грабеж заполняли эти три дня «деятельности» крестоносцев, причем католическое духовенство, во множестве представленное в ополчении, показывало пример алчности и грабежа, особенно церквей и монастырей, из которых похищались так называемые священные реликвии. Крестоносцы беспощадно уничтожали лучшие памятники античного искусства, собранные Константином и его преемниками и сохранившиеся в Констан-



*Античные кони под главным порталом собора Марка в Венеции, вывезенные из Константинопольского гипподрома.*

тинополе в большом количестве, несмотря на все превратности судьбы, пожары и стихийные бедствия. Византийские источники упоминают о лучших произведениях искусства, уничтоженных крестоносцами: статуях Геракла Лизиппа, Геры Самосской, Париса с золотым яблоком, Елены Троянской и множества других. Только Лизипповых коней, украшавших гипподром, спас Дандоло, отослав в Венецию. Такая же участь, как статуи, постигла и богатые константинопольские библиотеки. Это массовое уничтожение накопленных веками культурных ценностей, учиненное западными рыцарями и церковниками, принесло самой же европейской цивилизации величайший ущерб. Но если рассматривать IV крестовый поход только как разбойничий и грабительский акт, каковым он в действительности и является, то его результаты на Западе могли считаться весьма успешными. Даже после трехдневного индивидуального грабежа, когда уцелевшие ценности были собраны для коллективного распределения, крестоносцы получили такую добычу, какой, по словам одного из их историков, никто еще не получал от сотворения мира. Виллардуэн сообщает, что добыча «была настолько велика, что ее не могли считать. Она заключала в себе золото, серебро, драгоценные камни, золотые и серебряные сосуды, шелковые одежды, меха и все, что есть прекрасного в этом мире».

Марк отмечает, что благодаря этому грабежу «...искусства и ремесла Востока становятся гораздо более известными Западу; дома, дворцы, церкви латинян потом украшаются украденными произведениями.

Особенно энергично действуют также и в этом деле достойные венецианцы...».<sup>1</sup>

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Васильевский, Византия и печенеги, Собрание сочинений, т. I.
2. Ф. И. Успенский, История крестовых походов.
3. Ф. И. Успенский, Образование второго болгарского царства.
4. Ф. Успенский, Очерки из истории византийской образованности.
5. Ф. И. Успенский, Византийский писатель Никита Хониат.
6. Васильевский, Из истории Византии XII века. Союз двух империй (1148—1155).
7. Диль, Византийские портреты, ч. II.
8. F. Chalandon, Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène (1081—1118).
9. Diehl, Venise, Une république patricienne.
10. F. Chalandon, Jean II Comnène (1113—1143) et Manuel I-er Comnène (1143—1180).
11. Neumann, Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im zwölften Jahrhundert.



<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 198.



## Глава VIII

### 1. Латинская империя и Никейская империя

После разгрома Константинополя крестоносцы приступили к разделу империи и созданию латинского феодального государства. Императором был избран Балдуин Фландрский, при котором венецианцы надеялись сделаться хозяевами Константинополя.

Латинскому императору предназначалось  $\frac{1}{4}$  империи и прежде всего наполовину сожженный и совершенно разгромленный Константинополь, в котором погибло и из которого бежало  $\frac{4}{5}$  населения. Вместе с столицей Балдуин получил Фракию и малоазиатские провинции, которые еще предстояло завоевать. Остальные  $\frac{3}{4}$  были поделены между Венецией и вождями крестоносцев, причем Венеция получила все лучшие приморские города, все наиболее плодородные и важные в торговом отношении местности. Наиболее важным из ее приобретений был остров Крит, где сходились дороги из Венеции, Константинополя и Египта. Конечно, она обеспечила за собой сохранение всех своих старых торговых привилегий.

Третий вождь восстания Бонифаций Монферратский получил Фессалонику вместе с Македонией, Фессалией и Эпиром, как вассал Балдуина. Остаток империи был разделен на мелкие феодальные владения между баронами, участниками IV крестового похода.

Таким образом крестоносцы поделили между собой как свою добычу государство, население которого по своему общему культурному уровню стояло выше западно-европейцев, и руководящие политики которого еще при Мануиле мечтали о всемирной империи. Однако это государство еще предстояло завоевать. Правда, захват Константинополя, где находился сложный и централизованный аппарат управления, делал неизбежным окончательный распад Византийского государства. К тому же в провинциях Византии, утративших с падением Константинополя единственную силу, которая их связывала в единое целое, кипела ожесточенная борьба между верхами и низами, земельной аристократией и крестьянством, чиновниками и городским населением. Победа латинян не устранила и не смягчила острой вражды между двумя антагонистическими группами византийского общества. Характерно, что представитель сенаторского сословия Никита Хониат уверяет своих читателей, что от латинского погрома в Константинополе пострадали только

имущие классы, лишившиеся своего имущества, а низший класс, по его мнению, даже обогатился, скупая за бесценок награбленные латинянами сокровища. Из его истории мы узнаем, что сельское население — земледельцы и пастухи Фракии нисколько не были огорчены плачевной участью константинопольской аристократии. Когда Хониат, растеряв слуг и рабов, с трудом выбрался со своими родственниками и детьми из Константинополя, причем он переоделся в нищенскую одежду, а сопровождавшие его женщины и девицы, чтобы скрыть свою красоту и молодость от разъезжавших по городу крестоносцев, должны были перепачкать грязью лица и шеи и идти склоняясь к земле, как старухи, то среди крестьянского населения он встретил только злорадство и насмешки.

Из жалоб Хониата мы узнаем, что сельские пары и пастухи надеялись, что благодаря латинянам гнет, лежавший на них, будет ослаблен, и положение их изменится к лучшему. Он возмущается тем, что земледельцы и пастухи внезапную бедность и нищету вчерашних господ рассматривали как восстановление справедливости. «Они радовались, — пишет Хониат, — общему несчастью, говоря: слава богу. Мы теперь стали богаче».

Западноевропейский феодальный мир разгромом Константинополя удовлетворил свои чувства зависти и мести, которые накапливались по отношению к Византии в течение столетий. Венецианские политики осуществили план утверждения своей морской и торговой супрематии на Леванте. Римские папы могли рассчитывать на прекращение церковного раскола. Венецианский прелат Морозини был назначен латинским патриархом Константинополя: до сведения папы было доведено об осуществлении церковной унии путем насильственного уничтожения греческого патриархата.

«Папа, — говорит Маркс, — выразив для приличия свое негодование, дает в конце концов отпущение этому скотству и гнусностям «пилигримов».<sup>1</sup>

Но способ, которым была ликвидирована Византийская империя и организовано латинское феодальное государство, свидетельствовал о недалекости «крестоносцев».

Если они рассчитывали прочно утвердиться в Византии и сделать Константинополь центром своего государства, то разрушать его значило грабить самих себя. Крупной ошибкой завоевателей явился вызванный ими конфликт с Болгарией, принесший им одни поражения.

Окончательно подорвала положение завоевателей их неспособность установить сколько-нибудь сносные отношения с туземным греческим населением. Гнет и жестокость крестоносцев возбудили против них всеобщую ненависть, — как среди бывших верхов, так и среди низов, не получивших никакого облегчения своего положения. За немногими исключениями, завоеватели относились к грекам с глубоким презрением, на что последние отвечали сильнейшей ненавистью. Эта ненависть, обусловленная варварскими методами завое-

<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 198.

вания и последующими конфискациями земель и имущества византийцев в пользу победителей, различием культур, вероисповедания, языка, все росла и усиливалась.

Только немногие аристократы (например, Феодор Врана) стали на службу новым господам. Огромное большинство населения заняло непримиримо-враждебную позицию по отношению к латинским завоевателям и питало глубокое презрение к их прислужникам из греков, «к этим рабским душам, которые ради корыстолюбия стали врагами своей родины, к этим изменникам, которые для обеспечения своей собственности поддались завоевателям вместо того, чтобы оставаться в вечной войне с латинянами».

Таким образом, одним из непосредственных результатов латинского завоевания явилось объединение населения бывшей Восточной империи в общей ненависти к латинянам.

При таких обстоятельствах Латинская империя не могла оказаться долговечной. Она просуществовала только 57 лет и явилась мимолетным эпизодом в бурной истории стран Ближнего Востока.

Уже с первого года существования новой империи ряд признаков свидетельствовал о ее непрочности. Прежде всего, реализовать намеченное крестоносцами распределение провинций оказалось невозможным. В первый момент смятения, последовавшего за взятием Константинополя, крестоносцы одерживали успехи повсюду. Бонифаций Монферратский совершил победоносный поход по Фессалии и центральной Греции до Афин, Коринфа и Навплии (1204/5 г.). В то же время Генрих Фландрский, брат Балдуина, начал победоносное завоевание Малой Азии в ноябре 1204 года и захватил важнейшие города Вифинии — Никомидию, Абидос, Адрамиттию, Люпадий.

Но греческое население Фракии возмутилось, и по его зову болгарский царь Иоанница (Калоян) вторгся во Фракию. Попытка Балдуина остановить его продвижение закончилась полным разгромом крестоносцев болгарами и половцами в битве под Адрианополем, где была перебита большая часть крестоносного ополчения и был взят в плен сам Балдуин.

Его брат и преемник Генрих Фландрский, несмотря на свои способности и энергию, не мог ни отвоевать предназначенные ему провинции Малой Азии, ни отбросить болгар за Балканы, ни примирить с латинским владычеством византийское население. Не многим лучше обстояло дело с другими феодальными владениями латинян на Балканском полуострове. Бонифаций Монферратский погиб в 1207 г. в столкновении с теми же болгарами, а земли его эфемерного королевства попали в руки греческого деспота Эпира, энергичного Феодора Ангела. Наконец, самый город Фессалоника был отвоеван эпирскими греками и албанцами в 1222 году. Гораздо прочнее оказалось владычество Венеции на византийских островах Эгейского и Ионического морей, в частности на острове Крите и ряде других прибрежных пунктов. Начавшееся уже при Ангелах феодальное разложение централизованного государства способствовало тому, что отдельные области империи, уцелевшие во время катастрофы,

обнаружили способность сопротивляться завоевателям и ненавистному католическому духовенству.

Во главе сопротивления стали родственники императорского дома, влиятельные местные крупные землевладельцы или руководители провинциальной администрации.

Из 9—10 вождей, поднявших в разных областях знамя восстания против владычества латинян, выделилось трое, оказавшихся в состоянии образовать устойчивые центры сопротивления. Из них наиболее выдающимся был византийский аристократ Феодор Ласкарис, пытавшийся возглавить последнюю попытку сопротивления крестоносцам при падении Константинополя и затем спасшийся бегством в Малую Азию. Вокруг него собрались обломки старой византийской армии; города Вифинии открыли ему свои ворота. Он был провозглашен императором и сделал своей резиденцией г. Никею.

В «Никейской империи» нашла прибежище константинопольская греческая патриархия, туда же спасались представители гражданской и военной знати, видные деятели церкви и другие беглецы. Неоднократные попытки Генриха Фландрского завоевать малоазиатские византийские провинции, чтобы поделить их на баронии и феоды, были отражены Ласкарисом и окончились безрезультатно.

Одновременно образовалась так называемая «Трапезундская империя». В 1204 г. грузинская царица Тамара помогла своему племяннику Андронику Комнину, внуку Андроника I, основать самостоятельное владение на морском побережье от Фазиса до Синопа, с центром в Трапезунде. Попытка Андроника овладеть Вифинией потерпела неудачу, но основанная им династия около трех столетий правила в Трапезунде.

На западе Балканского полуострова образовалось третье самостоятельное греческое владение. Родственник Алексея III Михаил Ангел был принят в качестве правителя (деспота) городами Эпира. Собрав ополчение воинственных албанцев, он успешно отражал нападения латинян из Афин и Фессалии, а его брат и преемник Феодор завоевал латинское королевство в Фессалонике. Два соседних государства — второе болгарское царство при Калояне и Иоанне Асене II и иконийский султанат — делали неоднократные попытки использовать распад Византии для расширения своих владений. Поэтому весь XIII век наполнен постоянными столкновениями между всеми этими государственными образованиями в самых различных сочетаниях: то византийцы боролись против пришлых латинян, болгар и турок, то греческие «императоры» вступали в борьбу между собой, то латиняне воевали с болгарами. Бесперывные военные столкновения сопровождались непрочными мирными договорами, союзами, коалициями, которые легко заключались и также легко разрывались. Но турки-сельджуки, потерпев поражение от Ласкариса, были еще более ослаблены татарами, которые разгромили их в 40-х годах XIII в. Иконийский султанат был вынужден после этого платить татарам дань и вообще не мог играть прежней активной роли в событиях. В Болгарии после смерти Иоанна Асена II

в 1241 году началась анархия, и слабые его преемники должны были отказаться от попыток удержать завоеванные им македонские и фракийские области. Латинская империя, ненавидимая греками, лишенная средств, сведенная территориально к Константинополю с его округой, с трудом влачила жалкое существование. Знать и духовенство всех византийских владений ставили перед собой одну задачу: восстановление империи и изгнание латинян из Константинополя. Разногласие было лишь по вопросу, кто должен возглавить движение, никейские императоры или эпирские деспоты. Вопрос этот был решен только в 1241 году, когда два византийских владения, до этого ведшие каждое в отдельности борьбу с латинянами, вступили в острый конфликт, закончившийся победой Никейской империи. Ее успехи в борьбе за восстановление Византии были подготовлены энергичной деятельностью ближайшего преемника Феодора Ласкариса — «императора» Иоанна III Дуки (Ватац).

Внутренняя история Никейской империи слабо разработана. Но известно, что Иоанн III Ватац (1222—1254) старался увеличить свои скромные доходы и заботился о поднятии земледелия, виноделия и птицеводства, что он с большей выгодой для своей казны продавал туркам хлеб во время голода в Иконийском султанате. Промышленная гегемония Византии канула в вечность. Подданные Никейской империи были вынуждены покупать итальянские ткани. Ватац употреблял всяческие усилия, чтобы поднять туземное текстильное производство. Для этого он запретил своим подданным под страхом «бесчестия», т. е. лишения прав и состояния, покупать иностранные ткани, а довольствоваться только тем, что «производит земля ромеев и умеют готовить руки ромеев».

Едва ли эти мероприятия были эффективны, но современные источники свидетельствуют, что путем строгой бережливости и контроля Ватацу удалось улучшить экономическое состояние малоазиатских провинций.

Еще большую активность и энергию он проявлял в своей внешней политике, направленной к восстановлению империи. К 1224 г. он отнял у латинян почти всю территорию, которая им принадлежала в Малой Азии. Его флот отвоевал Лесбос, Хиос, Самос, Кос. Затем никейское войско переправилось в Европу и вытеснило латинян из южной Фракии. Константинополь был спасен подошедшим на выручку венецианским флотом.

Но эту неудачу Ватац компенсировал расширением своих владений в Македонии. Он нанес поражение своим соперникам, эпирским Ангелам, и осадил их столицу Фессалонику в 1241 году. Иоанн Ангел должен был отказаться от императорского звания и признать себя вассалом Nikei.

Воспользовавшись ослаблением Болгарии после смерти Иоанна Асеня в 1241 г., Ватац отнял завоеванные Асенем Македонские и Фракийские области, а в 1246 г. после смерти Иоанна Ангела присоединил к своим владениям Фессалонику. Наследник Ангелов сохранил в Эпире и Албании только незначительную часть старых владений этой династии, причем эпирский деспотат был поставлен

в зависимость от Никеи. Еще раньше для совместной борьбы с папой, покровителем Латинской империи, Ватац породнился и вступил в союз с жесточайшим врагом пап Фридрихом II Гогенштауфеном.

Устранив эпирского и болгарского претендентов на роль восстановителей империи, он подчинил своей власти большую часть территории Византии, что уже само по себе фактически означало ее реставрацию.

Иоанн Дука Ватац умер в 1254 г., оставив Никейский престол своему сыну Феодору II, правившему всего 4 года. Федор окончательно вытеснил болгар из Македонии и загнал албанцев Ангела в их горы.

После его смерти власть унаследовал его восьмилетний сын Иоанн Дука. Началась борьба между важнейшими сановниками Никейского двора за власть и влияние. Из этой борьбы победителем вышел виднейший представитель греческой аристократии, группировавшейся вокруг Никейского двора, ловкий и беззастенчивый Михаил Палеолог, который в нарушение прав Дуки был провозглашен его соправителем и императором. Михаил Палеолог очистил двор от родственников и приверженцев старой династии, расставил везде своих ставленников, щедрыми подачками и обещаниями купил расположение знати, духовенства и войска, укрепил свой авторитет значительной победой в 1260 г. над Эпирским деспотом, соединившимся для борьбы с Никеей с латинскими феодалами Средней Греции и Сицилии. Уничтожив угрозу с запада, Михаил обратился к востоку, докончив восстановление империи. Маркс отмечает важное значение его союза с генуэзцами: «Михаил Палеолог предлагает генуэзцам союз против Венеции; они принимают его, обещают ему помочь флотом в завоевании Константинополя, взамен чего они должны были получить в Латинской империи преимущества, которыми пользовались до тех пор венецианцы».<sup>1</sup>

В 1261 г., когда венецианский флот, единственная действительная защита Константинополя, был временно оттуда отозван, Михаил без всякого труда завладел городом. Латинский император, венецианцы, латинский патриарх и католическое духовенство должны были искать спасения в бегстве.

## **2. Восстановление Византийской империи. Революционное движение зилотов. Агония Византии при Палеологах (XIV—XV вв.)**

Поверхностному наблюдателю может показаться, что восстановленная империя Михаила Палеолога являлась непосредственным продолжением империи времен Исаака и Алексея Ангелов, и полувековой период латинского владычества в Константинополе явился мимолетным эпизодом, не произведшим в жизни Византии никаких серьезных изменений. Но такое представление было бы ошибочным. Как ни велико сходство между Византией 1204 и 1261 года, нельзя

<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 207

упускать из вида, что она за это время претерпела значительные изменения. Прежде всего территория восстановленной империи значительно сократилась по сравнению с территорией, остававшейся во власти Алексея Ангела. В 1261 г. в непосредственном владении Михаила Палеолога были северо-западный угол Малой Азии, большая часть Фракии и Македонии с Фессалоникой, некоторые острова в северной части Эгейского моря. Кроме того, в самом начале своего правления он получил в виде выкупа за освобождение из плена Ахейского князя Вильгельма, захваченного в битве при Пелагони, три крупных крепости в Пелопоннесе: Монемвасию, Мистру и Майну. Эпирский деспотат оставался в вассальной непрочной зависимости от империи.

За время латинского хозяйничанья в Константинополе Византия лишилась в Азии перешедшего в руки мусульман Писидийского побережья с Атталией и Пафлагонского с Синопом. Отдаленная понтийская провинция превратилась в самостоятельное государство Комнинов. В Европе потери были еще более чувствительны. Южные склоны Балкан (северная Фракия) и северная Македония были полностью славянизированы. Эпир и Албания удерживали свою самостоятельность против константинопольских императоров путем тесного союза с латинянами Италии и Средней Греции. Были потеряны также Средняя Греция и Пелопоннес, распределенные между латинскими феодальными владениями, наконец, большинство островов Эгейского моря были прочно заняты или венецианским правительством или представителями венецианской аристократии.

Константинополь уже не являлся прежней блестящей мировой столицей. Трудно изобразить ту картину опустошения и разорения, которую представлял Константинополь после 57-летнего хозяйничанья крестоносцев. Михайлу Палеологу пришлось немедленно приступить к восстановлению стен, дворцов, полуразрушенных церквей и монастырей, на что были затрачены крупные средства. Эти расходы очень чувствительно отзывались на византийских финансах и делались с большим напряжением, но восстановление всех разрушений требовало более значительных сумм, чем те, которыми Византия располагала. По свидетельству историка Никифора Григоры, и в XIV в. в правление Андроника III «императорские дворцы и палаты знатных лежали в развалинах и служили уборными для прохожих и клоаками; равно и величавые здания патриархата, окружавшие великий храм Софии и сами служившие ей украшением, так как были творением древних архитекторов и других хотя более новых, но умевших строить так же хорошо, как в древности, были разрушены или сравнены с землей».

Владычество латинян разрушило также старый механизм государственного управления. Восстановленная Византия представляет страну, все более распадающуюся на отдельные, обособленные в хозяйственном и политическом положении мирки, лишенные прочной связи между собой и слабо подчиненные центральному правительству,

<sup>1</sup> 'Ρωμαϊκή ιστορία, XI, 2.

а часто и совершенно не желавшие ему подчиняться. Даже в области, остававшиеся византийскими после 1204 г., проникли обычаи и порядки, принесенные крестоносцами. Правители малоазиатских округов смотрели на себя как на самостоятельных пожизненных правителей. Они заключали союзы и мирились с турецкими эмирами, исходя из своих интересов, а не из интересов общегосударственных. То же самое проделывали в Европе Дуки, Ангелы, Кантакузины и другие представители византийской знати. Центральная власть была вынуждена щедро давать широкие привилегии как церковным, так и светским землевладельцам, а также городам, обращать служилые земли в вотчины. Это, разумеется, ускоряло процесс ослабления центральной власти и уменьшало тот земельный фонд, доходами с которого содержалась боевая сила, необходимая для обороны государства. Одновременно с успехами децентрализации еще более увеличивалась пропасть между династами и «убогими». Знать по происхождению и богатству, куда входили представители старой родовой аристократии, богатые торговцы, верхушка духовенства, комплектовала из своей среды правительственную администрацию, держала в своих руках городские самоуправления, эксплуатировала «убогих» государственными налогами, рентами, ростовщичеством, деспотически диктуя им свою волю. Раздираемая внутренними распрями, знающая только свои эгоистические интересы, эта аристократия показала, что она и после событий 1204 г. ничему не научилась и ничего не забыла.

Вот почему империя и в XIV веке потрясается ожесточенной классовой борьбой между династами и «убогими», нашедшей наиболее яркое выражение в революционном движении зилотов в Фессалонике.

Росту центробежных сил способствовала возрастающая финансовая слабость центральной власти. Византия и после своего восстановления никак не могла освободиться от опеки итальянских торговых республик Венеции и Генуи, привилегии которых лишали правительство большей части его доходов. Еще менее была способна Византия восстановить свое старое господство над морями, которое некогда делало ее распорядительницей европейской торговли. Эту торговую монополию подорвали уже крестовые походы. Латинское завоевание Константинополя нанесло ей смертельный удар. После 1204 г. контроль над Босфорской и Черноморской торговлей попал в руки венецианцев, которые не имели никакого желания сохранить за Константинополем его положение центрального европейского рынка. Венеция его рассматривала только как важный транзитный пункт ее черноморской торговли и как местный рынок для территории вокруг Мраморного моря. С 1204 г. центром европейской торговли стала Италия, и торговые итальянские республики — Венеция и Генуя — использовали все возможности, чтобы помешать восстановленной в 1261 г. Византийской империи освободиться от их опеки.

Византийцы, с своей стороны, пытались играть на противоречиях, существовавших между обеими итальянскими торговыми республи-

ками, противопоставляя их одну другой. Эту политику начал Михаил Палеолог заключением союза с Генуэзским правительством.

Но это мало помогло Византии. Несмотря на попытки Палеологов восстановить византийский военный флот, он оставался незначительным по сравнению с военными флотами Венеции и Генуи. А без преобладания на море Палеологи не могли освободиться от венецианцев и генуэзцев и воспользоваться выгодами географического положения своей столицы. Генуэзцы же широко использовали предоставленные им возможности. Пользуясь слабостью византийского флота, генуэзцы заполнили своими судами все порты Архипелага и захватили в свои руки всю ввозную торговлю на Черном море и в проливах. По свидетельству византийского историка Никифора Григоры, таможенные доходы генуэзской колонии в Галате в XIV в. ежегодно достигали 200 тысяч золотых, в то время как византийские императоры с трудом получали от этих сборов в Константинополе 30 тысяч золотых.<sup>1</sup>

При таких обстоятельствах в XIV веке не могло быть и речи о сохранении Византией старого положения первоклассной европейской державы. После реставрации империя являлась третьестепенным греческим государством, бывшим в сущности продолжением Никейского, хотя его государи вновь обосновались в Константинополе и облеклись в обветшалые одежды византийских императоров.

Сами Палеологи в своей деятельности не проявили ни дипломатического умения с успехом выходить из трудного положения, ни административного искусства. Основатель этой династии Михаил, правда, обладал недюжинными дипломатическими способностями, но даже он едва ли может быть признан выдающимся правителем. Успех, выразившийся в отвоевании Константинополя, являлся в сущности и последним успехом его правления, которое продолжалось еще 21 год. В Европе он с трудом удерживал существующие границы в борьбе с франками, болгарами, эпирским деспотом и флотами венецианским и генуэзским, в Азии же он дезорганизовал дело обороны.

Если Феодор Ласкарис и Ватац, показавшие себя опытными администраторами и военными вождями, проявляли некоторое стремление к сбережению податной силы своих подданных и, сохраняя свое самодержавие в борьбе с феодальными тенденциями, предоставляли некоторую возможность развития самоуправления городских общин, то при Михаиле общее направление политики изменяется. Являясь узурпатором, лишив престола и ослепив ребенка-императора, он жил в вечном страхе подвергнуться такой же участи. Подозрительность и жестокость были его отличительными чертами и в заботах о своей личной безопасности он жертвовал интересами государства. Для успеха узурпации он должен был щедрыми подачками снискать расположение знати, духовенства, войска, разумеется, за счет народных масс. Более, чем кто-либо, Михаил и его преемники склонны были опираться на паразити-

<sup>1</sup> Niceph. Gregoras, *ibid.*, XVII, 1, стр. 842.

ческое духовенство, расширять его права и привилегии за счет производительных классов населения. В тех же узко династических целях Михаил дезорганизовал военную оборону малоазиатских провинций.

Никеийские императоры с их суровой экономией смогли создать небольшое, но боеспособное регулярное войско и поддерживать на границе с турками народную милицию, организованную на основе старой системы военных держаний, освобожденных от налогов и других повинностей. Эти пограничные поселенцы — акриты — должны были нести исключительно военную службу, обороняя границы от турок. Насколько позволяют судить источники, они в течение столетия отстаивали эти границы храбро и с успехом. Но эти пограничные поселенцы были настроены в пользу старой династии Дук и против узурпации Палеолога.

Этого было достаточно, чтобы Михаил лишил акритов всякой правительственной поддержки и, не ограничиваясь этим, потребовал в пользу казны большую часть доходов их земель.

Последствием этих мероприятий было восстание вифинских акритов и крестьян в 1262 году. Оно подорвало благосостояние этой очень важной и испытанной оборонительной силы. Оборонять малоазиатские провинции теперь должно было регулярное войско, но ограниченные средства правительства не давали ему возможности держать под оружием крупные силы. Тем самым была облегчена дорога для турецких вторжений в пределы малоазиатских провинций. И действительно, уже при Михаиле турки-сельджуки заняли внутренние части Карики, Лидии, а также имевший крупное значение город Траллы, сведя византийские владения в юго-западной части Малой Азии к узкой приморской полосе.

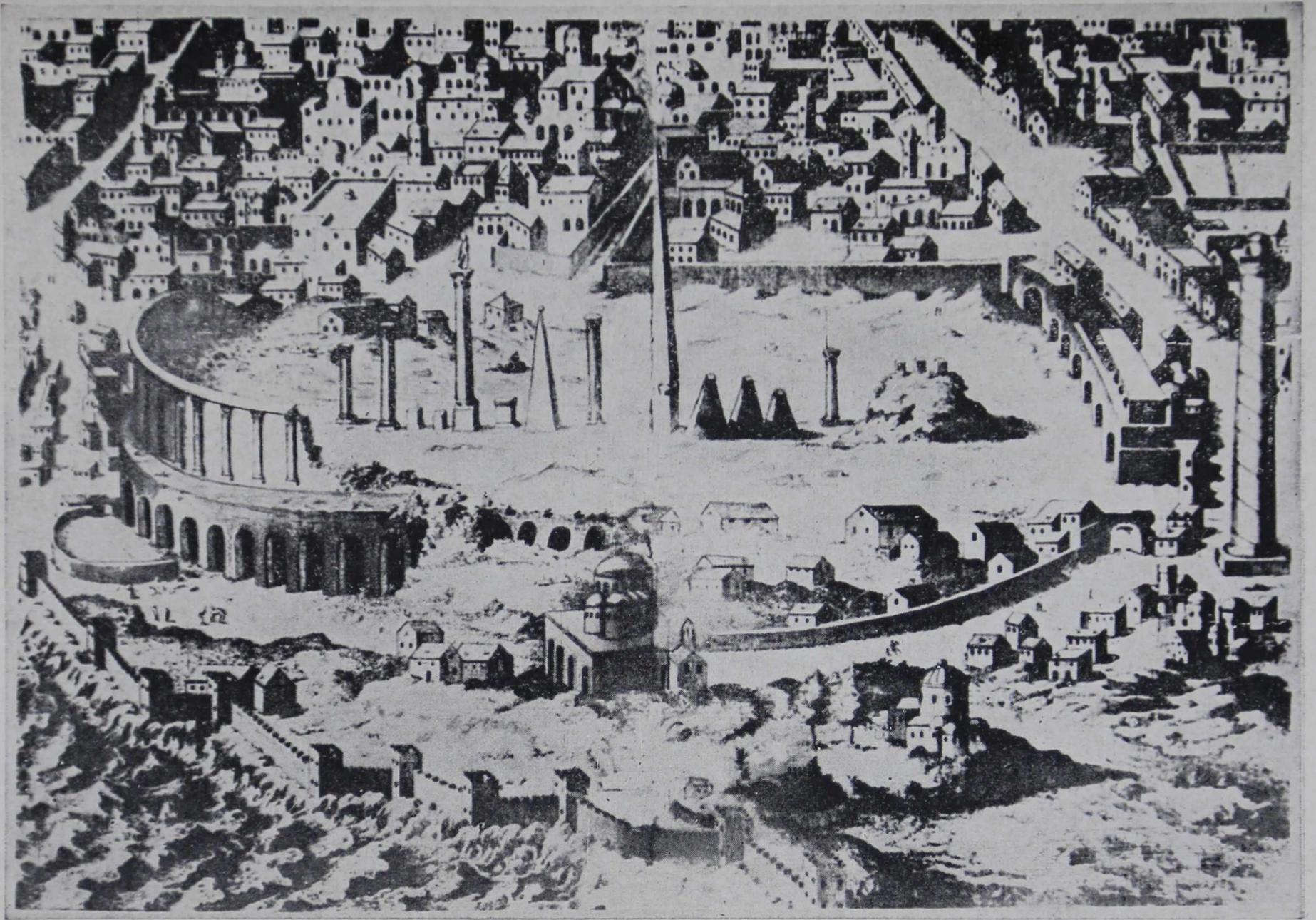
По тем же причинам Михаил распустил большую часть туземных войск и воздерживался, насколько возможно, от выдвижения греческих военачальников, снова перенеся центр тяжести обороны на наемников. Если Никеийские императоры до известной степени щадили податные силы своих подданных, то Михаил, нуждавшийся в средствах и для подкупа аристократии, и для восстановления Константинополя, и для войн с Неаполем, сербами и болгарам, вернулся к старой системе истощения податных масс налогами.

Войны в Европе отвлекали внимание правительства от Малой Азии, заставляли его забывать о самой грозной опасности — со стороны турок. Недаром один из государственных деятелей Никеийской империи, узнав об отвоевании Константинополя у латинян, воскликнул: «Ну, теперь все пропало!». Он довольно верно понимал истинное положение дел.

После этого отвоевания, отмечает Маркс: «Все потянулись из Малой Азии опять в Европу; уже через два десятилетия... в Малой Азии укрепляются первые полчища османов».<sup>1</sup>

Неудачна была и религиозная политика Михайла. Так как он покровительствовал торговле генуэзцев и пизанцев, то папа и вене-

<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 207.



*Общий вид Константинополя при Палеологах.  
(Beylie. L'habitation byzantine.)*

цианцы содействовали Карлу Анжуйскому, который собирался выступить защитником изгнанного латинского императора Балдуина. Чтобы предотвратить новый крестовый поход против империи Михаил выступил на Лионском соборе Западной церкви в 1274 г. с предложением восстановить авторитет папы также и на Востоке и заключить унию.

Но греческое духовенство восстало против католического учения об «исхождении святого духа от отца и сына (*filioque*)». Когда папа послал своего легата в Константинополь, народ под влиянием церковников отказался повиноваться императору в вопросах веры.

«... Михаилу, — замечает Маркс, — до самой смерти (он умер в 1282) приходилось вести со своими подданными более упорную борьбу, чем с турками... он подверг жестоким гонениям противников «*filioque*»; его отлучили как его собственная церковь, так и папа; греческий патриарх проклял его, как еретика, а сын его (Андроник Старший) тотчас же после смерти отца сбросил папистскую маску...».<sup>1</sup>

При преемнике Михаила Андронике II (1282—1328), которого, по выражению одного историка, «природа предназначила быть профессором богословия, а случай сделал византийским императором»,<sup>2</sup> который обладал всеми пороками своего отца: легкомыслием, вероломством, жестокостью и, сверх того, трусостью и суеверием, от которых его отец был свободен, — произошло крушение византийского господства в Малой Азии.

В то время как Андроник главное внимание уделял церковным вопросам и подбору патриархов, турки-сельджуки и османы все больше усиливали свой натиск на малоазиатские провинции, приближаясь к самым воротам Эфеса и Смирны, Никеи и Бруссы. Грозная турецкая опасность заставила, наконец, византийское правительство сделать усилие, чтобы обезопасить свои малоазиатские земли. Но средство, примененное для этого, только ускорило их утрату и, в добавление к этому, подвергло страшному опустошению европейские провинции.

Византийское правительство, продолжая политику Михаила Палеолога, возложило все свои надежды на наемное войско, так называемую «каталонскую компанию», оставшуюся без дела, когда в самом начале XIV века был заключен мир между Сицилией и Неаполем. Андроник согласился на брак предводителя каталонцев Рожера де Флора с своей племянницей, даровал ему высокий титул и выплатил крупную сумму денег его «компании». В самом начале XIV в. Рожер де Флор прибыл в Константинополь с своим войском, насчитывавшим до 10 тысяч человек. Наемники были переправлены затем в Малую Азию для оказания помощи осажденной турками Филадельфии.

Но здесь правительству Андроника пришлось скоро убедиться в пагубности легкомысленного водворения на своей территории наемников, которые не могли быть сдерживаемы туземными войсками.

<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 172.

<sup>2</sup> W. Miller, *The Catalans at Athen*, стр. 4.

После первых удачных столкновений каталонцев с турками и освобождения ими Филадельфии от осады, каталонцы уже в 1303/4 году обнаружили недвусмысленное намерение образовать в византийских провинциях Малой Азии свое собственное княжество.

Отношения между каталонцами, туземным населением Малой Азии и константинопольским правительством не замедлили резко обостриться. Для ликвидации последствий сделанной им глупости правительство Андроника придумало средство, которое причинило империи еще большие бедствия. Рожер с своими каталонцами был отозван из Малой Азии и занял Галлиполийский полуостров. Затем он был завлечен для переговоров в Адрианополь и здесь предательски убит, а находившиеся в столице и других городах каталонцы также подверглись избиению.

Естественно, что наемники, охваченные жаждой мести за гибель своих, порвали всякие союзные отношения с империей и двинулись на запад, подвергая беспощадному опустошению территорию, через которую они проходили. Попытавшиеся выступить против них византийские войска были два раза разбиты — у Галлиполи и Апроса.

В течение двух лет каталонцы опустошали Фракию, доведя ее до такого разорения, что сами должны были ее покинуть под угрозой голода.

В дальнейшем такой же участи подверглась и Македония. Пострадали и богатые Афонские монастыри. Только нападение каталонцев на Фессалонику потерпело неудачу. Прожив некоторое время в Фессалии, каталонцы двинулись на юг в пределы Афинско-фиванского герцогства, находившегося под управлением французских феодалов. Каталонцы одержали над ними решительную победу, положили конец Афинско-фиванскому герцогству и утвердили там испанскую власть, просуществовавшую в Фивах и Афинах в течение 80 лет.

Эта опустошительная война с наемниками не только разорила европейские провинции, но и послужила причиной потери малоазиатских провинций. В то время как Андроник должен был вести борьбу в Европе с «великой компанией», сельджуки еще раз захватили Лидию и Фригию и вторглись в Вифинию. К 1325 г. византийские владения в Малой Азии были ограничены узкой береговой полосой от Дарданелл до северного выхода из Босфорского пролива.

В то время как Византия теряла свои владения в Малой Азии, Андроник был вовлечен в новую войну, не менее пагубную для империи, чем война с наемниками, на этот раз с своим внуком, тоже Андроником, которого он лишил наследства. Но молодой Андроник после длительной войны с дедом, закончившейся только в 1328 году, добился восстановления своих прав. Междоусобие тянулось 6 лет и поглощало последние ресурсы империи. За время этой войны турки завоевали Бруссу в 1326 году и Никомидию в 1328 году, а сербы отняли северную часть Македонии.

Если при Михаиле VIII еще делались некоторые усилия, чтобы поддерживать военный флот, то при Андронике он снова пришел

в полное расстройство, и византийское правительство должно было всецело отдаться в руки генуэзских купцов, не будучи даже в состоянии оборонять своих подданных от множества корсаров, грабивших побережье Эгейского моря. А позднее, именно вследствие своей слабости на море, правительство Андроника было втянуто в войну между Венецией и Генуей, разгоревшуюся в византийских водах (с 1294 г.). Когда последние остатки сирийских государств, основанных крестоносцами, перешли в руки египетского султана, чем сильно была расстроена венецианская торговля с Левантом, венецианцы сделали энергичное усилие, чтобы отнять у генуэзцев монополию на северные торговые пути. В 1296 г. венецианцы сожгли Галату, ограбили Лемнос и вынудили правительство Андроника восстановить привилегии венецианцев и уступить им еще несколько Цикладских островов.

Когда Андроник III (1328—1341) утвердился на византийском престоле, большая часть азиатских владений была уже безвозвратно потеряна. Только Никея еще держалась. Турки-османы, с которыми теперь пришлось иметь дело Византии, в своем движении на запад проявляли еще большую настойчивость и последовательность, чем другие турецкие племена. Наметив объектом своих нападений какой-либо греческий укрепленный город, который взять штурмом они были не в состоянии, они старались занять выгодную позицию в его окрестностях, строили замок и постепенно окружали город, лишая подвоза продовольствия и тем вынуждая его к сдаче. Низшим классам населения под властью турок жилось не хуже, чем под властью мелких греческих деспотов. Попытка Андроника спасти Никею, куда он мог послать только 2 тысячи регулярного войска и 3 тысячи кое-как вооруженных малоазиатских ополченцев, закончилась разгромом византийцев при Филокрене. В 1330 г. Никея капитулировала, и Малая Азия была окончательно потеряна для Византии.

Завоевав Вифинию, османский эмир Урхан подчинил своей власти сельджукских эмиров Малой Азии и создал грозное военное государство. Генуэзская колония в Галате при Андронике III достигла крупного экономического и политического влияния и сделалась как бы государством в государстве, захватив в свои руки всю торговлю на Черном море.

Когда Андроник III в 1341 г. умер, его старшему сыну Иоанну V было только 11 лет.

Вокруг трона несовершеннолетнего императора разгорелась гибельная для ослабевшей и без того империи междоусобная война. В то время как в Константинополе был коронован Иоанн V Палеолог, один из византийских аристократов Иоанн Кантакузин, ловкий и изворотливый интриган, провозгласил себя во Фракии императором. На его сторону стала провинциальная знать. Обе стороны искали помощи у иноземцев: у сербов, болгар и, особенно, турок, пользовавшихся случаем грабить и разорять страну.

Непрерывные вторжения неприятелей, гражданские войны, вымогательства чиновников, гнет и эксплуатация династов

подготавливали взрыв революционного движения «убогих». Этот взрыв был ускорен действиями самой знати, ввергнувшей страну в новую междоусобную войну и упорно поддерживавшей Кантакузина.

В Византии XIV века мы находим три класса населения: 1) имущих и знатных, 2) средний класс (*οἱ μέσοι*), к которому принадлежали торговцы, крупные ремесленники, мелкие собственники и лица свободных профессий, и 3) «убогих», т. е. мелких земледельцев, париков, мелких ремесленников, моряков, подмастерьев. В Византии XIV в. еще сохранились крупные состояния, но они находились в руках немногих аристократических фамилий, державших в своих руках распределение всех прибыльных административных постов, затем в руках крупных торговцев, высшего духовенства и особенно монашества. Дмитрий Кидон утверждает, что в XIV в. в Фессалонике несколько знатных людей были в состоянии содержать весь гарнизон города.

Собственность монастырей продолжала расти благодаря чрезвычайной щедрости Палеологов и завещаниям частных лиц. В городах не было квартала, где бы самое видное место не занимал монастырь с огромными строениями, часовнями, монашескими домами, лавками. Монастыри скупали лучшие дома, сады, лавки. Средний класс (*οἱ μέσοι*) не играл сколько-нибудь заметной роли в общественной жизни, хотя «к средним» причислялись в XIV в. мелкие земельные собственники, которые в X в. считались «убогими». Плебс, «убогие» образовывали самый многочисленный класс населения. Крестьянство XIV в. в огромном большинстве принадлежало к категории париков, привязанных к земле, имеющих своего господина, но оставались в небольшом количестве и свободные земельные собственники. Свободные, не имевшие земли, также причислялись к парикам. В то время как значение динатов росло, положение непосредственных производителей, земли которого были постоянно разоряемы неприятелем, все ухудшалось. Например, в Фессалонике XIV в., о которой больше всего имеется данных, торговля и ремесленное производство сделались единственными источниками существования. Земледелие же и скотоводство на богатой территории, окружавшей город, не приносили доходов по причине частых гражданских войн и неприятельских вторжений. Существовала разительная пропасть между богатыми, образованными динатами, пользовавшимися всеми благами обеспеченной жизни, и земледельческим населением, стоявшим очень часто перед угрозой голодной смерти, а также обреченным на полуголодное существование городским плебсом. В 1322 г. правительство не могло собрать налогов с земледельцев, настолько ограбили их войска Андроника II.

Гражданская война, поднятая Кантакузиным, связанная с нашествиями иноземцев, довершила всеобщее разорение. Сельскохозяйственные постройки, дворы, конюшни, хлевы, амбары были сожжены. Запасы продуктов были реквизированы, орудия земледельческого труда расхищены и уничтожены. «Убогие» считали себя счастливыми, если им удавалось спасти свою жизнь, найдя убе-

жище в укрепленных городах, но здесь им приходилось переносить неслыханные лишения. Если динаты и соглашались помочь «убогим», то на условиях полного закабаления. Если земледельцу и удавалось изредка собрать хороший урожай, то он шел на погашение долгов. Суды были на стороне знати. Налоговые сборщики не осмеливались беспокоить динатов, которые различными способами уклонялись от налогов; зато бедняки не знали никакой пощады от сборщиков при взыскании «гражданских» и военных налогов или ренты, уплачиваемой земельному собственнику. Николай Кавасила, которого никак нельзя упрекнуть в симпатии к низшим угнетенным классам, рисует красочные сценки, как кредиторы и налоговые сборщики преследуют бедняка повсюду, схватывают его за горло или бороду, влачат в тюрьму, осыпая ударами. Духовенство присоединялось к магнатам и налоговым сборщикам, требуя свою долю.

Неудивительно, что при таких обстоятельствах борьба за власть между Иоанном V и Кантакузиным превратилась в классовую борьбу между динатами и «убогими».

Народные массы сделали отчаянное усилие сбросить иго эксплуататоров и тем спасти от гибели себя и государство. Народ, ненавидевший динатов, стал на сторону центрального правительства, и уже в 1341 г., первом году гражданской войны, в крупнейших провинциальных центрах — Адрианополе, Гераклее, Фессалонике поднялось народное восстание.

Начиная гражданскую войну, Кантакузин разослал грамоты по городам, призывая их поддержать его притязания на престол. В Адрианополе знать оказала восторженный прием его посланцам. Когда некоторые смельчаки из плебса осмелились на народном собрании выступить против Кантакузина, динаты приказали их подвергнуть телесному наказанию.<sup>1</sup>

Этого было достаточно, чтобы вызвать восстание «убогих». Представители знати были брошены в тюрьму, их имущества конфискованы. «Убогие» взяли управление городом в свои руки. Пример Адрианополя везде нашел подражание. Во всех городах и областях свергали динатов, арестовывали и отправляли в Константинополь в распоряжение центрального правительства.

Выступление народных масс своей неожиданностью поразило аристократию, привыкшую презирать народ и рассматривать его как рабски покорную массу. Она и ее идеологи не видели в этом движении ничего, кроме «неслыханного безумия и несчастья, ниспосланного богом для испытания верующих».

Кантакузин в своих мемуарах пытается оклеветать народное движение, стараясь его объяснить желанием «убогих» ограбить богатых. Но события, развернувшиеся в Фессалонике в связи с гражданской войной, разоблачают эту клевету.

Фессалоника XIV в., несмотря на постигшие ее бедствия, являлась все еще многолюдным по средневековым масштабам городом

<sup>1</sup> O. Tafrali, Thessalonique au quatorzième siècle, p. 225.

с сорокатысячным населением, с оживленной торговлей и развитым ремесленным производством. Город попрежнему являлся портом и рынком для всей Македонии. Сюда свозились товары из Македонии, Сербии, Болгарии. Здесь существовали многочисленные корпорации торговцев и ремесленников, судовладельцев и моряков. Торговые сделки совершались даже в церквах, что скандализировало православное духовенство. Население Фессалоники также решительно выступило, как в Адрианополе, против Кантакузина и знати. Но здесь это движение не было стихийным: оно возглавлялось и руководилось партией зилотов.

Для нас не совсем ясна история возникновения этой партии и ее программа, так как все, что о ней до нас дошло, исходит от ее ожесточенных врагов. Но и то, что нам известно, достаточно определенно говорит о ее социальной направленности. Зилоты были представителями бедноты, людьми из народа. Григора пренебрежительно называет их «сбродом». По его мнению, «их режим не был ни аристократическим, ни демократическим. Это было подобие странной охлократии. Некоторые дерзкие элементы населения создали собственную организацию и демагогическими приемами увлекли за собой народ». Их программа, по мнению Григоры, заключалась в том, чтобы «отнять имущество у богатых, призывать народ не признавать никакого начальства и авторитета, кроме их собственных вождей». <sup>1</sup> Исследования Тафрали разоблачили клеветническое утверждение Григоры, что Фессалоникийские зилоты были только демагогами, желавшими поживиться за счет богачей. В действительности они боролись за свободу и независимость своего города, считая, что только победа над знатью позволит обеспечить благосостояние родного города и всей империи. Они вели борьбу с знатью как с злейшими врагами народа. Они производили конфискацию имущества богатых и доходов монастырей для оказания помощи бедноте городской и деревенской, разоренной непрерывными войнами и вымогательствами динатов, и для содержания народной милиции, защищавшей город от внешних врагов. Тафрали несомненно прав, утверждая, что программа зилотов в Фессалонике создавалась под влиянием тесного и непрерывного соприкосновения с горожанами итальянских республик, особенно Генуи, где в 1339 году, используя недовольство народных масс чрезмерным налоговым обложением, часть купечества произвела государственный переворот, свергнув господство патрицианской олигархии.

События в Генуе, жители которой находились в постоянном соприкосновении с фессалоникийцами, сделались быстро известными и в Византии. Преувеличивая демократизм итальянских республик, зилоты думали, что расцвет этих республик, развитие в них торговли и промышленности, рост их экономического и политического могущества, — все это было обусловлено победой свободного республиканского строя, отстранением аристократии

<sup>1</sup> O. Tafraли, op. cit., стр. 253.

от политической власти и ограничением прав духовенства. Движение зилотов было несомненно навеяно опытом итальянских городов, и их программа была программой итальянских «пополанов».

В то время как народ Фессалоники был решительно настроен против Кантакузина, правитель Фессалоникийской области, Синадин, друг нового претендента на престол, вместе с местными династами, интриговал в его пользу. Тогда зилоты подняли восстание, направленное против всех вообще богатых и знатных (нач. 1342 г.).<sup>1</sup>

Синадин и большая часть знати бежали из города. Оставшиеся искали убежища в церквях и прятались, где могли. Зилоты удержали народ от расправы над династами, но их жилища, в том числе и дом Синадина, были разгромлены. У власти стала народная власть зилотов, признанная центральным правительством. «Никому неизвестные раньше бедняки, — писал Кантакузин, — выдвинулись на первое место». Примеру Фессалоники быстро последовали другие города Македонии.

Ненависть народных масс к Кантакузину была так велика и его положение одно время было таким критическим, что динаты, бежавшие из Фессалоники в его лагерь, решили вернуться обратно. С Кантакузиным было бы быстро покончено, если бы призванные им на помощь сербы и турки не спасли его от гибели. В начале 1343 г. сильный отряд наемных войск был приведен ему на помощь Иоанном Ангелом, его родственником, пожизненным правителем Фессалии. Жена Кантакузина Ирина, осажденная правительственными войсками в Димотике, призвала на помощь болгар. Призванный Кантакузиным на помощь сербский король Стефан Душан занял большую часть Македонии. В результате гражданская война приобрела чрезвычайно затяжной характер.

Опираясь на сербов, Кантакузин подошел в 1343 г. к Фессалонике, рассчитывая овладеть ею. Но его надежды не оправдались. Зилоты предотвращали всякие попытки измены, сурово карая уличенных в связях с Кантакузиным аристократов. Когда перед Фессалоникой появился флот центрального правительства, Кантакузин вызвал к себе на помощь турецкое ополчение Омарбега. Турки жестоко опустошили страну, захватили множество пленных мужчин и женщин для продажи на рабских рынках Смирны и Бруссы.

Подвергнутое осаде население города испытывало большие бедствия. Многие горожане в результате опустошения турками окрестностей города были совершенно разорены. Особенно тяжелым было положение крестьян, искавших убежища в городе с своими семьями и скотом. Согнанный в город скот погибал вследствие отсутствия фуража; трупы животных заражали воздух, порождая эпидемии.

Зилоты, однако, стойко выдерживали осаду. Город хорошо защищался гарнизоном и вооруженными гражданами и категорически отклонял все предложения о сдаче, хотя Омарбег предлагал за это возвратить всех захваченных пленных.

<sup>1</sup> Kantacuzenos, *Ἱστορία*, III, 38, 23.

Однако благодаря помощи сербов и турок перевес постепенно переходил на сторону Кантакузина. Стефан Душан занял всю Македонию за исключением Фессалоники. Во Фракии, которая была превращена почти в пустыню, свирепствовали, в качестве союзников Кантакузина, турки, захватывая византийских подданных тысячами и продавая их в рабство.

Ободренная успехами Кантакузина знать Фессалоники в 1345 г. сочла момент удобным для свержения демократического режима зилотов. Городское управление в это время возглавляли два архонта: Иоанн Апокавк, представитель центрального правительства, и Михаил Палеолог, вождь зилотов. Но подлинными хозяевами города была вся масса зилотов. Как и следовало ожидать, представитель константинопольского правительства тяготился демократическим режимом зилотов и употреблял тайно все средства, чтобы его разложить и свергнуть. Скоро между ним и местной знатью установился тесный союз. Вождь зилотов Михаил Палеолог пал жертвой предательского убийства. Другие зилоты были брошены в тюрьмы, разсланы в разные города или изгнаны.

Наконец, Апокавк открыто сбросил маску и на созванном им народном собрании, состоявшем из наиболее богатых жителей и представителей гарнизона, провел постановление о сдаче города Кантакузину. Но эти предательские действия встретили решительный отпор со стороны влиятельной и многочисленной корпорации моряков. Они освободили из тюрьмы зилотов, которые немедленно организовали сопротивление городской знати. Гарнизон перешел на сторону зилотов. Сто динатов, с Апокавком во главе, было перебито в Акрополе. Затем народ бросился разыскивать и истреблять динатов по всему городу. Только незначительная часть могла спастись от народной ярости. Кантакузин не находит слов ужаса и возмущения, описывая расправу фессалоникийского плебса со своими эксплуататорами, но умалчивает о том, что претерпело население Фессалоники от начатой им гражданской войны, от его союзников турок и от непрерывных провокаций аристократов.

Победа фессалоникийских зилотов в 1345 г. не означала, однако, окончания гражданской войны. Борьба шла еще в течение двух лет, пока наконец константинопольское правительство не примирилось с Кантакузиным, фактически уступив ему те немногие области, которые еще оставались в его власти. Однако и после этого зилоты не изменили своего враждебного отношения к Кантакузину. Они отказывались признавать Константинопольское правительство. Между 1347 и 1349 гг. Фессалоника, по утверждению самого Кантакузина, управлялась как настоящая республика.<sup>1</sup> Письменные приказы, исходившие от императора Иоанна V, демонстративно сжигались. Но в то же время город, повидимому, не намеревался выходить из состава империи и сохранил старое управление во главе с двумя архонтами — протосевастом Алексеем Метохитом и Андреем Палеологом, вождем зилотов. Впрочем, Метохит не имел

<sup>1</sup> Kantacuzenos, *ibid.*, IV, 16, стр. 108.



специально созданную для ограбления богатых, и как орудие сербов. Кантакузину удалось добиться заключения в тюрьму или высылки в Константинополь вождей зилотов. Таков был бесславный конец зилотской республики в Фессалонике. В условиях заживо разлагавшейся Византийской империи попытка создания на ее территории торгового государства по образцу итальянских городов-республик была обречена на неудачу. Таким образом те немногие жизнеспособные элементы империи, которые еще связывали с фессалоникийским движением кое-какие надежды на возрождение Византии, должны были теперь отказаться от политической активности.

Ко времени окончания 6-тилетней гражданской войны Византия, управляемая двумя императорами, являлась лишь бледной тенью прежней Восточной империи. В ее состав входили только Константинополь, Адрианополь, Фессалоника и византийская провинция Пелопоннес. Торговля на Черном море окончательно сделалась монополией генуэзцев. Понимая опасность, грозившую Византии со стороны Галаты, Иоанн Кантакузин приступил к постройке собственного флота. Генуэзцы, обеспокоенные этим начинанием, воспротивились ему силой. Они разгромили только что выстроенный греческий флот и присоединили к этому еще издевательство, торжественно разъезжая на разукрашенных судах, отнятых у греков, мимо самого дворца императоров.

Последние, впрочем, на заслуживали лучшего обращения. Развал государства, происходивший на их глазах, не образумил их и не помешал вспыхнуть новым раздорам.

В 1354 г. Иоанн Палеолог, достигнув совершеннолетия, захотел избавиться от своего соправителя Иоанна Кантакузина.

Снова началась гражданская война, в которую Кантакузин не замедлил втянуть турок. Правда, турецкая помощь на этой раз не спасла Кантакузина. Константинополь перешел в руки его противника, а сам он был схвачен и пострижен в монахи. В выигрыше оказались одни турки, которые использовали всю эту нелепую распрю, чтобы укрепиться на полуострове Галлиполи. Это было первое оттоманское владение в Европе. После смерти Урхана Мурад I, используя Галлиполи как свою опорную базу, приступает к расширению турецкой территории за счет остатков византийских владений. Иоанн V был не хуже своих предшественников, но он имел в своем распоряжении только незначительные ресурсы. Туркам понадобилось два года, чтобы отнять у него всю Фракию. Захватив Адрианополь, Мурад стал угрожать Фессалонике. Битва под Адрианополем явилась для Византии окончательным ударом, лишившим ее последней провинции. Теперь власть императора признавал только Фессалоникийский округ и Пелопоннес. Эти завоевания поставили Мурада лицом к лицу с Сербией и Болгарией, которые были ослаблены внутренними распрями. В 1389 г. битва на Косовом поле положила конец самостоятельному существованию Сербии, а 4 года спустя турки захватили столицу Болгарии Тырново. Византийский император превратился теперь в жалкого

вассала турецкого султана. Иоанн V, преемник Юстиниана и Василия Болгаробойцы, должен был помогать туркам овладеть малоазийским греческим городом Филадельфией, давно уже отрезанным турками от Константинополя, но еще сохранявшим свою независимость.

Последние семьдесят пять лет истории Византии имеют, главным образом, локальный интерес и не представляют сколько-нибудь важной страницы европейской истории. По существу история некогда великого государства была закончена неудачей движения зилотов в XIV в. и завоеваниями Мурада. Едва ли ход европейской истории существенно изменился бы, если бы турки захватили Константинополь в 1379 году вместо 1453 года.

Утвердившись на Балканском полуострове, турки распространили свое господство необыкновенно быстро. При Баязиде (1389—1402) непосредственные владения османов в Европе простирались от Эгейского моря до Дуная. Они включали всю Болгарию, Македонию, за исключением Халкидики и области, непосредственно окружающей Константинополь; Сербия и Валахия также представляли зависимые владения равно как и то, что оставалось от империи. Константинопольское население, обедневшее, разъединенное, деморализуемое сотнями своих монастырей и толпами паразитического монашества, могло только пассивно ожидать решения своей судьбы, не будучи уже в силах активно воздействовать на события.

После долгого и жалкого правления Иоанна V, при его преемнике Мануиле II (1391—1425), который, подобно своему отцу, мог только пассивно следить за ходом событий, был, однако, момент, когда освобождение от турок казалось возможным и даже вероятным, если бы Византия еще способна была проявить активность и если бы правящие классы Западной Европы еще раз повторили свое усилие утвердиться на Ближнем Востоке. В 1402 году Малая Азия подверглась опустошительному нашествию татар под предводительством Тамерлана. Султан Баязид потерпел страшное поражение при Анкаре и умер в плену. Его армия была уничтожена. Татары заняли Бруссу, оттоманскую столицу Малой Азии, и восстановили в своих владениях сельджукских эмиров, изгнанных оттуда Баязидом. Сыновья его начали долгую междоусобную войну между собой за отцовское наследство. Путем переговоров, используя турецкие смуты, Мануилу удалось добиться возвращения Византии Фессалоники, нижней части долины Стримона, побережья Фессалии и Черноморского побережья от Боспора до Варны. Но турецкие смуты прекратились в 1421 г., когда Магомет I восторжествовал над своими соперниками и объединил в своих руках все турецкое государство, а в 1422 г. его преемник Мурад II отобрал у Мануила почти все его приобретения. Несмотря на старания преемника Мануила Иоанна VIII (1425—1448) поддерживать мирные отношения с турками, последние решили отобрать у него Фессалонику. Тогда брат императора Андроник, правитель Фессалоники, продал венецианцам за 50 тысяч дукатов свои права на город.

Султан осадил Фессалонику, изгнал венецианцев и присоединил город к османскому государству (1430 г.). Иоанн Палеолог пытался испробовать последнее средство спасения, подняв вопрос о соединении Восточной церкви с Западной, рассчитывая с помощью этой жертвы получить от Западной Европы помощь против турок.

Переговоры о соединении церквей велись еще при Михаиле Палеологе, в конце XIII в., когда Византии угрожала опасность со стороны Карла Анжуйского, захватившего южную Италию и унаследовавшего вместе с бывшим государством норманнов их завоевательные планы. На Лионском соборе 1274 г. императорские послы дали от имени Михаила Палеолога торжественное обещание признать верховенство папы. Михаил тогда встретил ожесточенное сопротивление со стороны духовенства, а поражение Карла Анжуйского в борьбе с Арагоном сделало помощь Запада ненужной. Но мысль об унии не исчезла. Она стала очередным вопросом и важнейшим козырем византийской политики. Помощь Западной Европы стала империи действительно необходимой с момента возникновения турецкой угрозы. В 1438 г. Иоанн VIII лично направился в Италию в сопровождении константинопольского патриарха и епископов. На Флорентийском соборе 1439 года была заключена церковная уния, и греки признали папскую супрематию. Но византийские политики переоценивали мощь и значение римских пап XV века, когда надеялись, что слово римского первосвященника вооружит Западную Европу против турок. Все, что Иоанн за свое подчинение мог получить непосредственно от папы, была некоторая сумма денег и отряд в 300 вооруженных наемников. Нельзя сказать, чтобы проповедь крестового похода, предпринятая папой, не имела никаких последствий. Но это не были походы всего Запада. Главную силу крестоносцев теперь составляли преимущественно венгры, к которым присоединялись отряды французских, немецких и польских рыцарей. Но эти походы не могли облегчить положение Византии.

Поход Сигизмунда венгерского в 1396 г. кончился полной неудачей. В 1439 г., когда уния двух церквей состоялась, папа велел проповедовать крестовый поход против «неверных». Но только ближайшие соседи турок — Венгрия и Польша — приняли в нем деятельное участие. После первых успехов польско-венгерские рыцари потерпели от турок страшное поражение под Варной (1444 г.). Эта катастрофа заставила Венгрию отказаться от наступательных действий и перейти к обороне своих владений.

В самом Константинополе уния вызвала шумные народные волнения, возбуждаемые фанатическим монашеством. От Иоанна отшатнулось большинство его подданных. Многие перестали посещать Софию, «оскверненную» совершением латинской мессы. Мнение большинства было выражено восклицанием одного из вождей православной партии, начальника византийского флота Луки Нотары: «Лучше я готов видеть в Константинополе турецкий тюрбан, чем папскую тиару».

В поддержке агонизирующей Византии были заинтересованы Генуя и Венеция. Ни та, ни другая не могли желать покорения Константинополя османами. Но эти республики постоянно соперничали между собой. В восточной торговле они были ожесточенными конкурентами и не могли соединиться для борьбы с турками. Мало того, стоило одной из республик вооружиться против турок, чтобы другая стала на их сторону.

В 1448 г. умер Иоанн VIII, а в 1451 г. султан Мурад. Первому наследовал его брат Константин, последний византийский император, второму — Мухаммед, получивший прозвание «завоевателя».

Константин, подобно брату, искал спасения в унии с Римом; поэтому ему пришлось бороться с подозрениями и недоброжелательством большинства своих подданных. Мухаммед сделал заветной мечтой и конечной целью своей политики завоевание Константинополя. Покончив с сельджуками, поднявшими восстание в начале его правления, он приказал соорудить на самом узком месте Босфора укрепленный замок, чтобы ни один корабль не мог пройти из Черного моря в Константинополь без согласия султана. С осени 1452 г. город был подвергнут блокаде. Султан готовил многочисленную артиллерию для его осады и строил флот в малоазиатских портах. Осада должна была начаться весной 1453 года. Константин провел зиму в собирании запасов провианта, исправлении укреплений, создании артиллерии, хотя и более скромных размеров, чем турецкая. Одновременно он слал отчаянные призывы о помощи к папе и итальянским торговым республикам. Папа Николай V мог отправить в Константинополь, вместе со своим легатом, только некоторую сумму денег и несколько сот наемников. Венеция и Генуя могли сделать гораздо больше, но они недооценивали опасности, грозившей Константинополю. Из Генуи явился Джустиниани с двумя галерами и несколькими сотнями людей. Венеция сделала еще меньше, дав полномочие своему представителю вооружить способных носить оружие венецианцев, проживавших в Константинополе. Всех латинян — наемников и вооруженных граждан — насчитывалось не более 3 тысяч. В Константинополе имелось, кроме того, от 30 до 35 тысяч боеспособных мужчин. Константин рассчитывал провести массовый набор мужского населения города в свое войско, но, когда началась осада, к обороне могло быть привлечено только около 5000 греков. Таким образом, только небольшая часть способных носить оружие решилась оборонять свой город. Также плохо поступали и денежные пожертвования. Когда император попытался сделать заем у богачей на военные нужды, многие зарыли свои деньги в землю, чтобы не отдавать императору.

В апреле 1453 г. началась настоящая осада города с суши и моря, поддержанная сильной артиллерией. Константинополь продержался два месяца, что объясняется мощностью его стен и, особенно, его благоприятным географическим положением. Золотой Рог был защищен массивной железной цепью, через которую турки не могли проникнуть. Мухаммед понимал, что пока греки владеют гаванью, осада не будет полной, и Константинополь будет получать

подкрепления с моря. Поэтому в первый период осады главной целью нападения турок сделался Золотой Рог. Так как вход в порт был закрыт цепью, то султан перетасил туда корабли по суше сзади Галаты и таким образом мог организовать нападение с двух сторон.

Но главным центром нападения и обороны являлась Западная сторона, обращенная к материку, где шли двойные стены с башнями.

Турецкая артиллерия, хотя и очень несовершенная, все же пробила значительные бреши в стенах, а так называемые «ворота Романа» были совершенно разрушены.

29 мая 1453 г. наступила развязка. После ряда отбитых приступов отборному турецкому войску — янычарам удалось через бреши ворваться в город. Последний византийский император погиб в ожесточенной схватке. Множество народа, толпившегося в церквях, было уведено в плен. Турки старались брать тех, кто мог дать за себя хороший выкуп.

Через пять лет Магомет отнял у франков Афины. Вскоре ему подчинилась вся Греция с Пелопоннесом. Еще через три года (в 1461 году) в руки турок перешел далекий Трапезунд, столица самостоятельной империи. Почти в то же время они овладели остатками эпирского деспотата.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. E. P e a r s, The Destruction of the Greck Empire and the story of the capture of Constantinople by the turks, London, 1903.
2. O. T a f r a l i, Thessalonique au quatorzième siècle.
3. Ф. И. У с п е н с к и й, Очерки истории византийской образованности.
4. В а с и л ь е в, Падение Византии.
5. D i e l, L'empire byzantine sous les Paléologues, Etudes Byzantines, Paris, 1926.
6. G u i l l o t, Essai sur Nicéphore Grégoras, Paris, 1927.
7. С. С h a r m a n, Michael Paléologue, restaurateur de l'empire Byzantine, Paris, 1926.
8. P a r i s o t, Cantacuzène homme d'état et historien, Paris, 1845.
9. B e r g e r de X i v r e y, Memoires sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue, Paris, 1853.
10. Г р е г о р о в и ч, История города Афин в средние века.





## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1453 год явился последним годом существования некогда великой Византийской империи. Непрерывная — то скрытая, то явная борьба, которую вели между собой угнетаемые и угнетатели, проследить перипетии которой было задачей настоящей работы, закончилась «совместной гибелью борющихся классов», т. е. турецким завоеванием. Византийское государство обладало рядом особенностей, которые долго обеспечивали его живучесть.

Благодаря своей более высокой культуре Византия в течение веков эксплуатировала окружающие страны. Ее территория обладала крупными природными богатствами и трудолюбивым населением. Географически она была очень благоприятно расположена. В искусных ремесленниках ее городов, в крестьянах Анатолии, Фракии и Македонии таился запас сил и энергии, долго казавшийся неистощимым.

Но неизлечимые противоречия византийской общественной системы, сохранявшей сильные пережитки рабства и формы старого рабовладельческого государства при развитии феодальных крепостнических отношений, постепенно привели этот живучий организм к захирению и гибели.

Нигде в средневековой Европе трудящиеся массы не испытывали такого тяжелого давления двойной бюрократии — светской, т. е. многочисленного чиновничества, и церковной, т. е. многочисленного духовенства. Ни в одной средневековой стране не было такого множества чиновников, как в Византии, притом чиновников безответственных, составлявших как бы особую касту, поставленную над совершенно безгласным населением.

Неудивительно, что при таком обилии паразитических элементов тяжесть налогов, падавших на трудящиеся массы, была для них непосильной. Войска и дипломатия, сложный дорогостоящий бюрократический государственный аппарат, роскошь двора, субсидии варварам, подачки константинопольскому плебсу, — вся эта традиция старого великолепия, необходимая императору для поддержания престижа власти в глазах иностранцев и собственных подданных, также стоила очень дорого. Нигде правительство так не опекало народ, как в Византии, подавляя всякую самодеятельность населения, ставя тысячу препятствий развитию производительных сил.

Особенностью Византии было, далее, то, что здесь исключительно ярко выступает тесный союз между самодержавием и православием. Недаром Маркс называет Византию «центром теократической монархии».

В Константинополе, да и в других городах империи, особенно много было монастырей, монахов, одурманивавших народ «чудотворными» иконами, мощами и другими предметами религиозного колдовства. Причина тесного союза между самодержавием и православием была, в другой связи, следующим образом объяснена Лениным: «Святыня православия, — писал он, — тем дорога, что учит «безропотно» переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного будто бы рая». <sup>1</sup>

Но византийские церковники, проповедуя трудящимся массам воздержание и нестяжание, являлись сами хищными стяжателями и набирали себе правдой и неправдой громадное количество земель и других богатств. Наиболее дальновидные представители византийского правящего класса видели и понимали это зло, как это обнаруживает эпоха иконоборцев, но устранить его надолго не могли. Пагубные последствия чрезмерного размножения в Византии паразитического монашества были понятны русскому царю Петру I, который справедливо говорил: «на одном канале от Черного моря до Царьграда не меньше 300 монастырей было, а отсега, когда турки подошли к Царьграду, ниже 6000 воинов изыскать не могли».

«Азиатскому правительству, — говорит В. И. Ленин, — нужна опора в азиатском крупном землевладении и крепостнической системе «раздачи имений»». <sup>2</sup> Так дело обстояло и в Византии. Развившееся в VII—VIII вв. свободное крестьянское сословие к концу XI века потеряло большую часть своей земли, а вместе с землей крестьяне теряли и свободу, опускаясь до положения зависимых па́риков. Но вместе с исчезновением свободного крестьянства исчезал и тот источник, который, выражаясь словами повеллы Романа Лакапина 943 г., «удовлетворял двум существенным государственным потребностям: сборанию казенных податей и несению воинской повинности». <sup>3</sup> Быстро падала обороноспособность государства, уменьшались ресурсы византийской казны, обострялись все более внутренние классовые противоречия. Мы не должны преувеличивать сознательность византийских трудящихся масс, разрозненных, забитых, опутанных предрассудками, полных веры в царей и попов. Несмотря на это, угнетенные массы неодно-

<sup>1</sup> Ленин, Собрание сочинений, т. IV, стр. 354.

<sup>2</sup> Там же, стр. 172.

<sup>3</sup> Zachariae, op. cit., t. III, стр. 247.

кратно поднимались, чтобы сбросить иго эксплуататоров. Можно сказать, что нигде в Европе в период раннего средневековья классовые противоречия не достигали такой остроты, как в Византии, столица которой в раннее средневековье, по характеристике Маркса, была «...главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе».<sup>1</sup> Недаром отсюда распространилась ересь, известная здесь как ересь богомилов, а на западе как ересь катаров. В XII веке в Византии, как известно, проживал глава всех европейских катаров. Но освободиться от гнета византийские крестьяне не могли. Их выступления неизменно носили стихийный и местный характер, а в городах у них не было надежного союзника и руководителя. Византийское правительство, составленное из знатных и богатых, и при Комнинах и при Палеологах обнаруживало полную неспособность примирить или ослабить внутренние противоречия. Неизбежным последствием нарастания этих противоречий и явился целый ряд сокрушительных экономических и политических поражений Византии в конкуренции и борьбе с окрестными народами, начиная битвой под Манцикертом (1071 г.), повлекшей потерю Малой Азии, и кончая взятием Константинополя турками, прекратившим затянувшуюся агонию Византии.

После разгрома Константинополя крестоносцами, нанесшего дряхлеющей Византии непоправимый удар, восстановленная империя Палеологов оказалась, как мы видели выше, хилым и маложизненным организмом. Она уступала одну за другой свои территории османским туркам, пока, наконец, не была ограничена Константинополем и его ближайшими окрестностями. В Византии XIII—XV вв., раздираемой непрерывной внутренней борьбой и страдавшей от внешних вторжений, казалось, не было ни места, ни времени, ни подходящих условий для какой-либо культурной жизни. Однако, несмотря на ряд неблагоприятных условий, гибнущая Византия продолжала еще оставаться центром сравнительно высокой культуры. Как и в лучшие времена империи, процветали Константинопольские школы, куда собиралась молодежь не только из областей греческого языка, но и из стран христианского востока и из Италии, в которой пробуждалось гуманистическое движение. Литературное творчество византийцев, если не по содержанию и глубине, то по разнообразию и количеству, не уступает предшествующей эпохе. Философы, во главе с известным Гемистом Плетоном, попрежнему толковали Аристотеля и Платона. Риторы и филологи, изучавшие лучшие произведения античной древности, продолжали собирать вокруг себя многочисленных учеников. Ряд историков описали в своих трудах два последние столетия империи. Появлялись поэтические произведения. Развивалось и искусство, оставившее несколько памятников высокой ценности.

Литература еще больше, чем в прежнее время, носила энциклопедический характер. Византийские риторы и философы испытывали свои силы в различных областях литературы. Еще более, чем во

<sup>1</sup> К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 193.

времена Комнинов, усиливался разрыв между разговорным греческим языком и искусственным школьным — «аттицизмом», который занимает в литературе XIV—XV вв. весьма значительное место. Литература последнего периода существования Византии носит еще более ярко выраженный аристократический характер, чем в предшествующие эпохи. Ее представителями являются иногда сами императоры, например Михаил Палеолог, написавший, помимо других литературных произведений, любопытную автобиографию, найденную среди рукописных сокровищ Синодальной Московской библиотеки, или Мануил II, оставивший богатое, еще не полностью изданное литературное наследство.

К числу известных литературных деятелей принадлежит и соперник Иоанна V — Иоанн VI Кантакузин, своею деятельностью во многом ускоривший гибель Византии. Главным его произведением являются четыре книги «Историй», в которых рассказана история Византии с 1320 по 1355 год. Со стороны формы труд Кантакузина имеет значительные достоинства, но по содержанию он справедливо назван Гиббоном не исповедью, а «апологией честолюбивого политика», который напрасно, вопреки фактам, пытается уверить потомство в чистоте и благородстве своих побуждений. Но, несмотря на свой сугубо партийный характер, мемуары Кантакузина сообщают чрезвычайно много важного материала для смутной истории Балканского полуострова в XIV веке, в частности для истории славян.

Весьма видным византийским писателем XIII века является Георгий Пахимер, достигший высших должностей в восстановленной в 1261 г. империи Палеологов. Пахимер написал важный исторический труд, охватывающий время с 1261 до 1308 года, в котором он выступает врагом унии и с особенной тщательностью останавливается на изложении нудных церковных догматических споров своего времени.

К XIV веку относится деятельность Никифора Григоры, приближенного Андроника, показавшего свою ученость в самых разнообразных отраслях знания. Получив прекрасное образование и будучи хорошо знаком с древней литературой и наукой, особенно с астрономией, что побудило его даже предложить правительству не проведенную в жизнь календарную реформу, Григора успешно занимался преподавательской и литературной деятельностью. Его многочисленные сочинения затрагивают вопросы богословия, философии, астрономии, истории, риторики и грамматики. Его учитель, руководитель правительства при Андронике II, меценат Феодор Метохит также оставил многочисленные сочинения по философии, истории, риторике и астрономии, многочисленные стихотворения и письма, позволяющие видеть в Феодоре Метохите самого выдающегося после Григоры представителя литературы XIV века.

Византийские литераторы XV столетия Гемист Плетон и Виссарион относятся уже скорее к истории итальянского гуманизма. Гемист Плетон интересен для нас как философ, увлеченный всецело идеей о том, что пелопоннесское население представляет собой наи-

более чистый и древний тип греческого народа. Он представил Мануилу II любопытный проект политической и социальной реформы для Пелопоннеса, составленный под влиянием идей Платона. Как далеко заходит Плетон в своих реформаторских гуманистических планах, показывает его большой труд — «Трактат о законах», где он делает попытку восстановить язычество на развалинах христианского культа при помощи неоплатонической философии. В то время как Константинополь падал и рушился, Плетон делал фантастические попытки возродить греческое государство в Море.

Роковые события 1453 года были описаны четырьмя историками: Георгием Франдзи, Дукой Лаоником, Халкондиллом и Критовулом.

Ко времени Палеологов относится последний крупный юридический памятник Византии, имевший огромное влияние на Балканском полуострове и в Бессарабии до недавнего времени. Это — юридическое руководство фессалоникийского юриста и судьи Константина Гарменопула, известное под именем «Шестикнижия», которое излагает гражданское и уголовное право Византии.

Несколько неожиданное, если принять во внимание общее положение государства, развитие отмечается в XIV—XV вв. и в сфере искусства. Об этом развитии византийского искусства красноречиво свидетельствуют фрески церквей Мистры в Пелопоннесе и Сербии, и, в особенности, знаменитые мозаики Кехриэ-джами в Константинополе, отличающиеся самобытностью, сентиментальностью стиля и той тонкостью исполнения, какую может дать одно лишь высокоразвитое и обладающее прекрасными традициями искусство. Нельзя принять «западную» гипотезу возможности влияния итальянских мастеров XIV в. (Джотто) на византийское искусство, чем будто бы и объясняются его новые формы. Этому противоречит наличие «новых» форм византийского искусства в византийских фресках Хоры, Мистры и Сербии, относящихся к первой трети XIV века, когда искусство «треченто» едва успело оформиться в самой Италии. Скорее можно говорить о продолжающемся влиянии византийских образцов на итальянское искусство XIII века.

Изложенное объясняет нам, почему византийская цивилизация продолжала распространяться в соседних странах, несмотря на то состояние агонии, в котором находилось само византийское государство в XIV—XV вв. Сербия с VII века находилась под византийским влиянием. Но это влияние растет и расширяется именно после того, как при Стефане Немане Сербия отвоевала свою самостоятельность, а при Стефане Душане сделалась опасным для Византии соседом. По образцу Византии Стефан Неманя стремился организовать сербское государство. Сербские крали роднятся с Константинопольскими василевсами, они поддерживают тесные сношения с византийским миром. Их двор, администрация, право, литература и искусство глубоко проникаются византийскими влияниями.

Усиление византийского влияния с XIV в. можно отметить также в Валахии и Молдавии. Это влияние одинаково сильно чувствуется и в церковном, и административном, и культурном отношениях.

Греческие епископы становятся первыми митрополитами Валахии и Молдавии. Даже когда Византия пала, ее влияние здесь сохранилось. Валашские господа одевались в византийские костюмы, окружали себя греческими чиновниками, стремились править по византийским образцам, говорили на греческом языке. Господствовала византийская литература, искусство и византийская идеология.

Культурное развитие юго-восточной Европы было насильственно прервано турецким завоеванием. Но зато в Италии новый растущий класс — городская буржуазия — вырабатывает новое мировоззрение, отличное от феодального, стремясь при выработке этого мировоззрения опереться на традиции античной, особенно греческой культуры, а для усвоения этой культуры широко могли быть использованы услуги греческих ученых, бежавших из своей завоеванной турками родины. Роль византийцев в развитии итальянского гуманизма не следует преувеличивать. Движение это целиком коренилось в жизненных условиях самой Италии. Роль византийских ученых была служебная, техническая — учителей греческого языка, комментаторов греческих авторов, обладателей античных греческих рукописей, а не инициаторов и вождей гуманистического движения.

Но и ограниченная этими скромными рамками деятельность византийских ученых, бежавших в Италию до и после турецкого завоевания, имела немаловажное значение в успехах гуманистического движения, в повышении интереса к античной древности вообще и к греческой в частности.

Уже в XIV в. калабрийский грек Варлаам обучал греческому языку Петрарку, хотя ученик был и более образован и талантлив, чем его учитель. Ученик Варлаама Леонтий Пилат обучал греческому языку Боккачио. Плодом их совместных занятий был первый буквальный латинский перевод Гомера.

С конца XIV и в XV веке в Италии появляются такие видные греческие ученые, как Мануил Хрисолор, Гемист Плетон, Виссарион Никейский, не говоря о целой плеяде менее заметных величин. Хрисолор был восторженно встречен итальянскими гуманистами. Ряд лет он с успехом преподавал во Флорентийском университете, затем в Павии передавал слушателям свои обширные познания в греческой литературе. Еще более значительна была роль Гемиста Плетона, находившегося в свите императора Иоанна VIII, когда последний прибыл на Ферраро-флорентийский собор. Плетон явился в Италии ревностным пропагандистом философии Платона. До этого в школах западной Европы комментировали и изучали исключительно философию Аристотеля. Принеся с собой в Италию свое увлечение философией Платона, он настолько повлиял на Козимо Медичи и итальянских гуманистов, что явился инициатором идеи основания Платоновской академии во Флоренции. Не менее значительна была роль его ученика Виссариона. Не уступая по таланту и образованию итальянским гуманистам, Виссарион завязал с ними широкие сношения и, как сторонник унии, сблизился с папской курией и сделался кардиналом римской церкви. В Риме его дом являлся центром гуманистического движения. Его литературная

деятельность, выражавшаяся в борьбе за унию, в пропаганде и переводе греческих классиков, целиком протекала в Италии.

Хотя Византия погибла как самостоятельное государство, но византийская культура продолжала оказывать сильное воздействие на народы восточной Европы. Влияние этой культуры продолжали испытывать турки и греки, сербы и болгары, армяне и грузины, румыны и русские. И, быть может, особенно сильным и длительным оно было в царской России, после падения Константинополя официально выступавшей в качестве наследника Восточного Рима. Брак Ивана III с Софией Палеолог в 1472 году и принятие византийского двуглавого орла в качестве официального герба Московской державы являлись в глазах московских верхов символом того, что Московская Русь стала преемницей Византии. Этой идеи русское самодержавие упрямо придерживалось в течение ряда веков, несмотря на перемены в социальной и политической жизни России. Византийское самодержавие и православие отстаивались как незыблемые «устои» государства. Так же, как в Византии, царский, а затем императорский дворец являлся центром и средоточием всей самодержавной правительственной машины, центром, имевшим неотразимо притягательный характер для всех искателей должностей, богатства и влияния. Государственный чиновничий аппарат, построенный согласно табели о рангах, несмотря на разность в терминологии чинов и должностей, был точно скопирован с византийского образца и действовал теми же методами. Так же, как византийские василевсы, русские цари стремились ассимилировать покоренные народности путем привлечения к себе на службу представителей местной знати. Так же, как и в Византии, православная церковь находилась в тесной зависимости от государства; являлась могучим орудием одурманивания народных низов при помощи монастырей и монахов, «чудотворных» икон и мощей; вела миссионерскую деятельность; разжигала религиозную нетерпимость и насильственными мерами стремилась подавить инакомыслящих.

Считая себя наследниками василевсов, русские цари тем самым принимали на себя двойную обязанность: «покровительства» восточным христианам и ликвидации последствий событий 1453 года. Конечно, проекты изгнания турок из Европы и захвата Константинополя и проливов диктовались и экономическими и политическими интересами русских помещиков и буржуазии, но форму и историческое обоснование этим проектам давала идея «византийского наследства».

Для реализации этих проектов царизм вел ряд войн, были пролиты реки человеческой крови, но достигнуть своей цели ему так и не удалось. В течение всего XIX века царизм наталкивался на упорное сопротивление этому захвату со стороны Англии и Франции, также ставивших своей целью превращение Турции в свою колонию. С конца XIX века конкурентом царизма выступила империалистическая Германия, стремившаяся при Вильгельме II превратить Турцию в свою экономическую и политическую колонию.

Но русско-турецкие войны означали шаг вперед в смысле освобождения балканских народов. «Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—7 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества».<sup>1</sup>

Возродившиеся к самостоятельной государственной жизни в XIX в. малые Балканские государства также претендовали на наследие Византии. Неудивительно, что при таких условиях Балканский полуостров в течение XIX и начала XX века являлся настоящим пороховым погребом, угрожавшим постоянно своим взрывом зажечь пожар мировой войны и действительно его зажегшим.

Но империалистическая война закончилась Великой Октябрьской социалистической революцией в России, решительно отбросившей империалистическую захватническую политику царизма. Советская страна и советский народ, охваченные энтузиазмом социалистической стройки, не желают захватов чужих территорий и не нуждаются в этих захватах. На безграничных просторах нашей великой страны быстро открываются все новые и новые природные богатства, втуне лежавшие при царизме. Осуществлен строй, обеспечивающий каждому трудящемуся самое широкое и свободное развитие его сил и способностей, открывающий дорогу к счастливой, зажиточной жизни. Решительно порвав с захватническими планами царизма, советское правительство с первых дней своего существования аннулировало тайные договоры, предусматривавшие раздел Турецкого государства. Таким образом, интерес к истории Византии в наше время не связан, как при царизме, с какими-то захватническими планами, а является чисто научным интересом, обусловленным многовековым воздействием византийской культуры на культуру народов СССР.



---

<sup>1</sup> Ленин, Сочинения, т. XVIII, стр. 109.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Введение</i> . . . . .	3
<i>Глава I. Начало Византии</i> . . . . .	9
<i>Глава II. Политическая история Восточно-римской империи в V веке</i> . . .	28
<i>Глава III. Политическая история Восточно-римской империи в VI веке. Переход в наступление и попытка «рестаурации» на Западе</i> . . .	53
1. Внутренняя политика Юстиниана . . . . .	—
2. Внешняя политика Юстиниана . . . . .	70
3. Византийская культура V—VI веков . . . . .	88
<i>Глава IV</i> . . . . .	100
1. Кризис VII века и крах мировой империи . . . . .	—
2. Крупные изменения в этническом составе населения и социальной структуре Византии VII века . . . . .	112
<i>Глава V. Иконоборческое движение</i> . . . . .	119
1. Византия в VIII в. . . . .	—
2. Византия в IX в. . . . .	125
3. «Темные века» византийской культуры (VII—IX вв.) . . . . .	131
<i>Глава VI. Македонская династия (867—1056).</i> . . . . .	137
1. Внутреннее состояние империи . . . . .	—
2. Политическая история Византии времени Македонской династии . . .	155
3. Византийская культура IX—XI веков . . . . .	175
4. Византия, Русь и Западная Европа . . . . .	188
<i>Глава VII. Византия и Крестовые походы</i> . . . . .	195
1. Внешняя и внутренняя политика Комнинов . . . . .	—
2. Попытка создания демократической монархии. IV крестовый поход и крушение Византии . . . . .	215
<i>Глава VIII.</i> . . . . .	231
1. Латинская империя и Никейская империя . . . . .	—
2. Восстановление Византийской империи. Революционное движение зилотов. Агония Византии при Палеологах (XIV—XV вв.) . . . . .	236
<i>Заключение</i> . . . . .	255

Ответственный редактор  
*О. Л. Вайнштейн.*

\* \* \*

Техн. редактор *А. В. Андерсон.*  
Отв. корректор *Г. А. Лучинский.*  
Переплет, титул, заставки и концовки  
работы худ. *А. Ушина.*

\* \* \*

Сдано в набор 16/II 1940 г. Подписано к печати 19/V 1940 г. Лениоблгорлит № 1225. Соцэргиз № 1686. Тираж 20000. Объем 19 уч.-изд. л. + вклейки 0,9 16<sup>1</sup>/<sub>2</sub> п. л. + 5 вклеек. Формат бумаги 60 × 92<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. 8<sup>1</sup>/<sub>4</sub> бум. л. Тип. зн. в 1 бум. л. 90940. Цена книги 5 р. Переплет 1 р. 75 к. Заказ № 105.

\* \* \*

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.



# КАРТА ИМПЕРИИ

VI-VII ВЕКА.

- Граница империи
- Граница провинций

6975 K